

Nazis Sought Peace In 1940

Davies Reveals Plan Was Proposed To 'Retire' Hitler Then

Glasgow's Mayor Says Hess Came With Peace Offer

Stressed Fears of a Long War

Promised Hitler Wouldn't Make 'Oppressive Demands,' Report Says

MILWAUKEE SENTINEL, TUESDAY, JULY 15, 1941

Nation Warned Of 'Nazi Peace'

La Guardia Blasts at Movement by Germany

MONDAY, NOVEMBER 25, 1940

Peace Feelers— ENGLAND OPPOSES IMMEDIATE TRUCE

Germany Moved in Self-Defence, Nazis Allege with Usual 'Proof'

SPOKANE, WASH., SATURDAY, JULY 5, 1941.

BRITAIN TO SAY "NO" TO HITLER PEACE PROPOSAL

British Spurned 1940 Hitler Ouster Deal

London, England —AP— The British government ignored a peace offer made by top German generals who wanted to oust Hitler in 1940, hitherto secret government papers revealed Friday.

Sweden Reports— NAZIS PUT OUT PEACE FEELERS

Fuehrer Tells Neutral Nations Concessions He'll Make To End War With Allies

MONDAY, FEBRUARY 26, 1940

HITLER SUGGESTS PLAN TO END WAR

Is Hitler's Peace Proposal Just a Trick?

CANBERRA MONDAY, OCTOBER 9, 1939.

BRITAIN REJECTS HITLER'S PEACE PROPOSALS

OCTOBER 9, 1939.

Nazis' Proposal for Parley Rebuffed, Says Marshall

MILWAUKEE SENTINEL, TUESDAY, DECEMBER 31, 1940

WHO STARTED WORLD WAR II?

Оглавление

[Хотел ли Гитлер войны?](#)

[Мнения четырех дипломатов, близких к событиям](#)

[Столетняя война против Германии](#)

[Кто нарушил Версальский договор о разоружении?](#)

[То, что отверг мир](#)

[Мирные предложения Гитлера, 1933-1939 гг.](#)

[Чехословакия в контексте](#)

[Уинстон Черчилль в неприметной одежде, часть 1](#)

[Кампания президента Рузвельта по разжиганию войны в Европе: Секретные польские документы](#)

[Немецко-польские отношения 1918-1939 гг.](#)

[Мирные предложения после германо-польского конфликта](#)

[Как Британия стала пионером бомбардировок городов](#)

[Изучение сталинского плана нападения на Германию в 1941 году](#)

[Российские и немецкие историки спорят о Барбароссе и его последствиях](#)

[Еврейская рука в мировых войнах, часть 1](#)

[Еврейская рука в мировых войнах, часть 2](#)

[Рекомендуемое чтение](#)

[Примечания](#)

Кто начал Вторую мировую войну?

Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, а затем, после его поражения, обратиться против Советского Союза.

- Слова Гитлера, обращенные к уполномоченному Лиги Наций по Данцигу Карлу Буркхардту в августе 1939 года.

В сентябре 1944 года, когда я был командиром подразделения охраны в штабе Гитлера, я разговаривал с Гитлером во время совместной прогулки на улице. Я спросил его: "Мой фюрер, могу я с вами немного поговорить откровенно?". "Конечно", - ответил он. Тогда я спросил:

"Почему вы действительно напали на Польшу? Неужели вы не могли быть более терпеливым?".

Гитлер просил только о проведении экстерриториального шоссе и железнодорожной линии через польскую территорию, а также о возвращении Данцига в состав Рейха. Это были действительно очень скромные требования. Разве, проявив немного больше терпения, он не мог бы добиться этого, точно так же, как Австрия и Судетская область были объединены с Рейхом?

И Гитлер ответил: "Вы ошибаетесь. Еще в марте 1939 года я знал, что Рузвельт решил вызвать мировую войну, и я знал, что англичане сотрудничают в этом, и что в этом замешан Черчилль. Видит Бог, я, конечно, не хотел мировой войны. Поэтому я стремился решить польскую проблему по-своему, с

помощью своего рода карательной экспедиции, без объявления войны. В конце концов, были тысячи убийств этнических немцев и 1,2 миллиона этнических немецких беженцев. Что я должен был сделать? Я должен был действовать. И по этой причине через четыре недели после этой кампании я сделал самое щедрое предложение о мире, которое когда-либо мог сделать любой победивший лидер. К сожалению, оно не увенчалось успехом". И затем он сказал: "Если бы я не поступил так, как поступил в отношении польского вопроса, чтобы предотвратить вторую мировую войну, то не позднее конца 1942 года мы бы пережили то, что переживаем сейчас, в 1944 году". Вот что он сказал.

- Генерал Отто Эрнст Ремер, интервью 1990 года

Я действительно думаю, что этот процесс, если он перейдет в спор о политических и экономических причинах этой войны, может нанести бесконечный вред, как в Европе, которую я плохо знаю, так и в Америке, которую я знаю довольно хорошо. Если у нас возникнет длительный спор о том, вторглась ли Германия в Норвегию на несколько прыжков раньше британского вторжения в Норвегию, или Франция при объявлении войны была настоящим агрессором, этот спор может нанести бесконечный вред этим странам с народом Соединенных Штатов. То же самое можно сказать и о наших отношениях с Россией. Немцы, безусловно, обвинят всех трех наших европейских союзников в проведении политики, которая вынудила их к войне. Я говорю это потому, что захвачены документы, в которых мы всегда делали это утверждение - что Германия будет вынуждена вступить в войну. Они признают, что планировали войну, но захваченные документы Министерства иностранных дел,

которые я изучал, сводятся к утверждению: "У нас нет выхода, мы должны воевать, мы окружены, нас душат до смерти".

- Судья Джексон, протокол Нюрнбергского процесса, <http://avalon.law.yale.edu/imt/jack37.asp>

Если наступит новая война и будет написана ее история, беспристрастный историк через сто лет скажет не о том, что в ней виновата одна Германия, даже если она нанесет первый удар, а о том, что в ней большую долю ответственности несли те, кто плохо управлял миром в период между 1918 и 1937 годами.

- Лорд Лотиан, посол Великобритании в США, март, 1938 г.

Не может быть никаких сомнений в том, что он [Гитлер] расширил войну в 1941 году только по превентивным соображениям.

- А. Дж. П. Тейлор, британский историк.

Характер уступок, на которые был готов пойти немецкий фюрер, чтобы добиться мира с Великобританией, должно быть, поразил людей, возглавлявших SO1.

Это была даже не сделка, выработанная в процессе тяжелых переговоров. Это был начальный гамбит Гитлера... предложение настолько щедрое и прагматичное, что оно было бы очень заманчивым для любого, кто искренне хотел мира.

- Мартин Аллен описывает предложение Гитлера о мире в январе 1940 года (через посла Ватикана) в книге *"Тайная война Гиммлера"*.

...Возьмем лето 1940 года, когда Великобритания оказалась на другом роковом перекрестке, после того как Франция, Польша, Низкие страны, Норвегия и Дания оказались в руках Германии: в этот момент трагической истории Великобритании наш "смертельный враг" Адольф Гитлер обратился к нам с таким щедрым предложением, что сейчас можно только почесать голову и спросить: ну и что же пошло не так? Я видел это в немецких, шведских, швейцарских и американских архивах; но в британских архивах есть только смутные следы этого, потому что все это было вычеркнуто - заклеено, как некоторые параграфы в протоколах заседаний кабинета министров в мае, июне и июле 1940 года, которые вам не разрешается читать даже сейчас, пятьдесят лет спустя.

Предложение о мире было следующим: Гитлер заявил, что он готов вывести свои армии из Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, Польши и Чехословакии - из всех этих территорий, за исключением, конечно, регионов, которые раньше были немецкими и за которые он вел войну. Теперь, когда к нему вернулись такие территории, как Эльзас и Лотарингия, он не собирался их отпускать. Гитлер говорил нам об этом через эмиссаров. В Швеции он информировал Виктора Маллета, британского посла; в августе 1940 года Гитлер направил к нему адвоката по имени Людвиг Вайссауэр. В Америке это был Ганс Томсен, немецкий посол, к которому обратился британский посол, лорд Лотиан, очень честный

христианский джентльмен. Каждая попытка немцев довести до сведения британского народа детали их исторического мирного предложения была пресечена Уинстоном Черчиллем.

- Дэвид Ирвинг, речь в Кларендонском клубе, 1990 год

Сегодня играл в гольф с Джо Кеннеди. Я спросил его о его разговорах с Рузвельтом и Невиллом Чемберленом, начиная с 1938 года. Он сказал, что позиция Чемберлена в 1938 году заключалась в том, что Англии не с чем было воевать и что она не могла рисковать, вступая в войну с Гитлером. Мнение Кеннеди: Гитлер воевал бы с Россией без последующего конфликта с Англией, если бы летом 1939 года Буллит не убеждал Рузвельта в том, что немцы должны быть настроены против Польши; ни французы, ни англичане не сделали бы Польшу причиной войны, если бы не постоянные уговоры из Вашингтона. Буллит, по его словам, постоянно твердил Рузвельту, что немцы не будут воевать, Кеннеди - что будут, и что они захватят Европу. Чемберлен, по его словам, заявил, что Америка и мировые евреи заставили Англию вступить в войну. В телефонном разговоре с Рузвельтом летом 1939 года президент все время говорил ему, чтобы он засунул Чемберлену в задницу какую-нибудь железку.

- Дневник Джеймса Форрестала, запись от 27 декабря 1945 года

Незадолго до полуночи 25 августа 1939 года

[министр иностранных дел Польши] Бек заверил [американского] посла Биддла, что война между Германией и Польшей неизбежна. Он утверждал, что Польша имеет достаточную правовую базу для объявления войны Германии, если немцы не проявят инициативу против Польши в течение следующих нескольких дней. Бек отрицал наличие правды о резне в Белице, которая была подтверждена нейтральными источниками.

- Дэвид Хогган, *Принудительная война*, стр.515

Сейчас мало кто из историков признает, что у Гитлера был какой-то план или план завоевания мира, в котором Польша была бы ступенькой к какой-то далекой немецкой мировой империи. Действительно, последние исследования показывают, что практически не было планов, что делать с завоеванной Польшей, и что видение новой немецкой империи в центральной и восточной Европе пришлось импровизировать практически с нуля.

- Ричард Овери, *1939 год: Обратный отсчет до войны*, стр.124

'Французы вторгаются в Рейх'

- Первая полоса газеты "Нью-Йорк Таймс", 7 сентября 1939 года

'Геринг делает заявку на поездку в Париж'

- Первая полоса газеты "Нью-Йорк Таймс", 10 сентября 1939 года

Французское вторжение происходит примерно за 8 месяцев до немецкого вторжения во Францию. 16 и 17 октября немецкое контрнаступление вновь захватывает районы Саара, занятые французами, понеся потери в 196 убитых, 114 пропавших без вести и 356 раненых.

Гитлер... предпочел бы сохранить нейтралитет Норвегии и не планировал вторжения в нее, пока его не спровоцировали на это ощутимые признаки того, что союзники планируют враждебные действия в этом квартале.

- Капитан Б.Х. Лиддел Харт, *История Второй мировой войны*.

В этот час я считаю своим долгом перед собственной совестью еще раз обратиться к разуму и здравому смыслу как в Великобритании, так и в других странах. Я считаю себя в состоянии сделать этот призыв, поскольку я не побежденный, выпрашивающий милости, а победитель, выступающий во имя разума. Я не вижу причин, по которым эта война должна продолжаться. Я с горечью думаю о жертвах, которые она потребует.

- Речь Гитлера перед Рейхстагом, 19 июля 1940 года. Сброшена в виде листовки над Англией.

Гитлер взялся за бомбардировку британских гражданских объектов с неохотой только через три месяца после того, как RAF начали бомбить немецкие гражданские объекты. Гитлер был готов в любой момент прекратить эту бойню. Гитлер искренне стремился достичь с Британией соглашения, ограничивающего действия авиации зонами боевых действий.

- Дж.М. Спейт, СВ, СВЕ, главный секретарь министерства авиации, *"Бомбардировка оправдана"*, 1944.

Основной целью этих рейдов было подтолкнуть немцев к проведению ответных рейдов аналогичного характера против Великобритании. Такие рейды вызвали бы в Великобритании сильное негодование против Германии и тем самым создали бы военный психоз, без которого было бы невозможно вести современную войну.

- Деннис Ричардс, Королевские ВВС 1939-45, *"Борьба за победу"*, 1953 г.

... Прибрежная территория Нидерландов представляла собой столь же открытые и незащищенные ворота для английских самолетов. Правительство Рейха в неоднократных сообщениях обращало внимание правительства Королевских Нидерландов на нарушение нейтралитета Нидерландов английскими самолетами. С начала войны английские самолеты практически ежедневно вылетали из Голландии и появлялись над территорией Германии.

Было 127 случаев таких полетов над Голландией со стороны Англии, которые были подтверждены окончательно и во всех деталях, и о них было уведомлено королевское правительство Нидерландов. Однако в действительности их число гораздо больше, во много раз, чем случаев, о которых были уведомлены Нидерланды.

... [массирование] бельгийских и голландских войск на германской границе произошло в то время, когда Германия вообще не сосредоточила никаких войск на своих границах с Бельгией и Голландией, а Англия и Франция, напротив, собрали сильные моторизованные наступательные армии на бельгийско-французской границе.

- Заявление министра иностранных дел Германии фон Риббентропа о вторжении в низкие страны, 10 мая 1940 года

... Англия и Италия находятся под властью своих национальных правительств, они не будут трогать иностранные заводы. Германия своим методом внутренней экономики и торговли устранила международных финансистов и тех, кто получает прибыль, играя на иностранных биржах. Несомненно, именно поэтому "Сити" вынуждает правительство начать торговую войну с Германией. Если экономические методы, разработанные Германией, окажутся успешными и распространятся на другие страны, и если Гитлер преуспеет в своей политике установления постоянного мира в Европе, высокие финансисты перестанут существовать. Поэтому их главный интерес сегодня - ввергнуть четыре державы в войну, чтобы уничтожить Германию и Италию.

- Артур Лори, британский химик, "Дело Германии", 1939, стр.9

"В Англии 20 000 немецких евреев - в профессиях, занимаются исследованиями. Все они работают против соглашения с Германией".

"Евреи заняли большое положение в здешней прессе... Наконец-то я потрясен. Евреи могут ввергнуть нас в войну".

- Лорд Бивербрук (владелец крупнейшей газеты Великобритании), цитата из книги "Бивербрук: A Shattered Legacy".

Выступая перед сенатским комитетом, расследующим пропаганду в кино, он [сенатор Беннетт Чамп Кларк] сказал, что индустрия выпускает десятки картин, заражающих умы зрителей ненавистью и пробуждающих их эмоции.

17 000 кинотеатров Америки фактически представляют собой ежедневные и еженочные массовые собрания в поддержку войны.

- Дейли Экспресс, 11 сентября 1941 года

Вот уже несколько месяцев борьба против Германии ведется каждой еврейской общиной, на каждой конференции, во всех наших синдикатах и каждым евреем во всем мире. Есть основания полагать, что наше участие в этой борьбе имеет всеобщее значение. Мы вызовем духовную и материальную войну всего мира против амбиций Германии вновь стать великой нацией, вернуть утраченные территории и колонии.

- Сионистский лидер Владимир Жаботинский в *"Маше Ръеш"*, январь 1934 года (также цитируется в *"Истории Аллемандской армии"* Жака Бенуа-Мечина, т. IV, с. 303).

"Фокус" финансировался из денежного фонда, созданного некоторыми из самых богатых бизнесменов Лондона. В основном это были бизнесмены, организованные Советом еврейских депутатов в Англии, председателем которого был человек по имени сэр Бернард Уэйли Коэн. Сэр Бернард Уэйли Коэн устроил частный званый ужин в своей квартире 29 июля 1936 года. Об этом говорится в мемуарах Уэйли Коэна... 29 июля 1936 года Уэйли Коэн создал фонд в 50 000 фунтов для "Фокуса", группы давления на Черчилля. Итак, 50 000 фунтов в 1936 году, умножьте это на десять, по крайней мере, чтобы получить сегодняшние цифры. Еще на три или четыре, чтобы перевести в канадские доллары. Итак, 40 раз по 50 000 фунтов... около 2 миллионов долларов в канадском выражении было передано Бернардом Уэйли Коэном этой секретной группе давления Черчилля в июле 1936 года. Цель заключалась в том, что Черчилль должен был играть мелодию: "Боритесь с Германией". Начать предупреждать мир о Германии, о нацистской Германии. Черчилль, конечно, один из наших

самых блестящих ораторов, великолепный писатель, сделал именно это.

- Дэвид Ирвинг, речь 1983 года

Присоединившись к Самуэлю Унтермайеру в призыве к войне против Германии, Барнард Барух в то же время пропагандировал подготовку к войне против Германии. Я подчеркивал, что поражение Германии и Японии и их устранение из мировой торговли даст Великобритании огромную возможность увеличить объем и прибыль ее внешней торговли".

- *Baruch, The Public Years*, p.347.

Я хочу самым ясным образом подтвердить заявления, которые я и мои коллеги делали в течение последнего месяца, и особенно в течение последней недели, о том, что евреи стоят на стороне Великобритании и будут сражаться на стороне демократий. Наше настоятельное желание - претворить в жизнь эти заявления [против Германии].

Мы хотим сделать это в полном соответствии с общей схемой действий Великобритании, и поэтому в больших и малых вопросах мы будем находиться под координирующим руководством правительства Его Величества. Еврейское агентство готово незамедлительно заключить соглашения об

использовании еврейской рабочей силы, технических возможностей, ресурсов и т.д.

- Письмо Хаима Вейцмана, президента международного "Еврейского агентства" и Всемирной сионистской организации (и впоследствии первого президента Израиля), премьер-министру Великобритании Невиллу Чемберлену - опубликовано в газете *The London Times* 6 сентября 1939 года.

... в 1946 году в ежегодном отчете Фонда Рокфеллера появилось следующее заявление, цитирую:

"Комитет по исследованиям Совета по международным отношениям обеспокоен тем, что развенчание журналистской кампании после Первой мировой войны не должно повториться, и считает, что американская общественность заслуживает ясного, компетентного изложения наших основных целей и действий во время Второй мировой войны."

Фонд Рокфеллера выделил грант в размере 139 000 долларов на продвижение книги - на самом деле, как оказалось, пары книг - в защиту нашего вступления в эту войну. В сегодняшних деньгах это 1,7 миллиона долларов... Это были стандартные работы, когда я учился в аспирантуре почти два десятилетия спустя, и они все еще остаются стандартными работами.

Кого они выбрали? ... Лангер сразу после начала войны был принят на работу в Управление стратегических служб, ОСС, которое при Трумэне превратилось в ЦРУ... Глисон был начальником разведки Управления стратегических служб до 1946 года.

- Гэри Норт, 2012 г. Адрес:
<https://www.youtube.com/watch?v=ByWW9Va8Ulo>

Нацисты пытались создать суперсолдат, используя стероиды... они стремились оживить мертвых - гробы знаменитых германских воинов были найдены спрятанными в шахте, с планами вернуть их к жизни в конце войны.

- Профессор Ной Чарни, Salon.com, 22 августа 2015 г.

Хотел ли Гитлер войны?

Патрик Дж. Бьюкенен, 2009 г.

1 сентября 1939 года, 70 лет назад, немецкая армия перешла польскую границу. 3 сентября Великобритания объявила войну.

Шесть лет спустя погибло 50 миллионов христиан и евреев. Британия была разбита и обанкрочена, Германия превратилась в дымящиеся руины. Европа стала местом самых кровопролитных боев, известных человеку, и мирные жители пережили еще более ужасные ужасы, чем солдаты.

К маю 1945 года полчища Красной Армии заняли все крупные столицы Центральной Европы: Вена, Прага, Будапешт, Берлин. Сто миллионов христиан находились под пятой самой варварской тирании в истории: большевистского режима величайшего террориста из всех, Иосифа Сталина.

Какая причина может оправдать такие жертвы?

Немецко-польская война возникла из-за ссоры из-за города размером с Оушен-Сити, штат Мэриленд, летом. Данциг, на 95 процентов состоящий из немцев, был отторгнут от Германии в Версале в нарушение принципа самоопределения Вудро Вильсона. Даже британские лидеры считали, что Данциг должен быть возвращен.

Почему Варшава не вела переговоры с Берлином, который намекал на предложение компенсационной территории в Словакии? Потому что у поляков была военная гарантия от Великобритании, что в случае нападения Германии Великобритания и ее империя придут на помощь Польше.

Но зачем Британии давать непрошеную военную гарантию хунте польских полковников, предоставляя им власть втянуть Британию во вторую войну с самой могущественной страной Европы?

Стоил ли Данциг войны? В отличие от 7 миллионов гонконгцев, которых британцы сдали Пекину и которые не хотели уезжать, данцигцы жаждали вернуться в Германию.

Приходит ответ: Гарантия войны была не из-за Данцига и даже не из-за Польши. Речь шла о моральном и стратегическом императиве "остановить Гитлера" после того, как он, разорвав Мюнхенский пакт, а вместе с ним и Чехословакию, показал, что собирается завоевать мир. И этому нацистскому зверю нельзя было позволить это сделать.

Если это правда, то это справедливое замечание. Американцы, в конце концов, были готовы использовать атомные бомбы, чтобы не допустить Красную Армию к Ла-Маншу. Но где доказательства того, что Адольф Гитлер, чьи жертвы по состоянию на март 1939 года составляли лишь малую часть жертв генерала Пиночета или Фиделя Кастро, стремился завоевать мир?

После Мюнхена в 1938 году Чехословакия действительно рассыпалась и распалась. Но посмотрите, что стало с ее частями.

Судетские немцы были возвращены под власть Германии, как они того и хотели. Польша аннексировала крошечный спорный регион Тешен, где проживали тысячи поляков. Венгрии были возвращены ее исконные земли на юге Словакии. Словаки получили полную независимость, гарантированную Германией. Что касается чехов, то они пришли в Берлин за той же сделкой, что и словаки, но Гитлер настоял на том, чтобы они согласились на протекторат.

Можно презирать то, что было сделано, но как в этом разделе Чехословакии проявилось гитлеровское стремление к мировому завоеванию?

Приходит ответ: Если бы Британия не дала гарантии войны и не вступила в войну, то после Чехословакии наступила бы очередь Польши, затем России, затем Франции, затем Британии, затем Соединенных Штатов.

Мы бы сейчас все говорили по-немецки.

Но если Гитлер собирался завоевать весь мир - Британию, Африку, Ближний Восток, Соединенные Штаты, Канаду, Южную Америку, Индию, Азию, Австралию, - зачем он потратил три года на строительство чрезвычайно дорогой линии Зигфрида для защиты Германии от Франции? Почему он начал войну, не имея ни надводного флота, ни военных транспортов и всего 29 океанских подводных лодок? Как можно завоевать мир с флотом, который не может выйти из Балтийского моря?

Если Гитлеру нужен был весь мир, почему он не построил стратегические бомбардировщики, вместо двухмоторных "Дорнье" и "Хейнкелей", которые даже не могли добраться из Германии до Великобритании?

Почему он позволил британской армии уйти в Дюнкерк?

Почему он дважды предлагал британцам мир - после падения Польши и снова после падения Франции?

Почему, когда пал Париж, Гитлер не потребовал французский флот, как союзники потребовали и получили флот кайзера? Почему он не потребовал базы в контролируемой Францией Сирии для нападения на Суэц? Почему он умолял Бенито Муссолини не нападать на Грецию?

Потому что Гитлер хотел закончить войну в 1940 году, почти за два года до того, как поезда начали катиться в лагеря.

Гитлер никогда не хотел войны с Польшей, но хотел союза с ней, как это было с Испанией Франсиско Франко, Италией Муссолини, Венгрией Миклоша Хорти и Словакией отца Юзефа Тисо.

Действительно, зачем ему война, если к 1939 году он был окружен союзными, дружественными или нейтральными соседями, кроме Франции. И он списал Эльзас, потому что отвоевание Эльзаса означало войну с Францией, а это означало войну с Британией, чьей империей он восхищался и кого всегда искал в качестве союзника.

По состоянию на март 1939 года у Гитлера не было даже границы с Россией. Как же он мог вторгнуться в Россию?

Уинстон Черчилль был прав, когда назвал ее "[ненужной войной](#)" - войной, которая еще может оказаться смертельным ударом для нашей цивилизации.

Мнения четырех дипломатов, близких к событиям

Джейсон Коллетт, 2009 год

- **Джозеф П. Кеннеди**, посол США в Великобритании в годы, непосредственно предшествовавшие Второй мировой войне, был отцом знаменитой американской династии Кеннеди. Джеймс Форрестал, первый министр обороны США (1947-1949), цитирует его слова: "Чемберлен (премьер-министр Великобритании) заявил, что Америка и мировое еврейство заставили Англию ввязаться в войну". (The Forrestal Diaries ed. Millis, Cassell 1952 p129).
- **Граф Ежи Потоцкий**, посол Польши в Вашингтоне, в своем отчете польскому министерству иностранных дел в январе 1939 года с одобрением цитирует уважаемого британского военного историка генерал-майора Дж. Ф. К. Фуллера. Относительно общественного мнения в Америке он говорит: "Прежде всего, пропаганда здесь полностью находится в руках евреев... Если иметь в виду невежество населения, их пропаганда настолько эффективна, что люди не имеют реального представления об истинном положении дел в Европе... Интересно отметить, что в этой тщательно продуманной кампании... вообще не упоминается Советская Россия. Если эта страна и упоминается, то в дружественной манере, и у людей создается впечатление, что Советская Россия является частью демократической группы стран... Еврейству удалось не только создать в Новом Свете опасный центр для распространения ненависти и вражды, но и разделить мир на два воинственных лагеря... Президент Рузвельт

получил власть... создать огромные запасы вооружений для будущей войны, к которой евреи сознательно идут". (Fuller, *JFC: The Decisive Battles of the Western World* vol 3, pp 372-374.)

- **Хью Уилсон**, американский посол в Берлине до 1938 года, за год до начала войны, считал антисемитизм в Германии "понятным". Это объяснялось тем, что до прихода нацистов "сцена, пресса, медицина и право [были] переполнены евреями... среди тех немногих, у кого были деньги, чтобы раскошелиться, большая часть [была] евреями... лидерами большевистского движения в России, движения, которого отчаянно боялись в Германии, были евреи. Можно было почувствовать распространяющуюся неприязнь и ненависть". (*Hugh Wilson: Diplomat between the Wars*, Longmans 1941, цитируется в Leonard Mosley, Lindbergh, Hodder 1976).
- **Сэр Невилл Хендерсон**, посол Великобритании в Берлине, "заявил далее, что враждебное отношение в Великобритании - дело рук евреев и врагов нацистов, что и сам Гитлер считал" (Taylor, *AJP: The Origins of the Second World War*, Penguin 1965, 1987 etc p 324).

Можно ли все это отнести только на счет антисемитизма?

Для более полного понимания экономической подоплеки войны необходимо, прежде чем выносить суждение об авторах этих точек зрения.

В конце Первой мировой войны Германия была, по сути, обманута [см. Paul Johnson, *A History of the Modern World*, (1983) p24 и Н Nicholson *Peacemaking 1919* (1933) pp13-16], чтобы выплатить огромные репарации Франции и другим

экономическим конкурентам и бывшим воюющим странам в соответствии с так называемым Версальским договором, благодаря либеральному американскому президенту Вудро Вильсону. Германия была объявлена единственным виновником войны, несмотря на то, что "Германия не замышляла европейскую войну, не хотела ее и предпринимала искренние усилия, хотя и слишком запоздалые, чтобы предотвратить ее". (Профессор Сидней Б. Фэй, "Истоки мировой войны" (том 2 стр. 552)).

В результате этих массовых принудительных финансовых репараций к 1923 году ситуация в Германии стала отчаянной, и инфляция в астрономических масштабах стала единственным выходом для правительства. Печатные станки были задействованы для круглосуточного печатания денег. В 1921 году обменный курс составлял 75 марок за доллар. К 1924 году он составил около 5 триллионов марок за доллар. Это практически уничтожило немецкий средний класс (Koestler, *The God that Failed*, p 28), сведя любые банковские сбережения практически к нулю.

По словам британского историка сэра Артура Брайанта ("Неоконченная победа", 1940, с. 136-144):

"Именно евреи с их международными связями и наследственной склонностью к финансам лучше всего могли воспользоваться такими возможностями... Они сделали это с таким эффектом, что даже в ноябре 1938 года, после пяти лет антисемитского законодательства и преследований, они все еще владели, по словам корреспондента "Таймс" в Берлине, чем-то вроде трети недвижимого имущества в Рейхе. Большая ее часть перешла в их руки во время инфляции... Но тем, кто потерял все, что имел, этот непонятный переход казался чудовищной несправедливостью. После долгих страданий

их лишили последнего имущества. Они видели, как оно переходит в руки чужаков, многие из которых не разделяли их жертв и которым было практически наплевать на их национальные стандарты и традиции... Евреи получили удивительное превосходство в политике, бизнесе и научных профессиях (несмотря на то, что составляли менее одного процента населения)... Банки, включая Рейхсбанк и крупные частные банки, практически контролировались ими. Также как и издательская торговля, кино, театры и большая часть прессы - все обычные средства, с помощью которых формируется общественное мнение в цивилизованной стране... Крупнейший в стране газетный комбинат с ежедневным тиражом в четыре миллиона экземпляров был еврейской монополией... С каждым годом нееврею становилось все труднее и труднее закрепиться в любой привилегированной профессии... В это время не "арийцы" осуществляли расовую дискриминацию. Это была дискриминация, которая действовала без насилия. Она осуществлялась меньшинством против большинства. Не было преследования, только уничтожение... Именно контраст между богатством, которым наслаждались - и щедро демонстрировали - пришельцы с космополитическими вкусами, и бедностью и нищетой коренных немцев сделал антисемитизм такой опасной и уродливой силой в новой Европе. Нищие на лошадях редко пользуются популярностью, особенно у тех, кого они только что сбросили с седла".

Боже милостивый, сэра Артура! Что заставило вас встать не с той стороны кровати?

Как ни странно, неожиданно опубликованная в 1984 году издательством Принстонского университета книга Сары Гордон ("*Гитлер, немцы и "еврейский вопрос"*") в основном

подтверждает слова Брайанта. По ее словам, "евреи никогда не составляли большого процента от общего числа жителей Германии; ни разу за 1871-1933 годы их доля не превышала 1% населения". Но она добавляет, что "евреи были чрезмерно представлены в бизнесе, торговле, на государственной и частной службе... Они были особенно заметны в частном банковском деле в Берлине, где в 1923 году насчитывалось 150 частных еврейских банков, в то время как частных нееврейских банков было всего 11... Им принадлежал 41% фирм по производству железа и металлолома и 57% других металлических предприятий... Евреи были очень активны на фондовом рынке, особенно в Берлине, где в 1928 году они составляли 80% ведущих членов фондовой биржи. К 1933 году, когда нацисты начали устранять евреев с видных должностей, 85% брокеров на Берлинской бирже были уволены по причине их "расовой принадлежности"... Не менее четверти профессоров и преподавателей (в немецких университетах) имели еврейское происхождение... В 1905-6 годах еврейские студенты составляли 25% студентов юридических и медицинских факультетов... В 1931 году 50% из 234 театральные режиссеры в Германии были евреями, а в Берлине их число составляло 80%... В 1929 году было подсчитано, что доход на душу населения евреев в Берлине в два раза превышал доход других жителей Берлина..." и т.д. и т.п.

Артур Кестлер подтверждает чрезмерную вовлеченность евреев в немецкую издательскую деятельность. "Ullstein's" был своего рода супертрестом; крупнейшей организацией такого рода в Европе, а возможно, и в мире. Только в Берлине они издавали четыре ежедневные газеты, среди которых почтенная "Воссише цайтунг", основанная в XVIII веке, и "Б.З. ам миттаг", вечерняя газета... Кроме того, "Ульштайнс" издавали более десятка еженедельных и ежемесячных периодических изданий, имели собственную службу новостей,

свое туристическое агентство и т.д., а также были одним из ведущих книжных издательств. Фирма принадлежала братьям Ульштейн - их было пять, как и братьев Ротшильдов, и, как и они, они были евреями". (*The God that Failed* (1950) ed. RHS Crossman, p 31).

Эдгар Моурер, берлинский корреспондент газеты Chicago Daily News, написал антинемецкий трактат под названием "*Германия переводит часы назад*" (опубликован в издании Penguin Special и переиздавался пять раз с декабря 1937 по апрель 1938 года). Тем не менее, он отмечает: "Во всей важной администрации Пруссии любое количество стратегических позиций оказалось в руках евреев... Телефонный разговор между тремя евреями в министерских кабинетах мог привести к приостановке любого периодического издания или газеты в государстве... Евреи пришли в Германию, чтобы играть в политике и управлении ту же значительную роль, которую они ранее завоевали путем открытой конкуренции в бизнесе, торговле, банковском деле, прессе, искусстве, науке, интеллектуальной и культурной жизни страны. Тем самым усиливалось впечатление, что Германия, страна с собственной миссией, попала в руки иностранцев".

Моурер говорит: "Никто из тех, кто жил в период с 1919 по 1926 год, вряд ли забудет о царившей сексуальной распущенности... В таком городе, как Берлин, отели и пансионы делали огромные состояния, сдавая почасовые или дневные комнаты незарегистрированным гостям без сумок. Сотни кабаре, увеселительных заведений и тому подобных заведений служили для знакомства и приобретения соответствующего настроения..." (с. 153-4). Брайант описывает толпы детей-проституток у дверей больших берлинских отелей и ресторанов. Он добавляет: "Большинство из них (ночных клубов и вице-курортов) принадлежали и управлялись

евреями. И именно евреев... среди организаторов этой торговли вспоминали в последующие годы". (стр. 144-5).

Дуглас Рид, главный корреспондент газеты "Лондон Таймс" по Центральной Европе до Второй мировой войны, был глубоко антинемецким и антигитлеровским. Но, тем не менее, он сообщал: "Я видел, как "коричневые рубашки" ходили от магазина к магазину с баночками краски и мазали на стеклах витрин слово "еврей", написанное красными буквами. Курфюрстендамм стала для меня откровением. Я знал, что евреи занимают видное место в деловой жизни, но не знал, что они почти монополизировали важные ее отрасли. В Германии, согласно статистике, на одного еврея приходилось сто неевреев; но на модном Курфюрстендамм, согласно капающим красным легендам, на девяносто девять еврейских магазинов приходился один нееврейский". (Рид, *Ярмарка безумия*, (1938) стр. 152-3). В книге Рида *Disgrace Abounding* следующего года он отмечает: "В Берлине (догитлеровских лет) большинство театров принадлежало евреям или арендовалось евреями, большинство ведущих актеров кино и сцены были евреями, пьесы, поставленные немецкими, австрийскими или венгерскими евреями, часто ставились еврейскими кинопродюсерами, аплодировались еврейскими драматическими критиками в еврейских газетах... Евреи не умнее язычников, если под умными вы подразумеваете хороших специалистов в своем деле. Они безжалостно эксплуатируют общие чувства евреев, сначала для того, чтобы закрепиться в определенной профессии или призвании, а затем для того, чтобы вытеснить оттуда неевреев... Неправда, что евреи - лучшие журналисты, чем неевреи. Они занимали все посты в этих берлинских газетах, потому что владельцы и редакторы были евреями". (стр.238-9).

Еврейский писатель Эдвин Блэк отмечает: "Например, только в Берлине около 75% адвокатов и почти столько же врачей были евреями". (Black, *The Transfer Agreement* (1984) p58.

В довершение всего, евреи стали восприниматься как опасные враги Германии после того, как Самуэль Унтермайер, лидер Всемирной еврейской экономической федерации, объявил войну Германии 6 августа 1933 года. (Edwin Black, *The Transfer Agreement: The Untold Story of the Secret Pact between the Third Reich and Palestine* (1984) pp.272-277). По словам Блэка, "единственным человеком, который наиболее полно воплотил потенциальный смертельный удар по Германии, был Самуэль Унтермайер" (стр.369). Это стало кульминацией всемирного бойкота немецких товаров, возглавляемого международными еврейскими организациями. Лондонская газета Daily Express 24 марта 1933 года вышла под заголовком "*Иудея объявляет войну Германии*". Бойкот был особенно мотивирован введением Германией Нюрнбергских законов, которые по иронии судьбы были похожи по замыслу и содержанию на еврейскую культурную исключительность, столь заметно проявляющуюся в современном Израиле (Ханна Арендт, *Эйхман в Иерусалиме*, стр.7).

С 1919 года Гитлер видел огромную опасность, которую представлял для Германии коммунизм. В том году в Германии произошли две попытки большевистской революции, возглавляемые евреями - Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург в Берлине и Куртом Эйснером в Баварии. После кровавого и жестокого российского опыта Гитлер осознал отчаянную необходимость устранить эту угрозу, что вызвало к нему огромную ненависть и враждебность еврейских организаций, а также СМИ и политиков Запада, на которых они могли влиять. В конце концов, по словам еврейского писателя Хаима Берманта, хотя евреи составляли менее пяти процентов населения России, они составляли более пятидесяти процентов

ее революционеров. Как пишет Бермант в своей книге *"Евреи"* (1977, глава 8):

"Следует добавить, что большинство ведущих революционеров, которые сотрясали Европу в последние десятилетия прошлого века и первые десятилетия нынешнего, происходили из процветающих еврейских семей... Их, пожалуй, можно сравнить с отцом революции Карлом Марксом... Поэтому, когда после хаоса Первой мировой войны по всей Европе вспыхнули революции, евреи везде стояли у руля: Троцкий, Свердлов, Каменев и Зиновьев в России, Бела Кун в Венгрии, Курт Эйсер в Баварии и, что самое невероятное, Роза Люксембург в Берлине".

"Для многих сторонних наблюдателей русская революция выглядела как еврейский заговор, особенно когда за ней последовали возглавляемые евреями революционные вспышки в большей части Центральной Европы. В руководстве партии большевиков преобладали евреи... Из семи членов Политбюро, внутреннего кабинета страны, четверо - Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомский), Каменев (Розенфельд) и Свердлов - были евреями".

С этим согласны и другие авторы:

"Существует тенденция обходить или просто игнорировать значительную роль еврейских интеллектуалов в Коммунистической партии Германии и тем самым серьезно пренебрегать одной из подлинных и объективных причин роста антисемитизма во время и после Первой мировой войны... Видное положение евреев в революции и в начале Веймарской республики неоспоримо, и это было очень серьезной причиной, способствовавшей росту антисемитизма в послевоенные

годы... Очевидно, что стереотипное представление о евреях как о социалистах и коммунистах... привело к тому, что многие немцы не доверяли еврейскому меньшинству в целом и клеймили евреев как врагов немецкой нации". (Sarah Gordon Hitler, *Germans and the 'Jewish Question'*, Princeton University Press (1984) p 23).

"Второй пароксизм сильного антисемитизма наступил после критической роли евреев в международном коммунизме и русской революции, а также во время экономических кризисов 1920-х и 30-х годов... Антисемитизм усилился по всей Европе и Северной Америке после мнимой и действительной центральной роли евреев в русской революции... Подобные чувства не ограничивались Германией или вульгарными экстремистами вроде нацистов. По всей Северной Европе и Северной Америке антисемитизм стал нормой в "хорошем обществе", а "хорошее общество" включало университеты". (Мартин Бернал, *Черная Афина, том 1*, стр. 367, 387).

"Главная роль, которую еврейские лидеры сыграли в ноябрьской (русской) революции, была, вероятно, важнее любого другого фактора в подтверждении антисемитских убеждений (Гитлера)". (J&S Pool, *Who Financed Hitler*, p.164).

Гитлер пришел к власти в Германии с двумя основными целями: исправить несправедливые положения Версальского договора и уничтожить советскую/коммунистическую угрозу для Германии. Как ни странно, вопреки мифологии, созданной теми, кто имел противоположную этническую повестку дня, у него не было планов или желания вести большую завоевательную войну. Профессор АJP Тейлор показал это в

своей книге *"Истоки Второй мировой войны"*, к разочарованию профессионального западного политического истеблишмента. Тейлор говорит: "Состояние вооружения Германии в 1939 году дает решающее доказательство того, что Гитлер не задумывал всеобщую войну, и, вероятно, вообще не собирался воевать" (стр. 267), и "Даже в 1939 году немецкая армия не была оснащена для длительной войны; а в 1940 году немецкие сухопутные войска уступали французским во всем, кроме руководства" (стр. 104-5).

То, что произошло в Европе в 1939-41 годах, было результатом непредвиденных слабостей и перекоса баланса сил, а Гитлер был оппортунистом, "который использовал преимущества всякий раз, когда они предлагались" (Тейлор). Британия и Франция объявили войну Германии, а не наоборот. Гитлер хотел мира с Британией, как признали немецкие генералы (Basil Liddell Hart, *The Other Side of the Hill* 1948, Pan Books 1983) в связи с так называемым приказом о прекращении войны в Дюнкерке, где Гитлер имел возможность захватить всю британскую армию, но решил этого не делать. Лидделл Харт, один из самых уважаемых британских военных историков, цитирует немецкого генерала фон Блюментритта в отношении этого приказа об остановке:

"Затем он (Гитлер) поразил нас тем, что с восхищением говорил о Британской империи, о необходимости ее существования и о цивилизации, которую Британия принесла в мир. Он заметил, пожав плечами, что создание империи было достигнуто средствами, которые часто были суровыми, но "где есть планирование, там летит стружка". Он сравнил Британскую империю с католической церковью, сказав, что они обе являются важными элементами стабильности в мире. Он сказал, что все, чего он хочет от Великобритании, - это признания позиции Германии на континенте. Возвращение колоний

Германии было бы желательным, но не обязательным, и он даже предложил бы поддержать Британию войсками, если она будет вовлечена в трудности где-либо...". (р 200).

По словам Лидделла Харта, "в то время мы считали, что отпор Люфтваффе в "Битве за Британию" спас ее. Это лишь часть объяснения, последняя его часть. Первоначальная причина, которая лежит гораздо глубже, заключается в том, что Гитлер не хотел завоевывать Англию. Он не проявлял особого интереса к подготовке вторжения и в течение нескольких недель ничего не делал, чтобы подстегнуть ее; затем, после короткого импульса к вторжению, он снова отклонился от курса и приостановил подготовку. Вместо этого он готовился к вторжению в Россию" (стр. 140).

Дэвид Ирвинг в предисловии к своей книге "Тропа войны" (1978) говорит об "открытии... что в то время этот человек (Гитлер) не представлял и не намеревался представлять реальную угрозу для Великобритании или империи".

Это придает совершенно иной оттенок не только войне, но и успешному подавлению этой информации во время войны и после нее. Сегодня историки слишком хорошо знают, в каких границах они могут рисовать свои картины войны и ее последствий, и каковы последствия выхода за эти границы, независимо от доказательств. К сожалению, лишь немногие из них готовы набраться смелости и вырваться из этой ужасной смиренной рубашки официальной и неофициальной цензуры.

Столетняя война против Германии

Штеффен Вернер, 2013 год

В августе 1895 года в британском еженедельнике "The Saturday Review" началась серия статей, призывавших к уничтожению Германии и чья губительная жадность к немецкому грабежу до сих пор отдается эхом.

С появлением Второго рейха возникло немецкое государство, которое быстро создавало современную экономику, угрожавшую экономическому господству Великобритании. Уголь и сталь были двумя показателями, по которым измерялась экономика стран до Первой мировой войны. За четверть века до Первой мировой войны производство сырья в Германии выросло на 334%, с 4 млн до 17,8 млн тонн, в то время как в Великобритании - с 7,7 до 9 млн, то есть на 17%. За тот же период добыча угля в Германии увеличилась с 76,2 до 255,8 млн. тонн (240%), а в Великобритании - только на 60%, до 240 млн. тонн. Внешняя торговля Германии достигала масштабов, вызывающих тревогу у Великобритании. В расследовании, проведенном английским парламентом в 1885 году, отмечалось, что немцы производят более дешевые товары, а их продукция ориентирована на предпочтения покупателей. Знание языков, неутомимость и гибкость считались достоинствами немецких торговых путешественников. В качестве контрмеры в Англии был принят закон о товарных знаках, который предписывал маркировать немецкие товары знаком "Сделано в Германии", однако британские посредники и потребители все равно часто предпочитали немецкие товары, в связи с чем обязательный знак был изменен на "Сделано за рубежом".[\[1\]](#).

То, что это новое развитие не было случайностью, обнаружил Поль Валери в работе, написанной по заказу Великобритании в 1896 году, в которой причины этого нового развития были возведены в догму: [2].

"Узнаешь, что военные победы, благодаря которым эта [немецкая] нация утвердилась, ничтожны по сравнению с экономическими триумфами, которые она уже одержала; уже их многочисленные рынки в мире держатся крепче, чем территории, которыми она обязана своей армии [...] понимаешь, что Германия обратилась к промышленности и торговле так же, как когда-то к военному делу: с трезвой головой и решимостью. Чувствуется, что она не упускает ни одного средства. Если хочется объяснить это новое [...] величие, то следует вспомнить: постоянный упорный труд, самое точное исследование источников богатства и неустанное изготовление средств для его производства; точную топографию благоприятных мест и самых удобных путей сообщения; и прежде всего совершенное послушание, подчинение всех побуждений какой-то простой, исключительной, властной мысли - стратегической по форме, экономической по цели, научной по глубокому замыслу и сфере власти. Таким образом, вся совокупность немецких предприятий оказывает на нас свое влияние".

Европейские высшие классы видели, что этот подъем немецкой экономики угрожает их праздной жизни. Они жили, по словам Макса Шелера, в раю: [3]

"У наших восточных соседей было больше мечтаний, заговоров, чувств, молитв и тихой покорности игу судьбы, но также и распития шнапса, романтических прогулок по жизни, беспечного и незаконного грубого наслаждения [...] Для англичан было легко покупать и продавать, по

старинке, привыкнув к выигрышу, и в манере старых великих купцов, гордящихся старыми проверенными видами товаров, не приспособиваясь к потребностям покупателей на мировом рынке [...]. Однако это было также и наслаждение спортом, ставками, азартными играми, сельской жизнью, путешествиями, завершением рабочей недели в пятницу вечером и походом на спортивный стадион [...] - но делать все это с чувством, основанным на положении и географии острова, что он был избран Богом для того, чтобы стать владыкой моря [...]....] не как член Европы, но как держава, равная всей Европе, более того, держава, которая была равна всему миру, равная, чтобы направлять народы за пределами Европы, вести их и быть их политическим арбитром. И тот же рай означал для Франции: растущее финансовое богатство при небольшом количестве детей, пенсии после 20-30 лет работы, великая колониальная империя, время и праздный досуг для роскоши, интеллекта, внешней привлекательности, приключений, полных чувственности с красивыми женщинами".

Ужас, который немецкая мощь достижений вызвала в этих европейских высших классах, был запечатлен Максом Шелером в притче:

"Там [...] на каждом горизонте [...] появился образ нового, странного архангела, лицо [...] такое же суровое и железное, как у старого из мифа, но в остальном совершенно иное [...]. Он носил печать простого рабочего, с хорошими, крепкими кулаками, он был человеком, который трудился и продолжал работать, все дальше и дальше, согласно внутреннему свидетельству своих собственных убеждений, не для того, чтобы превзойти или прославиться, не для того, чтобы наслаждаться помимо или после работы, не для того, чтобы созерцать и

восхищаться красотой мира в свободное время после работы, но тихо и медленно, погруженный в свой труд, но с ужасающей постоянством, точностью и пунктуальностью, если смотреть со стороны, и полностью потерянный в себе и своей задаче, он работал, работал и продолжал работать - и это мир меньше всего был способен понять - из чистой радости от безграничной работы в себе - без цели, без задачи, без конца. Что будет с нами, что будет с нами - чувствовали народы [...] Как мы будем существовать, столкнувшись с этими новыми массами? Изменим ли мы себя, стремясь подражать ему? Нет и еще раз нет! Мы не можем подчиниться этому новому требованию! Но мы не хотим и не будем этого делать!".

В 1895 году эти высшие классы, начиная с Великобритании, сформировали партию войны против Германии, которая действует и по сей день, и которая будет подтверждена цитатами за период с 1895 по 1994 годы.

Делендам, Делендам, Делендам!

The Saturday Review от 24 августа 1895 года:[\[4\]](#)

"НАША ИСТИННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

[...] Как мы уже отмечали ранее, доминирующим фактом ситуации в отношении нашей внешней политики является непоколебимая враждебность Франции. Мы можем называть эту вражду неразумной или несвоевременной, но в ее существовании сомневаться не приходится. Поэтому некоторые газеты рекомендуют Англии немедленно присоединиться к Тройственному союзу; лорд Солсбери должен пообещать германскому императору помощь и поддержку в случае любого нападения на владения или интересы союзников в Европе, при условии, что союзники поддержат Англию в случае любой агрессии против ее территорий в других частях света. По разным причинам эта политика, хотя и является абсолютно безопасной, не совсем нас устраивает. Прежде всего, мы, англичане, до сих пор всегда вели войну против наших соперников в торговле и коммерции, а нашим главным соперником в торговле и коммерции сегодня является не Франция, а Германия. В случае войны с Германией мы должны много выиграть и ничего не потерять; тогда как в случае войны с Францией, независимо от того, каким будет исход, мы можем сильно проиграть".

The Saturday Review от 1 февраля 1896 года:[\[5\]](#)

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАШУ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ОТ БИОЛОГА".

Записи прошлой истории жизни на планете познакомили нас с одним из этапов драмы эволюции. На протяжении бесчисленных поколений несколько видов могли бороться

на равных, то один, то другой, добиваясь какого-то небольшого преимущества, как вдруг поворот в калейдоскопе мира дает одному из них преимущество, имеющее реальное значение. Удачливый вид быстро размножается; он распространяется по суше и морям, его соперники гибнут перед ним или оказываются загнанными в самые негостеприимные уголки; [...].

Великие народы Земли - это местные разновидности, виды в процессе становления. Не обязательно, чтобы между ними существовали анатомические различия; хотя, действительно, англичане, немцы, французы, русские и американцы, китайцы и японцы имеют каждый свои отдельные группы средних характеров. [...]

Мир стремительно приближается к эпохе этих последних войн, войн, которые не могут закончиться миром с честью, войн, призрак которых не может быть усыплен бледным призраком арбитража. Факты очевидны. Слабые расы стираются с лица земли, а немногие великие, зарождающиеся виды вооружаются друг против друга. Англия, как величайшая из них - величайшая по географическому распределению, величайшая по экспансивной силе, величайшая по расовой гордости - веками избегала единственного опасного вида войны. Теперь, когда вся земля занята и движение экспансии продолжается, ей придется сражаться насмерть со сменяющимися друг друга соперниками. [...]

Из европейских народов [Германия](#) наиболее похожа на Англию. По расовым признакам, по религиозной и научной мысли, по чувствам и склонностям немцы, благодаря своему сходству с англичанами, выделяются как наши естественные соперники. Во всех уголках земли, в любой сфере деятельности, в торговле, в производстве, в

эксплуатации других рас, англичане и немцы соперничают друг с другом. Германия - растущая нация; расширяясь далеко за пределы своих территориальных границ, она неизбежно должна закрепиться на новом месте или погибнуть в попытке. [...] Если бы завтра каждый немец был уничтожен, не было бы ни одной английской торговли, ни одного английского занятия, которое бы немедленно не расширилось. Если бы завтра был уничтожен каждый англичанин, немцы выиграли бы пропорционально. Вот первая великая расовая борьба будущего: здесь две растущие нации давят друг на друга, человек на человека по всему миру. Одна или другая должна уйти; одна или другая уйдет. [...]

Биологический взгляд на внешнюю политику прост. Во-первых, объединить наши колонии и предотвратить географическую изоляцию, обращая англосаксонскую расу против нее самой. Во-вторых, быть готовым к борьбе с Германией, поскольку *Germania est delenda* [Германия должна быть уничтожена]; в-третьих, быть готовым к борьбе с Америкой, когда придет время. И, наконец, не тратить попусту слезы против народов, которых нам нечего бояться".

The Saturday Review от 11 сентября 1897 года: [\[6\]](#)

"АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ

Князь Бисмарк давно понял то, что, наконец, начинает понимать и народ Англии, - что в Европе существуют две великие, непримиримые, противоборствующие силы, две приветливые нации, которые хотят сделать весь мир своей провинцией и взимать с него дань торговлей. Англия с ее долгой историей успешной агрессии, с ее удивительной уверенностью в том, что, преследуя свои

интересы, она распространяет свет среди народов, живущих во тьме, и Германия, кость от кости, кровь от крови, с меньшей силой воли, но, возможно, с более острым интеллектом, соперничают в каждом уголке земного шара. В Трансваале, в Капской провинции, в Центральной Африке, в Индии и на Востоке, на островах Южного моря и на справедливом Северо-Западе, везде, где - а где нет? - флаг следует за Библией, а торговля - за флагом, там немецкий мешочник борется с английским разносчиком. Есть ли шахта, которую нужно разработать, железная дорога, которую нужно построить, туземцы, которых нужно перевести с плодов хлебного дерева на мясные консервы, с умеренности на торговый джин, немец и англичанин борются за первенство. Из миллиона мелких споров складывается величайшая причина войны, которую когда-либо видел мир. Если бы Германия была уничтожена завтра и послезавтра, в мире не нашлось бы англичанина, который не стал бы богаче. Нации годами воюют за город или право наследования; не должны ли они воевать за двести миллионов фунтов стерлингов торговли?

[...] Наша работа закончена, нам даже не нужно переделывать слова Бисмарка, обращенные к Ферри, и говорить Франции и России: "Ищите какую-нибудь компенсацию. Берите в Германии все, что хотите: вы можете получить это". [...] 'Germania esse delendam.' [Германия должна быть уничтожена [\[7\]](#)]."

Секретная речь Уинстона С. Черчилля в марте 1936 года в нижней палате парламента: [\[8\]](#)

"На протяжении четырехсот лет внешняя политика Англии заключалась в противостоянии самой сильной, самой агрессивной, самой доминирующей державе на

континенте [...]. Столкнувшись с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV при Вильгельме III и Мальборо, с Наполеоном, с Вильгельмом II Немецким, было бы легко и, должно быть, очень заманчиво объединиться с более сильным и разделить плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали комбинацию между ними и таким образом побеждали и расстраивали континентального военного тирана, кем бы он ни был, какую бы нацию он ни возглавлял. Таким образом мы сохранили свободы Европы [...].

Обратите внимание, что политика Англии не учитывает, какая нация стремится к господству в Европе. Вопрос не в том, Испания ли это, или французская монархия, или французская империя, или германская империя, или гитлеровский режим. Он не имеет никакого отношения к правителям или нациям; он касается исключительно того, кто является самым сильным или потенциально доминирующим тираном. Поэтому мы не должны бояться, что нас обвинят в профранцузской или антинемецкой позиции. Если бы обстоятельства были обратными, мы могли бы в равной степени быть и прогерманскими, и антифранцузскими. Это закон государственной политики, которому мы следуем, а не просто целесообразность, продиктованная случайными обстоятельствами, симпатиями и антипатиями или любыми другими чувствами.

Поэтому возникает вопрос, какая держава в Европе сегодня является самой сильной и стремится к доминированию в опасном и деспотичном смысле. Сегодня, в этом году и, вероятно, в течение части 1937 года, французская армия является самой сильной в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что

Франция хочет, чтобы ее оставили в покое, и что для нее это лишь вопрос самосохранения. Все знают, что французы миролюбивы и не испытывают страха. [...]

Германия, с другой стороны, никого не боится. Она вооружается так, как никогда не было в истории Германии. Ее возглавляет горстка торжествующих отчаянных. Денег не хватает, под этими деспотичными правителями зреет недовольство. Очень скоро им придется выбирать, с одной стороны, между экономическим и финансовым крахом или внутренними потрясениями, а с другой - войной, у которой не может быть другой цели, и которая, в случае успеха, не может иметь другого результата, чем германизованная Европа под контролем нацистов. Поэтому мне кажется, что все прежние условия снова налицо, и что наше национальное спасение зависит от того, соберем ли мы снова все силы Европы, чтобы сдержать, обуздать и, если необходимо, сорвать немецкое господство. Ибо, поверьте мне, если бы любая из этих других держав, Испания, Людовик XIV, Наполеон, кайзер Вильгельм II, с нашей помощью стали абсолютными хозяевами Европы, они могли бы опустошить нас, свести нас к ничтожеству и нищете на следующий день после своей победы".

Отчет Карла Ю. Буркхардта о беседе 15 августа 1938 года с министром иностранных дел Польши Бекком: [\[9\]](#).

"Поляки ждут с видимым спокойствием. Бек, во время нашего ночного путешествия, в какой-то степени посвятил меня в свои планы. Более того, он ведет свою двойную игру. Это не немецкая игра, как считают многие французы и польская оппозиция. Это игра, в которой наибольшую выгоду надеется получить Польша, выгоду, которая должна возникнуть в результате окончательной и

неизбежной немецкой катастрофы. По этой причине немцев поощряют в их ошибочных действиях, а в Данциге с удовольствием позволяют экстремистам торжествовать, в то же время постоянно подчеркивая приверженность внешней форме договоров. Однажды наступит день расплаты, потребуются проценты и сложные проценты. Уже сейчас, сотрудничая таким образом с национал-социалистами, им удалось создать солидарность неприятия любого пересмотра договоров на всем Западе, во Франции, Англии и Америке. [...] В 1932 году все было совершенно иначе. В то время западное мнение в великих демократиях в большинстве своем поддерживало немецкие меньшинства. Люди были взволнованы плохо проведенными границами, изолированными провинциями. Благодаря чрезмерным методам нацизма все это закончилось, и теперь в Варшаве надеются не только на безоговорочную интеграцию Данцига в территорию польского государства, но и на гораздо большее - на всю Восточную Пруссию, на Силезию, даже на Померанию. В 1933 году в Варшаве еще говорили о польской Померании, но теперь говорят "наша Померания". Бек проводит чисто польскую политику, в конечном счете антигерманскую, политику лишь кажущейся польско-германской разрядки, начиная с оккупации Рейнской области и пассивности Франции в связи с этим событием. Но они довольно методично прилагают усилия, чтобы подстегнуть немцев в их ошибках".

Записка Эдуарда Бенеша от 23/24 августа 1939 года в Лондоне: [\[10\]](#).

"Это была правильная жесткая тактика, чтобы подтолкнуть Гитлера к войне".

Отчет Фридриха Гримма о визите в мае 1945 года: [\[11\]](#).

"В мае 1945 года, через несколько дней после краха, у меня состоялась памятная беседа с важным представителем противоборствующей стороны. Он представился мне как профессор университета своей страны, пожелавший поговорить со мной об исторических основах войны. Это была беседа на возвышенном уровне, которую мы вели. Вдруг он прервался и указал на лежавшие передо мной на столе листовки, которыми нас завалили в первые дни после капитуляции и которые в основном касались зверств в концлагерях. "Что вы на это скажете?" - спросил он меня. Я ответил: "Орадур и Бухенвальд? Вы ведете со мной разговор о мертвой лошади. Я адвокат и осуждаю несправедливость, где бы я ее ни встретил, но больше всего, когда она происходит на нашей стороне. Тем не менее, я умею делать различие между фактами и их политическим использованием. Я знаю, что такое пропаганда зверств. После Первой мировой войны я прочитал все публикации ваших экспертов по этим вопросам, труды бюро Нортклиффа, книгу французского министра финансов Клотца "От войны к миру", в которой он описывает, как были придуманы сказки об отрубленных детских руках и какое применение они получили, просветительские труды журнала "Крапуйо", где сравнивается пропаганда зверств 1870 года и 1914/1918 годов, и, наконец, классическую книгу Понсонби "Ложь в военное время". В ней рассказывается, что в предыдущей войне уже были журналы, в которых искусственные горы трупов были организованы с помощью фотомонтажа с куклами. Эти фотографии были распространены. При этом подписи оставались пустыми. Позже они вставлялись по телефону штабом пропаганды в зависимости от необходимости". Мой посетитель

взорвался: "Я вижу, что столкнулся с экспертом. Теперь я тоже хочу сказать, кто я такой. Я не университетский профессор. Я из штаба, о котором вы говорили. В течение нескольких месяцев я вел то, что вы правильно описали: пропаганду зверств - и с ее помощью мы одержали полную победу". Я ответил: "Я знаю, и теперь вы должны остановиться!". Он ответил: "Нет, сейчас мы только начинаем! Мы будем продолжать эту пропаганду зверств, мы будем усиливать ее до тех пор, пока ни у кого не будет больше ни одного доброго слова о немцах, пока все симпатии, которые вы имели в других странах, не будут уничтожены, и пока сами немцы не впадут в такое замешательство, что они уже не будут знать, что они делают! Я закончил разговор: "Тогда вы возьмете на себя большую ответственность!".

Британский журнал Sunday Correspondent 17 сентября 1989 года к пятидесятой годовщине начала Второй мировой войны и воссоединения: [\[12\]](#).

"Сейчас мы должны быть честными в отношении германского вопроса, каким бы неудобным он ни был для немцев, для наших международных партнеров и даже для нас самих [...] Вопрос, по сути, остается тем же. Не то, как нам не дать немецким танкам перекатиться через Одер или Марну, а то, как Европе справиться с народом, численность, талант и эффективность которого позволяют ему стать нашей региональной сверхдержавой. Мы вступили в войну в 1939 году не для того, чтобы спасти Германию от Гитлера, евреев от Освенцима или континент от фашизма. Как и в 1914 году, мы вступили в войну по не менее благородной причине: мы не могли смириться с преобладанием Германии в Европе".

Лех Валенса в интервью голландской газете "Эльзевир" от 7 апреля 1990 года: [\[13\]](#)

"Я не стесняюсь даже сделать заявление, которое сделает меня непопулярным в Германии. Если немцы тем или иным способом вновь дестабилизируют Европу, то следует уже не прибегать к разделению, а просто стереть эту нацию с карты. Восток и Запад обладают необходимыми передовыми технологиями, чтобы привести этот приговор в исполнение."

Генри Киссинджер в газете Welt am Sonntag от 13 ноября 1994 года:

"Идея президента Клинтона о США и Германии как партнерах по лидерству была не совсем мудрой [...] На самом деле, это понятие гонит всех на баррикады, потому что в конечном итоге две мировые войны были развязаны для того, чтобы предотвратить именно это - доминирующую роль Германии".

Эти цитаты подразумевают, что все войны, революции, гонения и изгнания 20-го века были инициированы рационально планирующими государствами или терпелись ради власти и денег. Ввиду апокалиптического террора и ужаса, вызванного этими начинаниями, четкий анализ представляется скорее практическим, чем моральным обвинением.

Для британского высшего класса - и их международных партнеров - война является совершенно нормальным занятием. Британцы прагматично спрашивают: "Как держались наши предки? В чем было их преимущество? Разве в течение четырехсот лет они не вели войну против своего главного соперника или сильнейшей континентальной державы? Один взвешивает, как купец: выгодно ли вести войну против

Франции, может ли Австрия причинить нам вред? Что принесет нам война с Германией? 250 миллионов фунтов = 5 миллионов марок в год? Безопасность нашего господства? Должны ли мы потом воевать против США?

Мысль о том, является ли война морально оправданной, даже не возникает! Ибо в любом случае "трудно" подтолкнуть кого-то к войне. Ибо война становится игрой, двойной игрой. Ибо один расставляет силки, методично поощряя противника в его ошибках. В этой "игре" манит "наибольшая выгода". "Берите в Германии все, что хотите": так покупают союзников; для себя берут деньги. Не лучше ли, если другой, враг, полностью исчезнет? Не дестабилизирует ли он ситуацию, не ставит ли под угрозу награбленное, если ему удалось оправиться? Не лучше ли сразу уничтожить немцев? Не разумнее ли стереть Германию с лица земли? *Germania esse delendam!* У одного есть передовые технологии - под которыми, вероятно, подразумевается нейтронная бомба: немцы были бы мертвы, а добыча цела.

Ибо нет никакого почетного мира. Ибо пропаганда зверств должна продолжаться и усиливаться до тех пор, пока ни у кого больше не останется доброго слова о враге. Враг сам по себе становится Злом. Возражение Фридриха Гримма, которое в целом относится к подобным действиям: "Тогда они возьмут на себя большую ответственность" - здесь не срабатывает. Ответственности перед врагом не существует, а вины нет вообще. Вина в этой системе - всего лишь вопрос власти. Бог здесь не нужен, здесь нет Бога! "Не убий" превратилось в бессмысленную болтовню. Человек ставит себя на место Бога.

Спонсорами, воплощающими такие идеи, являются: высокопоставленный британский политик, министр военно-морского флота времен Первой мировой войны и премьер-министр времен Второй мировой войны; бывший президент

Чехии; министр иностранных дел Польши 1938 года; президент Польши 1990 года; бывший госсекретарь США.

Настораживает преемственность, с которой эти идеи преследуются с 1895 по 1994 год, и то, с каким безразличием не только эти идеи, но и их принятие все еще предполагается в 1989 году вероятно широкой публикой британского еженедельника. Вместе с Киссинджером озадачен тем, что здесь речь уже не идет о предотвращении доминирования Германии, поскольку даже мысль о Германии как партнере США объявляется опасной.

Уинстон Черчилль и Томас Мор

Каковы интеллектуально-исторические предпосылки преемственности британской политики? Модель можно найти в "Утопии" Томаса Мора. Утопия, неправильно понимаемая как социальный дизайн, представляет собой государство с аристократией священников, в котором священники подчиняются не общественному суду, а только богу и своей совести. Система правления утопийцев включает в себя, помимо часто упоминаемой социальной модели, также модель управления миром. Из-за переоценки "утопической" социальной модели значение идей Мора для британской политики власти было неверно истолковано - и, по крайней мере в этом веке, забыто [\[14\]](#).

У Макиавелли князь властвовал над своим народом и поддерживал себя против соседей. Утописты же властвуют над всем миром. Они решают во всем мире, что справедливо, а что несправедливо, поэтому, если "купцы их друга в любой части света были несправедливо обвинены под каким-то предлогом справедливости, либо с помощью несправедливых законов, либо путем извращенного толкования хороших законов". Утопийцы - правящая экономическая сила своего мира. [\[15\]](#) Они накапливают и накапливают деньги, ибо деньги - источник их власти, а разрыв торговых отношений - одно из их излюбленных орудий. В случае войны они покупают за деньги солдат и предателей или сеют раздор между своими врагами без каких-либо моральных ограничений: "Так легко с помощью взятки заставить человека совершить любое преступление". Благодаря их богатству большинство стран находятся у них в долгу. [\[16\]](#) Наряду с Черчиллем, в "Утопии" можно найти основы кредо либерализма. [\[17\]](#)

"Утопия", появившаяся ровно за 379 лет до первой статьи в Saturday Review, похоже, служила британской политике в

качестве справочника. Даже когда она была опубликована, ее понимали как политический роман: "По правде говоря, утопический флаг обозначает британские товары". [\[18\]](#) Сюжеты из "Утопии", которые кажутся немцам очень знакомыми, наложили свой отпечаток на классическую британскую политику: "[...] они возбуждают соседний народ и настраивают его против врага, раскапывая древние претензии, таких, каких никогда не хватало королям." [\[19\]](#) Беспощадность в ведении войны также можно найти там. "Конечно, независимо от того, справедливо или несправедливо было дело, оно было отомщено ужасной войной, в которой окружающие народы также добавили свою энергию и ресурсы к враждебным силам главных противников, так что одни процветающие народы были опустошены, другие сильно потрясены." [\[20\]](#) Также из Мора пришел совет заставлять других сражаться за себя, так как помимо наемников "они используют силы тех, за кого они взялись за оружие, а после этого вспомогательные войска дружественных им народов. В крайнем случае, они добавляют своих собственных граждан." [\[21\]](#) (Здесь есть еще множество других ссылок на британскую политику, рассмотрение которых завело бы нас слишком далеко).

Когда Уинстон Черчилль в своей секретной речи в 1936 году - через 420 лет после того, как Мор написал первую часть своей "Утопии" - привел в качестве четырехсотлетней британской политики борьбу с правящим тираном, а затем заявил: "таким образом мы сохранили свободу Европы", он рассуждал в традициях утопистов: [\[22\]](#).

"Поэтому [...] они неохотно идут на войну, а также только [...] из сострадания и гуманности, они используют свою силу для освобождения угнетенных людей от тирании и рабства".

Карл VIII Французский рассматривался Мором как настоящий тиран. В "Утопии" Мор обсуждает конкретную ситуацию в вымышленной дискуссии между Карлом VIII и его советниками. [\[23\]](#) С притворным отвращением здесь иллюстрируется утопическая техника подстрекательства других к реальному врагу с помощью денег и грабежа. В 1511 году Англия вступила в Священную лигу, с чего, вероятно, и началась эта четырехсотлетняя британская военная политика, на которую ссылается Черчилль.

Здравый смысл...

Статьи в "Saturday Review" появлялись анонимно в период с 1895 по 1897 год. Но что это был за журнал? Немецкая энциклопедия Брокгауза 1908 года упоминает его как "империалистический "журнал", издаваемый с 1855 года с остроумными рецензиями на англ., фр. и немецкую литературу" [24] В соответствии с его значимостью, его можно найти во многих немецких библиотеках, а годовые серии с 1855 года частично сохранились. О читателях мало что можно сказать, но они, несомненно, принадлежали к образованному высшему классу. Суждение о составителях, среди которых можно найти много прославленных британских имен, более легко сделать. Многие из них публиковались несколько раз, часть из них - регулярно.

Многие статьи появляются анонимно, что придает еще больший вес списку имен, поскольку в Англии, похоже, было принято, чтобы за высокопоставленных и богатых людей писали другие. [25] Но в период между 24 августа 1895 года и 11 сентября 1897 года, в который появилась эта серия статей, есть известные британские имена: Г. Бернард Шоу, [26] Г. Г. Уэллс, [27] Уинстон С. Черчилль, [28] У. Б. Йитс, [29] Конан Дойл, [30] Генри М. Стэнли, [31] Редьярд Киплинг, [32] и Алджернон Чарльз Суинберн. [33] Четверо из названных получили Нобелевские премии, а один был очень влиятелен во время Первой мировой войны и стал ключевой фигурой в британской политике во время Второй мировой войны.

Репутация многих других авторов настолько значительна, что они все еще названы даже 70 лет спустя в другой немецкой энциклопедии, [34], из которой также была взята информация об авторах: Сэр Макс Бирбом, [35] английский писатель и карикатурист из круга, окружавшего Уайльда и Бердсли; Джон Багнелл Бэри, [36] классический филолог и историк, профессор

Кембриджа и один из самых значительных ученых в области поздней античной и византийской истории, редактор "Истории Гиббонса" Е. Гиббонса "История упадка и падения Римской империи"; Стивен Крейн, [\[37\]](#) американский писатель, друг Дж. Конрада, Г. Джеймса и Уэллса; Джон Дэвидсон, [\[38\]](#) шотландский поэт и драматург; Чарльз Уэнтворт Дилк, [\[39\]](#) редактор периодического издания "Athenaeum", а также член нижней палаты парламента 1868-86 и 1892-1911, в министерстве иностранных дел при Гладстоне 1880-82 (бит.-фр. торговое соглашение 1882). Торговое соглашение 1882 г.), публицист и представитель либерального империализма; Эдвард Дауден, [\[40\]](#) британский историк литературы, профессор в Дублине; Ричард Гарнетт, [\[41\]](#) английский писатель и библиотекарь Британского музея; Фрэнк Харрис, [\[42\]](#) американский писатель англо-американского происхождения и владелец The Saturday Review, назначивший Г. Б. Шоу театральным критиком; Уильям Генри Шоу театральным критиком; Уильям Генри Хадсон, [\[43\]](#) английский писатель, чьи книги отличаются точностью описания природы; сэр Оливер Лодж, [\[44\]](#) британский физик, профессор Ливерпульского и первый президент университета в Бирмингеме; Маргарет Макдональд, [\[45\]](#) британская сторонница искусств и ремесел, основала школу Глазго в Бирмингеме вместе со своей сестрой и ее мужем, Ч. Р. Макинтош; Фредерик Уильям Генри Майерс, [\[46\]](#) английский писатель, один из основателей Общества психических исследований; Ковентри Патмор, [\[47\]](#) английский поэт; сэр Уилл (иам) Ротенштейн, [\[48\]](#) британский живописец и график, испытавший влияние Дега и Уистлера, официальный художник войны для британской и канадской армии в Первой и Второй мировой войне; Артур Саймонс, [\[49\]](#) английский лирический поэт и критик, самый ревностный защитник символизма в Англии; Сильванус Филлипс Томпсон, [\[50\]](#) британский физик, профессор в Финсбери, внес вклад в историю естествознания;

Альфред Рассел Уоллес, [\[51\]](#) британский зоолог и исследователь; впечатления, полученные от его путешествий, подсказали ему идею естественного отбора путем селекции в борьбе за существование. Дарвин намеренно опередил его в публикации и вместе с Бейтсом создал теорию мимикрии; сэр Уильям Уотсон, [\[52\]](#) английский лирический поэт, несколько раз удостоенный чести, но не названный "Поэтом-лауреатом", поскольку он был противником политики империи, из чего можно сделать вывод о несогласии с вышеупомянутыми идеями. Авторы статей в большинстве своем были набраны из состоятельного образованного среднего класса. Я почти не нашел известных военных деятелей, за исключением двух имен: Генерал Невилл Чемберлен, [\[53\]](#) старый ветеран 70-х годов из Индии, который не фигурирует в вышеупомянутом лексиконе; в любом случае, он, вероятно, имеет отдаленное отношение к политической семье Чемберленов, и адмирал Колумб, [\[54\]](#) изобретатель сигнального аппарата Колумба.

Ни один из этих авторов и ни один из читателей не возразил против предложений в "The Saturday Review" по уничтожению Германии или отверг их как безумные идеи, даже после того, как эти идеи были неоднократно выдвинуты. Глобальное изложение идеи уничтожения с биологическим и историческим обращением к теории эволюции Дарвина, аналогия Рим = Великобритания и Карфаген = Германия, ссылка на Катона с его подстрекательской речью к войне: "Ceterum censeo Carthiginem esse delendam", - разоблачает специалистов по натягиванию проволоки. Таким образом, все было последовательно, когда дальнейшие статьи и письма в редакцию были основаны на понятии разрушения. Сравнение Британской и Римской империй всплыло в виде явной аллюзии на призыв уничтожить Германию в других текстах "The Saturday Review" в 1896 году. J.V. Bury [\[55\]](#) проанализировал причины падения Рима через вторжение германцев, в ходе

которого он установил, что Рим пал не из-за морального упадка, а скорее потому, что не обладал хотя бы небольшим классом с ярко выраженной волей к власти. Но Великобритания - по мнению Бэри - обладала таким классом! В анонимном письме редактору "GREATER ENGLANDER" [\[56\]](#) в ответ на статью Бьюри, превосходный флот пропагандировался как основа британской мировой империи.

За ростом экономической мощи Германии наблюдали с подозрением. Прежде всего, за ростом экспорта немецкого железа и стали следили объективно в редакционных статьях [\[57\]](#) или возбужденно в анонимном письме редактору от "недоумевающего" [\[58\]](#) Но помимо этого, создавался и образ монстра - Германии. Чтобы подготовить почву для замены Франции Германией в качестве заклятого врага, английский читатель узнавал, насколько непопулярным был немец и насколько любимым был француз в Англии тех дней - факт, который англичанину, жившему в Англии, не нужно было бы узнавать из газет. В качестве другого примера, война между Данией и Германской конфедерацией в 1864 году была сфальсифицирована как нападение Пруссии на Данию. [\[59\]](#) В качестве одной из немногих стратегически размещенных оправдательных статей можно назвать эссе о Мартине Лютере, в котором говорится о том, что Лютер делает человека обязанным Богу прежде всего. [\[60\]](#).

...и его Антипод

Только Джордж Бернад Шоу с 1898 года самым разнообразным образом словом и делом возражал против этих идей, хотя сначала и в завуалированной форме, до такой степени, что стал главным свидетелем обвинения против Великобритании. Но в Германии связь между протестами Шоу и боевым кличем "Germania esse delendam" не была признана.

Историческая драма Шоу "Цезарь и Клеопатра", появившаяся в 1898 году, является своеобразным ответом на безумные идеи британского среднего класса из "The Saturday Review". Аргументация проходит через пролог, драму и примечания. В пьесе Рим - аналог Великобритании - стоит на перепутье. Шоу сопоставляет с образом старого, жаждущего власти Рима, который, подобно Помпею, претендовал на то, чтобы "быть богом", [\[61\]](#) другой, новый Рим Цезаря. Порвав со старым Римом, Цезарь ведет его к величию и стойкости.

Шоу прославляет Цезаря как обязательного, доброго и мудрого государственного деятеля. Так, словно предчувствуя московские показательные процессы, Шоу заставляет Цезаря выбросить в море инкриминирующие письма, которые его секретарь Британник (!), отвратительный персонаж, с гордостью представил ему, потому что, используя их, Цезарь получит власть над своими врагами. Цезарь - Британнику: [\[62\]](#)

"Неужели ты хочешь, чтобы я потратил следующие три года своей жизни на то, чтобы проскрибировать и осудить людей, которые будут моими друзьями, когда я докажу, что моя дружба стоит больше, чем дружба Помпея, чем дружба Катона. [который к тому времени был мертв уже 100 лет и чей лозунг "Cathago esse delendam" был отменен Цезарем] О неисправимый житель Британских островов: разве я бык, который ищет ссоры только для того, чтобы показать, насколько упрямы мои челюсти?"

В другой сцене, в отчаянном положении, в духе старого Рима неизбежно в начале цепи убийств, Цезарь выступает против этого пути и пророчески предупреждает: [\[63\]](#).

"И так, до конца истории, убийство будет порождать убийство, всегда во имя права, чести и мира, пока боги не устанут от крови и не создадут расу, которую смогут понять".

Вместо государственного деятеля Великобритании, которого Шоу изобразил в своем произведении, Шоу нашел только сэра Эдварда Грея, "беспринципного самозванца и дурака, хуже [...] чем Цезарь Борджиа", [\[64\]](#) и поэтому двадцать лет спустя он уже не думал о благополучии Великобритании и мира, а только о благополучии собственной души. В "Доме разбитых сердец", который был написан между 1913 и 1919 годами, в подражание Чехову он создает портрет праздного европейского общества, на которое ссылается и Шелер. Для Шоу отношение к жизни этого класса типично для всех народов Европы: [\[65\]](#)

"Те же милые люди, та же крайняя поверхностность [...] они ненавидели политику, они не хотели, чтобы земля Утопии была реализована для простого человека. Они хотели, чтобы их любимые фантазии и любимые стихи воплотились в их собственной жизни, и если им это удавалось, они беззаботно жили на доходы, которые они ничем не заработали!".

В "Доме разбитых сердец" старый моряк и молодая девушка - которые, как мне кажется, олицетворяют молодость и старение Шоу - сталкиваются друг с другом. Старик, перефразируя Матфея 16:26, предупреждает молодую девушку, что ей следует быть осторожной: [\[66\]](#)

"Умно завоевать весь мир и при этом потерять свою душу. Но не забывайте, что ваша душа не покидает вас, если вы

крепко держите ее; только мир имеет свойство таять в ваших руках".

Так много для писателя и его работы. Мы еще вернемся к политику и его словам.

Жесткое ядро

Авторы трех анонимных статей, процитированных в начале, частично известны. Что касается автора первой статьи от 24 августа 1895 года: "Правильная внешняя политика для нас, англичан", Ганс Гримм, который в 1895 году был в Великобритании как молодой бизнесмен, узнал следующее о своем хозяине: [\[67\]](#).

"И случайно случилось так, что мой начальник, который сам принадлежал к английской консервативной партии, был неожиданно проинформирован, что это эссе от 24 августа 1895 года об английской внешней политике исходило от вполне определенной фракции в английском министерстве иностранных дел, руководимой полунемцем сэром Эйром Кроу".

За биологом, автором статьи от 1 февраля 1896 года: "Биологический взгляд на нашу английскую внешнюю политику со стороны биолога", скрывается сэр П. Чалмерс Митчелл, профессор астрономии и биологии в Оксфорде, как это выяснил Ганс Гримм. [\[68\]](#) Согласно Гримму, Митчелл был капитаном британского Генерального штаба с 1916 по 1919 год и имел связи с Кроу.

Информация о группе, окружавшей Кроу, содержится в дневниковой записи первого лейтенанта К. Репинтона от 12 октября 1918 года, в которой он пишет, что Кроу, Маллет и Тирелл поедут в качестве переговорщиков от Министерства иностранных дел на запланированную мирную конференцию. Более того, он утверждает: [\[69\]](#)

"Они вступили в Ф.О. между 1885 и 1893 годами, и вместе с Карноком и Берти были главой и фронтом антигерманской партии все это время, раздраженные нашей капитуляцией перед Германией и убежденные, что

Германия планирует наше разорение. Вместе они сделали германскую опасность центральной чертой нашей внешней политики".

К этому кругу Ф.О., чье значение для начала Первой мировой войны трудно переоценить, можно причислить еще одного человека: Сэр Эдвард Грей.

В 1892 году Эдвард Грей стал парламентским заместителем секретаря при лорде Розбери, который возглавил Министерство иностранных дел. В 1895 году Роузбери был изгнан, и Грей лишился своего поста. Грей пишет, что эти годы были "очень важными" для его жизни [\[70\]](#).

К этим переживаниям, очевидно, относится и мировоззрение, согласно которому Англия должна выступить против Германии и обратиться к Франции. В его мемуарах, написанных весьма туманным дипломатическим языком, мы читаем: [\[71\]](#)

"В свете последующих событий вся политика этих лет с 1896 по 1904 год может быть подвергнута критике как сыгравшая на руку Германии".

Конкретную критику Грей выражает так: [\[72\]](#)

"Мы рассчитывали на поддержку Германии и получали ее; но мы никогда не могли быть уверены, когда за эту поддержку не придется заплатить определенную цену".

Англия Грея хотела оставаться единственным хозяином мира и не делиться властью ни с кем, и уж точно не с Германией. Это основная мысль, которая проходит через мемуары Грея, и его радость, когда британская политика 1904 года сближается с французской, выражает себя пылко по сравнению с его сухим в остальном текстом: [\[73\]](#).

"Настоящей причиной для удовлетворения было то, что изнурительные трения с Францией должны были закончиться, и что угроза войны с Францией исчезла. Мрачные тучи ушли, небо было чистым, и солнце светило тепло. Недоброжелательство, неприязнь, ненависть, независимо от того, кто является их объектом - человек или нация, - это вечный дискомфорт; они встают между нами и всем прекрасным и счастливым; они гасят солнце. Если объектом является нация, с которой соприкасаются наши интересы, они отравляют атмосферу международных отношений. Так было в отношениях между Великобританией и Францией. [...] Все это должно было измениться; все должно было стать положительно приятным, там, где раньше мы видели только то, что отталкивало; понимать и быть понятым там, где раньше были искажения и неправильное понимание; иметь друзей вместо врагов - это, когда это происходит, является одним из величайших удовольствий в жизни".

Конечно, ценой за это был "вечный дискомфорт", "яд", "искажение" и "неправильное понимание" в отношениях с Германией, но это, очевидно, не позволило ничему встать между Греем и "всем прекрасным и счастливым". В глазах Грея Франция больше не подходила Англии, в то время как Германия собиралась превзойти Англию экономически. В 1905 году Грей возглавил Министерство иностранных дел и впоследствии окружил себя джентльменами из антигерманского круга МИДа. Кроу, Маллет, Тирелл и Берти - все они достигли ключевых постов и тесно сотрудничали с Греем. Карнок - единственный, о ком мне ничего не удалось найти. Берти уже был послом в Париже и в будущем стал одним из столпов новой британской политики. [\[74\]](#) По словам Маргарет Бовари, при Грее поменялись послы важнейших европейских государств, но парижское посольство с сэром Ф.

Берти осталось неизменным, и "из частных писем между ним и Греем явствует, что между этими двумя людьми должны были царить близкие отношения и отличное согласие". С 1905 по 1906 год Луи Маллет был личным секретарем Грея, а с 1906 по 1907 год - старшим клерком в Министерстве иностранных дел. В 1907-1913 годах он был заместителем государственного секретаря по иностранным делам, а в 1913-1914 годах - дипломатом в Константинополе. Маргарет Бовери считает, что влияние Маллета на Грея было "значительным", и относит его "к числу наиболее ревностных сторонников англо-русской дружбы". Но еще более выраженной, чем эта тенденция, является его антигерманская позиция". Уильям Тирелл был старшим клерком в Министерстве иностранных дел с 1907 по 1918 год, а с 1907 по 1915 год - личным секретарем Эдварда Грея [\[75\]](#).

В своих мемуарах Грей особенно выделяет Тирелла и пишет, ссылаясь на него: [\[76\]](#)

"Общественность практически не имеет возможности узнать, насколько она обязана государственной службе особым дарованиям и качествам отдельных государственных служащих, занимающих высокие должности в Государственном департаменте. В каждом случае, когда такие качества есть, человек оказывает услуги, свойственные только ему, и, кроме того, принимает активное участие в ведении дел в Департаменте. [...] У меня была возможность, находясь на своем посту, узнать большую ценность государственной службы Тайрелла; но главное, что является призом, - это наша дружба, которая началась в Министерстве иностранных дел и продолжалась непрерывно и тесно после прекращения официальных связей".

Наконец, в 1906 году Эйр Кроу стал старшим клерком в Министерстве иностранных дел и с 1912 по 1920 год был помощником заместителя министра иностранных дел. [\[77\]](#) Его роль в британской политике в отношении Германии невозможно переоценить. Для Германа Лутца, эксперта следственного комитета Рейхстага по вопросу о военной вине, Эйр Кроу - "злой дух министерства иностранных дел", [\[78\]](#) и Маргарет Бовери подтверждает это: [\[79\]](#).

"Хотя мы [...] должны оценить его непосредственное влияние на ежедневные решения в Министерстве иностранных дел как небольшое [из-за его относительно низкого положения; из-за своей матери-немки он, предположительно, поднимался медленно], его фиксированная позиция, однако, несомненно, имела огромное влияние на формирование атмосферы, которая преобладала в Западном департаменте и на основе которой делалась политика".

Следует кратко отметить - это будет развито позже, - что, находясь в подчиненном положении, как эксперт по Германии, Кроу несколько раз оказывал решающее влияние на официальную политику. Сам Эдвард Грей в своих мемуарах уделяет Кроу значительное внимание:

"С тех пор как я покинул свой пост, я испытываю огромное удовлетворение, видя, как большие знания, способности и непревзойденная преданность государственной службе были признаны при продвижении сэра Эйра Кроу на пост главы Министерства иностранных дел".

И он добавил в качестве сноски:

"С момента написания этих слов государственная служба страны понесла невосполнимую утрату в связи со смертью сэра Эйра Кроу".

При Грее антигерманские круги, стоявшие за статьей Saturday Review 1895 года, заняли ключевые позиции.

Грей знал о существовавшей там модели мышления и косвенно одобрял ее. Так, Грей записал разговор от 28 апреля 1908 года с Клемансо и счел его настолько важным, что включил в свои мемуары как один из немногих документов. Там мы читаем: [\[81\]](#)

"Сегодня утром мсье Клемансо имел со мной беседу в Министерстве иностранных дел.

Он с большим акцентом подчеркнул уверенность в том, что мы должны будем вмешаться на европейском континенте против любой державы, достигшей там господствующего положения, как это пришлось сделать во времена Наполеона.

Он сказал, что мы должны быть готовы к этому. [...] Он считал, что это очень важно. Судьба Наполеона была решена не при Трафальгаре, а при Ватерлоо. И так должно быть снова, в случае любой державы, которая попытается доминировать на континенте".

Клемансо сознательно использует те способы мышления из статей Saturday Review, чтобы подтолкнуть Англию к войне против Германии, а Грей отвечает таким образом, что эти способы мышления не только знакомы ему, но и находятся под его влиянием. Об этом также свидетельствует цитата из Грея, которую можно найти у Маргарет Бовери: [\[82\]](#).

"Немцам непонятен тот факт, что Англия всегда вставала в оппозицию или намеренно выступала против любой державы, устанавливающей гегемонию в Европе."

Своим поведением Грей обманул многих немцев относительно своей антинемецкой позиции, и не только дипломатов, но и

ученых, до такой степени, что заставил Ганса Ротфельса насмешливо сослаться на замечание прусского артиллерийского лейтенанта о Наполеоне: [\[83\]](#).

"Добродушный парень, но глупый, глупый".

Будучи сотрудником "The Saturday Review" в 1895-1897 годах, Г.Б. Шоу, конечно же, был знаком с антигерманским развитием событий и наверняка знал авторов статей, агитирующих против Германии. Он попытался предупредить немецкого посла Лихновского в Лондоне о Грее и его политике. Он изложил Лихновскому свое предложение. Шоу: [\[84\]](#)

"Он отверг его, не раздумывая ни секунды. Это было неуместно [сказал он], потому что сэр Эдвард Грей был одним из величайших ныне живущих государственных деятелей, более того, самым искренним другом Германии. Я не мог [...] не поднять руки к небу и, вместе с Гусом, воскликнуть: Sancta simplicitas [святой простак]! Кроме того, на костер, конечно, шел не я, а Лихновский. [...] В мою задачу не входило просвещать герцога о том, что он идет прямо в ловушку".

Ловушка настолько тщательно продумана, что Шоу пишет о британских канатоходцах по случаю начала Первой мировой войны: [\[85\]](#).

"В этот важный час они чувствовали, что Англия погибнет, если хоть один предатель из их среды выпустит в мир хоть крошечное зернышко правды о чем-либо".

Начиная с 1905 года, Министерство иностранных дел начинает систематически строить фронт с Россией и Францией против Германии. Это развитие событий доказывается на основе открытых документов немецкой стороны после проигранной войны. Кроу, но не только он, систематически работал против

Германии через многочисленные документы, но прежде всего через свой меморандум от 1 января 1907 года, [86] в котором он утверждал, что Германия стремится к мировому господству и хочет тайно напасть на Англию. Сандерсон, постоянный заместитель государственного секретаря по иностранным делам с 1894 по 1906 год, в своем контрэкспертном заключении отверг самые серьезные искажения в меморандуме Кроу. Грей передал документ только своим единомышленникам, в остальном он никуда не попал. [87].

Это завело бы нас слишком далеко, чтобы представить всю ложь, искажения, искажения и уловки, с помощью которых Грей, Кроу и компания подготовили почву для войны против Германии. Они были тщательно изучены до мельчайших подробностей в ходе многочисленных расследований в Германии".

Г.Б. Шоу свел Первую мировую войну к этому ничтожеству:

"Нынешнее уничтожение германской военной мощи является [...] совершенно регулярной операцией британской внешней политики, которая была выполнена по плану со всей решимостью, терпением, хитростью и силой, которые мы в Англии привыкли использовать, и с ошеломляющим успехом. Но также, однако, с удивительным английским талантом скрывать от самих себя то, что они делают. Англичанин никогда не знает, что замышляет "министерство иностранных дел"; [...] инстинкт подсказывает ему, что лучше ему [...] не знать".

Весь текст изобилует такими и другими цитатами, которые описывают методы и отчасти мотивы британского империализма. Что касается ключевой роли Грея и его методов, еще одна цитата:

"Грей не был уничтожен из-за своих ошибок; скорее, для него стал роковым тот факт, что необходимость кормить британскую общественность детской сказкой о природе и причинах войны сделала невозможным для него подчеркнуть свой триумф; ведь это был вид, который он сам назвал макиавеллистским".

Есть также весомый факт, доказывающий, что Шоу точно знал, о чем говорил, что ему были известны фундаментальные идеи Грея. В 1912 году он сделал публичное предложение о том, как можно сохранить мир; это то, что он также изложил Лихновскому: [\[89\]](#).

"Чтобы избежать войны, Англии пришлось бы усилить свою армию как стража баланса сил и официально и недвусмысленно заявить, что в случае нападения Германии на Францию она бросит свой меч на чашу весов в пользу последней. Но, с другой стороны, ей придется дать гарантию, что она будет защищать Германию в случае нападения на нее России, Франции или обеих сторон".

Согласно всему, что известно сегодня, Первой мировой войны 1914 года не было бы. Германия смогла бы спокойно выдержать парад из России в сторону своих границ!

Враг как преступник

Война как Армагеддон, где противник уже не просто противник и, в конечном счете, побежденная сторона, а, скорее, абсолютное Зло, уже была предсказана газетой Saturday Review 1 февраля 1896 года. После Второй мировой войны этот путь был последовательно пройден с помощью судебных процессов над военными преступниками и не только. О том, что эти процессы были направлены против Германии как таковой, свидетельствует Устав Организации Объединенных Наций, который лишает Германию прав человека и права на самоопределение. Поскольку Хартия также направлена против Японии, которая, однако, не обвиняется в "уникальных" преступлениях, истинная подоплека становится очевидной: она была направлена против двух великих незападных экономических держав и, следовательно, была направлена на защиту самого священного сокровища Запада: ключа к власти и материальному богатству.

Суды над военными преступниками были потребованы победителями уже в конце Первой мировой войны. Поведение Эйра Кроу позволяет нам предположить, что он был политическим инициатором этого требования, необычного для современной европейской истории. Лутц пишет: [\[90\]](#)

"Характерно, что заявления немецкой делегации в Париже по поводу выдачи немецких "военных преступников" произвели определенное впечатление на всех, кроме представителя Англии сэра Эйра Кроу, который вел себя совершенно негативно и почти оскорбительно".

Уинстон С. Черчилль, который был связан с этими кругами и их деятельностью не только благодаря своему сотрудничеству в "The Saturday Review", впоследствии способствовал продолжению этой британской политики; у него также были

любовные отношения с Греем, о которых Уилфрид Скрауэн Блант сообщает в своих дневниках:

"Уинстон, тем не менее, не хочет ничего говорить о Грее, кроме того, что он - яркий пример англичанина, лучший в своем роде, и они, очевидно, хорошие друзья; на самом деле, Грей - крестный отец сына Уинстона".

Известна его роль в качестве военно-морского министра, в качестве которого он приказом от 30 июля 1914 года, то есть до начала войны, обеспечил сбор британского средиземноморского флота, который, в случае войны между Германией и Францией, втянул бы Англию в войну при любых обстоятельствах, даже без марша через Бельгию немецких войск. [\[91\]](#).

"Довольно многие вещи, похоже, были переданы сюда благодаря резкой и живой манере, в которой Черчилль хотел видеть проведение внешней политики", - утверждает Маргарет Бовери, которая также приводит письмо Маллета к Грею, предостерегающее от неосмотрительности, которая "выскользнет из Черчилля во время маневров". [\[92\]](#) Этой слабости характера Черчилля мы предположительно обязаны знанием секретной речи от марта 1936 года, которая была приведена выше. Текст речи был передан в апреле 1936 года немецкому посольству в Лондоне. [\[93\]](#) После Второй мировой войны Черчилль опубликовал эту речь в книге "Вторая мировая война - надвигающаяся буря" в бостонском издании 1948 года. Предположительно, произошло какое-то вмешательство, поскольку в лондонском издании 1948 года и, естественно, в немецком издании она отсутствует!

Здесь Черчилль заявляет:

"Ибо, поверьте мне, если бы любая из этих других держав, таких как Испания, Людовик XIV, кайзер Вильгельм, стала

абсолютным правителем Европы благодаря нашей помощи, то они ограбили бы нас и на следующее утро после своей победы обрекли бы нас на ничтожество и нищету".

Вот она, снова пустота, которая является сутью всего этого: власть и деньги - остальное - витрина! Ни победа над Испанией, ни победа над Людовиком XIV или Наполеоном, которые, конечно же, тоже входят в эту переключку, не привели к торжеству демократии в этих странах! То, как шли дела у людей в этих системах, было совершенно безразлично для сильных мира сего в Великобритании - и демократия, которая якобы так важна, согласно западной пропаганде, была скрыта не только от французов и испанцев, но и от их собственных подданных[3].

Ведь если бы борьба действительно велась против тирана и за демократию, то британская политика должна была бы решительно и энергично противостоять Советскому Союзу, пусть даже путем постоянной массовой поддержки белых против красных. В 20 веке мораль была открыта как оружие и направлена против Германии. Назвав врага преступником, можно оправдать любое преступление против него! Возводя его преступления в ранг "уникальности", можно релятивизировать и принизить до ничтожности любое другое преступление!

Ложные параллели

Как известно, Рим и Карфаген вели три войны, Великобритания и Германия - пока только две! Поскольку Германия воссоединилась и коммунизм рухнул, в результате чего помощь Германии против Советского Союза больше не нужна, этот синдром Карфагена снова всплыл на поверхность. Цитируются Киссинджер и Валенса, чья жадность к награбленному безмерна. Но есть еще и другие тексты без агрессивного фона, которые дают повод для надежды.

12 марта 1948 года, через несколько дней после падения в КСР и последующего самоубийства Яна Масарика, главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе по военным преступлениям сэр Хартли Шоукросс заявил, согласно лондонской "Таймс": [\[94\]](#).

"Шаг за шагом я все больше и больше приходил к выводу, что цели коммунизма в Европе - это зловещие и смертоносные цели. Я преследовал нацистов в Нюрнберге. Вместе с моими российскими коллегами я осудил нацистскую агрессию и нацистский террор. [\[95\]](#). Сейчас я испытываю стыд и унижение, видя, как под другим именем преследуются те же цели, как бесконтрольно применяются те же методы".

Международное издание американского журнала Newsweek писало 8 мая 1995 года, в 50-ю годовщину безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии: [\[96\]](#).

"Главы государств, собравшиеся на этой неделе для торжественного воспоминания об окончании Второй мировой войны, официально посвятят себя теме примирения. Победители 1945 года проявили по отношению к проигравшим необычную степень великодушия, чего они не делали после Первой мировой

войны - с катастрофическими последствиями. Однако государство, которое первым осуществило это примирение, не будет принимать участие в собрании. Это Советский Союз, чья идеологическая угроза заставила победившие западные державы вновь поставить Германию и Японию на ноги в рамках свободной рыночной экономики и политической демократии. При ближайшем рассмотрении, эта война не закончилась даже в 1945 году. Те, кто вел войну, просто оказались в новых системах союзов и с измененной тактикой. Конец наступил только в 1990-91 годах, когда Германия была воссоединена, а Советский Союз распался. Согласно этому общему взгляду на хронологию, можно сказать, что война длилась семьдесят пять лет. Кайзер и Гитлер проиграли, а Германия победила".

А правительство Германии? Небольшой эпизод доказывает, что те, кто там правит, гораздо лучше управляемых знают, что происходит в глобальном масштабе. Когда тогдашний премьер-министр Великобритании Джон Мейджор в своем обращении в Берлине по случаю 50-летия окончания войны говорил о второй Тридцатилетней войне 1914-1945 гг:

"Пятьдесят лет назад в Европе завершилась 30-летняя война, с 1914 по 1945 год. Бойня в окопах, разрушение городов и угнетение граждан: все это оставило Европу в руинах, как и другая 30-летняя война за три века до этого".

Бюллетень правительства Германии (№ 38, 12 мая 1995 года) сфальсифицировал текст речи:

"Vor fünfzig Jahren erlebte Europa das Ende der dreißig Jahre, die nicht einen, sondern zwei Weltkriege beinhaltet hatten. Das Gemetzel in den Schützengräben, die Zerstörung der

Städte und die Unterdrückung der Bürger hinterließen ein Europa in Trümmern, gerade, wie es einige Jahrhunderte zuvor der Dreißigjährige Krieg getan hatten."

На английском языке:

"Пятьдесят лет назад Европа пережила конец тридцатилетнего периода, в течение которого произошла не одна, а две мировые войны. Бойня в окопах, разрушение городов и угнетение граждан оставили после себя Европу в руинах, как и Тридцатилетняя война за несколько веков до этого".

Но еще через несколько недель после выступления британское посольство прислало верхний текст с четкой формулировкой "другая 30-летняя война"! По воле немецкого федерального правительства тому факту, что Мейджор рассматривает Первую и Вторую мировые войны как части единого события, не позволили стать публично известным в Германии.

Бертольд Брехт однажды предостерегающе написал, обращаясь к Германии: [\[97\]](#)

"Великий Карфаген вел три войны. После первой он был еще силен, после второй - еще обитаем. После третьей его уже нельзя было найти".

После Первой мировой войны один иностранный дипломат сказал Черчиллю: [\[98\]](#)

"За двадцать лет моего пребывания там я был свидетелем глубокой и полной революции в Англии, такой же, какой была Французская революция. Правящие классы в вашей стране были почти полностью лишены политической власти и, в значительной степени, процветания и собственности; и все это [...] без потери одной человеческой жизни".

Европейские высшие классы, праздные люди Шелера и Шоу, которые хотели быть "умными", развязав войну, поплатились! Анастасия, жена великого князя Николая Николаевича - который в 1914 году после убийства в Сараево, как предполагается, триумфально воскликнул Пуанкаре: "Война разразится. От Австрии больше ничего не останется [...] Германия будет уничтожена!" [\[99\]](#) - потеряли все!

В 1947 году, после Второй мировой войны, Индия, корона Британской империи, стала независимой. Египет освободился от Великобритании, и впоследствии Великобритании пришлось уступить Суэцкий канал. В 1957 году Золотое побережье стало первым независимым государством Черной Африки, за которым последовало большое количество колоний. Черчиллю еще предстояло узнать то, что знал Шоу: мир, на который человек обменял свою душу, по-своему тает в его руках. Ни Первую, ни, тем более, Вторую мировую войну Великобритания не смогла выиграть собственными силами! С позиции хозяина мира Великобритания была низведена до ничтожества, и это падение, похоже, еще не закончилось. Возникают новые державы. Их влияние, благодаря современным террористическим методам ведения войны и беспрекословному применению этих методов, может легко вырасти до крайних размеров. Они предъявляют свои претензии и создают новые очаги конфликтов. Они угрожают объединением исламских держав и фундаментализма. Новая война против Германии поднимет их мощь в стратосферу. Следует опасаться, что могущественные группы будут продолжать не замечать, что современный мир гораздо больше, чем мир белого человека.

В любом случае, аналогия Рим = Великобритания и Карфаген = Германия неверна. Ведь Карфаген был торговой и морской державой, а Рим - сухопутной державой античности! Брехт был мастером языка, но не разбирался в политике. Его история

сегодня рассказала бы совсем другую историю: Великобритания выиграла две войны. После первой она была еще могущественна, после второй - еще обитаема. Неужели кто-то всерьез верит, что Великобритания может решиться на третью войну против Германии?

Кто нарушил Версальский договор о разоружении?

*Декларация правительства Германского рейха
16 марта 1935 года*

В ноябре 1918 года, когда немецкий народ - доверяя заверениям, данным в "Четырнадцать пунктов" Вильсона, - капитулировал после 4,5 лет героического сопротивления в войне, начала которой он никогда не желал, он верил, что тем самым оказал услугу не только измученному человечеству, но и великой Идее *как таковой*. В то время как они сами больше всех страдали от последствий этой безумной борьбы, миллионы немцев доверчиво потянулись к идее реконфигурации международных отношений, которые должны были быть облагорожены устранением тайной дипломатии, а также ужасных средств войны.

Пожалуй, ни один другой народ не приветствовал идею Лиги Наций так горячо, как немецкий, лишенный всякого земного счастья. Только в этом контексте можно понять, что порой совершенно бессмысленные условия уничтожения всех и каждого средства обороны были не только приняты, но и выполнены немецким народом. Немецкий народ и особенно его правительство в то время были убеждены, что выполнение условий разоружения, предусмотренных Версальским договором, положит начало и гарантирует начало международного, всеобщего разоружения, как это было обещано договором. Ибо только такое двустороннее выполнение этого обязательства, наложенного Договором, могло оправдать требование, которое, если бы оно было навязано и выполнено односторонне, не могло бы не превратиться в вечное унижение и тем самым в декларацию неполноценности великой нации. В свете этого, однако, такой мирный договор никогда не мог стать предпосылкой для

подлинного внутреннего примирения народов и, таким образом, предвестником всеобщего мира; он мог стать лишь предпосылкой для вечно гноящейся ненависти.

По оценке Межсоюзнической контрольной комиссии, Германия выполнила возложенные на нее обязательства по разоружению.

Ниже перечислены работы по уничтожению немецких сил обороны и их средств, подтвержденные этой комиссией:

А. Армейское оружие, которое было уничтожено:

59,897	артиллерийские орудия и стволы,
130,558	пулеметы,
31,470	минометы и стволы,
6,007,000	винтовки и карабины,
243,937	стволы пулеметов,
28,001	орудийные лафеты,
4,390	минометные вагоны,
38,750,000	снаряды большого калибра,
16,550,000	ручные и винтовочные гранаты,
60,400,000	предохранители под напряжением,
491,000,000	боеприпасы для ручного оружия,
335,000	тонны картриджей,
23,515	тонны гильз,
37,600	тонны пороха,
79,500	демонтаж боеприпасов,
212,000	телефоны,
1,072	огнеметы,

31	бронепоезда,
59	танки,
1,762	машины наблюдения,
8,982	беспроводные станции,
1,240	полевые пекарни,
2,199	понтонны,
981.7	тонны снаряжения для солдат,
8,230,350	комплекты снаряжения для солдат,
7,300	пистолеты и револьверы,
180	пулеметные сани,
21	передвижные мастерские,
12	носители зенитных орудий,
11	держатели для оружия повышенной прочности,
64,000	стальные шлемы,
174,000	противогазы,
2,500	машины бывшей военной промышленности,
8,000	винтовочные стволы.

В. Оружие ВВС, которое было уничтожено:

15,714	истребители	и
	бомбардировщики,	
27,757	авиационные двигатели.	

С. Военно-морское оружие, которое было уничтожено:

26 капитальные корабли,
4 бронированные патрульные
4 катера береговой охраны,
4 броненосные крейсера,
19 небольшие крейсера,
21 учебные и специальные суда,
83 торпедные катера,
315 подводные лодки.

Далее, необходимо было уничтожить следующее:

Транспортные средства всех видов, средства газовой войны и средства защиты от газа, горючие и взрывчатые вещества, прожекторы, прицельные приспособления, дальномеры и звуковые дальномеры, оптические приборы всех видов, конская упряжь, оборудование узкоколейных железных дорог, полевые типографии, полевые кухни, мастерские, колющее и режущее оружие, стальные каски, материалы для перевозки боеприпасов, стандартные и специальные машины военной промышленности, а также оснастка, чертежи того же, корабельные и самолетные ангары и т.д.

После этого исторически беспрецедентного выполнения договора немецкий народ вправе был ожидать выполнения обязательств, согласованных с другой стороной. Для:

1. Германия разоружилась.
2. В мирном договоре прямо требовалось, чтобы Германия была разоружена в качестве предварительного условия для всеобщего разоружения, то есть тем самым утверждалось, что вооружение Германии было единственной причиной того, что другие страны также были вооружены.

3. В своих правительствах, а также в своих политических партиях немецкий народ в то время придерживался менталитета, который полностью соответствовал пацифистско-демократическим идеалам Лиги Наций.

Но в то время как Германия выполнила свои обязательства, другие стороны договора пренебрегли выполнением своих собственных.

То есть, высшие должностные лица стран-победительниц в одностороннем порядке разорвали обязательства Версальского договора.

Однако мало того, что было отказано в разоружении, хоть как-то сопоставимом с уничтожением оружия в Германии, нет: процесс вооружения даже не был остановлен. Напротив, дальнейшая эскалация стала очевидной в целом ряде стран.

Что касается новых машин уничтожения, то то, что было изобретено в военное время, теперь совершенствовалось методичной, научной работой в мирное время. Постоянно совершенствовались мощные сухопутные танки, а также новые боевые и бомбардировочные машины. Создавалась новая гигантская артиллерия, производились новые взрывные, зажигательные и газовые бомбы.

С тех пор в мире раздаются военные крики, как будто никогда не было мировой войны и как будто никогда не был подписан Версальский договор.

На фоне этих наций, хорошо вооруженных для войны и все больше использующих новейшие моторизованные силы, Германия была беззащитной державой, беззащитной перед любой угрозой. Немецкий народ помнит несчастье и трагедию 15 лет экономического обнищания и политического унижения.

Поэтому вполне понятно, что Германия стала настаивать на том, чтобы другие страны выполнили свое собственное обещание о разоружении. Это и понятно:

Столетний мир должен был бы стать неизмеримым благословением для всего мира. Однако столетний раскол на победителей и побежденных - это то, чего мир не может вынести.

Призывы народа привели к попыткам добиться через конференции общего снижения уровня вооружений.

Таким образом, были разработаны первые предложения по международным соглашениям о вооружении, наиболее значимым из которых стал план Макдональда.

Германия была готова принять этот план и сделать его основой для соглашений.

План Макдональда провалился, потому что он был отвергнут другими странами. Поскольку равенство, которое было торжественно гарантировано немецкому народу в декларации от декабря 1932 года, в этих условиях не наступило, новое правительство Германии, выступая в роли защитника чести и естественных прав немецкого народа, считало себя неспособным участвовать в подобных конференциях или оставаться в Лиге Наций.

Но даже покинув Женеву, германское правительство по-прежнему было готово не только рассматривать предложения других стран, но и выдвигать свои собственные. При этом оно поддерживало мнение, придуманное самими другими странами, о том, что создание краткосрочных армий не подходит для целей нападения и поэтому должно быть рекомендовано для мирной обороны.

Поэтому немецкое правительство было готово изменить долгосрочный *рейхсвер* на краткосрочную армию в соответствии с пожеланиями других государств. Его предложения зимы 1933/34 года были осуществимы. Однако их отклонение, как и отклонение аналогичных итальянских и британских предложений, показало, что среди других участников Версальского договора больше не было склонности даже к запоздалому выполнению духа версальских положений о разоружении.

В этих условиях германское правительство сочло себя вынужденным взять на себя инициативу в отношении тех необходимых мер, которые могли бы обеспечить прекращение не менее унижительного, чем опасного состояния бессильной беззащитности великого народа и нации.

В основе этого действия лежит то же соображение, которое так метко выразил министр Болдуин:

"Нация, которая не готова принять необходимые меры предосторожности для своей защиты, никогда не будет иметь никакой власти в мире, ни моральной, ни материальной".

Но правительство сегодняшнего германского рейха желает только одной моральной и материальной силы, а именно: иметь возможность сохранить мир для рейха и, таким образом, возможно, для всей Европы.

Таким образом, правительство Германии продолжало делать все, что было в его силах и могло послужить укреплению мира.

1. Уже давно правительство Германии предложило заключить пакты о ненападении с соседними странами.
2. Со своим восточным соседом, Польшей, германское правительство искало и достигло договорного

урегулирования, которое, благодаря большой уступчивости и пониманию, разрядило угрожающую ситуацию, с которой правительство столкнулось в момент прихода к власти, и которое, как оно надеется, приведет к прочному взаимопониманию и дружбе между двумя народами.

3. Наконец, германское правительство дало Франции торжественное заверение, что после урегулирования вопроса о Саарской области оно не будет предъявлять Франции никаких дальнейших территориальных требований или просьб. Правительство считает, что этой великой политической и материальной жертвой исторически редкого рода оно создало предпосылку для прекращения вековой ссоры между двумя великими народами.

Однако, к своему сожалению, германское правительство видит, что в остальном мире продолжается эскалация процесса вооружений. В создании советско-российской армии, состоящей из 101 дивизии, т.е. численностью 960 000 человек в мирное время, оно видит опасность, которую нельзя было предвидеть во время составления Версальского договора.

В усилении подобных мер со стороны других стран германское правительство видит еще одно доказательство того, что эти страны отвергли некогда торжественно провозглашенный договор о разоружении. Германское правительство не желает выдвигать обвинения против какой-либо одной страны, но оно должно отметить, что, решив ввести двухлетний срок военной службы, Франция отказалась от принципа *краткосрочных* армий в пользу долгосрочной армии.

Этот принцип, однако, был одной из причин более раннего требования, чтобы Германия отказалась от своей армии.

В этих условиях правительство Германии считает невозможным продолжать приостанавливать меры, необходимые для обеспечения безопасности Рейха, и тем более не допустить, чтобы об этих мерах узнал весь остальной мир.

Если, таким образом, это соответствует желанию британского министра Болдуина и проясняет намерения Германии, то это делается

1. для того, чтобы дать немецкому народу убеждение, а другим народам - понимание того, что сохранение чести и безопасности Германского Рейха теперь снова доверено собственной власти немецкой нации;

2. для того, чтобы опровергнуть, заявив о масштабах этих мер, те утверждения, с помощью которых немецкий народ обвиняют в стремлении к военному превосходству в Европе.

Германское правительство, стоящее на страже чести и интересов германской нации, желает обеспечить необходимый объем тех инструментов власти, которые требуются для сохранения целостности германского рейха и для обеспечения международного уважения и рассмотрения Германии как товарища, гарантирующего всеобщий мир.

В это время правительство Германии подтверждает перед немецким народом и перед всем миром свою решимость, что перевооружение Германии не будет направлено на военную агрессию, а станет залогом ее обороны и, таким образом, сохранения мира.

Правительство Германии настоящим выражает уверенную надежду, что по мере того, как немецкий народ найдет путь к своей чести, ему - в духе независимого равенства - будет предоставлена возможность внести свой вклад в

умиротворение мира в свободном и открытом сотрудничестве с другими нациями и их правительствами.

То, что отверг мир

Марк Вебер, 2013 г.

*Предисловие к книге "Мирные предложения Гитлера 1933-1939
гг.*

Даже многие люди, считающие себя хорошо информированными об Адольфе Гитлере и Третьем рейхе, не знают о многочисленных усилиях немецкого лидера по установлению мира в Европе, включая серьезные предложения по сокращению вооружений и ограничению их развертывания, которые были отвергнуты лидерами Франции, Великобритании и других держав.

Первая крупная речь Гитлера о внешней политике после вступления в должность канцлера, произнесенная в рейхстаге 17 мая 1933 года, была призывом к миру, равноправию и взаимопониманию между народами. Его призыв был настолько разумным и убедительным, что его поддержали даже представители оппозиционной Социал-демократической партии. Два года спустя, в своем обращении к Рейхстагу 21 мая 1935 года, немецкий лидер вновь подчеркнул необходимость мира на основе взаимного уважения и равных прав. Даже лондонская газета "Таймс" оценила эту речь как "разумную, прямую и всеобъемлющую".

Такие призывы не были простой риторикой. Например, 31 марта 1936 года гитлеровское правительство обнародовало всеобъемлющий план укрепления мира в Европе. Подробный документ включал множество конкретных предложений, в том числе демилитаризацию всего Рейнского региона, соглашение о безопасности Западной Европы и категорический запрет на

зажигательные бомбы, ядовитый газ, тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Хотя это широкомасштабное предложение и другие подобные ему были отвергнуты лидерами в Лондоне, Париже, Варшаве и Праге, инициативы Гитлера были не совсем бесплодными. Например, в январе 1934 года его правительство заключило десятилетний пакт о ненападении с Польшей. (К сожалению, дух этого договора был позднее нарушен людьми, пришедшими к власти в Варшаве после смерти польского маршала Пилсудского в 1935 году). Одним из важнейших внешнеполитических успехов Гитлера стало всеобъемлющее военно-морское соглашение с Великобританией, подписанное в июне 1935 года. (Это соглашение, кстати, отменяло Версальский договор, тем самым показывая, что ни Лондон, ни Берлин все еще не считают его действительным).

В течение многих лет Гитлер стремился к союзу с Великобританией или, по крайней мере, к сердечным отношениям, основанным на взаимном уважении. При этом он старался не оскорблять гордость или чувства британцев, не делать никаких предложений, которые могли бы нанести ущерб или угрожать британским интересам. Гитлер также стремился к сердечным отношениям с Францией, точно так же стараясь не говорить и не делать ничего, что могло бы оскорбить французскую гордость или ущемить национальные интересы Франции. Искренность предложений Гитлера Франции и обоснованность его опасений по поводу возможной военной агрессии Франции против Германии подчеркивается огромными людскими и финансовыми ресурсами, которые он направил на строительство обширных оборонительных укреплений Westwall ("Линия Зигфрида") на западной границе своей страны.

На протяжении многих лет историки были склонны либо игнорировать инициативы Гитлера по снижению напряженности и укреплению мира, либо отвергать их как обманчивое позерство. Но если бы ответственные лидеры Великобритании и Франции в 1930-е годы действительно считали эти предложения блефом или неискренним притворством, они легко могли бы разоблачить их, серьезно рассмотрев. Их безответное отношение говорит о том, что они понимали, что предложения Гитлера были искренними, но все равно отвергли их, потому что их принятие могло поставить под угрозу военно-политическое господство Великобритании и Франции в Европе.

В следующем эссе немецкий ученый рассматривает предложения Гитлера и его правительства - особенно в годы, предшествовавшие началу войны в 1939 году - по продвижению мира и равноправия в Европе, снижению напряженности и значительному ограничению производства и развертывания вооружений.

Автор, Фридрих Штиве (1884-1966), был немецким историком и дипломатом. Во время Первой мировой войны он служил пресс-атташе в посольстве Германии в Стокгольме. В 1928-1932 годах он представлял демократическое правительство Германии в качестве посла своей страны в Латвии. Затем он переехал в Берлин, где в 1932-1939 годах возглавлял бюро по культурно-политическим вопросам Министерства иностранных дел Германии. Он получил докторскую степень в Гейдельбергском университете и был членом Прусской академии наук. Среди книг Штиве - "История немецкого народа" (1939), "Вендепункты европейской истории немецкой войны до начала войны" (1941) и сборник стихов.

Ниже приводится перевод пространного эссе доктора Штиве "Was die Welt nicht wollte: Hitlers Friedensangebote 1933-1939",

выпущенного "Немецким информационным центром" и опубликованного в виде 16-страничной брошюры в Берлине в 1940 году. Наряду с изданиями, которые вскоре были выпущены на французском и испанском языках, англоязычное издание было опубликовано в виде брошюры, по-видимому, в 1940 году газетой Washington Journal в Вашингтоне, округ Колумбия.

Гитлер не хотел войны в 1939 году - и уж точно не всеобщего или глобального конфликта. Он искренне стремился к мирному разрешению спора с Польшей о статусе этнически немецкого города-государства Данциг и региона "Коридор", который и стал непосредственной причиной конфликта. Искренность его стремления к миру в 1939 году и его страх перед новой мировой войной подтверждают многие ученые, в том числе выдающийся британский историк А. Дж. П. Тейлор. Конечно, именно объявление войны Германии Великобританией и Францией 3 сентября 1939 года, сделанное при тайной поддержке президента США Рузвельта, превратило ограниченное германо-польское столкновение в более масштабную войну на всем континенте.

Оправдывая объявление войны, Великобритания протестовала против того, что Германия нарушила суверенитет Польши и угрожала ее независимости. О пустоте и неискренности этих заявленных причин говорит тот факт, что британские лидеры не объявили войну Советской России две недели спустя, когда советские войска напали на Польскую Республику с востока. Предательство Британией Польши и лицемерие заявленных ею причин вступления в войну против Германии в 1939 году стали еще более очевидными в 1944-45 годах, когда британские лидеры допустили полный советский захват и порабощение Польши.

Шестинедельная военная кампания Германии в мае-июне 1940 года завершилась ошеломляющей победой над численно превосходящими французскими и британскими войсками и вытеснением британских войск с европейского материка. После этого исторического триумфа Гитлер и его правительство предприняли еще одну важную попытку закончить войну. (Поскольку это было сделано в 1940 году, после написания и публикации эссе доктора Штиве, оно не включено в текст, приведенный ниже).

В речи, произнесенной в Рейхстаге 19 июля 1940 года и транслировавшейся по радиостанциям всего мира, немецкий лидер сказал:

"... Из Лондона я слышу теперь крик - это крик не народных масс, а скорее политиков, - что война должна теперь, тем более, быть продолжена... Поверьте мне, мои депутаты, я испытываю внутреннее отвращение к такого рода беспринципным парламентским разрушителям народов и стран... В мои намерения никогда не входило ведение войн, а строительство нового социального государства высочайшего культурного уровня. Каждый год этой войны отрывает меня от этой работы...". Мистер Черчилль сейчас снова заявил, что он хочет войны... Я полностью осознаю, что с нашим ответом, который однажды наступит, придут также безымянные страдания и несчастья для многих людей...".

"... В этот час я чувствую себя вынужденным, стоя перед своей совестью, направить еще один призыв к разуму в Англии. Я верю, что могу это сделать, поскольку я не взываю к чему-то как побежденный, а, скорее, как победитель, выступающий во имя разума. Я не вижу убедительных причин для продолжения этой войны. Мне горько думать о жертвах, которых она потребует...

Возможно, мистер Черчилль снова отмахнется от этого моего заявления, сказав, что это всего лишь выражение страха и сомнения в нашей окончательной победе. В таком случае я облегчу свою совесть в отношении грядущих событий".

В ответ на это обращение немецкие чиновники обратились к Великобритании по дипломатическим каналам. Но Уинстон Черчилль и его правительство отвергли эту инициативу и вместо этого настаивали на продолжении войны. - Разумеется, с ужасающими последствиями для Европы и всего мира.

Мирные предложения Гитлера, 1933-1939 гг.

Фридрих Штине

Враги Германии утверждают сегодня, что Адольф Гитлер - величайший нарушитель мира, известный истории, что он угрожает каждому народу внезапным нападением и угнетением, что он создал ужасную военную машину, чтобы повсюду приносить страдания и разрушения. В то же время они намеренно скрывают очень важный факт: они сами подтолкнули вождя немецкого народа к тому, чтобы он, наконец, взял в руки меч. Они сами вынудили его добиваться силой того, чего он с самого начала пытался добиться уговорами: безопасности своей страны. Они сделали это не только объявив ему войну 3 сентября 1939 года, но и блокировав шаг за шагом в течение семи лет путь к любой мирной дискуссии.

Неоднократные попытки Адольфа Гитлера побудить правительства других государств объединиться с ним в совместном восстановлении Европы являются частью постоянно повторяющейся модели его поведения с начала его деятельности во имя Германского рейха. Но эти попытки каждый раз терпели крах из-за того, что нигде не было желания уделить им должное внимание, потому что повсюду все еще преобладал злой дух [первой] мировой войны, потому что в Лондоне и Париже, в столицах вассальных государств западных держав было только одно твердое намерение: увековечить власть [навязанного] Версальского [соглашения 1919 года].

Беглый взгляд на самые важные события дает неопровержимое доказательство этого.

Когда Адольф Гитлер вышел на первый план, Германия оказалась зажатой и беспомощной, как и предполагали победители 1918 года. Полностью разоруженная, с армией всего в 100 000 человек, предназначенной исключительно для полицейских функций внутри страны, она оказалась в тесном замкнутом кольце соседей, вооруженных до зубов и объединенных в союз. К старым врагам на Западе - Великобритании, Бельгии и Франции - были искусственно созданы и добавлены новые на Востоке и Юге: прежде всего Польша и Чехословакия. Четверть населения Германии была насильно оторвана от родной страны и передана иностранным державам. Истерзанный со всех сторон и лишенный всех средств защиты германский рейх в любой момент мог стать беспомощной жертвой алчного соседа.

Именно тогда Адольф Гитлер впервые обратился к здравому смыслу других держав. 17 мая 1933 года, через несколько месяцев после своего назначения на пост рейхсканцлера, он выступил в германском рейхстаге с речью, в которой были следующие фрагменты:

"Германия будет полностью готова распустить все свое военное ведомство и уничтожить то небольшое количество оружия, которое у нее осталось, если соседние страны сделают то же самое с такой же тщательностью.

"... Германия также полностью готова отказаться от агрессивного оружия любого рода, если вооруженные страны, со своей стороны, уничтожат свое агрессивное оружие в течение определенного срока, и если его применение будет запрещено международной конвенцией.

"... Германия готова в любой момент отказаться от агрессивного оружия, если то же самое сделает весь

остальной мир. Германия готова согласиться на любой торжественный пакт о ненападении, потому что она не думает ни на кого нападать, а только приобретать безопасность".

Ответ не был получен.

Другие державы бездумно продолжали пополнять свои арсеналы оружием, накапливать запасы взрывчатки, увеличивать численность своих войск. В то же время Лига Наций, инструмент держав-победительниц, заявила, что Германия должна сначала пройти "испытательный срок", прежде чем с ней можно будет обсуждать вопрос о разоружении других стран. 14 октября 1933 года Гитлер вышел из Лиги Наций, с которой не удалось достичь взаимопонимания. Однако вскоре после этого, 18 декабря 1933 года, он выступил с новым предложением по улучшению международных отношений. Это предложение включало следующие шесть пунктов:

- "1. Германия получает полное равенство прав.
2. Полностью вооруженные государства обязуются между собой не увеличивать свои вооружения сверх их нынешнего уровня.
3. Германия придерживается этого соглашения, свободно обязуясь использовать предоставленное ей равенство прав лишь в той мере, в какой это не будет представлять угрозы для безопасности любой другой европейской державы.
4. Все государства признают определенные обязательства в отношении ведения войны на гуманных принципах или не использовать определенное оружие против гражданского населения.

5. Все государства принимают единый общий надзор, который будет контролировать и обеспечивать соблюдение этих обязательств.

6. Европейские государства гарантируют друг другу безусловное поддержание мира путем заключения пактов о ненападении, возобновляемых через десять лет".

Вслед за этим было внесено предложение увеличить численность германской армии до 300 000 человек, что соответствует численности, "необходимой Германии с учетом протяженности ее границ и численности армий ее соседей", для защиты ее территории от нападений. Таким образом, защитник принципа мирного соглашения пытался приспособиться к нежеланию других разоружаться, выражая желание ограниченного увеличения вооружений для своей страны. Обмен нотами, который начался с этого и продолжался в течение многих лет, наконец, внезапно завершился однозначным "нет" со стороны Франции. Более того, это "нет" сопровождалось огромным увеличением вооруженных сил Франции, Великобритании и России.

Таким образом, положение Германии стало еще хуже, чем прежде. Опасность для Рейха была настолько велика, что Адольф Гитлер почувствовал себя вынужденным действовать. 16 марта 1935 года он вновь ввел воинскую повинность. Но в прямой связи с этой мерой он вновь объявил о предложении широкомасштабных соглашений, цель которых - обеспечить, чтобы любая будущая война велась на гуманных принципах, фактически сделать такую войну практически невозможной путем ликвидации разрушительных вооружений. В своей речи от 21 мая 1935 года он заявил:

"Германское правительство готово принять активное участие во всех усилиях, которые могут привести к

практическому ограничению вооружений. Оно рассматривает возвращение к принципам Женевской конвенции Красного Креста как единственно возможный путь к достижению этого. Оно считает, что на первых порах возможна лишь поэтапная отмена и объявление вне закона оружия и методов ведения войны, которые по существу противоречат все еще действующей Женевской конвенции Красного Креста.

"Как в свое время было запрещено использование пуль "дум-дум" и, в целом, предотвращено на практике, так и использование других специфических видов оружия может быть запрещено, а их применение на практике может быть исключено. Здесь немецкое правительство имеет в виду все те вооружения, которые несут смерть и разрушение не столько сражающимся солдатам, сколько некомбатантным женщинам и детям.

"Германское правительство считает ошибочной и неэффективной идею отказаться от самолетов, оставив открытым вопрос о бомбардировках. Но оно считает возможным запретить использование определенных видов оружия как противоречащих международному праву и подвергнуть ostracismu те страны, которые все еще используют их, от сообщества человечества, от его прав и законов.

"Она также считает, что постепенный прогресс - лучший путь к успеху. Например, можно было бы запретить использование газовых, зажигательных и взрывных бомб вне зоны боевых действий. Затем это ограничение может быть расширено до полного международного объявления вне закона всех бомбардировок. Но пока бомбардировки как таковые разрешены, любое ограничение количества

воздушных бомбардировщиков сомнительно, учитывая возможность их быстрой замены.

"Если бомбардировки как таковые будут признаны варварскими и противоречащими международному праву, то строительство бомбардировочных самолетов вскоре будет прекращено как излишнее и бессмысленное. Если с помощью Женевской конвенции Красного Креста оказалось возможным предотвратить убийство незащищенных раненых или пленных, то с помощью аналогичной конвенции должно быть также возможно запретить и в конечном итоге положить конец бомбардировкам столь же незащищенного гражданского населения.

"В таком фундаментальном способе решения проблемы Германия видит большую уверенность и безопасность для наций, чем во всех пактах о помощи и военных соглашениях.

"Правительство Германии готово согласиться на любое ограничение, которое приведет к отмене самых тяжелых вооружений, особенно пригодных для агрессии. Таким оружием является, во-первых, самая тяжелая артиллерия, а во-вторых, самые тяжелые танки. Учитывая огромные укрепления на французской границе, такая международная отмена самых тяжелых средств нападения автоматически обеспечит Франции почти стопроцентную безопасность.

"Германия заявляет о своей готовности согласиться на любое ограничение размеров калибра артиллерии, а также линкоров, крейсеров и торпедных катеров. Таким же образом правительство Германии готово принять любое международное ограничение размеров военных

кораблей. И, наконец, оно готово согласиться на ограничение тоннажа подводных лодок или на их полную отмену на основе международного соглашения.

"И она дает дополнительные гарантии, что согласится на любые международные ограничения или отмену вооружений на единый период времени".

И снова декларации Гитлера не получили ни малейшего отклика.

Напротив, Франция заключила союз с Россией, чтобы еще больше усилить свое господство на континенте и значительно увеличить давление на Германию с Востока.

Ввиду очевидных разрушительных намерений своих противников Адольф Гитлер был вынужден принять новые меры для обеспечения безопасности Германского рейха. 3 марта 1936 года он занял Рейнскую область, которая оставалась без военной защиты со времен [Версальского] соглашения 1919 года, и тем самым закрыл широкие ворота, через которые западный сосед мог осуществить вторжение. Вновь после оборонительного шага, который он был вынужден предпринять, он щедро призвал к всеобщему примирению и урегулированию всех разногласий. 31 марта 1936 года он сформулировал следующий мирный план:

1 . Для того чтобы придать будущим соглашениям, обеспечивающим мир в Европе, характер нерушимых договоров, нации, участвующие в переговорах, делают это только на совершенно равных основаниях и как равно уважаемые члены. Единственной убедительной причиной для подписания этих договоров может быть только общепризнанная и очевидная польза этих соглашений для мира в Европе, а значит, для социального счастья и экономического процветания народов.

2. Чтобы сократить, в экономических интересах европейских наций, период неопределенности, германское правительство предлагает ограничить первый период до подписания пактов о ненападении, гарантирующих мир в Европе, четырьмя месяцами.

3. Германское правительство дает гарантию не добавлять в течение этого периода никаких подкреплений к войскам в Рейнской области при условии, что бельгийское и французское правительства будут действовать таким же образом.

4. Германское правительство дает гарантию не перемещать в течение этого периода ближе к бельгийской и французской границам войска, в настоящее время размещенные в Рейнской области.

5. Германское правительство предлагает создать комиссию в составе двух держав-гарантов, Великобритании и Италии, и незаинтересованной третьей нейтральной державы, чтобы гарантировать эти заверения, которые будут даны обеими сторонами.

6. Германия, Бельгия и Франция имеют право послать по одному представителю в эту Комиссию. Если Германия, Франция или Бельгия считают, что по каким-либо причинам они могут указать на изменение военной ситуации, имевшее место в течение этого четырехмесячного периода, они имеют право сообщить Комиссии по гарантиям о своих наблюдениях.

7. Германия, Бельгия и Франция заявляют о своей готовности в таком случае разрешить этой Комиссии провести необходимые расследования через британских и итальянских военных атташе и доложить об этом державам-участницам.

8. Германия, Бельгия и Франция заверяют, что они самым тщательным образом рассмотрят возникающие в связи с этим возражения.

9. Более того, правительство Германии готово на основе полной взаимности с двумя западными соседями Германии согласиться на любые военные ограничения на западной границе Германии.

10. Германия, Бельгия и Франция и две державы-гаранта соглашаются вступить под руководством британского правительства сразу или, самое позднее, после выборов во Франции в переговоры о заключении 25-летнего пакта о ненападении или безопасности между Францией и Бельгией, с одной стороны, и Германией - с другой.

11 . Германия соглашается, чтобы Великобритания и Италия вновь подписали этот пакт безопасности в качестве держав-гарантов.

12. Если в результате этих соглашений о безопасности возникнут специальные обязательства по оказанию военной помощи, Германия со своей стороны заявляет о своей готовности вступить в такие обязательства.

13. Правительство Германии настоящим повторяет свое предложение о заключении воздушного пакта, дополняющего и укрепляющего эти соглашения о безопасности.

14. Правительство Германии повторяет, что если Нидерланды пожелают, оно готово включить эту страну в соглашение о безопасности в Западной Европе.

15. Для придания этому мирному договору, добровольно заключенному между Германией и Францией, характера примирительного соглашения, положившего конец

вековой ссоре, Германия и Франция обязуются принять меры к тому, чтобы в воспитании молодежи, а также в прессе и публикациях обеих стран избегать всего, что может быть направлено на ухудшение отношений между двумя народами, будь то уничижительное или пренебрежительное отношение или неправомерное вмешательство во внутренние дела другой страны. Они соглашаются учредить при штаб-квартире Лиги Наций в Женеве совместную комиссию, в функции которой будет входить представление правительствам обеих стран всех полученных жалоб для сведения и расследования.

16. В соответствии со своим намерением придать этому соглашению характер священного обещания, Германия и Франция обязуются ратифицировать его путем плебисцита двух наций.

17. Германия выражает готовность, со своей стороны, связаться с государствами на ее юго-восточной и северо-восточной границах, чтобы пригласить их непосредственно к окончательному официальному подписанию предлагаемых пактов о ненападении.

18. Германия выражает свою готовность вновь вступить в Лигу Наций, либо сразу, либо после заключения этих соглашений. В то же время германское правительство вновь выражает надежду, что по истечении разумного времени и путем дружественных переговоров вопрос о колониальном равноправии, а также вопрос об отделении Пакта Лиги Наций от его основы в Версальском договоре будет прояснен.

19. Германия предлагает создать Международный арбитражный суд, который будет отвечать за соблюдение

различных соглашений и решения которого будут обязательными для всех сторон.

После завершения этой большой работы по обеспечению мира в Европе германское правительство считает настоятельно необходимым попытаться практическими мерами положить конец неограниченной конкуренции в области вооружений. По ее мнению, это означало бы не только улучшение финансово-экономического положения стран, но, прежде всего, ослабление психологической напряженности.

Германское правительство, однако, не верит в попытку добиться всеобщего урегулирования, поскольку это с самого начала обречено на провал и поэтому может быть предложено только теми, кто не заинтересован в достижении практических результатов. С другой стороны, оно считает, что проведенные переговоры и достигнутые результаты по ограничению военно-морских вооружений должны иметь поучительный и стимулирующий эффект.

Поэтому правительство Германии рекомендует проводить в будущем конференции, каждая из которых должна иметь единую, четко определенную цель.

В настоящее время, по его мнению, наиболее важной задачей является введение воздушной войны в моральную и гуманную атмосферу защиты, предоставляемой некомбатантам или раненым Женевской конвенцией. Как убийство беззащитных раненых или пленных, или использование пуль "дум-дум", или ведение подводной войны без предупреждения были либо запрещены, либо регламентированы международными конвенциями, так и цивилизованное человечество должно иметь возможность предотвратить бессмысленное злоупотребление любым новым видом оружия, не противоречащее цели ведения войны.

Поэтому правительство Германии предлагает, чтобы практическими задачами этих конференций были:

1. Запрет на использование газовых, отравляющих или зажигательных бомб.
2. Запрещение применения бомб любого вида по городам и населенным пунктам, находящимся вне зоны действия средне-тяжелой артиллерии сражающихся фронтов.
3. Запрет на обстрел из дальнобойных орудий городов или местностей, удаленных от зоны боевых действий более чем на 20 километров.
4. Отмена и запрет на строительство танков самого тяжелого типа.
5. Отмена и запрет артиллерии самого тяжелого калибра.

Как только в результате таких обсуждений и соглашений появятся возможности для дальнейшего ограничения вооружений, они должны быть использованы. Германское правительство настоящим заявляет о своей готовности присоединиться к любому такому урегулированию в той мере, в какой оно имеет силу на международном уровне.

Правительство Германии считает, что если будет сделан хотя бы первый шаг на пути к разоружению, это будет иметь огромное значение для отношений между странами и тем самым для восстановления доверия, которое является предпосылкой для развития торговли и процветания.

В соответствии с общим стремлением к восстановлению благоприятных экономических условий, германское правительство готово немедленно после заключения политических договоров вступить в обмен мнениями по экономическим вопросам с другими заинтересованными

государствами в духе сделанных предложений и сделать все, что в его силах, для улучшения экономического положения в Европе и тесно связанного с ним мирового экономического положения.

Правительство Германии считает, что с помощью предложенного выше мирного плана оно внесло свой вклад в строительство новой Европы на основе взаимного уважения и доверия между суверенными государствами. Различные возможности для такого умиротворения Европы, о которых Германия так часто выступала с предложениями в последние несколько лет, были упущены. Пусть эта попытка достичь европейского взаимопонимания наконец-то увенчается успехом. Германское правительство уверено, что оно открыло путь в этом направлении, представив вышеупомянутый мирный план".

Каждый, кто сегодня прочтет этот всеобъемлющий мирный план, поймет, в каком направлении на самом деле должно было идти развитие Европы в соответствии с пожеланиями Адольфа Гитлера. Здесь была возможность действительно конструктивной работы. Это могло бы стать настоящим поворотным пунктом на благо всех народов. Но в очередной раз тот, кто один призывал к миру, не был услышан. Только Великобритания ответила довольно пренебрежительным вопросником, который избежал серьезного рассмотрения основных моментов.

Кстати, однако, Британия показала свои реальные намерения, выставив себя в качестве защитника Франции и начав регулярные военные консультации генерального штаба с Французской Республикой, как и в период перед [первой] мировой войной.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что западные державы идут по старому пути вооруженного конфликта и неуклонно готовят новый удар против Германии, хотя мысли и усилия Адольфа Гитлера были направлены на то, чтобы доказать им, что он хочет остаться с ними в наилучших отношениях. На протяжении многих лет он предпринимал многочисленные шаги в этом направлении, о некоторых из которых мы здесь упомянем. С Великобританией он заключил военно-морское соглашение от 18 июня 1935 года, которое предусматривало, что германский флот может иметь силу, составляющую 35% от силы британского флота. Этим он хотел продемонстрировать, что у германского рейха, по его собственным словам, нет "ни намерения, ни средств, ни необходимости" вступить в соперничество в отношении военно-морской мощи, которое, как известно, оказало столь роковое влияние на его отношения с Великобританией в годы, предшествовавшие [первой] мировой войне.

По каждому подходящему случаю он заверял Францию в своем желании жить с ней в мире. Он неоднократно прямо отказывался от любых притязаний на [регион] Эльзас-Лотарингия. По случаю возвращения Германскому рейху территории Саара в результате плебисцита, проведенного его населением, он заявил 1 марта 1935 года:

"Мы надеемся, что благодаря этому акту справедливой компенсации, в котором мы видим возвращение к естественному разуму, отношения между Германией и Францией навсегда улучшились. Поэтому, так же как мы желаем мира, мы должны надеяться, что наш великий сосед готов и желает искать мира с нами. Должна быть возможность для двух великих народов объединиться и сотрудничать в противостоянии трудностям, которые грозят захлестнуть Европу."

Он даже пытался достичь лучшего взаимопонимания с Польшей, восточным союзником западных держав, хотя эта страна в 1919 году незаконно присоединила к себе миллионы немцев и с тех пор подвергала их жесточайшему угнетению. 26 января 1934 года он заключил с ней пакт о ненападении, в котором оба правительства договорились "напрямую решать все вопросы любого рода, которые касаются их взаимоотношений".

Таким образом, он со всех сторон противопоставлял планам противника свою решимость сохранить мир и таким образом пытался защитить Германию. Однако когда он увидел, что Лондон и Париж вооружаются для нападения, он снова был вынужден предпринять новые меры обороны. Лагерь противника, как мы видели выше, был значительно расширен благодаря союзу между Францией и Россией. Кроме того, обе державы обеспечили союзную линию на юг Германского рейха через Чехословакию, которая, уже будучи союзницей Франции, затем заключила договор с Россией, превратив ее таким образом в мост между востоком и западом.

Более того, Чехословакия контролировала высокогорный регион Богемии и Моравии, который Бисмарк называл цитаделью Европы, и эта цитадель простиралась далеко на территорию Германии. Таким образом, угроза для Германии приобрела поистине ошеломляющий характер.

Адольф Гитлер нашел гениальный способ противостоять этой опасности. Обстановка в немецкой Австрии, которая под террором правительства Шушнига склонялась к гражданской войне, предоставила ему возможность вмешаться, чтобы спасти ситуацию и вернуть в состав Рейха братскую нацию на юго-востоке, которую державы-победительницы приговорили к жизни безнадежно разлагающегося "свободного государства". После того, как он таким образом утвердился у упомянутой

выше линии соединения Франции и России, начался процесс распада этнически смешанного государства Чехословакия, искусственно созданного из самых разных национальных элементов. Затем, после освобождения [этнически немецкой] Судетской области и отделения Словакии, чехи сами попросили защиты у Германского рейха. Таким образом, вражеский "мост" оказался в руках Гитлера, и в то же время была установлена прямая сухопутная связь с Италией, дружба с которой была обеспечена некоторое время назад.

Добиваясь этого стратегического успеха для безопасности своей страны, Адольф Гитлер с большим рвением пытался достичь мирного взаимопонимания с западными державами. В Мюнхене сразу после освобождения судетских немцев, которое было одобрено Великобританией, Францией и Италией, он заключил соглашение с премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, текст которого был следующим:

"Мы провели сегодня еще одну встречу и сошлись во мнении, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для двух стран и для Европы.

Мы рассматриваем соглашение, подписанное вчера вечером, и англо-германское военно-морское соглашение [от 1935 года] как символ желания наших двух народов никогда больше не вступать в войну друг с другом.

Мы твердо решили, что метод консультаций должен быть принят для решения любых других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и тем самым способствовать обеспечению мира в Европе.

30 сентября 1938 года.

Адольф Гитлер, Невилл Чемберлен".

Два месяца спустя, по указанию Гитлера, министр иностранных дел Германии фон Риббентроп заключил следующее соглашение с Францией:

"Герр Иоахим фон Риббентроп, рейхсминистр иностранных дел, и М. Жорж Бонне, министр иностранных дел Франции, действуя от имени и по поручению своих правительств, на встрече в Париже 6 декабря 1938 года договорились о следующем:

1. Правительство Германии и правительство Франции полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией являются одним из наиболее существенных элементов для консолидации ситуации в Европе и поддержания всеобщего мира. Вследствие этого оба правительства приложат все свои усилия для обеспечения развития в этом направлении отношений между их странами.

2. Оба правительства признают, что между двумя странами нет нерешенного территориального вопроса, и торжественно признают окончательными границы между своими странами в том виде, в каком они существуют в настоящее время.

3. Оба правительства постановили, оставляя в силе свои особые отношения с другими державами, оставаться в контакте по всем вопросам, касающимся их двух стран, и взаимно консультироваться, если последующее развитие этих вопросов приведет к международным трудностям.

В знак этого представители двух правительств подписали настоящую Декларацию, которая вступает в силу немедленно.

Совершено в двух экземплярах на французском и немецком языках в Париже, 6 декабря 1938 года.

Иоахим фон Риббентроп,
Министр иностранных дел

Жорж Бонне,
Министр иностранных дел"

Было вполне разумно ожидать, что путь для совместной реконструкции, в которой примут участие все ведущие державы, был открыт, и что усилия фюрера по обеспечению мира наконец-то увенчаются успехом. Но все было наоборот. Едва Чемберлен добрался до дома, как он призвал к масштабному перевооружению и наметил планы нового, грандиозного окружения Германии. Британия взяла на себя руководство дальнейшим окружением Рейха от Франции, чтобы с лихвой компенсировать потерю Чехословакии. Она открыла переговоры с Россией и заключила договоры о гарантиях с Польшей, Румынией, Грецией и Турцией. Это были тревожные сигналы величайшей срочности.

Как раз в это время Адольф Гитлер был занят задачей окончательно устранить источники трений с Польшей. С этой целью он сделал необычайно щедрое предложение, согласно которому чисто немецкий вольный город Данциг должен был вернуться в состав Рейха, а узкий проход через Польский коридор, который с 1919 года невыносимо разрывал северо-восточную часть Германии, должен был соединиться с отделенной территорией. Это предложение, которое, кроме того, открывало перед Польшей перспективу заключения 25-летнего пакта о ненападении и другие преимущества, тем не менее, было отвергнуто в Варшаве, поскольку там считали, что, поскольку власти сознавали, что они являются одним из главных участников общего фронта, созданного Лондоном против Германии, от любой уступки, какой бы незначительной

она ни была, можно отказаться. И это было еще не все. При таком же отношении Польша заняла агрессивную позицию, угрожала Данцигу и готовилась взяться за оружие против Германии.

Таким образом, момент для нападения на Германию со стороны стран, объединившихся для этой цели, был близок. Адольф Гитлер, предприняв последнее крайнее усилие в интересах мира, спас то, что мог. 23 августа Риббентропу удалось достичь в Москве соглашения о заключении пакта о ненападении с Россией. Два дня спустя немецкий фюрер сам сделал последнее и поистине замечательное предложение Великобритании, заявив о своей готовности "заключить с ней соглашения, которые... не только с немецкой стороны будут гарантировать существование Британской империи, но и в случае необходимости пообещают немецкую помощь британскому королевству, независимо от того, где такая помощь может потребоваться". В то же время он был готов принять разумное ограничение вооружений, "соответствующее новой политической ситуации и экономически обоснованное". И, наконец, он еще раз заверил, что его не интересуют вопросы на западе, и что "пересмотр границ на западе не подлежит никакому рассмотрению".

Ответом на это стал пакт о взаимопомощи, подписанный в тот же день между Великобританией и Польшей, что сделало начало войны неизбежным. Затем в Варшаве было принято решение о немедленной мобилизации против Германии, и поляки начали яростные атаки не только против немцев в Польше, которые в течение некоторого времени были жертвами страшных массовых убийств, но и против территории рейхсвера.

Но даже после того, как Британия и Франция объявили войну, как они и предполагали, а Германия преодолела польскую

опасность на востоке в результате славной кампании, не имеющей аналогов, даже тогда Адольф Гитлер снова поднял свой голос во имя мира. Он сделал это, несмотря на то, что теперь его руки были свободны для действий против врага на западе. Он сделал это, несмотря на то, что в Лондоне и Париже борьба против него лично, в безграничной ненависти, была провозглашена крестовым походом. В этот момент он обладал высочайшим самообладанием, чтобы в своей речи от 6 октября 1939 года представить общественному мнению всего мира новый план умиротворения Европы. Этот план заключался в следующем:

"Самой важной задачей, на мой взгляд, является создание не только веры, но и чувства европейской безопасности.

1. Для этого необходимо, чтобы цели внешней политики каждого европейского государства были предельно ясны. Что касается Германии, то правительство Рейха готово дать тщательное и исчерпывающее изложение целей своей внешней политики. При этом оно прежде всего заявляет, что считает Версальский договор утратившим силу - другими словами, правительство германского рейха, а вместе с ним и вся германская нация, не видят больше ни причин, ни оснований для дальнейшего пересмотра договора, кроме требования адекватных колониальных владений, справедливо причитающихся рейху, предполагающего, прежде всего, возвращение германских колоний.

Это требование колоний основано не только на исторических притязаниях Германии на ее колонии, но прежде всего на ее элементарном праве на долю мировых сырьевых ресурсов. Это требование не принимает форму ультиматума, не является требованием, подкрепленным силой, а скорее требованием, основанным на

политической справедливости и здоровых экономических принципах.

2. Требование реального оживления международной экономической жизни в сочетании с расширением торговли и коммерции предполагает реорганизацию международной экономической системы, другими словами, производства в отдельных государствах. Для того чтобы облегчить обмен производимых товаров, необходимо найти новую систему рынков и окончательно урегулировать отношения мировых валют, чтобы постепенно устранить препятствия на пути неограниченной торговли.

3. Однако самым важным условием реального оживления экономической жизни в Европе и за ее пределами является установление безусловно гарантированного мира и чувства безопасности со стороны различных наций. Эта безопасность станет возможной не только благодаря окончательному утверждению европейского статуса, но, прежде всего, благодаря сокращению вооружений до разумного и экономически приемлемого уровня. Существенной частью этого необходимого чувства безопасности является, однако, четкое определение законного использования и применения некоторых современных вооружений, которые в любой момент могут нанести удар прямо в сердце каждой нации и которые поэтому создают постоянное чувство незащищенности. В своих предыдущих выступлениях в Рейхстаге я делал предложения с этой целью. Тогда они были отвергнуты - предположительно, по той простой причине, что они были сделаны мной.

Я считаю, что чувство национальной безопасности не вернется в Европу до тех пор, пока четкие и обязывающие

международные соглашения не дадут всеобъемлющего определения того, в какой степени разрешено или запрещено использование определенных видов оружия.

Женевская конвенция однажды преуспела в запрещении, по крайней мере, в цивилизованных странах, убийства раненых, жестокого обращения с пленными, войны против некомбатантов и так далее. Так же, как постепенно удалось добиться всеобщего соблюдения этого запрета, необходимо найти способ регламентировать воздушную войну, использование отравляющих газов, подводных лодок и так далее, а также четко определить контрабанду, чтобы война потеряла свой ужасный характер конфликта, ведущегося против женщин и детей и вообще против некомбатантов. Растущий ужас перед некоторыми методами современной войны сам собой приведет к их отмене, и таким образом они станут устаревшими.

В войне с Польшей я старался ограничить воздушную войну целями военной важности или использовать ее только для борьбы с сопротивлением в определенном пункте. Но, безусловно, должно быть возможно подражать Красному Кресту в разработке какого-то универсально действующего международного правила. Только когда это будет достигнуто, может воцариться мир, особенно на нашем густонаселенном континенте, мир, который, свободный от подозрений и страха, обеспечит условия для реального роста и экономического процветания. Я не верю, что в Европе есть хоть один ответственный государственный деятель, который в глубине души не желает процветания своему народу. Но такое желание может быть реализовано только в том случае, если все страны, населяющие этот континент, будут работать вместе. Помочь добиться этого сотрудничества должно

быть целью каждого, кто искренне стремится к будущему своего народа.

Для достижения этой великой цели ведущие страны этого континента должны будут однажды собраться вместе, чтобы разработать, принять и гарантировать всеобъемлющий договор, который обеспечит им чувство безопасности и спокойствия - короче говоря, мира.

Такая конференция не может быть проведена без самой тщательной подготовки, то есть без четкого определения каждого спорного вопроса. Также невозможно, чтобы такая конференция, которая определит судьбу этого континента на многие годы вперед, могла проводить свои обсуждения во время грома пушек или когда мобилизованные армии оказывают на нее давление. Однако, поскольку эти проблемы рано или поздно должны быть решены, было бы разумнее заняться их решением до того, как миллионы людей будут впервые бессмысленно отправлены на смерть, а имущество на миллиарды долларов будет уничтожено.

Продолжение нынешнего положения дел на Западе немыслимо. Каждый день скоро будет требовать все больших жертв. Возможно, наступит день, когда Франция начнет бомбить и разрушать [город] Саарбрукен. Немецкая артиллерия, в свою очередь, положит в руины [французский город] Мюлуз. Франция ответит бомбардировкой Карлсруэ, а Германия, в свою очередь, обстреляет Страсбург. Затем французская артиллерия обстреляет Фрайбург, а немцы - Кольмар или Селестат. Затем будет установлена дальнобойная артиллерия, и с обеих сторон разрушения будут наноситься все глубже и глубже, а все, что не сможет достать дальнобойная артиллерия, будет уничтожено с воздуха. И хотя все это

будет очень интересно для некоторых международных журналистов, и очень выгодно для производителей самолетов, оружия и боеприпасов, и так далее, это будет ужасно для жертв. И эта битва на уничтожение не ограничится землей. Нет, она будет вестись далеко на море. Сегодня уже нет ни одного острова.

И национальное богатство Европы будет разбито снарядами, и силы каждого народа будут иссякать на полях сражений. И однажды между Германией и Францией снова появится граница, но вместо процветающих городов будут руины и бесконечные кладбища".

Судьба этого призыва была такой же, как и всех предыдущих, которые Адольф Гитлер делал во имя разума, в интересах подлинного возрождения Европы. Его враги не обращали на него внимания. Не было от них ответа и в этот раз. Они жестко придерживались той позиции, которую заняли в самом начале.

Перед лицом этого ряда исторических фактов есть ли необходимость в дальнейших подробностях вопроса о том, почему они так поступили? Они создали Версальскую систему, а когда она оказалась под угрозой краха, они захотели войны, чтобы вслед за ней создать еще более худшую Версальскую систему.

Упреки, которые сегодня звучат в адрес Адольфа Гитлера и Германии, в первую очередь относятся к тем, кто их высказывает, и характеризуют их действия.

Они - нарушители мира. Именно они замышляют насильственное угнетение других народов и стремятся свергнуть Европу в опустошение и катастрофу. Если бы это было не так, они давно бы взяли протянутую им руку, или, по крайней мере, сделали бы жест искреннего желания

сотрудничать в установлении нового порядка, и тем самым избавили бы народы от избытка "крови, слез и пота".

Всемирная история - это мировой суд, и в данном случае, как и всегда, когда он принимает решение, он выносит справедливый приговор.

Чехословакия в контексте

отрывок из книги "Гитлеровская революция", Ричард Тедор, 2013 г.

Через несколько месяцев после аншлюса [с Австрией] Германия аннексировала Судетскую область, этническую немецкую территорию, расположенную на периферии западной части Чехословакии. Переход региона под контроль Германии вызвал серьезные опасения по поводу войны. Причиной спора стала Версальская система 1919 года.

Во время Первой мировой войны чехи служили в австро-венгерской армии. 14 ноября 1915 года иммигранты в Лондоне и Париже создали Чешский комитет. Два чеха в изгнании, Томаш Масарик и Эдуард Бенеш, получили поддержку Антанты в создании будущего чехословацкого государства, которое должно было быть образовано из частей Габсбургского королевства. 18 октября 1918 года чехи в Париже и в США провозгласили независимость Чехословакии.

Новая страна состояла из трех компонентов. На самом дальнем востоке находилась Рутения, население которой добровольно присоединилось к Чехословакии. В центре находилась Словакия, и многие словаки хотели независимости или, по крайней мере, значительной автономии. Западная часть состояла из Богемии и Моравии, где вместе с чехами проживало три миллиона немецких австрийцев. Эти немцы хотели остаться в составе Австрии.

Масарик и Бенеш пользовались преобладающим влиянием при формировании послевоенной структуры Чехословакии. Масарик убедил Вильсона изменить свои 14 пунктов, которые обещали каждой национальности Австро-Венгрии возможность автономного развития, чтобы исключить немцев.

Бенеш сознательно занизил численность судетских немцев почти на миллион человек. Он ошибочно утверждал, что они не являются единым меньшинством, а живут в поселениях, интегрированных с чехами. "Немцы в Чехии - всего лишь колонисты", - утверждал он⁷⁴.

Богатая сырьем и промышленностью приграничная территория предлагала Чехословакии топографический оборонительный барьер против Германии. В своих рассуждениях Бенеш исходил больше из экономических и стратегических преимуществ, чем из естественных прав населения. Перепись населения 1910 года позволила сравнить количество немецких "колонистов", пожелавших остаться с Австрией в пострадавших районах, с проживающими там чехами. В Богемии проживало 2 070 438 немцев против 116 275 чехов; в Судетской области 643 804 немца против 25 028 чехов; в Богемском лесу 176 237 немцев против 6 131 чеха; в южной Моравии 180 449 немцев против 12 477 чехов⁷⁵.

Поскольку Парижская мирная конференция продолжалась до середины 1919 года, немецкие провинции технически все еще были частью Австрии, когда 16 февраля в Австрийской республике прошли первые демократические выборы. Судетские немцы подготовили бюллетени для участия в выборах. Чешская армия силой сорвала эти мероприятия. 4 марта тысячи судетских немцев организовали в своих городах и деревнях мирные демонстрации протеста. Чешские солдаты открыли огонь по безоружным толпам, убив 54 немца, в том числе 20 женщин.⁷⁶

Союзники окончательно оформили договор с Чехословакией, официально признав ее государственность. В преамбуле документа одобрялось соглашение, "учитывая, что народы Богемии, Моравии и части Силезии, а также народ Словакии по собственной воле решили объединиться в прочный союз".

Бенеш пообещал союзникам "предоставить немцам все права, на которые они имеют право. . . . В целом это будет очень либеральный режим" 77.

Принизив этническое немецкое население до статуса "иммигрантов", чешское правительство начало политику "быстрой дегерманизации" в Богемии и Судетской области. Чтобы манипулировать цифрами переписи, Прага переводила туда военные гарнизоны, железнодорожный персонал, государственных служащих, заключенных и даже пациентов больниц в большом количестве. Чешские чиновники причисляли чешских мигрантов к жителям, хотя "проживание" редко длилось более двух дней. В Траутенау на севере Богемии чешский пехотный батальон численностью 600 человек провел один зимний день в недостроенной казарме, чтобы быть учтенным в переписи. Полученная в результате статистика лишила немецкие районы адекватного представительства в парламенте. Прага иногда использовала менее изощренные средства для поддержания политического бессилия своих меньшинств. На предвыборном митинге Судетской немецкой партии в Теплиц-Шенау в 1937 году главный оратор Карл Франк раскритиковал Бенеша. Чешская полиция рассеяла собрание. В ходе столкновений погибли 53 немца и сотни получили ранения. 78

Пражские власти закрыли небольшие немецкие школы по всей Судетской области. Они заменили их учебными заведениями с чешским языком обучения, часто требуя, чтобы их посещали немецкие дети. Правительство закрыло девять из 19 немецких университетов Чехии. Только 4,7 процента государственной финансовой помощи получили немецкие студенты, хотя этнические немцы составляли почти четвертую часть населения Чехословакии. Правительство издавало все государственные бланки и заявления на чешском языке, даже в Судетской области. Половина немецких муниципальных и

сельских чиновников потеряли работу, 41 процент немецких почтальонов и 48,5 процента железнодорожников.⁷⁹

Закон правительства Чехословакии о земельной реформе перераспределил недвижимость таким образом, чтобы каждая сельская семья получила достаточную площадь для существования за счет земли. Руководитель программы, Карел Висковский, определил результаты следующим образом: "Земля переходит из рук иностранцев в руки чешского народа".⁸⁰ Большая часть земли досталась чешским легионерам и их семьям. Остальное Висковский продал на аукционе состоятельным чехам и словакам. Они приобрели недвижимость ниже рыночной стоимости, позволив бывшим владельцам вернуться в качестве крестьян-арендаторов. Немцы в Богемии и Моравии потеряли 25 процентов своих земель в пользу чехов в результате государственной земельной реформы.

Примерно треть территории Судетской области составляли лесные массивы, управление которыми взяло на себя государство. Власти уволили около 40 000 немецких работников лесного хозяйства, заменив их чехами. К 1931 году число безработных немецких торговцев в три раза превысило число чехов. Усилия по оказанию помощи были сосредоточены в районах с преимущественно чешским населением. По оценкам британского Министерства иностранных дел, проведенным в 1936 году, немецкая колония Чехословакии - примерно 22 процента населения - составляла 60 процентов безработных.⁸¹ Среди наиболее пострадавших в экономическом отношении районов был Райхенберг, где когда-то процветала стекольная и текстильная промышленность. В период с 1922 по 1936 год там закрылось 153 фабрики. Прага заключила контракты на строительство и другие

общественные работы в Райхенберге с иностранными компаниями, которые привозили свою рабочую силу.⁸²

Бенеш назвал свой народ "смертельными врагами немцев".⁸³ В мае 1919 года, во время церемонии инаугурации президента Томаша Масарика в Пийзене, чехи ворвались в квартиру, в окне которой не был вывешен флаг по этому случаю. Жительница квартиры, немецкая вдова и мать четверых детей, была прикована к постели из-за болезни. Злоумышленники потащили ее ногами вниз по лестнице на улицу, при этом во время спуска она ударилась головой о ступеньки. От полученных травм она скончалась.⁸⁴

В 1921 году Масарик без провокаций ввел чешские войска в немецкие поселения. В Граслице, в четырех милях от границы с Германией, произошло столкновение демонстрантов с вошедшими чешскими военными. Солдаты застрелили 15 чешских немцев. Согласно "Закону о защите республики", чешские власти арестовывали судетских немцев, требовавших самоопределения, как предателей или шпионов. Они сажали в тюрьму за шпионаж туристов из Германии, приезжавших в Чехословакию на спортивные соревнования или на этнические фестивали. В период с 1923 по 1932 год государство провело 8 972 судебных процесса против инакомыслящих представителей этнических меньшинств. Среди обвиняемых в процессах о подстрекательстве к мятежу часто фигурировали судетские немцы, состоявшие в спортивных лигах, молодежных группах, певческих обществах или клубах по интересам.⁸⁵

В Праге была создана огромная "пограничная зона", в которой проживало 85 процентов всех судетских немцев, все польское и русинское население и 95 процентов венгерской колонии. Она находилась на постоянном военном положении. Армия контролировала управление заводами, крупными строительными проектами, общественными работами,

телефонной связью и лесным хозяйством. Военные власти ограничили гражданские свободы граждан в "пограничной зоне", которая составляла 56 процентов всей страны. Это не помешало Бенешу превозносить Чехословакию как "маяк демократии" ⁸⁶.

Хотя в первые годы канцлерства Гитлера мало кого из немецкой общественности волновала судьба Чехословакии, для самого Гитлера судьба Судетской области символизировала трагедию немцев под иностранным владычеством. Судетский народ вел упорную, одиночную борьбу за сохранение своей немецкой идентичности. Гитлер сделал своей личной миссией возвращение Судетской области. Он затронул эту тему во время выступления в Рейхстаге 20 февраля 1938 года: "Пока Германия была слабой и беззащитной, она должна была просто смириться с постоянным преследованием немецкого народа вдоль наших границ. . . . Интересы германского рейха включают также защиту тех соотечественников-немцев, которые не в состоянии самостоятельно, на нашей границе, обеспечить свое право на основные человеческие, политические и идеологические свободы" ⁸⁷.

Еще одно обстоятельство обратило внимание Гитлера на Чехословакию. Географически эта страна напоминала острие копья, глубоко проникающее на территорию Рейха. Это представляло собой потенциальную угрозу национальной безопасности, которую не мог игнорировать ни один ответственный лидер. В январе 1924 года Париж и Прага заключили "пакт о дружбе", содержащий военную оговорку. Он предусматривал взаимные переговоры генеральных штабов для подготовки совместной оборонительной стратегии на случай нападения общего врага. В октябре 1925 года стороны подписали официальный военный договор.

Бенеш сменил 85-летнего Масарика на посту президента республики в декабре 1935 года. Всего за несколько месяцев до того, как стать президентом, Бенеш в качестве министра иностранных дел заключил военный союз с Советским Союзом. Пакт предусматривал значительное чешско-российское сотрудничество. К началу 1936 года чехи построили 32 аэродрома, расположенных вблизи немецкой границы, в качестве баз для быстро растущих Красных ВВС.⁸⁸ Они создали склады для хранения авиационного топлива, авиабомб и других военных материалов.

Красная Армия разместила войска в Богемии и Моравии для прохождения парашютной подготовки для возможного воздушно-десантного нападения на Германию.⁸⁹ Она перевела офицеров в военное министерство Чехословакии в Праге и в местные командные центры. 12 февраля 1937 года лондонская *Daily Mail* сообщила, что сразу после ратификации пакта Прага-Москва российские летные офицеры проинспектировали чешские авиабазы и топливные свалки для своих ВВС.⁹⁰

Прага была местом сосредоточения коммунистических эмигрантов, бежавших из Германии в 1933 году и Австрии после аншлюса. Сэр Орм Сарджент из британского Министерства иностранных дел назвал Чехословакию "центром распространения" сталинской пропаганды Коминтерна против Германии.⁹¹ Поскольку Франция, Чехословакия и СССР были связаны военными союзами с 1936 года, фюрер чувствовал себя загнанным в рамки. Когда 7 марта того года он вновь занял Рейнскую область, Бенеш предложил Франции поддержку чехословацкой армии для совместного вторжения в Германию. В последующие месяцы она разрослась до 1 453 000 человек⁹².

Немцы не определились с тем, как вернуть Судетскую область. В 1938 году британский посол в Праге сэр Бэзил Ньютон

посоветовал Министерству иностранных дел: "Как именно они будут действовать, предсказать невозможно, но есть основания полагать, что сначала они будут стремиться достичь своих целей с помощью дружественной дипломатии, а не физического или экономического терроризма".⁹³ 6 мая британский газетный магнат лорд Гарольд Ротермир восхвалял немцев как "очень терпеливых людей" в редакционной статье в газете "Дейли Мейл"⁹⁴.

Аншлюс Австрии способствовал развитию Судетской немецкой партии, СДП. Под руководством своего основателя Конрада Хенлейна она уже получила 44 места в палате депутатов Чехословакии и 23 места в сенате на выборах в мае 1935 года. На собрании СДП в Карловых Варах 25 апреля 1938 года Хенлейн потребовал автономии для этнического немецкого региона. Поскольку за ним стояло 90 процентов судетских избирателей, он имел достаточное влияние, чтобы заставить чехов начать переговоры.

Хенлейн и Карл Франк встретились с Гитлером 28 марта, но не смогли убедить фюрера оказать давление на чехов. Риббентроп сказал двум гостям, что в задачу Германии не входит "предлагать отдельные предложения о том, какие требования следует предъявить чехословацкому правительству". Берлин дал указание немецкому посольству в Праге ограничить поддержку СДП частными переговорами с чехословацкими государственными деятелями, "если представится случай".⁹⁵ Утверждение послевоенных историков о том, что на встрече Гитлер приказал Хенлейну выдвинуть невыполнимые условия, чтобы спровоцировать чехов, лишено оснований.

Британское правительство следило за эскалацией противоречий. "Простым фактом является то, что судетские немцы подвергаются притеснениям со стороны чехов", - отметил Ванситтарт.⁹⁶ 15 марта Ньютон отправил в Лондон

подробный анализ из Праги. Он предсказал, что до тех пор, пока они могут рассчитывать на англо-французскую поддержку в случае вооруженного столкновения с Германией, чехи будут продолжать свою нынешнюю политику. Немцев невозможно удержать от агрессии, если они сочтут ее необходимой. Если Париж и Лондон будут поощрять Прагу к сопротивлению компромиссу, война неизбежна.

Англия и Франция, продолжал Ньютон, не могут предотвратить захват Чехословакии. В лучшем случае они могут вести войну, чтобы восстановить статус-кво, который уже оказывается неработоспособным. Он заключил, что ни одно немецкое правительство не примет "враждебную Чехословакию на своем фланге". Прочитав доклад Ньютона, британский посол в Берлине Хендерсон 17 мая направил в свое министерство телеграмму: "Я безоговорочно и во всех отношениях разделяю взгляды, выраженные г-ном Ньютоном в его телеграмме "97.

На следующий день Комитет кабинета министров по внешней политике обсудил анализ Ньютона. Как записано в протоколе, "министр по координации обороны сказал, что его поразило мнение г-на Ньютона о том, что нынешнее политическое положение Чехословакии не является постоянно устойчивым и что она фактически представляет собой нестабильную единицу в Центральной Европе. Если, как он считает, это действительно соответствует действительности, то он не видит причин, по которым мы должны предпринимать какие-либо шаги для сохранения такой единицы".98

21 марта начальники штабов представили комитету доклад, в котором объяснялось, что британская и французская армии слишком слабы, чтобы вступить в войну против Германии, Италии и Японии в расширяющемся конфликте за Чехословакию. Чемберлен и Галифакс сочли военную оценку

"крайне меланхоличным документом". 27 апреля Галифакс резюмировал: "Ни мы, ни Франция не были готовы к войне с Германией" 99.

Новый премьер-министр Франции Эдуард Даладье 28 апреля посетил Лондон, чтобы убедить Чемберлена публично гарантировать английскую защиту Чехословакии. Его британский коллега ответил, что Бенеш никогда не обращался с немецким меньшинством на аннексированных им территориях либерально, как обещал. Чемберлен заявил, что народ Англии никогда не начнет войну, чтобы помешать национальностям центральной Европы выразить свою волю на плебисците.

В том же месяце Гитлер приказал генералу Вильгельму Кейтелю, начальнику Верховного командования вооруженных сил (OKW), подготовить исследование о возможном вторжении в Чехословакию. Он сказал Кейтелю, что в настоящее время он не намерен вторгаться.¹⁰⁰ В руководстве OKW Гитлер подчеркнул, что он отвергнет любой сценарий, предлагающий "стратегическое внезапное нападение как гром среди ясного неба без оснований и возможности оправдания". Фюрер описал "неприемлемую для нас ситуацию в случае крупной конфронтации на Востоке. . . с большевизмом когда-нибудь наступит..... Чехословакия стала бы тогда плацдармом для Красной армии и местом высадки ее военно-воздушных сил" 101.

20 мая Бенеш призвал на действительную службу более 150 000 военных резервистов, заявив, что эта мера необходима из-за тайной мобилизации германских вооруженных сил. Чешское военное ведомство утверждало, что от восьми до десяти немецких дивизий маршируют к общей границе. Французский военный атташе в Берлине сообщил своему правительству, что он не видит никаких доказательств более масштабных

передвижений войск. Хендерсон отправил двух офицеров британской армии из состава своего посольства в Берлине на обширную рекогносцировку через приграничные немецкие провинции Саксония и Силезия. Позже он писал: "Они не смогли обнаружить никаких признаков необычной или значительной военной активности Германии, как и военные атташе других иностранных миссий в Берлине, которые аналогичным образом прочесывали страну"¹⁰².

Гитлер более или менее проигнорировал провокацию Бенеша и не предпринял никаких действий, ни военных, ни иных. Журналисты в Париже, Праге, Лондоне и Нью-Йорке приняли надуманные утверждения Бенеша о дислокации немецких войск. Они публиковали истории о том, как фюрер массировал свои дивизии, чтобы блефом заставить чехов подчиниться его требованиям. Когда Бенеш дерзко ответил собственной частичной мобилизацией, Гитлер якобы "отступил" и отозвал свои формирования, что стало глубоким унижением для диктатора, который был "неспособен действовать в соответствии со своими угрозами".¹⁰³ Его заявления относительно Судетской области были "не более чем пустой болтовней".

Галифакс предупредил Герберта фон Дирксена, посла Германии в Лондоне, что чешско-германская война вовлечет Францию и Великобританию в конфликт против Рейха. Затем министр иностранных дел составил личное письмо Риббентропу, в котором предупредил его об опасностях, к которым приведут любые "необдуманные действия" для европейской цивилизации.¹⁰⁴ Хендерсон записал: "Чего Гитлер не мог переварить, так это ликования прессы. . . . Каждая газета в Европе и Америке присоединилась к хору. Было сказано "нет", и Гитлер был вынужден уступить. Демократические державы поставили под удар тоталитарные

государства и т.д. "[105](#)—Британцы провели частичную мобилизацию своего флота, а французы разместили гарнизоны своих укреплений вдоль немецкой границы, хотя и те, и другие знали, что их чешский союзник спровоцировал кризис. Для Гитлера угрозы и обвинения в трусости стали наградой за проявленную им выдержку.

Майский кризис впечатлил Гитлера тем, насколько враждебно западные демократии и Чехословакия относились к Германии. Даже СССР публично подтвердил свои военные обязательства перед чехами. Он пришел к выводу, что мирное урегулирование судетского вопроса маловероятно. 30 мая он пересмотрел ранее принятую директиву вооруженных сил, касающуюся возможной войны с чехами, которая начиналась со слов: "Я твердо решил разгромить Чехословакию путем военных действий в обозримом будущем". В документе подчеркивалось, что "подготовка должна быть осуществлена без промедления"[106](#).

Историки представляют это заявление как доказательство военных намерений Гитлера. Однако всего через 18 дней он пересмотрел секретную директиву, удалив из нее фразу о решимости разгромить чехов. Вместо этого он заявил, что "решение чешского вопроса" является "ближайшей целью". Здесь мало свидетельств явного намерения развязать войну. Хендерсон писал Галифаксу: "Логично предположить, что и сам Гитлер должен быть готов ко всем вариантам развития событий. Но отсюда утверждать, что он уже принял решение об агрессивных действиях против Чехословакии этой осенью, я считаю неправдой".[107](#) В августе британский посол снова написал: "Но я не думаю, что он хочет войны". В своих собственных мемуарах Хендерсон позже размышлял о майском кризисе: "Когда мы думали только о том, что Германия готова напасть на чехов, немцы опасались, что последние не хотят

спровоцировать европейскую войну, прежде чем сами будут к ней готовы".¹⁰⁸

У Гитлера оставался *дипломатический* козырь - аргументы демократии о правах человека. Фюрер публично заявил: "То, на чем настаивают немцы, - это право на самоопределение, которым обладает каждый другой народ. ... Я требую, чтобы угнетение трех с половиной миллионов немцев в Чехословакии прекратилось, и чтобы вместо него вступило в силу свободное право на самоопределение".¹⁰⁹ Это была ахиллесова пята его противников. Хендерсон признал: "Таким образом, на самых широких моральных основаниях было трудно оправдать отказ в праве на самоопределение 2 750 000 судетцев, живущих сплошными блоками по ту сторону границы Германии. Его категорический отказ противоречил бы принципу, на котором была основана сама Британская империя, и, следовательно, никогда бы не привлек к нам искреннюю поддержку ни британского народа, ни этой империи".¹¹⁰ Постоянный заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган пришел к выводу, что судетская проблема "не является вопросом, по которому мы должны иметь очень сильные основания для втягивания Европы в войну".¹¹¹

Чемберлен оценил положение Англии: Его страна еще недостаточно перевооружилась, чтобы выполнить обязательства по поддержке Франции в случае войны. Предоставление Гитлеру свободы действий для сведения счетов с Бенешем омрачило бы авторитет Великобритании за рубежом; "Нас будут презирать вечно", - заявил секретарь Галифакса сэр Оливер Харви.¹¹² Плебисцит по Судетской области также имел подводные камни. Прага выступала против этой идеи, поскольку прецедент побудил бы словаков, венгров, поляков и русинов также потребовать проведения плебисцита. Поскольку эти меньшинства страдали от недостаточного

представительства в правительстве и притеснений, результат, скорее всего, привел бы к распаду Чехословакии.

Даладье предложил компромисс: Чехословакия уступит Судетскую область Германии без проведения плебисцита. Таким образом, чешское государство осталось бы в разумной степени нетронутым. Как объяснил Даладье Чемберлену, для Франции важно то, что "в любой военной операции есть прекрасные возможности для нападения на Германию с территории Чехословакии".¹¹³ Министр авиации Франции Пьер Кот повторил эту позицию в своем высказывании, процитированном в лондонской газете *News Chronicle* от 1 июля 1938 года. Кот заявил, что Франции и Англии нужна Чехословакия, "потому что из этого государства немецкую экономику и немецкую промышленность легче всего уничтожить бомбами. . . . Совместные атаки французских и чешских ВВС могут очень быстро уничтожить все немецкие производственные мощности"¹¹⁴.

В августе Чемберлен предложил отправиться в Германию для встречи с Гитлером, чтобы вместе решить судетский вопрос. Он добился от своего хозяина обещания, что Германия не предпримет никаких военных действий во время переговоров. Министр иностранных дел Чехии Камил Крофта заявил британскому и французскому правительствам, что его страна отказывается уступить Судеты Германии. Лондон ответил прямо: "Франко-британский план является единственным средством предотвращения угрозы немецкого нападения", и что если Прага отвергнет его, то Англия и Франция не будут вмешиваться, если Германия вторгнется в Чехословакию.¹¹⁵ 21 сентября Бенеш безоговорочно согласился с этим предложением.

В течение сентября Чемберлен трижды посетил Германию. Первая встреча с Гитлером состоялась 15 сентября в

Берхтесгадене. Встреча была сердечной и конструктивной. Чемберлен одобрил предложения Гитлера об аннексии Судетских областей. Галифакс написал своим послам: "Фактически это очень близко соответствовало той линии, которую мы рассматривали".¹¹⁶ Всю следующую неделю Чемберлен провел во встречах с Даладье и чехами, чтобы получить их согласие. В Берлине немецкая станция наблюдения в министерстве авиации Рейха подслушивала телефонный разговор между Бенешем и министром колоний Франции Жоржем Манделем. Подрывая Даладье, Мандель сказал Бенешу: "Париж и Лондон не имеют права диктовать вам свое отношение. Если на вашу территорию посягают, вы не должны ждать ни секунды, чтобы отдать приказ своей армии защищать родину. . . . Если вы сделаете первый выстрел в порядке самообороны... пушки Франции, Великобритании, а также Советской России начнут стрелять сами по себе".¹¹⁷ Немцы также перехватывали сообщения между Прагой и ее посольствами в Лондоне и Париже. Правительство Бенеша поручило им тянуть время, пока "партии войны" в Англии и во Франции не свергнут Чемберлена и Даладье.

22 сентября Гитлер встретился с Чемберленом в отеле "Дрезен" в Бад-Годесберге. Сообщения о нарастающих волнениях в Судетской области омрачали атмосферу. Хенлейн сформировал этническое немецкое ополчение численностью около 40 000 человек, которое вступило в стычки с чешскими солдатами и полицией.¹¹⁸ Чешское правительство, соответственно, приняло более репрессивные меры. За 14 дней 120 000 судетских немцев перешли на территорию Рейха, спасаясь от насилия. Хенлейн обратился к Гитлеру с просьбой направить немецкую армию, "чтобы положить конец дальнейшим убийствам, вызванным чешским фанатизмом".¹¹⁹

В Бад-Годесберге фюрер потребовал права на военную оккупацию территории, которая должна была быть присоединена через четыре дня. В качестве обоснования он привел нарастающие там беспорядки. Чемберлен был ошеломлен. Последовал ожесточенный торг. Напряжение царило на конференции всю следующую ночь, пока один из санитаров не прервал ее, сообщив, что Бенеш только что объявил всеобщую мобилизацию. Еще 1,2 миллиона чешских резервистов возвращались на действительную службу. После этого Гитлер заверил своего английского гостя, что он сдержит свое обещание воздержаться от военного ответа, "несмотря на эту неслыханную провокацию".[120 Это](#) разрядило атмосферу, и дискуссия приобрела более дружественный тон.

В последующие дни после конференции Чемберлен вел переговоры с чехами. Британские и французские дипломаты в конце концов убедили Гитлера смягчить свои дополнительные требования. Геринг показал Хендерсону расшифровки телефонных диалогов между Бенешем и Яном Масариком, освещающие чешские интриги. Ни британцы, ни французы не сомневались в их подлинности.[121](#) 28 сентября в Мюнхене Чемберлен, Гитлер, Даладье и Муссолини окончательно согласовали детали аннексии Судетской области, на которую Прага согласилась 21-го числа.

Разозлившись на Чемберлена, Ян Масарик мог только пробурчать: "Какое несчастье, что этот глупый, плохо информированный человек является английским премьер-министром".[122](#) Министр иностранных дел Франции Жорж Бонне похвалил Гитлера за смягчение его условий в Годесберге. Фюрер также удостоился похвалы в лондонской "Таймс" 2 октября за свои уступки и сокращение военных мер до "чисто символической частичной оккупации".[123 Выбрав](#) изгнание в Лондоне, Бенеш позже сказал своему соратнику:

"Нам нужна была война, и я сделал все, чтобы она началась."
"124

После ухода Бенеша Германия попыталась улучшить отношения с Прагой. В частях Богемии-Моравии, не аннексированных Рейхом, оставалось 378 000 этнических немцев. 3 октября Гитлер приказал, чтобы это меньшинство, сохраняя свое культурное наследие, отказалось от политической деятельности в пользу автономии или возвращения своих земель под суверенитет Германии. 14 октября он встретился с новым министром иностранных дел Чехии Франтишеком Хвалковским. Гитлер призвал его помочь "нормализовать отношения в дружественном ключе" 125.

В ноябре юридический отдел Министерства иностранных дел Германии представил проект чешско-немецкого договора о дружбе. Хотя Гитлер отложил рассмотрение этого вопроса до января 1939 года, эта инициатива свидетельствует о его заинтересованности в сотрудничестве с Прагой. Его первым жестом в сторону нового режима стала щедрая политика в отношении чешских жителей аннексированной Судетской области. Их было 743 000 человек, которые изначально оказались под властью Германии. 260 000 чешских солдат, государственных служащих и членов их семей вернулись на чешскую территорию по приказу своего правительства. Еще 160 000 человек, не желающих жить под немецкой юрисдикцией, мигрировали добровольно.

Договор, ратифицированный двумя государствами 20 ноября, позволил чехам и словакам, оставшимся в Судетской области, выбрать свое гражданство. Мужчины не моложе 28 лет, а также их жены и дети получали немецкое гражданство по запросу. Правительство Рейха разрешило людям, выбравшим остаться гражданами Чехословакии, остаться в качестве приглашенных жителей. Лица, покидающие Судетскую территорию, сохраняли

право собственности на находящуюся там частную собственность с возможностью ее продажи или сдачи в аренду. Согласно положениям договора, правительства Германии и Чехии соответственно могли высылать иностранцев, считавшихся политическим риском. Из более чем 300 000 чехов, решивших продолжать жить в Судетской области, немцы депортировали всего 140 "нежелательных лиц". Гитлер освободил чехов и словаков, принятых в Рейх, от службы в его вооруженных силах.¹²⁶

Этническое немецкое меньшинство, проживающее в контролируемых Прагой частях Богемии-Моравии, испытало на себе недовольство чехов после поражения в Мюнхене. Тысячи немцев потеряли работу. За многими без необходимости следила полиция. Правительство отказывало им и их семьям в пособиях по безработице. Чешские больничные кассы отказывали в выплате пособий немецкой университетской клинике в Праге. 21 января 1939 года Гитлер обратился к Хвалковскому со списком претензий, вызванных тем, что он назвал затянувшимся "менталитетом Бенеша" в республике. Ссылаясь на враждебный тон чешской прессы, фюрер предупредил, что ни одна великая держава не может терпеть соседнюю страну меньшего размера, представляющую постоянную угрозу на ее фланге. Он еще раз подчеркнул необходимость улучшения отношений.¹²⁷

Риббентроп зачитал Хвалковскому отрывки из известных чешских газет. Одна из них гласила: "Через четыре месяца после Мюнхена уже ясно, что война неизбежна". Другая гласила: "Сиюминутная политическая ситуация не будет рассматриваться как неизменное и постоянное обстоятельство".¹²⁸ Хендерсон посоветовал Войтеху Мастному, чешскому послу в Берлине, призвать его правительство избегать жестокого обращения с этническими немцами. В изгнании в Лондоне Бенеш пытался сохранить

политическое влияние через свои контакты в Праге. Его последователи там провели кампанию в прессе, критикуя нынешний режим за соблюдение норм поведения в отношении Берлина.¹²⁹

Ни одно из соперничеств в этом политическом созвездии не имело значения надолго. Мюнхенское соглашение, разработанное западными демократиями для спасения Чехословакии, по иронии судьбы стало ее смертным приговором. Его прецедент самоопределения побудил другие пленные меньшинства страны последовать примеру судетских немцев. Наиболее заметными среди них были словаки. Чешская армия и ополчение оккупировали их земли в 1919 году. Томаш Масарик не смог выполнить свое обещание о предоставлении региональной автономии. Словаки также не были в равной степени представлены в органах государственного управления; из 8000 государственных служащих в пражских правительственных учреждениях только 200 были словаками.¹³⁰

Гитлер желал оставаться нейтральным в трениях, разделяющих чехов и словаков. 19 ноября министерство иностранных дел Рейха поручило своей миссии в Праге сдержанно наблюдать за событиями. Немецкая пресса получила инструкции сохранять беспристрастную позицию при освещении напряженности в Словакии. Гитлер приказал: "Пока что политические переговоры со словаками нецелесообразны"¹³¹.

Прага потеряла контроль над недовольными меньшинствами. В октябре словаки и русины учредили региональные парламенты; это право, наконец, было признано центральным правительством как шаг к автономии. Делегаты использовали свое влияние и власть, чтобы направить регионы в сторону независимости. Новый президент Чехии, доктор Эмиль Гача,

прибегнул к обычным методам "молота". 6 марта он ввел войска в Карпато-Украину и назначил генерала Льва Прчалу, их командующего, министром внутренних дел и финансов. В Словакии Хача распустил региональный парламент. Он ввел в столице, Прессбурге, военное положение и посадил в тюрьму 60 словацких политиков. В Прессбург были переброшены чешские солдаты и полиция. Хача столкнулся с нарастающим хаосом и угрозой открытого восстания. Он обратился к доктору Йозефу Тисо, которого словаки избрали своим премьер-министром, с просьбой помочь восстановить порядок.

13 марта Тисо посетил Берлин, чтобы спросить Гитлера, как он отреагирует на декларацию независимости Словакии. Фюрер ответил лишь, что он не заинтересован в оккупации Словакии, поскольку эта земля никогда не принадлежала германскому рейху. Тисо вернулся в Прессбург. На следующий день он провозгласил национальную независимость в парламенте. Опасаясь, что венгерская армия вторгнется и аннексирует Словакию, Тисо попросил защиты у Германии. Гитлер ответил: "Я подтверждаю получение вашей телеграммы и беру на себя безопасность словацкого государства". В этот день Чехословакия прекратила свое существование как республика. Немецкий канцлер умиротворил венгров, позволив им оккупировать Карпато-Украину.

Хача попросил аудиенции у Гитлера. Он и Хвалковский прибыли в Берлин на поезде в ночь на 14-е число. С момента вступления в должность оба они работали над улучшением отношений с Германией. Махинации оставшихся соратников Бенеша, антинемецкая пресса и отношение общества, запятнанное почти 20-летним чешским шовинизмом, который пропагандировал Бенеш, саботировали их усилия. Перед встречей с Гитлером Хача сказал Риббентропу, что он приехал, чтобы "передать судьбу чешского государства в руки фюрера"132.

Во время их последующего разговора Гитлер сообщил Хачу, что на следующий день он отправит немецкую армию через границу. Он приказал ОКВ подготовить операцию за три дня до этого. Фюрер посоветовал своему гостю приказать чешской армии не сопротивляться: "В этом случае у вашего народа остаются хорошие перспективы на будущее. Я гарантирую им автономию, о которой они не могли и мечтать во времена Австрии".¹³³ Хача должным образом передал своему начальнику армии генералу Яну Сырови указания отступить. Немецкие войска, вступившие на чешскую территорию в 6:00 утра 15 марта, имели приказ, запрещающий им стрелять из оружия.

Передовые части немецкой армии заняли промышленный комплекс Моравия-Острава у польской границы. Варшава собиралась воспользоваться минутными беспорядками в Чехословакии, чтобы военным путем захватить этот центр и удержать его за Польшей. Местные чешские жители поняли инициативу Германии и не оказали никакого сопротивления.¹³⁴ Польское правительство было рассержено на Гитлера за этот отпор его амбициям.

Немцы смягчили первоначальную враждебность чешского народа во многом благодаря усилиям *Национально-социалистического фольксвольффарта* (NSV), национальной немецкой организации социального обеспечения. В первые десять дней оккупации она распределила среди бедствующего населения продовольствие на сумму 7 000 000 RM. NSV безвозмездно раздала одежду на сумму 5 000 000 RM. Организация сосредоточилась на городах и промышленных районах, где нехватка продовольствия была более вероятна, чем в сельской местности. Немецкие военные власти также организовали оперативное пополнение запасов в продуктовых и универсальных магазинах. Помощь оказывалась чешскому

населению, а не оставшейся колонии этнических немцев. Армия также защищала от спонтанных попыток членов местной Вольской немецкой партии (*Volksdeutsche Partei*) получить контроль над экономикой или государственным управлением.¹³⁵

Немцы вступили в страну, где было 148 000 безработных. Демобилизация чешской армии значительно увеличила это число. Министерство труда Рейха открыло в Чешском протекторате - так он теперь назывался - свои представительства для вербовки безработных в немецкую промышленность. В течение первого месяца оккупации 15 000 человек воспользовались этой возможностью и нашли работу. В течение следующих нескольких месяцев безработица продолжала снижаться, а в июне чешское правительство заключило торговые соглашения с Норвегией, Голландией и некоторыми другими странами для развития торговли¹³⁶.

Гитлер приказал сократить постоянную чешскую армию мирного времени, насчитывавшую 150 000 человек, до 7 000, включая 280 офицеров. Служить могли только граждане чешской национальности. Учитывая страдания офицеров, уволенных в связи с сокращением численности, он организовал для них полную военную пенсию независимо от выслуги лет.¹³⁷ Немецкая военная администрация просуществовала всего один месяц. Командующий немецкой армией Вальтер фон Браухич разместил постоянные гарнизоны в этнических немецких общинах, чтобы меньше обижать чехов. Во время войны 1939-1945 годов немцы ни разу не взяли чешских граждан в свои вооруженные силы. Их страна осталась практически невредимой на протяжении всего разрушительного мирового конфликта.

Хача и его новый кабинет возобновили контроль над правительством 27 апреля 1939 года. Официальным языком

оставался чешский. В сферу административных обязанностей входили внутренние дела, образование, сельское хозяйство, юстиция, транспорт, культура, социальные службы и общественные работы. Германия управляла внешней политикой и финансами. Для выполнения этих обязанностей Гитлер назначил Константина фон Нейрата. За свою долгую дипломатическую карьеру Нойрат часто демонстрировал симпатию и восхищение чехами.

По оценкам командования 3-й группы немецких войск, в Судетской области и Богемии-Моравии находилось около 140 000 немецких беженцев и иммигрантов, которые поселились там, спасаясь от национал-социалистического правления. Немецкая полиция арестовала 2 500 коммунистов. Помощь чешской полиции облегчила проведение облавы. 7 июня Гитлер объявил общую амнистию для всех чешских политических заключенных в Судетской области и в их собственной стране.¹³⁸ Немцы держали на всей территории протектората постоянные силы из 5 000 полицейских для борьбы с саботажем и коммунистической диверсией. Чешское население испытывало больше автономии, гражданской свободы и отсутствия дискриминации под немецкой гегемонией, чем Томаш Масарик и Бенеш предоставили судетским немецким, словацким и венгерским меньшинствам в первые годы существования республики.

Немцы конфисковали большую часть чешского военного снаряжения и включили его в состав своих вооруженных сил. Немецкие войска ненадолго вошли на территорию Словакии, чтобы опустошить чешские военные склады вблизи границы. Огромное количество военного имущества подтвердило протест Гитлера о том, что Чехословакия в коалиции с другими европейскими державами представляет угрозу для Германии. В течение первой недели оккупации немцы отправили в Рейх 24

товарных поезда с военным снаряжением. По их расчетам, для завершения перевозки потребуется 500 поездов.

Генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер написал своей жене 30 марта, что количество боеприпасов, обнаруженных в этой маленькой стране, было "прямо-таки пугающим".¹³⁹ Инвентарь включал 1582 самолета, 2175 полевых орудий, 468 танков, 501 зенитное орудие, 785 минометов, 43 856 пулеметов, более миллиона винтовок, три миллиона артиллерийских снарядов, значительное количество военно-специальных предметов, таких как оборудование для строительства мостов и прожекторов, а также более миллиарда винтовочных патронов для пехоты. Это было современное, хорошо продуманное оружие. Современные производственные мощности, такие как завод Skoda, были достаточно обширны, чтобы одновременно выполнять оборонные заказы для СССР.

Риббентроп направил в Прагу доктора Фридриха Бербера со специальным исследовательским штабом для изучения документов в чешских дипломатических архивах за период с марта 1938 года по март 1939 года. Группа изучала документы, "связанные с английским и французским подходом к чешскому вопросу". Основываясь на обилии документальных свидетельств, полученных как в Праге, так и несколькими месяцами ранее в Вене, Бербер пришел к выводу, что Лондон систематически вмешивался "в политику этих стран", чтобы "сохранить их независимость и ослабить Германию". Документы также показали, что британцы "действовали таким же образом в отношении Польши", - говорилось в докладе. На основании полученных данных Гитлер сделал вывод, что "Англия хочет войны"¹⁴⁰.

Уинстон Черчилль в неприметной одежде, часть 1

Ральф Райко

Втягивание Америки в войну - снова

В сентябре 1939 года Великобритания вступила в войну с Германией в соответствии с гарантией, которую Чемберлен в панике предоставил Польше в марте. Ллойд Джордж назвал эту гарантию "дурацкой", в то время как Черчилль ее поддержал. Тем не менее, в своей истории войны Черчилль писал: "Наконец-то было принято решение, принятое в самый неподходящий момент и на наименее удовлетворительной основе, которое, несомненно, должно было привести к гибели десятков миллионов людей".¹ После начала войны Уинстон был отозван на свою прежнюю работу в качестве первого лорда Адмиралтейства. Затем, в первый месяц войны, произошла удивительная вещь: президент Соединенных Штатов начал личную переписку не с премьер-министром, а с главой британского Адмиралтейства, минуя все обычные дипломатические каналы².

Сообщения, которые передавались между президентом и первым лордом, были окружены бешеной секретностью, кульминацией которой стало дело Тайлера Кента, американского шифровальщика в лондонском посольстве США, который был судим и заключен в тюрьму британскими властями. Проблема заключалась в том, что некоторые из этих сообщений содержали намеки на согласие Рузвельта - еще до начала войны - на откровенно нейтральное сотрудничество с воюющей Британией.³

10 июня 1939 года Георг VI и его жена, королева Мария, посетили Рузвельтов в Гайд-парке. В частных беседах с королем Рузвельт обещал полную поддержку Великобритании в случае войны. Он намеревался создать в Атлантике зону, патрулируемую военно-морскими силами США, и, согласно записям короля, президент заявил, что "если он увидит лодку U, то сразу же потопит ее и будет ждать последствий". Биограф

Георга VI, Уилер-Беннетт, считает, что эти беседы "содержали зародыш будущей сделки "базы для разрушителей", а также самого соглашения о ленд-лизе".⁴ Общаюсь с первым лордом Адмиралтейства, Рузвельт осознавал, что общается с единственным членом кабинета Чемберлена, чья воинственность совпадала с его собственной.

В 1940 году Черчилль, наконец, стал премьер-министром, по иронии судьбы, когда правительство Чемберлена ушло в отставку из-за фиаско в Норвегии, которое Черчилль, как никто другой, помог осуществить.⁵ Как он боролся против мира на основе переговоров после падения Польши, так он продолжал сопротивляться любому предложению о переговорах с Гитлером. Многие из соответствующих документов все еще запечатаны - после стольких [лет](#) , - но ясно, что в стране и в правительстве существовала сильная партия сторонников мира. Она включала Ллойд Джорджа в Палате общин и Галифакса, министра иностранных дел, в кабинете министров. Даже после падения Франции Черчилль отверг повторные мирные предложения Гитлера. Предполагается, что именно это, как ничто другое, стало основой его величия. Британский историк Джон Чармли поднял бурю возмущенного протеста, когда предположил, что мир, заключенный в 1940 году путем переговоров, мог быть выгоден Британии и Европе.⁷ Один историк из Йельского университета, написавший в *New York Times Book Review*, назвал тезис Чармли "морально отвратительным".⁸ Однако научная и подробная работа Чармли делает решающий вывод о том, что непреклонный отказ Черчилля даже выслушать условия мира в 1940 году обрек на гибель то, что, по его словам, было ему дороже всего - империю и несоциалистическую и независимую в мировых делах Британию. Можно добавить, что это, вероятно, также обрекает на гибель европейское еврейство.⁹ Удивительно, что спустя семьдесят пять лет после случившегося существуют

критические тезисы относительно Второй мировой войны, которые не подлежат историческому обсуждению.

Ллойд Джордж, Галифакс и другие были открыты для компромиссного мира, поскольку понимали, что Британия и Доминионы в одиночку не смогут победить Германию.¹⁰ После падения Франции цель Черчилля - полная победа - могла быть реализована только при одном условии: если Соединенные Штаты окажутся втянутыми в новую мировую войну. Неудивительно, что Черчилль вложил всю душу в то, чтобы добиться именно этого.

После беседы с Черчиллем Джозеф Кеннеди, американский посол в Великобритании, отметил: "Каждый час британцы будут пытаться выяснить, как мы можем попасть внутрь". Когда он отплыл из Лиссабона на корабле в Нью-Йорк, Кеннеди умолял Госдепартамент объявить, что если корабль загадочным образом взорвется в средней Атлантике, Соединенные Штаты не будут считать это поводом для войны с Германией. В своих неопубликованных мемуарах Кеннеди писал: "Я думал, что это даст мне некоторую защиту от того, что Черчилль установит бомбу на корабль"¹¹.

Опасения Кеннеди, возможно, не были преувеличены. Ведь если в Первой мировой войне для британской политики это было важно, то во Второй мировой войне вовлечение Америки стало непременным условием политики Черчилля. Во ФранкLINE Рузвельте он нашел готового сообщника.

То, что Рузвельт своими действиями и частными словами демонстрировал явный замысел войны до 7 декабря 1941 года, никогда не оспаривалось. Споры велись по таким вопросам, как его возможное предвидение нападения на Перл-Харбор. В 1948 году Томас А. Бейли, дипломатический историк из Стэнфорда, уже привел реальные аргументы в пользу Рузвельта:

Франклин Рузвельт неоднократно обманывал американский народ в период перед Перл-Харбором.... Он был похож на врача, который должен говорить пациенту ложь для его же блага..... Страна в подавляющем большинстве была настроена неинтервенционистски до самого дня Перл-Харбора, и открытая попытка повести народ на войну привела бы к определенному провалу и почти наверняка к отстранению Рузвельта от власти в 1940 году, при полном поражении его конечных целей.¹²

Сам Черчилль не потрудился скрыть роль Рузвельта как соучастника. В январе 1941 года Гарри Хопкинс посетил Лондон. Черчилль назвал его "самым верным и совершенным каналом связи между президентом и мной... главным реквизитором и вдохновителем самого Рузвельта":

Вскоре я понял личный динамизм [Хопкинса] и исключительную важность его миссии... здесь был посланник президента, имеющий огромное значение для нашей жизни. С блеском в глазах и тихой, сдержанной страстью он сказал: "Президент твердо решил, что мы выиграем войну вместе. Не заблуждайтесь на этот счет. Он послал меня сюда, чтобы сказать вам, что любой ценой и любыми средствами он доведет вас до конца, что бы с ним ни случилось - нет ничего, чего бы он не сделал, пока у него есть человеческая сила". Он сидел, худой, хрупкий, больной, но абсолютно сияющий от утонченного понимания Дела. Это должно было быть поражение, разрушение и уничтожение Гитлера, исключая все другие цели, преданности и задачи.¹³

В 1976 году общественность наконец узнала историю Уильяма Стивенсона, британского агента под кодовым названием "Intrepid", посланного Черчиллем в Соединенные Штаты в 1940 году.¹⁴ Стивенсон создал штаб-квартиру в Рокфеллер-центре с

приказом использовать любые необходимые средства, чтобы помочь втянуть Соединенные Штаты в войну. С полного ведома и в сотрудничестве с Рузвельтом и при содействии федеральных агентств Стивенсон и его 300 или около того агентов "перехватывали почту, прослушивали провода, взламывали сейфы, похищали людей, ... распускали слухи" и непрерывно клеветали на свои любимые цели - "изоляционистов". Через Стивенсона Черчилль практически контролировал организацию Уильяма Донована, зарождающуюся разведывательную службу США.¹⁵

Черчилль даже приложил руку к шквалу пробританской и антигерманской пропаганды, которая исходила из Голливуда в годы, предшествовавшие вступлению Соединенных Штатов в войну. Гор Видал в книге "Screening History" проницательно отмечает, что начиная примерно с 1937 года, американцев подвергали одному фильму за другим, прославляющим Англию и героев-воинов, построивших империю. Будучи зрителями этих фильмов, Видал говорит: "Мы не служили ни Линкольну, ни Джефферсону Дэвису; мы служили короне".¹⁶ Ключевой фигурой Голливуда в создании фильмов, которые "делали нас всех странно английскими", был венгерский эмигрант и друг Черчилля Александр Корда.¹⁷ Видал очень метко пишет:

Для тех, кто считает неприятной сегодняшнюю сионистскую пропаганду, я могу лишь сказать, что сегодняшний галантный маленький Израиль, должно быть, многому научился у галантных маленьких англичан 1930-х годов. Англичане поддерживали пропагандистский шквал, который должен был пронизать всю нашу культуру... Голливуд был тонко и не очень тонко внедрен британскими пропагандистами.¹⁸

Пока шла работа над американцами, два конфедерата совещались о том, как организовать прямые военные действия

между Соединенными Штатами и Германией. В августе 1941 года Рузвельт и Черчилль встретились на Атлантической конференции. Здесь они выработали Атлантическую хартию с ее "четырьмя свободами", включая "свободу от нужды" - чистый чек для распространения англо-американской социал-политики по всему миру. Когда Черчилль вернулся в Лондон, он сообщил кабинету министров о том, что было согласовано. Тридцать лет спустя британские документы были опубликованы. Вот как об этих откровениях сообщила газета "Нью-Йорк Таймс":

В ранее совершенно секретных документах британского правительства, обнародованных сегодня, говорится, что президент Франклин Д. Рузвельт сказал премьер-министру Уинстону Черчиллю в августе 1941 года, что он ищет случай, чтобы оправдать открытие военных действий против нацистской Германии..... 19 августа Черчилль доложил военному кабинету в Лондоне о других аспектах встречи в Ньюфаундленде [Атлантическая хартия], которые не были обнародованы. ... "Он [Рузвельт], очевидно, был решительно настроен на то, чтобы они вошли. Если бы он поставил вопрос о мире и войне перед Конгрессом, они бы обсуждали его месяцами", - говорится в протоколе заседания кабинета министров. "Президент сказал, что будет вести войну, но не объявлять ее, и что он будет становиться все более и более провокационным. Если немцам это не понравится, они могут напасть на американские силы..... Необходимо было сделать все, чтобы спровоцировать инцидент "19.

15 июля 1941 года адмирал Литтл, член британской военно-морской делегации в Вашингтоне, написал адмиралу Паунду, первому морскому лорду: "самая большая надежда на вступление Америки в войну связана с эскортными мероприятиями в Исландии, и будем надеяться, что немцы не

замедлят атаковать их". Литтл добавил, возможно, в шутку: "В противном случае, я думаю, для нас было бы лучше организовать атаку нашими собственными подводными лодками и, желательно, на эскорт!". Несколькими неделями ранее Черчилль, искавший возможность втянуть Америку в войну, написал Паунду по поводу немецкого военного корабля Prinz Eugen: "Было бы лучше, если бы, например, он был обнаружен американским кораблем, так как это может побудить его открыть огонь по этому кораблю, обеспечив тем самым инцидент, за который правительство США было бы так благодарно".²⁰ Инциденты в Северной Атлантике действительно происходили, причем все чаще и чаще, по мере приближения Соединенных Штатов к войне с Германией.²¹

Но Черчилль не пренебрегал "черным ходом войны" - втягиванием Соединенных Штатов в войну с Японией - как способом вовлечения Америки в конфликт с Гитлером. Сэр Роберт Крейги, британский посол в Токио, как и американский посол Джозеф Грю, лихорадочно работал над тем, чтобы избежать войны. Черчилль поручил своему министру иностранных дел Энтони Идену подстегнуть Крейги:

Ему, безусловно, следует немедленно сообщить, что вступление Соединенных Штатов в войну либо с Германией и Италией, либо с Японией полностью соответствует британским интересам. Ничто в сфере боеприпасов не может сравниться по важности с тем, что Британская империя и Соединенные Штаты являются совоюющими сторонами.²²

Черчилль бросил свое влияние на баланс, чтобы ужесточить американскую политику в отношении Японии, особенно в последние дни перед нападением на Перл-Харбор.²³ Сочувствующий Черчиллю критик Ричард Лэмб недавно написал:

Оправданно ли [Черчилль] пытался спровоцировать Японию на нападение на Соединенные Штаты? ... в 1941 году у Великобритании не было перспектив победить Германию без помощи США как активного союзника. Черчилль считал, что Конгресс никогда не даст Рузвельту разрешения объявить войну Германии... . Во время войны решения национальных лидеров должны приниматься с учетом их влияния на военные усилия. Есть правда в старой поговорке: "Все справедливо в любви и на войне"24.

Неудивительно, что 15 февраля 1942 года в Палате общин Черчилль заявил о вступлении Америки в войну: "Это то, о чем я мечтал, к чему стремился, ради чего работал, и теперь это свершилось"25.

Почитатели Черчилля ни в коем случае не считают его роль в вовлечении Америки во Вторую мировую войну отрицательной. Напротив, они считают это в его пользу. Гарри Яффе в своих неосведомленных и неистовых извинениях, кажется, последний из ныне живущих людей, кто отказывается верить, что Человек многих веков был хоть в какой-то степени ответственен за вступление Америки в войну: в конце концов, разве не японцы разбомбили Перл-Харбор?

Но как же американская республика? Что значит для нас то, что президент сотрудничал с главой иностранного правительства, чтобы втянуть нас в мировую войну? Для Черчилля этот вопрос не имел большого значения. Его не волновали Соединенные Штаты как суверенная, независимая нация, со своим характером и местом в схеме вещей. Для него американцы были одним из "англоязычных народов". Он ожидал общего гражданства для британцев и американцев, "смешения" на пути к англо-американской мировой гегемонии27.

Но интрига Черчилля-Рузвельта, надо полагать, должна иметь значение для американцев. Здесь, однако, критика остановлена, не успев начаться. Моральный постулат нашего времени гласит, что в стремлении уничтожить Гитлера все было дозволено. Однако почему само собой разумеется, что мораль требовала крестового похода против Гитлера в 1939 и 1940 годах, а не против Сталина? В тот момент Гитлер убивал тысячи, а Сталин уже убивал миллионы. На самом деле, до июня 1941 года Советы вели себя по отношению к полякам в своей зоне оккупации гораздо более убийственно, чем нацисты в своей. Около 1 500 000 поляков были депортированы в ГУЛАГ, причем около половины из них умерли в течение первых двух лет. Как пишет Норман Дэвис: "Сталин опережал Гитлера в своем желании низвести поляков до состояния нации рабов".²⁸ Конечно, существовали соображения баланса сил, которые создавали различия между двумя диктаторами. Но еще предстоит объяснить, почему должен существовать двойной стандарт, предписывающий, что компромисс с одним диктатором был бы "морально болезненным", в то время как сотрудничество с другим было морально безупречным.²⁹

"Сначала поймай своего зайца"

В начале войны Черчилль заявил: "У меня есть только одна цель в жизни - победа над Гитлером, и это делает все очень простым для меня".³⁰ "Победа - победа любой ценой", понятая буквально, была его политикой практически до конца. Это указывает на фундаментальную и фатальную ошибку Черчилля во Второй мировой войне: его разделение оперативной и политической стратегии. Первой - планированию и руководству военными кампаниями - он посвятил все свое время и энергию; в конце концов, он получал от этого удовольствие. Второму - согласованию военных операций с более крупными и гораздо более значимыми политическими целями, которым они должны были служить, - он не уделял вообще никаких усилий.

Сталин, с другой стороны, прекрасно понимал, что вся цель войны заключается в том, чтобы навязать определенные политические требования. Именно в этом смысл знаменитой сентенции Клаузевица о том, что война - это продолжение политики другими средствами. К визиту Идена в Москву в декабре 1941 года, когда вермахт находился в Подмосковье, Сталин был готов со своими требованиями: Британское признание советской власти над балтийскими странами и территориями, которые он только что захватил у Финляндии, Польши и Румынии. (На протяжении всей войны он не терял из виду эти и другие важнейшие политические цели. Но Черчилль, несмотря на частые подталкивания со стороны Идена, никогда не задумывался о своих, какими бы они ни были.³¹ Его подход, объяснял он, был похож на рецепт "Кувшинного зайца" миссис Гласс: "Сначала поймайте зайца".³² Сначала победите Гитлера, а потом начинайте думать о будущем Британии и Европы. Черчилль выразился так: "поражение, разорение и уничтожение Гитлера, исключая все другие цели, преданности и задачи".

Тувия Бен-Моше проницательно указал на один из источников этого гротескного безразличия:

За тридцать лет до этого Черчилль сказал Асквиту, что ... амбицией всей его жизни было "командовать великими победоносными армиями в бою". Во время Второй мировой войны он был полон решимости использовать все преимущества предоставленной ему возможности - почти беспрепятственного военного управления великим конфликтом. Он был склонен игнорировать или откладывать рассмотрение вопросов, которые могли бы отвлечь его от этого удовольствия... . При этом он откладывал или даже совсем откладывал рассмотрение вопросов, которыми ему следовало заниматься в качестве премьер-министра.³³

Политика Черчилля, направленная на всестороннюю поддержку Сталина, исключала другие, потенциально более благоприятные подходы. Военный эксперт Хэнсон Болдуин, например, заявил:

Нет никаких сомнений в том, что в интересах Великобритании, Соединенных Штатов и всего мира было бы позволить - и даже поощрять - двум великим диктатурам мира сражаться друг с другом до победного конца. Такая борьба с последующим ослаблением как коммунизма, так и нацизма не могла не способствовать установлению более стабильного мира.³⁴

Вместо того чтобы принять этот подход или, например, способствовать свержению Гитлера антинацистски настроенными немцами - вместо того чтобы даже рассмотреть такие альтернативы - Черчилль с самого начала бросил всю свою поддержку на Советскую Россию.

Общеизвестно фатумное отношение Франклина Рузвельта к Иосифу Сталину. Он смотрел на Сталина как на товарища по "прогрессивному движению" и бесценного сотрудника в создании будущего Нового мирового порядка.³⁵ Но неоконсерваторы и другие, противопоставляющие безрассудству Рузвельта в этом вопросе хитрость и проницательность Старого Света Черчилля, к сожалению, ошибаются. Тошнотворная лесть Рузвельта в адрес Сталина легко сравнится с лестью Черчилля. Как и Рузвельт, Черчилль осыпал коммунистического убийцу похвалами и стремился к личной дружбе Сталина. Более того, его преклонение перед Сталиным и его версией коммунизма - столь отличной от отталкивающей "троцкистской" - в частном порядке ничем не отличалось от публичного. В январе 1944 года он все еще говорил Идену о "глубоких изменениях, произошедших в характере русского государства и правительства, о новом доверии, которое выросло в наших сердцах по отношению к Сталину".³⁶ В письме своей жене Клементине Черчилль писал после конференции в Москве в октябре 1944 года: "У меня были очень приятные беседы со старым Медведем. Он мне нравится, чем больше я его вижу. Теперь они уважают нас и, я уверен, хотят работать с нами".³⁷ Писатели, подобные Исайе Берлину, которые пытаются создать впечатление, что Черчилль ненавидел или презирал всех диктаторов, включая Сталина, либо невежественны, либо нечестны³⁸.

Сторонники Черчилля часто утверждают, что, в отличие от американцев, опытный и хитрый британский государственный деятель предвидел опасность со стороны Советского Союза и упорно работал над тем, чтобы предотвратить ее. Знаменитая "средиземноморская" стратегия Черчилля - атаковать Европу через ее "мягкое подбрюшье", а не концентрироваться на вторжении в северную Францию - якобы является доказательством этого.³⁹ Но это была защита задним числом,

придуманная Черчиллем уже после начала холодной войны: существует мало, если вообще есть, современных свидетельств того, что желание нанести русским поражение в Вене и Будапеште составляло какую-либо часть мотивации Черчилля при отстаивании стратегии "мягкого подбрюшья". В то время Черчилль приводил чисто военные причины.⁴⁰ Как утверждает Бен-Моше: "Официальные британские историки установили, что только во второй половине 1944 года и после переправы через Ла-Манш Черчилль впервые начал рассматривать возможность упредить русских в юго-восточной Европе военными средствами".⁴¹ К тому времени такой шаг был бы невозможен по нескольким причинам. Это была еще одна из странных военных идей Черчилля, таких как вторжение в крепость Европа через Норвегию или откладывание вторжения в северную Францию до 1945 года - к этому времени русские уже достигли бы Рейна.⁴²

Более того, американская оппозиция южной стратегии Черчилля не была вызвана слепотой к коммунистической опасности. Как писал генерал Альберт К. Ведемейер, один из самых твердых антикоммунистов в американской армии:

Если бы мы вторглись на Балканы через Люблянский разрыв, то теоретически могли бы отбить у русских Вену и Будапешт. Но логистика была бы против нас: было бы практически невозможно снабжать более двух дивизий через порты Адриатики. ... Предложение спасти Балканы от коммунизма никогда не могло быть реализовано вторжением "мягкого подбрюшья", поскольку сам Черчилль уже расчистил путь для успеха Тито. . . [который] прочно обосновался в Югославии с британской помощью задолго до того, как была завоевана сама Италия.⁴³

Замечания Ведемейера по поводу Югославии попали в точку. В этом вопросе Черчилль отверг советы своего собственного Министерства иностранных дел, полагаясь вместо этого на информацию, предоставленную, в частности, главой каирского отделения SOE - отделения специальных операций - во главе с коммунистическим агентом по имени Джеймс Клугман. Черчилль отказался от британской поддержки лоялистской партизанской армии генерала Михайловича и перебрал ее на сторону лидера коммунистических партизан Тито.⁴⁴ То, что победа Тито будет означать победу, не было секретом для Черчилля.⁴⁵ Когда Фицрой Маклин беседовал с Черчиллем перед отправкой в качестве связного с Тито, Маклин заметил, что под руководством коммунистов конечной целью партизан, несомненно, будет установление в Югославии коммунистического режима, тесно связанного с Москвой. Как правительство Его Величества смотрело на такое развитие событий? ... Ответ г-на Черчилля не оставил у меня никаких сомнений относительно ответа на мой вопрос. Пока, сказал он, всей западной цивилизации угрожает нацистская опасность, мы не можем позволить себе отвлечь наше внимание от насущной проблемы соображениями долгосрочной политики... . Политика должна быть второстепенным фактором.⁴⁶

Трудно придумать более легкомысленное отношение к ведению войны, чем считать "политику" "второстепенным соображением". Что касается "человеческих издержек" политики Черчилля, то когда один из помощников указал на то, что Тито намеревался превратить Югославию в коммунистическую диктатуру по советскому образцу, Черчилль ответил на это: "Вы собираетесь там жить?"⁴⁷

Благожелательное отношение Черчилля к Сталину и России резко контрастирует с его взглядом на Германию. За Гитлером Черчилль видел старый призрак пруссачества, который якобы стал причиной не только двух мировых войн, но и франко-

прусской войны. Теперь он боролся с "нацистской тиранией и прусским милитаризмом", "двумя главными элементами в жизни Германии, которые должны быть абсолютно уничтожены".⁴⁸ В октябре 1944 года Черчилль все еще объяснял Сталину, что: "Проблема заключается в том, как не допустить, чтобы Германия встала на ноги при жизни наших внуков".⁴⁹ У Черчилля была "путаница в мыслях по поводу прусской аристократии, нацизма и источников германского милитаристского экспансионизма... [его точка зрения] была удивительно похожа на ту, которой придерживались сэр Роберт Ванситтарт и сэр Уоррен Фишер; то есть она возникла из сочетания почти расистской антипатии и расчетов баланса сил."⁵⁰ Целью Черчилля было не просто спасение мировой цивилизации от нацистов, но, по его словам, "неопределенное предотвращение их [немцев] повторного восстания в качестве вооруженной державы"⁵¹.

Неудивительно поэтому, что Черчилль отказался даже прислушаться к мольбам антигитлеровской немецкой оппозиции, которая неоднократно пыталась установить связь с британским правительством. Вместо того чтобы приложить все усилия для поощрения и помощи антинацистскому перевороту в Германии, Черчилль ответил на призывы немецкого сопротивления холодным молчанием.⁵² Повторные предупреждения Адама фон Тротта и других лидеров сопротивления о грядущей "большевизации" Европы не произвели на Черчилля никакого впечатления.⁵³ Один из недавних историков написал: "Своей неуступчивостью и отказом от переговоров с инакомыслящими немцами Черчилль упустил возможность закончить войну в июле 1944 года".⁵⁴ Чтобы добавить позора к глупости, Черчилль и его толпа только и делали, что презирали доблестных немецких офицеров, даже когда их убивали гестаповцы.⁵⁵

Вместо помощи Черчилль предложил немцам, искавшим способ закончить войну до того, как Красная армия хлынет в Центральную Европу, лишь лозунг безоговорочной капитуляции. После этого Черчилль солгал в Палате общин о своей роли в Касабланке в связи с объявлением Рузвельтом политики безоговорочной капитуляции и был вынужден отказаться от своих заявлений.⁵⁶ Эйзенхауэр, среди прочих, упорно и настойчиво возражал против формулы безоговорочной капитуляции как препятствующей военным усилиям путем повышения морального духа вермахта.⁵⁷ На самом деле, этот лозунг был подхвачен Геббельсом и способствовал тому, что немцы держались до самого конца.

Губительный эффект этой политики был неизмеримо усилен планом Моргентау, который дал немцам ужасающую картину того, что будет означать "безоговорочная капитуляция".⁵⁸ Этот план, парафированный Рузвельтом и Черчиллем в Квебеке, предусматривал превращение Германии в сельскохозяйственную и пасторальную страну; даже угольные шахты Рура должны были быть разрушены. Тот факт, что это привело бы к гибели десятков миллионов немцев, делает его идеальным аналогом гитлеровских планов по отношению к России и Украине.

Поначалу Черчилль был против этого плана. Однако его переубедил профессор Линдемманн, такой же маниакальный ненавистник Германии, как и сам Моргентау. Линдемманн заявил лорду Морану, личному врачу Черчилля: "Я объяснил Уинстону, что этот план спасет Британию от банкротства, устранив опасного конкурента. Уинстон не думал об этом в таком ключе, и он больше не говорил о жестокой угрозе немецкому народу".⁵⁹ По словам Моргентау, формулировка плана была полностью разработана Черчиллем. Когда Рузвельт вернулся в Вашингтон, Халл и Стимсон выразили свой ужас и быстро разуверили президента. Черчилль же, напротив, не

раскаялся. Когда пришло время упомянуть план Morgenthau в своей истории войны, он искажил его положения и, косвенно, солгал о своей роли в его поддержке.60

Помимо вопроса о самом плане, лорд Моран задался вопросом, как Черчилль мог появиться на Квебекской конференции "без каких-либо продуманных взглядов на будущее Германии, хотя она, казалось, была на грани капитуляции". Ответ заключался в том, что "он был настолько поглощен ведением войны, что на планирование будущего оставалось мало времени":

Военные детали давно увлекали его, в то время как он откровенно скучал по тем проблемам, которые могли бы занять время Мирной конференции..... П. М. растрачивал свои слабеющие силы на вопросы, которые по праву принадлежали солдатам. В моем дневнике осенью 1942 года рассказывается, как я разговаривал с сэром Стаффордом Криппсом и обнаружил, что он разделяет мои опасения. Он хотел, чтобы П. М. сосредоточился на широкой стратегии войны и на высокой политике..... Никто не мог заставить [Черчилля] увидеть его ошибки.61

Военные преступления незаметно завуалированы

Есть ряд эпизодов во время войны, раскрывающих характер Черчилля, которые заслуживают упоминания. Относительно незначительным инцидентом было нападение британцев на французский флот в Мерс-эль-Кебире (Оран), у побережья Алжира. После падения Франции Черчилль потребовал, чтобы французы сдали свой флот Великобритании. Французы отказались, пообещав, что разломают корабли, прежде чем позволят им попасть в руки Германии. Вопреки совету своих морских офицеров, Черчилль приказал британским кораблям у алжирского побережья открыть огонь. Около 1500 французских моряков были убиты. Это было очевидное военное преступление, по любому определению: неспровоцированное нападение на силы союзника без объявления войны. В Нюрнберге немецкие офицеры были приговорены к тюремному заключению за меньшее. Понимая это, Черчилль солгал о Мерс-эль-Кебире в своей истории и подавил свидетельства о нем в официальных британских историях войны.⁶² Нападением на французский флот Черчилль подтвердил свое положение главного разрушителя в ходе двух мировых войн системы правил ведения войны, которые складывались на Западе веками.

Но великое военное преступление, которое навсегда останется связанным с именем Черчилля, - это террористическая бомбардировка городов Германии, которая в итоге стоила жизни примерно 600 000 гражданских лиц и оставила около 800 000 тяжелораненых.⁶³ (Сравните это с примерно 70 000 британских жизней, погибших в результате немецких воздушных атак. На самом деле, от воздушных атак союзников погибло почти столько же французов, сколько англичан было убито немцами.⁶⁴) План был задуман в основном другом и научным советником Черчилля, профессором Линдемманом, а осуществил его глава Командования бомбардировщиков Артур

Харрис ("Бомбардировщик Харрис"). Харрис сказал: "В командовании бомбардировщиков мы всегда исходили из того, что бомбить что-либо в Германии лучше, чем не бомбить ничего".⁶⁵ Харрис и другие руководители британских ВВС хвастались тем, что Великобритания была пионером в массированном применении стратегических бомбардировок. Дж.М. Спейт, бывший главный помощник секретаря министерства авиации, отметил, что в то время как немцы (и французы) рассматривали авиацию в основном как продолжение артиллерии, поддержку полевых армий, британцы понимали ее способность уничтожать домашние базы противника. Они построили свои бомбардировщики и создали соответствующее Бомбардировочное командование.⁶⁶

Черчилль среди руин

Нагло солгав Палате общин и общественности, Черчилль заявил, что объектами бомбардировок были только военные и промышленные объекты. На самом деле, целью было уничтожить как можно больше гражданских лиц - таким образом, "зональные" или "ковровые" бомбардировки - и таким образом сломить моральный дух немцев и заставить их сдаться.⁶⁷

Харрис, по крайней мере, имел мужество своих убеждений. Он призвал правительство открыто объявить об этом:

цель комбинированного наступления бомбардировщиков ... должна быть однозначно заявлена [как] разрушение немецких городов, убийство немецких рабочих и нарушение цивилизованной жизни во всей Германии.⁶⁸

Кампания убийств с воздуха сравняла Германию с землей. Тысячелетняя городская культура была уничтожена, великие города, прославленные в анналах науки и искусства, превратились в груды дымящихся руин. Были и яркие моменты: бомбардировка Любека, когда этот древний ганзейский город "горел как хворост"; налет 1000 бомбардировщиков на Кельн и последующие налеты, которые каким-то чудесным образом пощадили великий собор, но разрушили остальную часть города, включая тринадцать романских церквей; огненный смерч, поглотивший Гамбург и унесший жизни около 42 000 человек. Неудивительно, что, узнав об этом, такой цивилизованный европейский человек, как Йозеф Шумпетер, в Гарварде был вынужден говорить "любому, кто будет слушать", что Черчилль и Рузвельт разрушают больше, чем Чингисхан.⁶⁹

Самым печально известным актом стало уничтожение Дрездена в феврале 1945 года. Согласно официальной истории

Королевских ВВС: "Разрушение Германии к тому времени достигло масштабов, которые могли бы ужаснуть Аттилу или Чингисхана".[70](#) Дрезден, который был столицей старого королевства Саксония, был обязательной остановкой в Гранд Туре, жемчужиной Европы в стиле барокко. Война практически закончилась, город был заполнен массами беспомощных беженцев, спасающихся от наступающей Красной Армии. И все же в течение трех дней и ночей, с 13 по 15 февраля, Дрезден подвергался бомбардировкам. Погибло по меньшей мере 30 000 человек, возможно, 135 000 и более. Дворец Цвингер, церковь Богоматери (die Frauenkirche), терраса Брюля с видом на Эльбу, где в романе Тургенева "Отцы и сыновья" дядя Павел провел свои последние годы, оперный театр Земпера, где Рихард Штраус дирижировал премьерой оперы "Розенкавалер", и практически все остальное было сожжено. Черчилль разжег это. Но его потрясло последовавшее за этим возмущение. Если в Джорджтауне и Голливуде о Дрездене мало кто слышал, то в Стокгольме, Цюрихе, Ватикане и даже в Лондоне этот город что-то значил. Что же сделал наш герой? Он направил меморандум начальникам штабов:

Мне кажется, что настал момент, когда вопрос о бомбардировке немецких городов просто ради усиления террора, хотя и под другими предлогами, должен быть пересмотрен. В противном случае мы окажемся во власти совершенно разрушенной земли..... Разрушение Дрездена остается серьезным вопросом против проведения бомбардировок союзников.... Я чувствую необходимость более точной концентрации на военных целях... а не на актах террора и бессмысленных разрушениях, какими бы впечатляющими они ни были".[71](#)

Военные начальники раскусили подлую уловку Черчилля: поняв, что их подставили, они отказались принять меморандум. После войны Черчилль небрежно отказался от

каких-либо сведений о бомбардировке Дрездена, сказав: "Я думал, что это сделали американцы".[72](#)

И все же бомбардировки продолжались. 16 марта в течение 20 минут Вюрцбург был стерт с лица земли. В середине апреля Берлин и Потсдам снова подверглись бомбардировке, в результате которой погибло еще 5 000 мирных жителей. Наконец, все прекратилось; как отметил бомбардировщик Харрис, в Германии больше не было целей для бомбардировок.[73](#) Вряд ли стоит упоминать, что Черчилль поддержал атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, в результате которой погибло еще 100 000 или более мирных жителей. Когда Трумэн сфабриковал миф о "500 000 жизней, спасенных США" благодаря предотвращению вторжения на Домашние острова - по самым высоким военным оценкам, их было 46 000, - Черчилль дополнил его ложь: атомные бомбардировки спасли 1 200 000 жизней, включая 1 000 000 американцев, фантазировал он.[74](#)

То, с какой готовностью Черчилль руководил или аплодировал разрушению городов с воздуха, должно вызвать вопросы у тех, кто до сих пор считает его великим "консерватором" своего - или, возможно, всех времен. Им не мешало бы задуматься над суждением такого подлинного консерватора, как Эрик фон Кюнелът-Леддин, который писал: "Небританцы не имели значения для мистера Черчилля, который жертвовал людьми - их жизнями, их благосостоянием, их свободой - с тем же элегантным презрением, что и его коллега в Белом доме".[75](#)

1945: Темная сторона

И вот мы подошли к 1945 году и вечному торжеству абсолютного добра над абсолютным злом. Мистика того года настолько сильна, что ничтожные государства всеобщего благосостояния сегодняшней Европы хватаются за нее при каждом удобном случае в поисках нескольких столь необходимых клочков славы.

Темная сторона этого триумфа, однако, была почти полностью подавлена. Это история преступлений и зверств победителей и их ставленников. Поскольку Уинстон Черчилль сыграл центральную роль в победе союзников, это также история преступлений и зверств, к которым был причастен Черчилль. К ним относится принудительная репатриация около двух миллионов советских подданных в Советский Союз. Среди них были десятки тысяч тех, кто сражался с немцами против Сталина под руководством генерала Власова и его "Русской освободительной армии". Об этом пишет Александр Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ":

В своей стране Рузвельт и Черчилль почитаются как воплощение государственной мудрости. Для нас же, во время бесед в российских тюрьмах, их последовательная недалёковидность и глупость были поразительно очевидны... Какой военный или политический смысл был в том, что они сдали на уничтожение в руки Сталина сотни тысяч вооруженных советских граждан, решивших не сдаваться [76](#)

Самым позорным из всего этого была передача казаков. Они никогда не были советскими гражданами, поскольку воевали против Красной Армии в Гражданской войне, а затем эмигрировали. Сталин, по понятным причинам, особенно хотел заполучить их, и англичане согласились. Солженицын писал об Уинстоне Черчилле:

Он передал советскому командованию казачий корпус численностью 90 000 человек. Вместе с ними он также передал много вагонов со стариками, женщинами и детьми. Этот великий герой, памятники которому со временем покроют всю Англию, приказал, чтобы и они были преданы смерти.[77](#)

"Чистка" предполагаемых коллаборационистов во Франции стала кровавой баней, унесшей больше жертв, чем Царствование террора во время Великой революции - и не только среди тех, кто так или иначе помогал немцам: среди них были любые правые, которых хотели ликвидировать коммунистические группы сопротивления.[78](#)

К этому списку следует добавить массовые убийства, совершенные протеже Черчилля Тито: десятки тысяч хорватов, причем не только усташей, но и любых "классовых врагов", в классическом коммунистическом стиле. Тито и его отряды убийц также убили около 20 000 словенских борцов против коммунизма. Когда партизаны Тито бесчинствовали в Триесте, который он пытался захватить в 1945 году, были убиты еще тысячи итальянских антикоммунистов.[79](#)

Когда войска советского союзника Черчилля пронесли по Центральной Европе и Балканам, начались массовые депортации. Некоторые члены британского правительства сомневались, чувствуя определенную ответственность. Черчилль не хотел этого делать. В январе 1945 года, например, он заметил Министерству иностранных дел: "Почему мы поднимаем шум по поводу русских депортаций в Румынии саксонцев [немцев] и других? ... Я не вижу, что русские не правы, заставляя 100 или 150 тысяч этих людей отрабатывать свой пассаж. Я сам не могу считать, что русские не правы, когда берут румын любого происхождения, которые им нравятся, для работы на российских угольных месторождениях".[80](#) Около 500 000 немецких гражданских лиц были депортированы для

работы в Советской России в соответствии с соглашением Черчилля и Рузвельта в Ялте о том, что такой рабский труд представляет собой надлежащую форму "репараций".[81](#)

Хуже всего было изгнание около 15 миллионов немцев с их исконных земель в Восточной и Западной Пруссии, Силезии, Померании и Судетской области. Это было сделано в соответствии с соглашениями в Тегеране, где Черчилль предложил "отодвинуть Польшу на запад", а также в соответствии с молчаливым согласием Черчилля на план чешского лидера Эдуарда Бенеша по "этнической чистке" Богемии и Моравии. В результате этого процесса погибло от полутора до двух миллионов немецких гражданских лиц.[82](#) Как писал венгерский либерал Гаспар Тамаш, при изгнании немцев из восточно-центральной Европы, "предки которых строили наши соборы, монастыри, университеты и железнодорожные станции", была уничтожена целая древняя культура.[83](#) Но почему это должно что-то значить для почитателей Черчилля, называющих себя сегодня в Америке "консерваторами"?

Затем, в довершение всего, состоялся Нюрнбергский процесс, пародия на правосудие, осужденная великим сенатором Робертом Тафтом, где сталинские судьи и прокуроры - опытные ветераны чисток 30-х годов - участвовали в еще одном великом показательном процессе.[84](#)

К 1946 году Черчилль с возмущением в голосе жаловался на происходящее в Восточной Европе: "От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике над Европой опустился железный занавес". Геббельс популяризировал фразу "железный занавес", но она была достаточно точной.

Теперь на европейском континенте существовала единая гегемонистская держава. "По мере того, как снимались шоры войны, - пишет Джон Чармли, - Черчилль начал осознавать

масштабы совершенной ошибки".[85](#) На самом деле, собственные высказывания Черчилля о глубоком сомнении в себе странно сочетаются с ретроспективным триумфализмом его поклонников. После войны он сказал Роберту Бутби: "Историки склонны судить военных министров не столько по победам, достигнутым под их руководством, сколько по политическим результатам, которые из них вытекали. Если судить по этому стандарту, я не уверен, что меня сочтут очень хорошим".[86](#) В предисловии к первому тому своей истории Второй мировой войны Черчилль объяснил, почему он был так обеспокоен:

Человеческая трагедия достигает своего апогея в том, что после всех усилий и жертв сотен миллионов людей и побед Правого Дела мы все еще не обрели ни мира, ни безопасности, и что мы находимся в тисках еще худших опасностей, чем те, которые мы преодолели.[87](#)

В День Победы он объявил о победе "дела свободы во всех странах". Но своему личному секретарю он размышлял: "Что будет лежать между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?".[88](#) Поднимать этот вопрос было уже поздно. Действительно, что нам делать с государственным деятелем, который годами игнорировал тот факт, что исчезновение Германии как державы в Европе влечет за собой... определенные последствия? Имеем ли мы дело с очередным Бисмарком или Меттернихом? Или же речь идет о Вудро Вильсоне редививусе - еще одном принце дураков?

Поскольку баланс сил в Европе был разрушен его собственной политикой, у Черчилля оставался только один выход: окончательно вернуть Америку в Европу. Таким образом, его тревожные излияния в адрес американцев, включая его речь о "железном занавесе" в Фултоне, штат Миссури. Разрушив Германию как естественный противовес России на континенте,

он теперь был вынужден попытаться втянуть Соединенные Штаты в еще одну войну - на этот раз холодную, которая продлится 45 лет и изменит Америку фундаментально и, возможно, бесповоротно.[89](#)

Триумф государства всеобщего благосостояния

В 1945 году в Великобритании прошли всеобщие выборы, и Лейбористская партия одержала убедительную победу. Клемент Эттли и его коллеги пришли к власти и создали социалистическое государство всеобщего благосостояния. Но социализация Великобритании, вероятно, была неизбежна, учитывая войну. Она была естественным следствием чувства солидарности и коллективистских эмоций военного времени, ощущения, что опыт войны каким-то образом сделал классовую структуру и иерархию - нормальные черты любого развитого общества - устаревшими и неприличными. Был и второй фактор - британское общество уже было в значительной степени социализировано в годы войны, при самом Черчилле. Как писал Людвиг фон Мизес:

Идя все дальше по пути интервенционизма, сначала Германия, затем Великобритания и многие другие европейские страны приняли централизованное планирование, Гинденбургскую модель социализма. Примечательно, что в Германии к решающим мерам прибегли не нацисты, а за некоторое время до захвата власти Гитлером Брюнинг... а в Великобритании не лейбористская партия, а премьер-министр тори г-н Черчилль.[90](#)

Пока Черчилль вел войну, он позволил Эттли возглавлять различные комитеты кабинета министров по внутренней политике и разрабатывать предложения по здравоохранению, безработице, образованию и т.д.[91](#) Сам Черчилль уже принял генеральный проект государства всеобщего благосостояния - доклад Бевериджа. Как он сказал в своей речи по радио:

Вы должны причислить меня и моих коллег к ярым сторонникам национального обязательного страхования для всех классов для всех целей от колыбели до могилы.[92](#)

На то, что Мизес был прав в своем суждении о роли Черчилля, указывает вывод У. Х. Гринлифа в его монументальном исследовании индивидуализма и коллективизма в современной Великобритании. Гринлиф утверждает, что именно Черчилль был тем, кто

в годы войны поручил Р. А. Батлеру улучшить образование народа, а также принял и спонсировал идею четырехлетнего плана национального развития и обязательство поддерживать полную занятость в послевоенный период. Он также одобрил предложения по созданию национальной системы страхования, услуг в области жилищного строительства и здравоохранения и был готов согласиться с расширением сферы деятельности государственных предприятий. Именно благодаря этой коалиционной политике Энох Пауэлл назвал настоящую социальную революцию, которая произошла в 1942-44 годах. Цели такого рода были воплощены в политической декларации консерваторов, выпущенной премьером перед выборами 1945 года.[93](#)

Когда тори вернулись к власти в 1951 году, "Черчилль выбрал правительство, которое было наименее узнаваемым консервативным в истории".[94](#) Не было попытки свернуть государство всеобщего благосостояния, и единственной отраслью, которая была действительно реприватизирована, были автоперевозки.[95](#) Черчилль "оставил в неприкосновенности суть его [лейбористского правительства] работы".[96](#) Победа "консерваторов" функционировала подобно победам республиканцев в Соединенных Штатах, начиная с Эйзенхауэра - для укрепления социализма. Черчилль даже взялся восполнить "недостатки" в программах социального обеспечения предыдущего лейбористского правительства, в жилищном строительстве и общественных работах.[97](#) Самым коварным было то, что он поручил своему левому министру

труда Уолтеру Монктону умиротворить профсоюзы любой ценой. Капитуляция Черчилля перед профсоюзами, "продиктованная простой политической целесообразностью", заложила основу для трясины в трудовых отношениях, которая царила в Великобритании в течение следующих двух десятилетий.[98](#)

Однако, по правде говоря, Черчилля никогда не волновали внутренние дела, даже благосостояние, кроме как средство достижения и сохранения должности. Он любил власть и возможности, которые она давала, чтобы жить драматической жизнью, борьбой и бесконечной войной.

Есть способ взглянуть на Уинстона Черчилля, который очень заманчив: он был глубоко несовершенным существом, которое было призвано в критический момент для сражения с уникальным ужасающим злом, и чьи недостатки способствовали славной победе - в некотором смысле, как Мерлин в великом христианском романе К.С. Льюиса "Эта страшная сила".[99](#) Такое суждение, на мой взгляд, было бы поверхностным. Честное изучение его карьеры, я полагаю, приведет к другому выводу: когда все сказано и сделано, Уинстон Черчилль был человеком крови и беспринципным политиком, чей апофеоз служит для того, чтобы развратить все стандарты честности и морали в политике и истории.

Кампания президента Рузвельта по разжиганию войны в Европе: Секретные польские документы

Марк Вебер

В 1982 году состоялись крупные церемонии по случаю столетия со дня рождения Франклина Делано Рузвельта. За исключением Вашингтона и Линкольна, его прославляли и восхваляли так, как ни одного другого президента в истории Америки. Даже консервативный президент Рональд Рейган присоединился к хору аплодисментов. В начале 1983 года газеты и телевизионные сети отметили пятидесятилетнюю годовщину инаугурации Рузвельта многочисленными хвалебными речами.

И все же, с каждым годом появляется все больше новых свидетельств, которые противоречат светлomu образу Рузвельта, создаваемому средствами массовой информации и политиками.

Уже много написано о кампании обмана и откровенной лжи Рузвельта, направленной на то, чтобы заставить Соединенные Штаты вмешаться во Вторую мировую войну до нападения Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 года. Помощь Рузвельта Великобритании и Советскому Союзу в нарушение американского нейтралитета и международного права, его военные действия против Германии в Атлантике в попытке спровоцировать объявление Германией войны Соединенным Штатам, его санкционирование обширной кампании "грязных трюков" против граждан США агентами британской разведки в нарушение Конституции, а также его провокации и ультиматумы против Японии, которые привели к нападению

на Перл-Харбор - все это подробно задокументировано и достаточно хорошо известно.

Не так хорошо известна история огромной ответственности Рузвельта за начало Второй мировой войны. Данное эссе посвящено тайной кампании Рузвельта по провоцированию войны в Европе до начала военных действий в сентябре 1939 года. В частности, речь идет о его усилиях по оказанию давления на Великобританию, Францию и Польшу с целью заставить их начать войну против Германии в 1938 и 1939 годах.

Франклин Рузвельт не только преступно втянул Америку в войну, которая уже охватила Европу. Он несет серьезную ответственность перед историей за развязывание самой разрушительной войны всех времен.

Данная статья в значительной степени опирается на малоизвестную коллекцию секретных польских документов, попавших в руки немцев при взятии Варшавы в сентябре 1939 года. Эти документы четко доказывают решающую роль Рузвельта в развязывании Второй мировой войны. Они также раскрывают те силы, которые стояли за президентом и подталкивали его к войне.

Хотя некоторые историки цитировали предложения и даже абзацы из этих документов, их значение не было полностью оценено. На мой взгляд, этому есть три причины. Во-первых, в течение многих лет их подлинность не была бесспорно установлена. Во-вторых, полное собрание этих документов не было доступно на английском языке. И в-третьих, перевод этих документов, который был доступен на английском языке до сих пор, является неполным и неприемлемо плохим.

Когда немцы взяли Варшаву в конце сентября 1939 года, они захватили массу документов из Министерства иностранных

дел Польши. В письме от 8 апреля 1983 года доктор Карл Отто Браун из Мюнхена сообщил мне, что документы были захвачены бригадой СС под командованием фрайхерра фон Куенсберга, которого Браун знал лично. В ходе внезапной атаки бригада захватила центр Варшавы раньше регулярной немецкой армии. Фон Куенсберг рассказал Брауну, что его люди взяли под контроль Министерство иностранных дел Польши как раз в тот момент, когда сотрудники министерства сжигали уличающие документы. Доктор Браун был сотрудником Министерства иностранных дел Германии в период с 1938 по 1945 год.

Министерство иностранных дел Германии выбрало Ганса Адольфа фон Мольтке, бывшего посла Рейха в Варшаве, главой специальной архивной комиссии, которая должна была изучить коллекцию и отобрать те документы, которые могли бы подойти для публикации. В конце марта 1940 года 16 из них были опубликованы в виде книги под названием *Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges* ["Польские документы по предыстории войны"]. Издание Министерства иностранных дел имело подзаголовок "Немецкая белая книга № 3". Книга была немедленно опубликована в различных изданиях на иностранных языках в Берлине и некоторых других европейских столицах. Американское издание было опубликовано в Нью-Йорке компанией Howell, Soskin and Company под названием "Немецкая белая книга". Историк К. Хартли Граттан написал удивительно осторожное и сдержанное предисловие[2].

Перевод документов для американского издания "Белой книги" был непростительно плохим. Целые предложения и части предложений отсутствовали, а отдельные фрагменты были переведены с грубыми ошибками. Х. Кит Томпсон объяснил мне причины этого в разговоре 22 марта 1983 года и в письме от 13 мая 1983 года. В Берлине был подготовлен и отправлен в

Америку плохой черновой вариант перевода на английский язык. Он был передан Джорджу Сильвестру Виреку, известному прогермански настроенному американскому публицисту и литературному консультанту Немецкой информационной библиотеки в Нью-Йорке. Томпсон близко знал Вирека и служил его главным помощником и редактором. Вирек в спешке переработал перевод из Берлина в более удобочитаемую прозу, но без возможности сравнить его с оригинальным польским текстом (который он в любом случае не мог прочитать) или даже с официальной немецкоязычной версией. При внесении стилистических изменений ради удобства чтения, смысл оригинальных документов был тем самым непреднамеренно искажен.

Этот вопрос также обсуждался на небольшом ужине для Лоуренса Денниса, устроенном Томпсоном в квартире Вирека в отеле Belleclair в Нью-Йорке в 1956 году. Вирек объяснил, что он был высокооплачиваемым литературным консультантом немецкого правительства, ответственным за пропагандистский эффект публикаций, и не мог заниматься переводческой работой, которую обычно выполняют клерки. Даже самый тщательный перевод сложных документов способен исказить первоначальный смысл, а литературное редактирование, по словам Вирека, непременно сделает это. Томпсон согласился с этим мнением.

При подготовке англоязычного текста для этого эссе я тщательно изучил официальный немецкий перевод и различные другие переводы, а также сравнил их с факсимиле оригинальных польских документов.

Сенсация в СМИ

Германское правительство считало захваченные польские документы чрезвычайно важными. В пятницу, 29 марта, министерство пропаганды Рейха конфиденциально сообщило ежедневной прессе причину обнародования документов:

Эти необычные документы, которые могут быть опубликованы, начиная с первого выпуска в субботу, произведут первоклассную политическую сенсацию, поскольку они фактически доказывают степень ответственности Америки за развязывание нынешней войны. Конечно, ответственность Америки не должна подчеркиваться в комментариях; документы должны говорить сами за себя, и они говорят достаточно ясно.

Министерство пропаганды особо просит зарезервировать достаточно места для публикации этих документов, имеющих огромное значение для Рейха и немецкого народа.

Мы сообщаем вам по секрету, что цель публикации этих документов - укрепить американских изоляционистов и поставить Рузвельта в невыгодное положение, особенно в связи с тем, что он выставил свою кандидатуру на перевыборы. Однако нам вовсе не обязательно указывать на ответственность Рузвельта; об этом позаботятся его враги в Америке"[3].

Министерство иностранных дел Германии обнародовало эти документы в пятницу, 29 марта 1940 года. В Берлине журналистам со всего мира, включая США, были переданы факсимильные копии оригиналов польских документов и переводы на немецкий язык. Журналистам было разрешено самим изучить оригиналы документов, а также огромную кипу других документов из МИД Польши.

Обнародование документов стало сенсацией в международных СМИ. Американские газеты широко освещали эту историю на первых полосах и публиковали пространные выдержки из документов. Однако эффект оказался гораздо меньшим, чем рассчитывало немецкое правительство.

Ведущие правительственные чиновники США не теряли времени даром, решительно осуждая эти документы как неподлинные. Государственный секретарь Корделл Халл заявил: "Я могу сказать самым решительным образом, что ни я, ни кто-либо из моих коллег в Государственном департаменте никогда не слышал о каких-либо разговорах, подобных тем, о которых утверждается, и мы не придаем им ни малейшего значения. Утверждения, о которых идет речь, ни в коей мере не отражали мысли или политику американского правительства". Уильям Буллит, посол США в Париже, которому особенно инкриминировались эти документы, объявил: "Я никогда и никому не делал приписываемых мне заявлений". А граф Ежи Потоцкий, посол Польши в Вашингтоне, чьи конфиденциальные отчеты в Варшаву были самыми разоблачительными, заявил: "Я отрицаю утверждения, приписываемые моим докладам. У меня никогда не было никаких разговоров с послом Буллитом об участии Америки в войне"[4].

Эти категорические публичные отрицания со стороны высших должностных лиц привели к тому, что ожидаемое воздействие документов было практически полностью сведено на нет. Следует помнить, что это было за несколько десятилетий до того, как опыт войны во Вьетнаме и Уотергейта научил другое поколение американцев с большим скептицизмом относиться к подобным официальным опровержениям. В 1940 году подавляющее большинство американского народа доверяло своим политическим лидерам в том, что они говорят им правду.

В конце концов, *если бы* документы, обнародованные немецким правительством, были подлинными и настоящими, это означало бы, что великий лидер американской демократии был человеком, который лгал собственному народу и нарушал законы своей страны, в то время как немецкое правительство говорило правду. Принять это - значит ожидать многого от любой нации, но особенно от доверчивой американской общественности.

Комментарии с Капитолийского холма в целом повторяли официальную точку зрения правительства. Сенатор Ки Питтман, демократический председатель Комитета по международным отношениям, назвал документы "бессовестной ложью, призванной посеять раздор в Соединенных Штатах". Сенатор Клод Пепер, демократ из Флориды, заявил: "Это немецкая пропаганда, и она не должна ни в малейшей степени влиять на нашу политику". Лишь немногие не были впечатлены официальными опровержениями. Представитель Гамильтон Фиш из Нью-Йорка, главный республиканец в комитете по иностранным делам Палаты представителей, призвал Конгресс провести расследование и заявил в радиообращении: "Если бы эти обвинения были правдой, это было бы равносильно государственной измене. Если президент Рузвельт вступил в тайные соглашения или обязательства с иностранными правительствами, чтобы вовлечь нас в войну, ему должен быть объявлен импичмент"[5].

Американские газеты, сообщая о публикации документов, сделали акцент на отрицании на высоком уровне. Заголовок *New York Times* гласил: США НАЗЫВАЮТ ФАЛЬШИВЫМИ ДОКУМЕНТЫ НАЦИСТОВ, ОБВИНЯЮЩИЕ НАС В РАЗЖИГАНИИ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ И ОБЕЩАЮЩИЕ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К СОЮЗНИКАМ, ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ". Газета *Baltimore Sun* вышла под заголовком: НАЦИСТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ,

ВОЗЛАГАЮЩИЕ ВИНУ ЗА ВОЙНУ НА США, ОСПАРИВАЮТСЯ В ВАШИНГТОНЕ[6].

Хотя книга польских документов была помечена как "первая серия", последующие тома так и не появились. Временами немецкое правительство обнародовало дополнительные документы из польских архивов. Они были опубликованы в виде книги в 1943 году вместе с другими многочисленными документами, захваченными немцами из Министерства иностранных дел Франции и других европейских архивов, под названием *Roosevelts Weg in den Krieg: Geheimdokumente zur Kriegspolitik des Praesidenten der Vereinigten Staaten* ["Путь Рузвельта в войну: секретные документы о военной политике президента Соединенных Штатов"] [7].

Важный вопрос, на который нет ответа: где сегодня находятся оригиналы польских документов? Если только они не были уничтожены в огне войны, они, предположительно, попали в американские или советские руки в 1945 году. Учитывая недавнюю политику правительства США в отношении секретных архивных материалов, очень маловероятно, что они оставались бы секретными и сегодня, если бы попали в руки Соединенных Штатов. Я полагаю, что если они не были уничтожены, то сейчас находятся либо в Москве, либо в Центральном государственном архиве Восточной Германии в Потсдаме.

Особенно важно помнить, что эти секретные отчеты были написаны польскими послами высшего уровня, то есть людьми, которые, хотя и не были дружественно настроены к Германии, тем не менее, понимали реалии европейской политики гораздо лучше, чем те, кто определял политику в Соединенных Штатах.

Например, польские послы поняли, что за всей своей риторикой о демократии и правах человека, за выражениями любви к Соединенным Штатам, евреи, агитирующие за войну

против Германии, на самом деле делают не что иное, как безжалостно продвигают свои собственные чисто сектантские интересы. Благодаря многовековому опыту тесного общения с евреями поляки гораздо лучше, чем представители других национальностей, осознали особый характер этого народа.

Поляки рассматривали Мюнхенское соглашение 1938 года совсем иначе, чем Рузвельт и его окружение. Президент с горечью осуждал Мюнхенское соглашение, которое дало самоопределение трем с половиной миллионам немцев Чехословакии и урегулировало крупный европейский кризис, как позорную и унижительную капитуляцию перед немецким шантажом. Хотя польское правительство опасалось германской мощи, оно поддержало Мюнхенское соглашение, отчасти потому, что небольшая польская территория, которая была частью Чехословакии против желания ее жителей, была объединена с Польшей в результате урегулирования.

Польские посланники относились к создателям американской внешней политики с чем-то близким к презрению. Президент Рузвельт считался мастером политического искусства, который знал, как формировать американское общественное мнение, но очень мало знал об истинном положении дел в Европе. Как подчеркивал посол Польши в Вашингтоне в своих докладах в Варшаву, Рузвельт подтолкнул Америку к войне, чтобы отвлечь внимание от своих неудач во внутренней политике.

В рамках данной статьи не представляется возможным углубляться в сложные германо-польские отношения между 1933 и 1939 годами и причины нападения Германии на Польшу на рассвете первого сентября 1939 года. Однако следует отметить, что Польша отказалась даже вести переговоры о самоопределении немецкого города Данциг и этнического немецкого меньшинства в так называемом Польском коридоре. Гитлер почувствовал себя вынужденным прибегнуть к оружию

в ответ на растущую польскую кампанию террора и лишения собственности против полутора миллионов этнических немцев, находившихся под властью Польши. На мой взгляд, если когда-либо военные действия и были оправданы, то это была немецкая кампания против Польши в 1939 году.

Упорный отказ Польши от переговоров стал возможен благодаря роковой гарантии военной поддержки со стороны Великобритании - обещанию, которое в конечном итоге оказалось совершенно бесполезным для незадачливых поляков. Учитывая молниеносную стремительность победоносной немецкой кампании, сегодня трудно осознать, что польское правительство не боялось войны с Германией. Польские лидеры по глупости считали, что немецкая мощь была лишь иллюзией. Они были убеждены, что их войска в течение нескольких недель займут сам Берлин и присоединят к расширенному польскому государству новые немецкие территории. Важно также помнить, что чисто локальный конфликт между Германией и Польшей превратился в общеевропейский пожар только после объявления войны Германии Великобританией и Францией.

После войны назначенные союзниками судьи Международного военного трибунала, состоявшегося в Нюрнберге, отказались принять польские документы в качестве доказательства защиты Германии. Если бы эти доказательства были приняты, Нюрнбергский трибунал мог бы стать не столько показательным процессом победителей, сколько действительно беспристрастным судом международного правосудия.

Аутентичность вне сомнений

Теперь нет абсолютно никаких сомнений в том, что документы из Министерства иностранных дел Польши в Варшаве, обнаруженные правительством Германии, являются подлинными и аутентичными.

Чарльз К. Тансилл, профессор американской дипломатической истории в Джорджтаунском университете, считал их подлинными. "... У меня был долгий разговор с М. Липским, польским послом в Берлине в предвоенные годы, и он заверил меня, что документы в *немецкой Белой книге* являются подлинными", - писал он.[8] Историк и социолог Гарри Элмер Барнс подтвердил эту оценку: "И профессор Тансилл, и я сам независимо друг от друга установили полную подлинность этих документов".[9] В книге *"Второй крестовый поход Америки"* Уильям Х. Чемберлин сообщил: "Я был частным образом проинформирован чрезвычайно надежным источником, что Потоцкий, проживающий в настоящее время в Южной Америке, подтвердил точность документов, насколько это его касается"[10].

Более того, Эдвард Рачинский, посол Польши в Лондоне с 1934 по 1945 год, подтвердил подлинность документов в своем дневнике, который был опубликован в 1963 году под названием *"В союзном Лондоне"*. В своей записи за 20 июня 1940 года он написал:

В апреле немцы опубликовали "Белую книгу", содержащую документы из архива нашего Министерства иностранных дел, состоящую из отчетов Потоцкого в Вашингтоне, Лукасевича в Париже и меня. Я не знаю, где они их нашли, поскольку нам сказали, что архивы были уничтожены. Документы, безусловно, подлинные, и факсимиле показывают, что немцы в

большинстве своем получили оригиналы, а не просто копии.

В этой "первой серии" документов я обнаружил три отчета из посольства, два из которых были составлены мной, а третий подписан мной, но написан Балинским. Я читал их с некоторым опасением, но в них не было ничего, что могло бы скомпрометировать меня или посольство или ухудшить отношения с нашими британскими хозяевами"[11].

В 1970 году их подлинность была подтверждена публикацией книги *"Дипломат в Париже 1936-1939"*. Эта важная работа состоит из официальных бумаг и мемуаров Юлиуша Лукасевича, бывшего посла Польши в Париже, который был автором нескольких секретных дипломатических отчетов, обнародованных немецким правительством. Сборник был отредактирован Вацлавом Еджевичем, бывшим польским дипломатом и членом кабинета министров, а затем почетным профессором колледжей Уэлсли и Рипон. Профессор Еджевич считает обнародованные немцами документы абсолютно подлинными. Он привел обширные цитаты из некоторых из них.

Г-н Тайлер Г. Кент также поручился за подлинность документов. Он утверждает, что, работая в посольстве США в Лондоне в 1939 и 1940 годах, он видел в архивах копии дипломатических посланий США, которые соответствовали польским документам и подтверждали их точность.

Два ключевых дипломата

Два американских дипломата, сыгравших особенно важную роль в европейском кризисе 1938-1939 годов, часто упоминаются в польских документах. Первым из них был Уильям К. Буллит. Хотя его официальная должность - посол США во Франции, в действительности он был гораздо больше, чем это. Он был "суперпосланником" и личным заместителем Рузвельта в Европе.

Как и Рузвельт, Буллит "вырос из богатых". Он родился в важной филадельфийской банковской семье, одной из самых богатых в городе. Его дед по материнской линии, Джонатан Хорвиц, был немецким евреем, приехавшим в США из Берлина.[12] В 1919 году Буллит был помощником президента Вильсона на Версальской мирной конференции. В том же году Вильсон и премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж направили его в Россию, чтобы он встретился с Лениным и определил, заслуживает ли новое большевистское правительство признания со стороны союзников. Буллит встретился с Лениным и другими высшими советскими руководителями и по возвращении настоятельно рекомендовал признать новый режим. Но у него произошел разрыв с Вильсоном, и он оставил дипломатическую службу. В 1923 году он женился на Луизе Брайант Рид, вдове лидера американских коммунистов Джона Рида. В Европе Буллит сотрудничал с Зигмундом Фрейдом над психоаналитической биографией Вильсона. Когда Рузвельт стал президентом в 1933 году, он вернул Буллита в дипломатическую жизнь.[13]

В ноябре 1933 года Рузвельт направил Буллита в Москву в качестве первого посла США в Советском Союзе. Его первоначальный энтузиазм по отношению к советской системе уступил место глубокому недоверию к Сталину и коммунизму. В 1936 году президент перевел его в Париж. Там он служил

ключевым европейским дипломатом Рузвельта до 1940 года, когда с приходом к власти Черчилля в Великобритании и поражением Франции его особая роль стала излишней.

Весной 1938 года все посланники США в Европе были подчинены Буллиту по внутренней директиве Государственного департамента. 14] По мере ухудшения европейской ситуации в 1939 году Рузвельт часто разговаривал со своим человеком в Париже по телефону, иногда ежедневно, часто давая ему подробные и сверхконфиденциальные инструкции о том, как проводить внешнюю политику Америки. Даже государственный секретарь Корделл Халл не был посвящен во многие письма и сообщения между Буллитом и Рузвельтом.

Во Франции, отмечала *"Нью-Йорк Таймс"*, Буллит "был прославлен как "посол шампанского" из-за пышности своих вечеринок, но он был гораздо больше, чем посланник в Париже: он был личным советником президента Рузвельта по европейским делам, имея телефонный доступ к президенту в любой час"[15].

Буллит и Рузвельт любили друг друга и виделись в вопросах внешней политики. Оба были аристократами и убежденными интернационалистами, разделявшими определенные взгляды на то, как переделать мир, и убежденность в том, что им суждено осуществить эту грандиозную реорганизацию.

"Между этими товарищами по команде", - сообщала газета *Saturday Evening Post* в марте 1939 года,

между ними существует тесная, сердечная дружба и сильное темпераментное родство. Известно, что президент настолько полагается на мнение Буллита, что несколько раз в неделю к почтовым и телеграфным сообщениям посла из-за рубежа добавляется беседа по трансатлантическому телефону. Кроме того, Буллит

несколько раз в год возвращается в США для участия в советах в Белом доме, к неудовольствию Госдепартамента, который считает его примадонной.

Во всем штате Государственного департамента президент не смог бы найти советника, который был бы настолько отзывчив к его собственной шампанской личности, как Буллит. Оба мужчины, прирожденные патриции, имеют одинаковый базовый энтузиазм по переделке общества...[16].

В Европе Буллит говорил голосом и авторитетом самого президента Рузвельта.

Вторым по значимости американским дипломатом в Европе был Джозеф П. Кеннеди, посол Рузвельта при дворе Сент-Джеймс. Как и Буллит, он был богатым банкиром. Но этот бостонский католик ирландского происхождения был совсем другим человеком. Рузвельт отправил Кеннеди, важного деятеля Демократической партии и отца будущего президента, в Великобританию по чисто политическим причинам. Рузвельт недолюбливал и не доверял Кеннеди, и это чувство росло по мере того, как Кеннеди все яростнее выступал против военной политики президента. Более того, Кеннеди презирал своего коллегу в Париже. В письме своей жене он писал: "Я иногда разговариваю с Буллитом. Он еще более дребезжащий, чем когда-либо. Его суждения жалки, и я боюсь его влияния на Ф.Д.Р., потому что они во многом думают одинаково"[17].

Документы

Здесь приведены обширные выдержки из самих польских документов. Они приведены в хронологическом порядке. Они удивительно ясны для дипломатических отчетов и красноречиво говорят сами за себя.

* * * * *

9 февраля 1938 года посол Польши в Вашингтоне, граф Ежи Потоцкий, доложил министру иностранных дел в Варшаве о роли евреев в формировании американской внешней политики:

Давление евреев на президента Рузвельта и на Госдепартамент становится все более мощным ...

... Евреи сейчас являются лидерами в создании военного психоза, который ввергнет весь мир в войну и приведет к всеобщей катастрофе. Это настроение становится все более и более очевидным.

В своем определении демократических государств евреи также создали настоящий хаос: они смешали вместе идею демократии и коммунизма и, прежде всего, подняли знамя жгучей ненависти к нацизму.

Эта ненависть превратилась в безумие. Она пропагандируется везде и всеми средствами: в театрах, в кино, в прессе. Немцев изображают как нацию, живущую под высокомерием Гитлера, который хочет завоевать весь мир и утопить все человечество в океане крови.

В беседах с представителями еврейской прессы я неоднократно сталкивался с неумолимым и убежденным мнением, что война неизбежна. Это

международное еврейство использует все средства пропаганды, чтобы противостоять любой тенденции к какой-либо консолидации и взаимопониманию между народами. Таким образом, в общественном мнении здесь неуклонно, но верно растет убеждение, что немцы и их сателлиты в форме фашизма являются врагами, которые должны быть покорены "демократическим миром".

21 ноября 1938 года посол Потоцкий отправил в Варшаву отчет, в котором довольно подробно обсуждался разговор между ним и Буллитом, который случайно вернулся в Вашингтон:

Позавчера у меня был долгий разговор с послом Буллитом, который находится здесь в отпуске. Он начал с того, что отметил, что между ним и [польским] послом Лукасевичем в Париже существуют дружеские отношения, чье общество ему очень нравится.

Поскольку Буллит регулярно информирует президента Рузвельта о международной ситуации в Европе, и особенно о России, его докладам уделяется большое внимание со стороны президента Рузвельта и Государственного департамента. Буллит говорит энергично и интересно. Тем не менее, его реакция на события в Европе больше напоминает взгляд журналиста, чем политика...

О Германии и канцлере Гитлере он говорил с большой яростью и сильной ненавистью. Он говорил, что только сила и, в конечном счете, война положат конец безумному экспансионизму Германии в будущем.

На мой вопрос, как он представляет себе эту грядущую войну, он ответил, что прежде всего Соединенные

Штаты, Франция и Англия должны сильно перевооружиться, чтобы быть в состоянии противостоять немецкой мощи.

Только тогда, когда наступит подходящий момент, заявил далее Буллит, человек будет готов к принятию окончательного решения. Я спросил его, каким образом может возникнуть конфликт, ведь Германия, скорее всего, не будет нападать на Англию и Францию первой. Я просто не мог увидеть связующего звена во всей этой комбинации.

Буллит ответил, что демократическим странам абсолютно необходимо еще два года, пока они не будут полностью вооружены. За это время Германия, вероятно, продвинулась бы в своей экспансии в восточном направлении. Желанием демократических стран было бы, чтобы там, на востоке, между Германским рейхом и Россией разгорелся вооруженный конфликт. Поскольку потенциальная сила Советского Союза еще не известна, может случиться так, что Германия слишком далеко отойдет от своей базы и будет обречена вести долгую и ослабляющую войну. Только тогда демократические страны нападут на Германию, заявил Буллит, и заставят ее капитулировать.

На мой вопрос, примут ли Соединенные Штаты участие в такой войне, он ответил: "Несомненно, да, но только после того, как Великобритания и Франция первыми дадут волю!". Чувство в Соединенных Штатах не было таким сильным против нацизма и гитлеризма, что уже сегодня среди американцев преобладает психоз, подобный тому, который был до объявления Америкой войны против Германии в 1917 году.

Буллит не производил впечатления хорошо информированного о ситуации в Восточной Европе, и разговаривал довольно поверхностно.

Доклад посла Потоцкого из Вашингтона от 9 января 1939 года в значительной степени касался ежегодного обращения президента Рузвельта к Конгрессу:

Президент Рузвельт действует исходя из того, что диктаторские правительства, прежде всего Германии и Японии, понимают только политику силы. Поэтому он решил реагировать на любые будущие удары соответствующим образом. Это было продемонстрировано последними мерами Соединенных Штатов.

Американская общественность подвергается все более тревожной пропаганде, находящейся под еврейским влиянием и постоянно создающей призрак опасности войны. Из-за этого американцы сильно изменили свои взгляды на внешнеполитические проблемы, по сравнению с прошлым годом.

Из всех документов этой коллекции наиболее показательным, вероятно, является секретный доклад посла Потоцкого от 12 января 1939 года, посвященный внутренней ситуации в Соединенных Штатах. Этот доклад приводится здесь полностью:

Чувства, преобладающие сейчас в Соединенных Штатах, характеризуются растущей ненавистью к фашизму и, прежде всего, к канцлеру Гитлеру и всему, что связано с нацизмом. Пропаганда в основном находится в руках евреев, которые контролируют почти 100 процентов радио, кино, ежедневной и периодической прессы. Хотя эта пропаганда чрезвычайно груба и представляет

Германию как можно более черной - прежде всего, эксплуатируются религиозные преследования и концентрационные лагеря - тем не менее, эта пропаганда чрезвычайно эффективна, поскольку публика здесь совершенно невежественна и ничего не знает о ситуации в Европе.

Сейчас большинство американцев считают канцлера Гитлера и нацизм самым большим злом и самой большой опасностью, угрожающей миру. Сложившаяся здесь ситуация предоставляет прекрасную платформу для ораторов всех мастей, для эмигрантов из Германии и Чехословакии, которые не жалеют слов, чтобы возбудить здесь публику всякого рода клеветой. Они восхваляют американскую свободу, которую противопоставляют тоталитарным государствам.

Интересно отметить, что в этой чрезвычайно хорошо спланированной кампании, которая ведется прежде всего против национал-социализма, Советская Россия почти полностью исключена. Если она вообще упоминается, то только в дружеской форме, и все представлено так, как будто Советская Россия работает с блоком демократических государств. Благодаря искусной пропаганде симпатии американской общественности полностью на стороне Красной Испании.

Помимо этой пропаганды, искусственно создается военный психоз. Американскому народу говорят, что мир в Европе висит на волоске и что война неизбежна. В то же время американскому народу недвусмысленно говорят, что в случае мировой войны Америка также должна принять активное участие, чтобы защитить лозунги свободы и демократии во всем мире.

Президент Рузвельт был первым, кто выразил ненависть к фашизму. Этим он преследовал двойную цель: Во-первых, он хотел отвлечь внимание американского народа от внутривнутриполитических проблем, особенно от проблемы борьбы между капиталом и трудом. Во-вторых, создавая военный психоз и распространяя слухи об опасности, угрожающей Европе, он хотел заставить американский народ принять огромную программу вооружения, превышающую оборонные потребности США.

Что касается первого пункта, то следует сказать, что внутренняя ситуация на рынке труда неуклонно ухудшается. Сегодня безработных уже двенадцать миллионов. Федеральные и государственные расходы растут с каждым днем. Только огромные суммы, исчисляемые миллиардами, которые казна тратит на чрезвычайные трудовые проекты, поддерживают определенное спокойствие в стране. До сих пор имели место лишь обычные забастовки и местные беспорядки. Но как долго может продолжаться такая помощь со стороны правительства, предсказать невозможно. Возбуждение и возмущение общественного мнения, серьезный конфликт между частными предприятиями и огромными трестами, с одной стороны, и рабочими - с другой, нажили Рузвельту много врагов и доставляют ему много бессонных ночей.

Что касается второго пункта, то я могу только сказать, что президент Рузвельт, как умный политический игрок и знаток американского менталитета, быстро переключил внимание общественности с внутренней ситуации на внешнюю политику. Способ достижения этой цели был прост. Нужно было, с одной стороны,

придумать военную угрозу, нависшую над миром из-за канцлера Гитлера, а с другой стороны, создать призрак, рассказывая о нападении тоталитарных государств на Соединенные Штаты. Мюнхенский пакт стал для президента Рузвельта находкой. Он представил его как капитуляцию Франции и Англии перед воинственным немецким милитаризмом. Как говорят здесь: Гитлер принудил Чемберлена под дулом пистолета. Таким образом, у Франции и Англии не было выбора, и им пришлось заключить позорный мир.

Распространенная ненависть ко всему, что так или иначе связано с немецким нацизмом, еще больше разжигается жестокой политикой против евреев в Германии и проблемой эмиграции. В этой акции приняли участие различные еврейские интеллектуалы: например, Бернард Барух, губернатор штата Нью-Йорк Леман, недавно назначенный судья Верховного суда Феликс Франкфуртер, министр финансов Моргантау и другие, которые являются личными друзьями президента Рузвельта. Они хотят, чтобы президент стал защитником прав человека, свободы религии и слова, а также человеком, который в будущем будет наказывать нарушителей порядка. Эти группы людей, занимающие самые высокие посты в американском правительстве и желающие выдать себя за представителей "истинного американизма" и "защитников демократии", в конечном счете, связаны неразрывными узами с международным еврейством.

Для этого еврейского интернационала, который прежде всего заботится об интересах своей расы, изобразить президента Соединенных Штатов "идеалистом", отстаивающим права человека, было очень умным ходом. Таким образом, они создали опасный очаг

ненависти и вражды в этом полушарии и разделили мир на два враждебных лагеря. Весь вопрос проработан мастерски. Рузвельту дана основа для активизации американской внешней политики, и одновременно он закупает огромные военные запасы для грядущей войны, к которой евреи стремятся вполне осознанно. Что касается внутренней политики, то очень удобно отвлекать внимание общественности от антисемитизма, который постоянно растет в США, разговорами о необходимости защиты религии и свободы личности от натиска фашизма.

16 января 1939 года польский посол Потоцкий сообщил в Министерство иностранных дел Варшавы о еще одном продолжительном разговоре, который он имел с личным посланником Рузвельта Уильямом Буллитом:

Позавчера я имел более продолжительную беседу с послом Буллитом в посольстве, куда он меня вызвал. Буллит уезжает 21 числа этого месяца в Париж, где он отсутствовал почти три месяца. Он плывет с целым "сундуком", полным инструкций, разговоров и указаний от президента Рузвельта, Госдепартамента и сенаторов, входящих в Комитет по иностранным делам.

В разговоре с Буллитом у меня сложилось впечатление, что он получил от президента Рузвельта очень точное определение отношения Соединенных Штатов к нынешнему европейскому кризису. Он представит этот материал на Quai d'Orsay [Министерство иностранных дел Франции] и будет использовать его в дискуссиях с европейскими государственными деятелями. Содержание этих директив, как Буллит объяснил мне их в ходе получасовой беседы, было следующим:

1. Витализация внешней политики под руководством президента Рузвельта, который сурово и недвусмысленно осуждает тоталитарные страны.
2. Подготовка Соединенных Штатов к войне на море, суше и в воздухе будет вестись ускоренными темпами и потребует колоссальной суммы в 1,25 миллиарда долларов.
3. Президент считает, что Франция и Великобритания должны положить конец любым компромиссам с тоталитарными странами. Они не должны вступать ни в какие дискуссии, направленные на какие-либо территориальные изменения.
4. У них есть моральная уверенность в том, что США откажутся от политики изоляции и будут готовы активно вмешаться на стороне Великобритании и Франции в случае войны. Америка готова предоставить в их распоряжение все свои денежные и сырьевые богатства.

Польский посол в Париже Юлиуш (Жюль) Лукасевич в начале февраля 1939 года направил в Министерство иностранных дел в Варшаве совершенно секретный доклад, в котором излагалась политика США в отношении Европы, как ее объяснил ему Уильям Буллит:

Неделю назад посол Соединенных Штатов Уильям Буллит вернулся в Париж после трехмесячного отпуска в Америке. Между тем, у меня было две беседы с ним, которые позволяют мне сообщить вам его взгляды на европейскую ситуацию и дать обзор политики Вашингтона.

Международная ситуация рассматривается официальными кругами как чрезвычайно серьезная и находящаяся под постоянной угрозой вооруженного конфликта. Люди, облеченные властью, считают, что если начнется война между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией - с другой, и если Великобритания и Франция потерпят поражение, то немцы поставят под угрозу реальные интересы Соединенных Штатов на американском континенте. По этой причине с самого начала можно предвидеть участие Соединенных Штатов в войне на стороне Франции и Великобритании, естественно, через некоторое время после начала войны. Как выразился посол Буллит: "Если начнется война, мы, конечно, не будем участвовать в ней в начале, но мы ее закончим".

7 марта 1939 года посол Потоцкий направил своему правительству в Варшаву удивительно ясный и пронизательный отчет о внешней политике Рузвельта. Этот документ впервые стал достоянием общественности, когда ведущие немецкие газеты опубликовали его в немецком переводе вместе с факсимильным воспроизведением первой страницы польского оригинала в своих выпусках от 28 октября 1940 года. Главная газета национал-социалистической партии, *Voelkischer Beobachter*, опубликовала отчет посла с таким замечанием:

Сам документ не нуждается в комментариях. Мы не знаем, и это нас не касается, является ли внутренняя американская ситуация, о которой сообщает польский дипломат, верной во всех деталях. Это должен решать только американский народ. Но в интересах исторической правды нам важно показать, что поджигательская деятельность американской

дипломатии, особенно в Европе, еще раз раскрыта и доказана этим документом. До сих пор остается тайной, кто и из каких побуждений подтолкнул американскую дипломатию к такому курсу. В любом случае, результаты оказались катастрофическими как для Европы, так и для Америки. Европа была ввергнута в войну, а Америка навлекла на себя враждебность великих наций, которые обычно не имеют разногласий с американским народом и, более того, не находились в конфликте, а на протяжении многих поколений жили как друзья и хотят оставаться таковыми.

Этот отчет не был одним из польских документов, которые были выпущены в марте 1940 года и опубликованы как часть "Немецкой Белой книги № 3" (или *Немецкой Белой книги*). Однако он был опубликован в 1943 году как часть сборника под названием "Путь Рузвельта в войну". Насколько я могу судить, этот английский перевод - первый, который когда-либо появлялся. Секретный доклад посла Потоцкого от 7 марта 1939 года приводится здесь полностью:

Внешняя политика Соединенных Штатов сейчас волнует не только правительство, но и всю американскую общественность. Наиболее важными элементами являются публичные заявления президента Рузвельта. Почти в каждом публичном выступлении он более или менее прямо говорит о необходимости активизации внешней политики против хаоса взглядов и идеологий в Европе. Эти высказывания подхватываются прессой и затем ловко фильтруются в умах рядовых американцев таким образом, чтобы укрепить их уже сформировавшиеся мнения. Постоянно повторяется одна и та же тема - опасность войны в Европе и спасение демократий от наводнения вражеским фашизмом. Во всех этих

публичных заявлениях обычно присутствует только одна тема - опасность нацизма и нацистской Германии для мира во всем мире.

В результате этих выступлений общественность призывают поддержать перевооружение и выделение огромных сумм на военно-морской флот и военно-воздушные силы. Недвусмысленная идея заключается в том, что в случае вооруженного конфликта Соединенные Штаты не могут оставаться в стороне, а должны принять активное участие в маневрах. В результате эффективных речей президента Рузвельта, поддерживаемых прессой, американская общественность сегодня добросовестно манипулирует ненавистью ко всему, что попахивает тоталитаризмом и фашизмом. Но интересно, что СССР во всем этом не фигурирует. Американская общественность относит Россию скорее к лагерю демократических государств. Так было и во время гражданской войны в Испании, когда так называемые лоялисты считались защитниками демократической идеи.

Государственный департамент работает, не привлекая к себе особого внимания, хотя известно, что государственный секретарь [Корделл] Халл и президент Рузвельт присягают на верность одним и тем же идеям. Однако Халл проявляет больше сдержанности, чем Рузвельт, и любит проводить различие между нацизмом и канцлером Гитлером, с одной стороны, и немецким народом - с другой. Он считает эту форму диктаторского правления временным "необходимым злом". В отличие от него, Госдепартамент невероятно интересуется СССР и его внутренним положением и открыто переживает по поводу его слабостей и упадка. Главная причина

интереса Соединенных Штатов к русским - ситуация на Дальнем Востоке. Нынешнее правительство было бы радо видеть, как Красная Армия выходит победителем в конфликте с Японией. Поэтому симпатии правительства явно на стороне Китая, который недавно получил значительную финансовую помощь в размере 25 миллионов долларов.

С большим вниманием воспринимается вся информация, поступающая с дипломатических постов, а также от специальных эмиссаров президента, выполняющих функции послов Соединенных Штатов. Президент часто вызывает своих представителей из-за рубежа в Вашингтон для личного обмена мнениями и передачи им специальной информации и инструкций. Прибытие посланников и послов всегда окутано тайной, а о результатах их визитов в прессе появляется очень мало информации. Государственный департамент также старается не давать никакой информации о ходе этих бесед. Практический способ, с помощью которого президент проводит внешнюю политику, является наиболее эффективным. Он дает личные инструкции своим представителям за рубежом, большинство из которых являются его личными друзьями. Таким образом, Соединенные Штаты ведут по опасному пути в мировой политике с явным намерением отказаться от удобной политики изоляции. Президент рассматривает внешнюю политику своей страны как средство удовлетворения своих личных амбиций. Он внимательно и с удовольствием слушает свое эхо в других столицах мира. Как во внутренней, так и во внешней политике Конгресс Соединенных Штатов является единственным объектом, который мешает президенту и его

правительству быстро и амбициозно выполнять свои решения. Сто пятьдесят лет назад Конституция США наделила высшими прерогативами американский парламент, который может критиковать или отвергать законы Белого дома.

Внешняя политика президента Рузвельта недавно стала предметом интенсивного обсуждения в нижней палате парламента и в Сенате, что вызвало волнение. Так называемые изоляционисты, которых много в обеих палатах, выступили резко против президента. Представители и сенаторы были особенно расстроены опубликованными в прессе высказываниями президента, в которых он заявил, что границы Соединенных Штатов лежат на Рейне. Но президент Рузвельт - превосходный политический игрок и прекрасно понимает силу американского парламента. У него там есть свои люди, и он знает, как в нужный момент выйти из неудобной ситуации.

Очень грамотно и умно он связывает вопрос внешней политики с вопросами американского перевооружения. Он особенно подчеркивает необходимость расходования огромных сумм для поддержания оборонительного мира. Он особо отмечает, что Соединенные Штаты вооружаются не для того, чтобы вмешаться или прийти на помощь Англии или Франции в случае войны, а скорее из-за необходимости продемонстрировать силу и военную готовность в случае вооруженного конфликта в Европе. По его мнению, этот конфликт становится все более острым и совершенно неизбежным.

Поскольку вопрос представлен таким образом, у палат Конгресса нет причин для возражений. Напротив,

палаты приняли программу вооружения на сумму более миллиарда долларов. (Обычный бюджет - 550 миллионов, чрезвычайный - 552 миллиона долларов). Однако под прикрытием политики перевооружения президент Рузвельт продолжает продвигать свою внешнюю политику, которая неофициально показывает всему миру, что в случае войны Соединенные Штаты выступят на стороне демократических государств всей военной и финансовой мощью.

В заключение можно сказать, что техническая и моральная подготовка американского народа к участию в войне - если она разразится в Европе - идет быстрыми темпами. Похоже, что Соединенные Штаты с самого начала придут на помощь Франции и Великобритании со всеми своими ресурсами. Однако я знаю американскую общественность, а также представителей и сенаторов, за которыми остается последнее слово, и я придерживаюсь мнения, что вероятность того, что Америка вступит в войну, как в 1917 году, невелика. Это потому, что большинство штатов на Среднем Западе и Западе, где преобладает сельский элемент, хотят любой ценой избежать участия в европейских спорах. Они помнят декларацию Версальского договора и известную фразу о том, что война должна была спасти мир для демократии. Ни Версальский договор, ни этот лозунг не примирили Соединенные Штаты с той войной. Для миллионов людей осталось лишь горькое послевкусие из-за неоплаченных миллиардов, которые европейские государства все еще должны Америке.

Юлиуш Лукасевич, посол Польши во Франции, 29 марта 1939 года сообщил в Варшаву о дальнейших беседах с американским

посланником Буллитом в Париже. Лукасевич обсудил усилия Рузвельта заставить Польшу и Великобританию принять абсолютно бескомпромиссную политику в отношении Германии, даже перед лицом сильных настроений в пользу мира. Отчет завершается такими словами:

... Считаю своим долгом проинформировать Вас обо всем вышесказанном, поскольку полагаю, что сотрудничество с послом Буллитом в столь трудное и сложное время может оказаться для нас полезным. Во всяком случае, совершенно точно, что он полностью согласен с нашей точкой зрения и готов к самому широкому дружескому сотрудничеству.

Чтобы укрепить усилия американского посла в Лондоне [Джозефа Кеннеди], я обратил внимание посла Буллита на то, что не исключено, что англичане могут относиться к усилиям Соединенных Штатов с хорошо скрываемым презрением. Он ответил, что я, вероятно, прав, но, тем не менее, в распоряжении Соединенных Штатов есть средства, чтобы оказать реальное давление на Англию. Он будет серьезно рассматривать вопрос о мобилизации этих средств.

Польский посол в Лондоне граф Эдвард Рачинский 29 марта 1939 года доложил в Варшаву о продолжающемся европейском кризисе и о разговоре, который он имел с послом Джозефом Кеннеди, своим американским коллегой. Замечания Кеннеди в адрес Рачинского подтвердили репутацию Буллита в дипломатических кругах как неосторожного болтуна:

Я спросил г-на Кеннеди о конференции, которую он якобы недавно провел с [премьер-министром Великобритании] г-ном Чемберленом по поводу Польши. Кеннеди был удивлен и категорически заявил, что разговор такого особого значения никогда не имел

места. В то же время, в определенной степени противореча своему собственному утверждению, Кеннеди выразил недовольство и удивление тем, что его коллеги в Париже и Варшаве [Уильям Буллит и Энтони Биддл], "которые, как и он сам, не в состоянии получить ясную картину условий в Англии", должны так открыто говорить об этом разговоре.

Мистер Кеннеди - который дал мне понять, что его взгляды основаны на ряде бесед с самыми важными представителями местных властей - заявил, что он убежден, что если Польша примет решение в пользу вооруженного сопротивления Германии, особенно в отношении Данцига, она увлечет за собой Англию.

На этом выдержки из польских отчетов заканчиваются.

* * * * *

Путь к войне

Хотя польские документы сами по себе являются убедительным доказательством предательской кампании Рузвельта, направленной на развязывание мировой войны, к счастью для потомков, существует значительный объем неопровержимых дополнительных доказательств, подтверждающих заговор, зафиксированный в депешах в Варшаву.

Тайная политика была подтверждена после войны, когда был опубликован конфиденциальный дипломатический отчет британского посла в Вашингтоне сэра Рональда Линдсея. За три года службы в Вашингтоне этот дипломат-ветеран не слишком уважал американских лидеров. Он считал Рузвельта приветливым и впечатлительным легковесом и предупредил британский МИД, что ему не следует сообщать Уильяму Буллиту ничего сверх того, что он не прочь прочитать позже в американской газете[18].

19 сентября 1938 года - то есть за год до начала войны в Европе - Рузвельт вызвал Линдсея на очень секретную встречу в Белый дом. В начале их долгой беседы, согласно конфиденциальной депеше Линдсея в Лондон, Рузвельт "подчеркнул необходимость абсолютной секретности. Никто не должен знать, что я его видел, и он сам никому не расскажет об этой беседе. Как я понял, даже Государственному департаменту". Они обсудили некоторые второстепенные вопросы, прежде чем Рузвельт перешел к главному вопросу конференции. "Это очень секретная часть его общения, и никому не должно быть известно, что он хотя бы вздохнул". Президент сказал послу, что если информация об этом разговоре станет достоянием общественности, это может означать его импичмент. И неудивительно. То, что предложил Рузвельт, было цинично наглой, но безрассудной схемой

нарушения Конституции США и одурачивания американского народа.

Президент заявил, что если Великобритания и Франция "окажутся вынужденными вступить в войну" против Германии, Соединенные Штаты в конечном итоге также присоединятся к ней. Но это потребует хитроумного маневрирования. Великобритания и Франция должны установить полную блокаду против Германии без фактического объявления войны и заставить другие государства (включая нейтральные) подчиниться ей. Это, конечно, спровоцировало бы определенный военный ответ Германии, но это также освободило бы Британию и Францию от необходимости объявлять войну. В пропагандистских целях "блокада должна быть основана на самых высоких гуманитарных мотивах и на желании вести военные действия с минимальными страданиями и наименьшими потерями жизни и имущества и при этом поставить врага на колени". Рузвельт признал, что это повлечет за собой воздушные бомбардировки, но "бомбардировки с воздуха не были тем методом ведения боевых действий, который привел бы к действительно большому человеческим жертвам".

Важным моментом было "назвать это оборонительными мерами или чем-либо правдоподобным, но избежать фактического объявления войны". Таким образом, Рузвельт считал, что сможет убедить американский народ поддержать войну против Германии, включая поставки оружия Великобритании и Франции, настаивая на том, что Соединенные Штаты все еще технически нейтральны в необъявленном конфликте. "Этот метод ведения войны путем блокады, по его [Рузвельта] мнению, встретил бы одобрение Соединенных Штатов, если бы его гуманитарная цель была сильно подчеркнута", - сообщал Линдсей[19].

Американский посол в Италии Уильям Филлипс в своих послевоенных мемуарах признал, что администрация Рузвельта уже была готова вступить в войну на стороне Великобритании и Франции в конце 1938 года. "В этом и многих других случаях, - писал Филлипс, - я хотел бы откровенно сказать ему [графу Чиано, министру иностранных дел Италии], что в случае европейской войны Соединенные Штаты, несомненно, будут участвовать на стороне союзников. Но, учитывая мое официальное положение, я не мог должным образом сделать такое заявление без инструкций из Вашингтона, а их я так и не получил"[20].

Карл Дж. Буркхардт, Верховный комиссар Лиги Наций в Данциге, в своих послевоенных мемуарах рассказал о замечательной беседе, состоявшейся в конце 1938 года с Энтони Дрекслем Биддлом, американским послом в Польше. Биддл был богатым банкиром, тесно связанным с финансовой империей Моргана. Будучи убежденным интернационалистом, он был идейным коллегой президента Рузвельта и хорошим другом Уильяма Буллита. Буркхардт, швейцарский профессор, занимал пост Верховного комиссара с 1937 по 1939 год.

За девять месяцев до начала вооруженного конфликта, 2 декабря 1938 года, Биддл сказал Буркхардту

с заметным удовлетворением отметил, что поляки были готовы к войне за Данциг. Они противопоставят моторизованной мощи немецкой армии маневренность. В апреле, - заявил он [Биддл], - разразится новый кризис. Со времен торпедирования "Лузитании" [в 1915 году] в Америке не царила такая религиозная ненависть к Германии, как сегодня! Чемберлен и Даладьё [умеренные британские и французские лидеры] будут уничтожены

общественным мнением. Это была священная война!"[21].

Роковое обещание Великобритании, данное Польше 31 марта 1939 года, вступить в войну против Германии в случае польско-германского конфликта не было бы принято без сильного давления со стороны Белого дома.

14 марта 1939 года Словакия провозгласила себя независимой республикой, тем самым распустив государство, известное как Чехословакия. В тот же день президент Чехословакии Эмиль Гача подписал официальное соглашение с Гитлером об установлении немецкого протектората над Богемией и Моравией, чешской частью федерации. Британское правительство сначала смирилось с новой ситуацией, но затем вмешался Рузвельт.

В своей общенациональной колонке от 14 апреля 1939 года обычно очень хорошо информированные вашингтонские журналисты Дрю Пирсон и Роберт С. Аллен сообщили, что 16 марта 1939 года Рузвельт "направил Чемберлену фактический ультиматум", требуя, чтобы впредь британское правительство решительно выступало против Германии. По словам Пирсона и Аллена, которые полностью поддержали шаг Рузвельта, "президент предупредил, что Британия не может больше рассчитывать на поддержку, моральную или материальную, через продажу самолетов, если мюнхенская политика будет продолжаться." [22] Чемберлен уступил и на следующий день, 17 марта, прекратил политику сотрудничества Британии с Германией в речи в Бирмингеме, горько осудив Гитлера. Две недели спустя британское правительство официально заявило о своей готовности к войне в случае германо-польских военных действий.

В ответ на создание немецкого протектората над Богемией и Моравией Буллит позвонил Рузвельту и "почти истерическим"

голосом призвал его выступить с резким осуждением Германии и немедленно обратиться в Конгресс с просьбой отменить Закон о нейтралитете[23].

В конфиденциальной телеграмме в Вашингтон от 9 апреля 1939 года Буллит сообщил из Парижа о другом разговоре с послом Лукасевичем. Он сказал польскому посланнику, что хотя американское законодательство запрещает прямую финансовую помощь Польше, возможно, удастся обойти его положения. Администрация Рузвельта могла бы поставлять военные самолеты в Польшу опосредованно через Великобританию. "Польский посол спросил меня, не может ли Польша получить финансовую помощь и самолеты от Соединенных Штатов. Я ответил, что, по моему мнению, закон Джонсона запрещает любые займы от Соединенных Штатов Польше, но добавил, что Англия может приобрести самолеты за наличные в Соединенных Штатах и передать их Польше"[24].

25 апреля 1939 года, за четыре месяца до начала войны, Буллит вызвал обозревателя американской газеты Карла фон Виганда, главного европейского корреспондента Международной службы новостей, в посольство США в Париже и сказал ему: "Решение о войне в Европе принято. Польша уверена в поддержке Великобритании и Франции и не уступит никаким требованиям Германии. Америка вступит в войну вскоре после того, как в нее вступят Британия и Франция"[25].

В продолжительной секретной беседе в Гайд-парке 28 мая 1939 года Рузвельт заверил бывшего президента Чехословакии доктора Эдварда Бенеша, что Америка будет активно выступать на стороне Великобритании и Франции в ожидаемой европейской войне[26].

В июне 1939 года Рузвельт тайно предложил британцам, чтобы Соединенные Штаты создали "патруль над водами Западной Атлантики с целью отказать в них германскому флоту в случае

войны". В отчете британского МИДа об этом предложении отмечалось, что "хотя предложение было расплывчатым и неопределенным и допускало определенные возражения, мы неофициально согласились, поскольку патруль должен был действовать в наших интересах"[27].

Через много лет после войны Жорж Бонне, министр иностранных дел Франции в 1939 году, подтвердил роль Буллита как заместителя Рузвельта в подталкивании своей страны к войне. В письме Гамильтону Фишу от 26 марта 1971 года Бонне писал: "Одно можно сказать с уверенностью: Буллит в 1939 году сделал все возможное, чтобы Франция вступила в войну".[28] Важное подтверждение решающей роли Рузвельта и евреев в подталкивании Великобритании к войне содержится в дневнике Джеймса В. Форрестала, первого министра обороны США. В своей записи за 27 декабря 1945 года он писал:

Сегодня играл в гольф с [бывшим послом] Джо Кеннеди. Я спросил его о его разговорах с Рузвельтом и [премьер-министром Великобритании] Невиллом Чемберленом в 1938 году. Он сказал, что позиция Чемберлена в 1938 году заключалась в том, что Англии не с чем воевать и что она не может рисковать, вступая в войну с Гитлером. Мнение Кеннеди: Гитлер воевал бы с Россией без последующего конфликта с Англией, если бы летом 1939 года [Уильям] Буллит не убеждал Рузвельта в том, что немцам необходимо противостоять в отношении Польши; ни французы, ни англичане не сделали бы Польшу причиной войны, если бы не постоянное давление со стороны Вашингтона. Буллит, по его словам, постоянно твердил Рузвельту, что немцы не будут воевать; Кеннеди - что будут, и что они захватят Европу. Чемберлен, по его словам, заявлял, что Америка и мировые евреи заставили Англию вступить в войну. В своих

телефонных разговорах с Рузвельтом летом 1939 года президент постоянно говорил ему, чтобы он засунул Чемберлену в задницу немного железа"[29].

Когда посол Потоцкий вернулся в Варшаву в отпуск из Вашингтона, он беседовал с графом Яном Шембеком, заместителем министра иностранных дел Польши, о растущей опасности войны. В своей дневниковой записи от 6 июля 1939 года Шембек записал удивление Потоцкого по поводу спокойного настроения в Польше. По сравнению с военным психозом, охватившим Запад, Польша казалась домом отдыха.

"На Западе, - сказал Шембеку посол, - есть всевозможные элементы, открыто подталкивающие к войне: евреи, суперкапиталисты, торговцы оружием. Сегодня все они готовы к большому делу, потому что они нашли место, которое можно поджечь: Данциг; и нацию, которая готова сражаться: Польшу. Они хотят делать бизнес на нашей спине. Они равнодушны к разрушению нашей страны. Действительно, поскольку потом все придется отстраивать заново, они могут извлечь из этого выгоду"[30].

24 августа 1939 года, всего за неделю до начала военных действий, ближайший советник Чемберлена сэр Хорас Уилсон отправился к послу Кеннеди со срочным обращением британского премьер-министра к президенту Рузвельту. Сожалея о том, что Великобритания в марте безоговорочно обязала себя Польше в случае войны, Чемберлен теперь в отчаянии обратился к Рузвельту как к последней надежде на мир. Он хотел, чтобы американский президент "оказал давление на поляков", чтобы они в этот поздний час изменили курс и открыли переговоры с Германией. По телефону Кеннеди сообщил в Госдепартамент, что британцы "считают, что они не могут, учитывая их обязательства, сделать что-либо подобное, но мы можем". Рузвельт, получив такую необычную

возможность спасти мир в Европе, отверг отчаянную мольбу Чемберлена. При этом, как сообщил Кеннеди, премьер-министр потерял всякую надежду. "Тщетность всего этого, - сказал Чемберлен Кеннеди, - вот что пугает. В конце концов, мы не можем спасти поляков. Мы можем лишь продолжать войну мести, которая будет означать уничтожение всей Европы"[31].

Рузвельт любил представлять себя американскому народу и всему миру как человека мира. В значительной степени это его образ и сегодня. Но Рузвельт цинично отверг реальные возможности действовать в интересах мира, когда они были представлены.

В 1938 году он отказался даже ответить на просьбы министра иностранных дел Франции Бонне от 8 и 12 сентября рассмотреть возможность арбитража чешско-германского спора.[32] А год спустя, после начала войны, меланхоличный посол Кеннеди умолял Рузвельта действовать смело во имя мира. "Мне кажется, что эта ситуация может выкристаллизироваться до такой степени, что президент может стать спасителем мира", - писал Кеннеди 11 сентября из Лондона. "Британское правительство как таковое, конечно, не может принять любое соглашение с Гитлером, но может наступить момент, когда сам президент сможет разработать планы по установлению мира во всем мире. Возможно, такая возможность никогда не представится, но, будучи всю жизнь довольно практичным человеком, я считаю, что вполне возможно, что президент может оказаться в таком положении, когда он сможет спасти мир...".

Но Рузвельт отверг этот шанс спасти мир в Европе. В письме своему близкому политическому окружению он назвал просьбу Кеннеди "самым глупым посланием, которое я когда-либо получал". Он жаловался Генри Моргентгау, что его лондонский посол был просто занозой в шее: "Джо был умиротворителем и

всегда будет умиротворителем... Если бы Германия и Италия завтра сделали хорошее мирное предложение, Джо начал бы работать над королем и его подругой королевой, а затем и над всеми остальными, чтобы заставить всех принять его"[33].

Разъяренный упорными попытками Кеннеди восстановить мир в Европе или хотя бы ограничить разгоревшийся конфликт, Рузвельт 11 сентября 1939 года "личной" и "строго конфиденциальной" телеграммой проинструктировал своего посла, что ни о каких американских мирных усилиях не может быть и речи. Правительство Рузвельта, заявило оно, "не видит ни возможности, ни повода для какого-либо мирного шага, инициированного президентом Соединенных Штатов. Народ [sic] Соединенных Штатов не поддержит любой мирный шаг, инициированный этим правительством, который укрепит или сделает возможным выживание режима силы и агрессии"[34].

Гамильтон Фиш предупреждает нацию

За несколько месяцев до начала вооруженного конфликта в Европе, возможно, самым энергичным и пророческим американским голосом, предостерегающим от кампании президента Рузвельта по разжиганию войны, был голос Гамильтона Фиша, ведущего республиканского конгрессмена из Нью-Йорка. В серии жестких радиовыступлений Фиш сплотил значительное общественное мнение против обманчивой военной политики Рузвельта. Вот лишь несколько выдержек из некоторых из этих выступлений[35].

6 января 1939 года Фиш обратился к общенациональной радиоаудитории:

Подстрекательское и провокационное обращение президента к Конгрессу и миру [сделанное за два дня до этого] излишне встревожило американский народ и вместе со шквалом пропаганды, исходящей от высокопоставленных чиновников Нового курса, создало военную истерию, опасную для мира Америки и всего мира. Единственным логическим завершением таких речей является еще одна война, которую американские солдаты ведут за границей.

Все тоталитарные государства, о которых говорил президент Рузвельт, ... не имеют ни малейшего желания воевать с нами или вторгаться в Латинскую Америку.

Я не намерен скрывать свои слова по такому вопросу, затрагивающему жизнь, свободу и счастье нашего народа. Пришло время положить конец поджигателям войны Нового курса, поддерживаемым спекулянтами на войне, коммунистами и истеричными интернационалистами, которые хотят, чтобы мы

закрыли весь мир на карантин американской кровью и деньгами.

Он [Рузвельт], очевидно, хочет разжечь бешеную ненависть и военный психоз в качестве красной селедки, чтобы отвлечь умы наших людей от их собственных нерешенных внутренних проблем. Он визуализирует хобгоблинов и создает в общественном сознании страх перед иностранными вторжениями, который существует только в его собственном воображении.

5 марта Фиш обратился к стране через радиосеть "Колумбия":

Народы Франции и Великобритании хотят мира, но наши поджигатели войны постоянно подстрекают их пренебречь Мюнхенским пактом и прибегнуть к вооруженному произволу. Если бы только мы прекратили вмешиваться в чужие дела, старые народы Европы разрешили бы свои собственные ссоры путем арбитража и мирных процессов, но, очевидно, мы им этого не позволим.

5 апреля Фиш обратился к слушателям сети Национальной вещательной компании с такими словами:

Молодежь Америки снова готовят к очередной кровавой бане в Европе, чтобы сделать мир безопасным для демократии.

Если Гитлер и нацистское правительство вернут себе Мемель или Данциг, отнятые у Германии Версальским договором, и где население на 90 процентов состоит из немцев, почему нужно выступать с угрозами и доносами и подстрекать наш народ к войне? Я бы не пожертвовал жизнью одного американского солдата

ради полудюжины Мемелей или Данцигов. Мы отказались от Версальского договора, потому что он был основан на жадности и ненависти, и пока существуют неравенство и несправедливость, неизбежны освободительные войны.

Чем быстрее будут отменены некоторые положения Версальского договора, тем лучше для мира во всем мире.

Я считаю, что если территории с ярко выраженным немецким населением будут возвращены Германии, за исключением Эльзас-Лотарингии и Тироля, то войны в Западной Европе не будет. Возможно, будет война между нацистами и коммунистами, но если она будет, то это будет не наша война, не война Великобритании, Франции или любой из демократических стран.

Представители "Нового курса" разжигают военную истерию до настоящего безумия. Пропагандистская машина Нового курса работает сверхурочно, чтобы подготовить к войне умы наших людей, которые уже страдают от плохой военной нервозности.

Президент Рузвельт является первым поджигателем войны в Америке и в значительной степени ответственен за страх, который пронизывает нацию и который вызвал нервозность на фондовом рынке и у американского народа.

Я обвиняю администрацию в разжигании военной пропаганды и истерии, чтобы скрыть провал и крах политики "Нового курса", когда 12 миллионов человек остались без работы, а доверие бизнеса было подорвано.

Я считаю, что нам гораздо больше стоит опасаться наших врагов изнутри, чем извне. Все коммунисты единодушно призывают нас вступить в войну против Германии и Японии на благо Советской России.

Великобритания по-прежнему ожидает, что каждый американец выполнит свой долг, сохранив Британскую империю и ее колонии. Военные спекулянты, производители боеприпасов и международные банкиры настроены на наше участие в новой мировой войне.

21 апреля Фиш вновь обратился к стране по общенациональному радио:

Долг всех тех американцев, которые стремятся не ввязываться в иностранные дела, в гнилой бардак и военное безумие Европы и Азии, - открыто разоблачать военную истерию и пропаганду, подталкивающую нас к вооруженному конфликту.

Что нам нужно в Америке, так это крестовый поход за прекращение войны, пока нас не заставили ввязаться в иностранную войну интернационалисты и интервенционисты из Вашингтона, которые, похоже, больше заинтересованы в решении мировых проблем, чем наших собственных.

В своем радиообращении от 26 мая Фиш заявил:

Он [Рузвельт] должен помнить, что Конгресс обладает единственным правом объявлять войну и формулировать внешнюю политику Соединенных Штатов. Президент не имеет таких конституционных полномочий. Он всего лишь официальный орган для проведения политики, определенной Конгрессом.

Не зная даже, кто будет участвовать в войне, интернационалисты и интервенционисты в Америке почти ежедневно сообщают нам, что мы должны принять участие в следующей мировой войне.

8 июля 1939 года Фиш объявил о переходе радиосети Национальной вещательной компании:

Если мы должны вступить в войну, пусть она будет в защиту Америки, но не в защиту производителей боеприпасов, наживающихся на войне, коммунистов, чтобы скрыть провалы "Нового курса" или обеспечить алиби для третьего срока.

Всем народам полезно знать, что мы не собираемся вступать в войну из-за Данцига, политики власти, иностранных колоний или империалистических войн в Европе или где-либо в мире.

Полномочия, стоящие за президентом

Президент Рузвельт мало что мог сделать для разжигания войны в Европе без помощи могущественных союзников. За ним стояли корыстные международные финансовые и еврейские интересы, стремящиеся к уничтожению Германии. Главной организацией, мобилизовавшей общественную поддержку участия США в европейской войне до нападения на Перл-Харбор, был хитроумно названный "Комитет по защите Америки путем оказания помощи союзникам". Президент Рузвельт сам инициировал его создание, а высшие должностные лица администрации часто консультировались с руководителями Комитета[36].

Хотя Комитет некоторое время возглавлял пожилой издатель газет из маленького городка в Канзасе Уильям Аллен Уайт, на самом деле он был организован влиятельными финансовыми кругами, которые могли получить огромную прибыль от займов, предоставленных охваченной войной Великобританией, и от проницательных инвестиций в гигантские военные предприятия в США. В конце 1940 года сенатор от Западной Вирджинии Раш Д. Холт опубликовал подробный анализ деятельности Комитета, в котором раскрыл базовые интересы, стоящие за идеалистически звучащими лозунгами:

Комитет имеет мощные связи с банками, страховыми компаниями, финансовыми инвестиционными фирмами и промышленными концернами. Они, в свою очередь, оказывают влияние на президентов и профессоров колледжей, а также на газеты, радио и другие средства коммуникации. Одним из мощных средств влияния, используемых группой, является "400" и социальный набор. История представляет собой

гнусную картину предательства общественных интересов.

Могущественная компания J.P. Morgan с ее активами в Британской империи помогла спланировать организацию и пожертвовала первые деньги на расходы.

Холт раскрыл некоторые важные фигуры, активно работавшие в Комитете: Фредерик Р. Кудерт, платный военный пропагандист британского правительства в США во время Первой мировой войны; Роберт С. Аллен из синдицированной колонки "Пирсон и Аллен"; Генри Р. Люс, влиятельный издатель журналов *Time*, *Life* и *Fortune*; Фиорелла ЛаГуардиа, вспыльчивый полуеврейский мэр Нью-Йорка; Герберт Леман, еврейский губернатор Нью-Йорка с важными финансовыми активами в военной промышленности; и Фрэнк Альтшул, сотрудник еврейской инвестиционной компании Lazard Freres с обширными активами в компаниях по производству боеприпасов и военных поставок.

Если Комитету удастся втянуть США в войну, предупреждал Холт, "американские мальчики будут проливать свою кровь за спекулянтов, политиков и "платников". Если война начнется, на руках спонсоров Белого комитета будет кровь - кровь американцев, убитых в ненужной войне"[37].

В марте 1941 года был обнародован список большинства финансовых спонсоров Комитета. Он раскрыл характер сил, стремящихся втянуть Америку в европейскую войну. Мощные международные банковские интересы были широко представлены. В списке значились Дж.П. Морган, Джон У. Морган, Томас У. Ламонт и другие представители великого банкирского дома Морганов. Среди других важных имен из финансового мира Нью-Йорка были мистер и миссис Пол Меллон, Феликс М. и Джеймс Ф. Варбург и Дж. Владелец

чикагского универмага и издатель Маршалл Филд был одним из вкладчиков, как и Уильям Аверилл Гарриман, железнодорожный и инвестиционный миллионер, который позже служил послом Рузвельта в Москве.

Конечно, еврейские имена составляли значительную часть длинного списка. Там был голливудский киноцарь Сэмюэль Голдвин из студии Goldwyn Studios, а также Дэвид Дубински, глава Международного профсоюза работников женской одежды. Фонд Уильяма С. Пейли, учрежденный главой гигантской компании Columbia Broadcasting System, внес свой вклад в работу комитета. Имя миссис Герберт Х. Леман, жены губернатора Нью-Йорка, также было в списке[38].

Без понимания его тесных связей с организованным еврейством политика Рузвельта не имеет смысла. Как отметила еврейский историк Люси Давидович: "Сам Рузвельт ввел в свое ближайшее окружение больше евреев, чем любой другой президент до или после него. Феликс Франкфуртер, Бернард М. Барух и Генри Моргентау были его близкими советниками. Бенджамин В. Коэн, Самуэль Розенман и Дэвид К. Найлс были его друзьями и доверенными помощниками." [39] Это, возможно, не так уж примечательно в свете того, что Рузвельт, по некоторым данным, был на одну восьмую еврейского происхождения.[40]

В своей дневниковой записи от 1 мая 1941 года Чарльз А. Линдберг, американский герой-авиатор и лидер мира, назвал коалицию, которая толкала Соединенные Штаты к войне:

Давление на войну велико и нарастает. Народ выступает против нее, но администрация, кажется, "держит зубы на отшибе" и [чертовски] упорно стремится к войне. Большинство еврейских интересов в стране стоят за войну, и они контролируют огромную часть нашей прессы, радио и большинство наших

кинофильмов. Есть также "интеллектуалы", "англофилы", британские агенты, которым предоставлена свобода действий, международные финансовые интересы и многие другие"[41].

Джозеф Кеннеди разделял опасения Линдберга по поводу еврейской власти. До начала войны он в частном порядке выражал беспокойство по поводу "евреев, которые доминируют в нашей прессе" и мирового еврейства в целом, которое он считал угрозой миру и процветанию. Вскоре после начала военных действий Кеннеди сетовал на "растущее еврейское влияние в прессе и в Вашингтоне, требующее продолжения войны"[42].

Предательство, неудача, заблуждение

Усилия Рузвельта по вовлечению Польши, Великобритании и Франции в войну против Германии увенчались успехом. Результатом стали невыразимые смерти, страдания и разрушения. Когда начались боевые действия, как и предполагал и планировал Рузвельт, польские и французские лидеры ожидали, что американский президент по крайней мере выполнит свои заверения о поддержке в случае войны. Но Рузвельт не рассчитывал на глубину мирных настроений подавляющего большинства американцев. Таким образом, помимо обмана собственного народа, Рузвельт подвел и тех европейцев, которым он обещал поддержку.

Редко в истории Америки люди были так едины в своих взглядах, как в конце 1939 года, на то, чтобы остаться в стороне от войны в Европе. Когда в сентябре 1939 года начались военные действия, опрос Гэллапа показал, что 94 процента американцев против участия в войне. В декабре этот показатель вырос до 96,5 процента, а затем начал медленно снижаться и составил около 80 процентов осенью 1941 года. (Сегодня едва ли найдется вопрос, по которому согласны хотя бы 60 или 70 процентов людей)[43].

Рузвельт, конечно, прекрасно понимал накал народных чувств по этому вопросу. Именно поэтому он неоднократно лгал американскому народу о своей любви к миру и решимости удержать США от войны, одновременно делая все возможное, чтобы ввергнуть Европу и Америку в войну.

В своей важной предвыборной речи 1940 года Рузвельт ответил на растущие опасения миллионов американцев, которые подозревали, что их президент тайно обещал Соединенным Штатам поддержку Великобритании в ее войне против Германии. Эти вполне обоснованные подозрения отчасти основывались на публикации в марте захваченных

польских документов. Речь 23 октября 1940 года транслировалась из Филадельфии на всю страну по сетевому радио. В самой категоричной форме Рузвельт категорически отрицал, что он

привел к тому, что Соединенные Штаты каким-то образом будут участвовать в какой-либо иностранной войне. Я даю вам и народу этой страны самое торжественное заверение: Не существует никакого секретного договора, никакого секретного соглашения в любой форме, прямого или косвенного, с любым правительством или любой другой нацией в любой части мира, чтобы вовлечь эту нацию в любую войну или для любой другой цели"[44].

Теперь мы, конечно, знаем, что эта благочестивая декларация была всего лишь еще одной из многих наглых, неприкрытых лживых заявлений Рузвельта американскому народу.

Политика Рузвельта была не просто нечестной - она была преступной. Конституция Соединенных Штатов предоставляет полномочия по заключению войны и мира только Конгрессу. А Конгресс принял несколько важных законов, специально гарантирующих нейтралитет США в случае войны в Европе. Рузвельт постоянно нарушал свою президентскую клятву соблюдать Конституцию. Если бы о его тайной политике стало известно, общественное требование импичмента, скорее всего, было бы неостановимым.

Уотергейтский эпизод заставил многих американцев глубоко осознать тот факт, что их президенты могут действовать преступно. Это дело заставило Ричарда Никсона сложить с себя полномочия президента, и он до сих пор считается преступником. Ни одна школа не названа в его честь, и его имя никогда не будет пользоваться уважением, которое обычно оказывается каждому американскому президенту. Но

преступления Никсона меркнут по сравнению с преступлениями Франклина Рузвельта. Что такое ложь Никсона по сравнению с ложью Рузвельта? Что такое сокрытие кражи со взломом по сравнению с незаконной и тайной кампанией по развязыванию большой войны?

Те, кто защищает достижения Рузвельта, утверждают, что он лгал американскому народу ради его же блага - что он нарушил закон ради высоких принципов. Его обман считается допустимым, потому что дело было благородным, в то время как аналогичный обман президентов Джонсона и Никсона - двух других - таковым не является. Это, конечно, лицемерный двойной стандарт. И этот аргумент не очень хорошо говорит о демократической системе. Он подразумевает, что народ слишком глуп, чтобы понять свои собственные интересы. Он также предполагает, что лучшая форма правления - это некая благожелательная либерально-демократическая диктатура.

Ненависть Рузвельта к Гитлеру была глубокой, яростной, страстной - почти личной. В немалой степени это объяснялось постоянной завистью и ревностью, корни которых лежали в огромном контрасте между этими двумя людьми, не только в их личных качествах, но и в их послужном списке как национальных лидеров.

На первый взгляд, публичные пятилетия Рузвельта и Гитлера были поразительно похожи. Оба заняли руководящие посты в своих странах в начале 1933 года. Они оба столкнулись с огромной проблемой массовой безработицы во время катастрофической мировой экономической депрессии. Каждый из них стал могущественным лидером огромного военного союза во время самой разрушительной войны в истории. Оба человека умерли еще на посту президента в течение нескольких недель друг от друга в апреле 1945 года, незадолго

до окончания Второй мировой войны в Европе. Но еще более поразительны огромные контрасты в жизни этих двух людей.

Рузвельт родился в одной из самых богатых семей Америки. Его жизнь была совершенно свободна от материальных забот. Он принимал участие в Первой мировой войне из офиса в Вашингтоне в качестве заместителя министра военно-морского флота. Гитлер, напротив, родился в скромной провинциальной семье. В юности он работал обедневшим разнорабочим. Во время Первой мировой войны он служил солдатом на передовой в самом пекле западных сражений. Он был много раз ранен и награжден за храбрость.

Несмотря на свои обаятельные манеры и успокаивающую риторику, Рузвельт оказался не в состоянии справиться с великими проблемами, стоящими перед Америкой. Даже после четырех лет его президентства миллионы людей оставались безработными, недоедающими и плохо обеспеченными жильем на огромной земле, богатой всеми ресурсами для несравненного процветания. Новый курс" сопровождался ожесточенными забастовками и кровавыми столкновениями между трудом и капиталом. Рузвельт ничего не сделал для решения глубоких, гноящихся расовых проблем страны, которые неоднократно выливались в беспорядки и вооруженные конфликты. Совсем другая история была в Германии. Гитлер сплотил свой народ вокруг радикальной программы, которая за несколько лет превратила Германию из экономически разоренной страны на грани гражданской войны в европейскую державу. Германия пережила социальное, культурное и экономическое возрождение, не имеющее аналогов в истории. Контраст между личностями Рузвельта и Гитлера был одновременно контрастом между двумя диаметрально различными социально-политическими системами и идеологиями.

И все же было бы неверно характеризовать Рузвельта как просто циничного политика и подставное лицо могущественных чужих интересов. Конечно, он не считал себя злым человеком. Он искренне верил, что поступает правильно и благородно, подталкивая Великобританию и Францию к войне против Германии. Как и Вильсон до него, и другие после него, Рузвельт считал себя уникально квалифицированным и призванным судьбой переделать мир в соответствии со своим видением эгалитарной, универсалистской демократии. Он был убежден, как и многие американские лидеры, что мир можно спасти от самого себя, переделав его по образцу Соединенных Штатов.

Такие президенты, как Вильсон и Рузвельт, рассматривают мир не как совокупность различных наций, рас и культур, которые должны взаимно уважать отдельные коллективные личности друг друга, чтобы жить вместе в мире, а в соответствии с самодовольной миссионерской перспективой, которая делит земной шар на морально добрые и злые страны. В этой схеме вещей Америка является провиденциально постоянным лидером сил праведности. К счастью, эта точка зрения как раз соответствует экономическим и политическим интересам тех, кто стоит у власти в Соединенных Штатах.

Война президента Рузвельта

В апреле 1941 года сенатор Джеральд Най из Северной Дакоты пророчески предсказал, что однажды о Второй мировой войне будут вспоминать как о войне Рузвельта. "Если мы когда-нибудь будем вовлечены в эту войну, будущие историки будут называть ее только одним названием - "война президента", потому что каждый его шаг, начиная с речи о карантине в Чикаго [от 5 октября 1937 года], был направлен на войну"[45].

Великий американский историк Гарри Элмер Барнс считал, что войну в 1939 году, вероятно, можно было бы предотвратить, если бы не вмешательство Рузвельта. "Действительно, есть достаточно убедительные доказательства того, что, если бы не давление г-на Рузвельта на Британию, Францию и Польшу и его обязательства перед ними до сентября 1939 года, особенно перед Британией, и безответственные выходки его агента-provokatora Уильяма К. Буллита, мировой войны в 1939 году, а возможно, и в течение многих лет после этого, вероятно, не было бы."[46] В книге *"Ревизионизм: Ключ к миру"* Барнс написал:

Президент Рузвельт нес большую ответственность, как прямую, так и косвенную, за начало войны в Европе. Он начал оказывать давление на Францию с целью заставить ее противостоять Гитлеру уже после повторной оккупации Германией Рейнской области в марте 1936 года, за несколько месяцев до того, как он выступил со своими резко изоляционистскими речами в ходе предвыборной кампании 1936 года. Это давление на Францию, а также на Англию, продолжалось вплоть до начала войны в сентябре 1939 года. Оно набрало силу и импульс после карантинной речи в октябре 1937 года. По мере приближения кризиса между Мюнхеном и началом войны, Рузвельт

настаивал на том, чтобы поляки твердо противостояли любым требованиям Германии, и призывал англичан и французов безоговорочно поддержать поляков.

Есть серьезные сомнения в том, что Англия вступила бы в войну в сентябре 1939 года, если бы не поддержка Рузвельта и его заверения в том, что в случае войны Соединенные Штаты выступят на стороне Великобритании, как только он сможет склонить американское общественное мнение в пользу вмешательства.

Рузвельт отказался от всякого подобия нейтралитета еще до начала войны в 1939 году и в условиях антиинтервенционистски настроенного американского общественного мнения начал вовлекать страну в европейский конфликт настолько быстро, насколько это было безопасно и возможно[47].

Один из самых пронизательных вердиктов о месте Франклина Рузвельта в истории принадлежит перу великого шведского исследователя и писателя Свена Хедина. Во время войны он писал:

Вопрос о том, как дело дошло до новой мировой войны, объясняется не только фундаментом, заложенным мирными договорами 1919 года, или подавлением Германии и ее союзников после Первой мировой войны, или продолжением древней политики Великобритании и Франции. Решающий толчок пришел с другой стороны Атлантического океана.

Рузвельт говорит о демократии и непрерывно разрушает ее. Он клеймит как недемократичных и неамериканских тех, кто выступает против него во имя мира и сохранения американского образа жизни. Он

превратил демократию в карикатуру, а не в модель. Он говорит о свободе слова и заставляет замолчать тех, кто не придерживается его мнения.

Он говорит о свободе религии и заключает союз с большевизмом.

Он говорит о свободе от нужды, но не может обеспечить десять миллионов своих людей работой, хлебом или кровом. Он говорит о свободе от страха войны, но в то же время работает на войну не только для своего народа, но и для всего мира, подстрекая свою страну против держав Оси, когда она могла бы объединиться с ними, и тем самым подтолкнул миллионы людей к гибели.

Эта война войдет в историю как война президента Рузвельта"[48].

Официально организованное восхваление Рузвельта как великого человека мира не может навсегда скрыть его решающую роль в подталкивании Европы к войне в 1939 году.

* * * * *

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как произошли описанные здесь события. Для многих они являются неактуальной частью забытого прошлого. Но история о том, как Франклин Рузвельт организовал войну в Европе, очень актуальна - особенно для американцев сегодня. Уроки прошлого никогда не были так важны, как в наш ядерный век. Ибо если хотя бы меньшинство не поймет, как и почему создаются войны, мы останемся бессильными сдержать поджигателей войны нашей эпохи.

Немецко-польские отношения 1918-1939 гг.

отрывок из книги "Гитлеровская революция", Ричард Тедор,
2013 г.

Польша провозгласила независимость после распада России и поражения Центральных держав в 1918 году. Франция поддержала польские претензии на дополнительную территорию, чтобы укрепить зарождающееся государство. Вильсон заметил: "Единственный реальный интерес Франции в Польше заключается в ослаблении Германии путем предоставления Польше территории, на которую она не имеет права".¹⁴¹ Французский историк и политолог Жак Бенвиль заметил: "На освобожденные народы Востока была возложена задача служить противовесом немецкому множеству".¹⁴²

В это время большевики под руководством Ленина укрепляли свой контроль над Россией. Красная Армия вторглась в Литву, которая провозгласила независимость в январе 1919 года. Польская армия отбросила большевистские войска назад. Главой государства стал популярный военный лидер Польши маршал Иосиф Пилсудский. Будучи агрессивным полевым командиром, он вторгся в Украину в апреле 1920 года, чтобы уничтожить концентрацию советских войск на границе. Считая, что Польша должна стать "державой, равной великим державам мира", Пилсудский завоевывал территории, где менее пяти процентов населения были поляками.¹⁴³ Рижский договор завершил войну против Красной Армии 18 марта 1921 года, получив Галицию.

На западной границе Польши в декабре 1918 года польская секретная военная организация *Polska Organizacya Wojskowa* (POW) захватила Позен, где польские и немецкие жители жили

в гармонии. Немецкое ополчение *Freikorps* предприняло успешный контрудар. Фельдмаршал Франции Фердинанд Фош потребовал от правительства Рейха вывести эти войска из Позена. Слишком слабый, чтобы противостоять французскому ультиматуму, премьер-министр Германии Фридрих Эберт подчинился. Польские повстанцы продолжали нападать на немецкие деревни в регионе.¹⁴⁴

Президент Вильсон предложил провести плебисцит в Верхней Силезии, чтобы позволить жителям выбрать свою страну. В августе 1919 года 22 000 военнопленных устроили восстание, чтобы силой захватить регион.¹⁴⁵ Фрайкорпы подавили восстание менее чем за неделю. В феврале 1920 года Межсоюзническая контрольная комиссия взяла на себя управление Верхней Силезией. Более 11 000 французских солдат, поддержанных небольшими контингентами итальянской и британской армий, прибыли для наблюдения за плебисцитом. В ходе голосования весной 1921 года 706 820 силезцев высказались за объединение с Германией, а 479 414 - за Польшу. Многие жители Польши проголосовали за Германию.¹⁴⁶

Пока комиссия союзников возилась с определением окончательных границ, военнопленные устроили еще одно восстание в мае 1921 года. Снабженные французским оружием, повстанцы организовали армию в 30 000 человек. Польское правительство официально отрицало поддержку Войцеха Корфанты, зачинщика восстаний. Корреспондент лондонской газеты "*Таймс*" наблюдал, как из Польши в Верхнюю Силезию регулярно шли поезда с боеприпасами. Граница была так же "свободно проходима, как наш Лондонский мост", писал он 10 мая¹⁴⁷.

Несмотря на то, что их было больше, 25 000 добровольцев из *Фрайкорпуса* контратаковали 21 мая и заставили поляков

перейти к обороне. Как только немцы начали продвигаться вперед, французы и британцы вмешались, чтобы восстановить порядок. В октябре Лига Наций отдала Польше почти треть спорной территории. Согласно результатам плебисцита, весь регион должен был отойти к Германии. В переданной Польше части проживало 40 процентов населения Верхней Силезии. Здесь находилось шесть-семь процентов добычи цинка и свинца, все железо и 91 процент угля¹⁴⁸.

Среди земель, потерянных Германией, была вертикальная полоса Западной Пруссии площадью 6 300 квадратных миль, простирающаяся от Балтийского побережья до Верхней Силезии. По мнению союзников, Польша нуждалась в этом коридоре, чтобы иметь неограниченный доступ к морю. В пределах коридора находился немецкий порт Данциг. Из 400 000 жителей города только 15 000 были поляками. Жители Данцига подавляющим большинством голосов выступали за объединение с Германией, но Комиссия мира отдала предпочтение Польше. Упорное сопротивление Ллойд Джорджа заставило пойти на компромисс: город стал "свободным городом" под юрисдикцией Лиги Наций, подчиняющимся польской таможенной администрации.

Во время Веймарской республики все немецкие власти и самые влиятельные политические партии выступали за уничтожение Польши. Такая позиция преобладала в МИДе Рейха и в *рейхсвере*. В сентябре 1922 года генерал Ганс фон Зеект писал канцлеру Йозефу Вирту: "Существование Польши нетерпимо и несовместимо с жизненными интересами Германии. Она должна исчезнуть, и сделает это благодаря собственной слабости и с нашей помощью через Россию"¹⁴⁹.

Деспотичная политика польского правительства в отношении меньшинств вызвала гнев других европейских государств. Еврейское, украинское и немецкое население Польши

подвергалось юридическим преследованиям с целью лишить их гражданских прав, лишить политического влияния или заставить эмигрировать. Режим увольнял немецких чиновников и служащих с государственной службы. Он конфисковал немецкие фермы, закрыл этнические школы и заставил учеников поступать в польские учебные заведения. Эти меры вынудили многих прусских и силезских немцев переехать в Германию. К 1926 году четверть этнического немецкого населения покинула Польшу.

Генрих Брюнинг, канцлер Германии в 1930-1932 годах, проводил торговую политику, которую поляки считали невыгодной для своей торговли. Пилсудский ответил на это проведением военных маневров и сосредоточением войск у границы Германии. Польская армия сконцентрировала войска в кольцо вокруг Восточной Пруссии, географически отделенной коридором от Рейха. В 1930 году газета "*Mocarstwowiec*" ("*Лига великих держав*"), отражавшая взгляды Пилсудского, опубликовала такую редакционную статью: "Мы знаем, что войны между Польшей и Германией не избежать. Мы должны готовиться к этой войне систематически и энергично. ... В этой войне не будет пленных. Гуманитарным чувствам не будет места".¹⁵⁰ Польский генеральный штаб взвешивал варианты вторжения в Рейх с 1921 года.¹⁵¹ Немецкие дипломаты расценили назначение в ноябре 1932 года полковника армии и доверенного лица Пилсудского Йозефа Бека на пост министра иностранных дел Польши как свидетельство более воинственной политики.¹⁵²

Польское сабельное оружие вызвало недовольство в Германии. Министерство иностранных дел Рейха отказывалось продлевать даже незначительные договоры с Польшей, срок действия которых истекал. Когда в январе 1933 года Гитлер стал канцлером, отношения с его восточным соседом были до

предела напряженными. Польская пресса начала кампанию очернения нового канцлера. Пилсудский развернул боевые дивизии под Данцигом и усилил гарнизон из 82 человек, охранявший *Вестерплатте*. Это был армейский склад, расположенный на островке, граничащем со столицей Данцига. Подчиненный Пилсудского писал в квазиофициальной *"Газете Польши"*: "За западные территории Польша может и будет говорить только голосом своих пушек"¹⁵³.

В апреле 1933 года Пилсудский во второй раз менее чем за два месяца попросил Париж присоединиться к "превентивной войне" для вторжения в Рейх. Французы не проявили никакого интереса. Немецкий представитель в Варшаве Ганс фон Мольтке узнал о плане и должным образом предупредил Гитлера.¹⁵⁴ Фюрер уклонился от конфронтации. Во время своей первой встречи с польским посланником 2 мая 1933 года он проявил любезность и уверенность. Гитлер согласился на публичное заявление о том, что его правительство будет соблюдать все действующие польско-германские договоры. В своей внешнеполитической речи в Рейхстаге 17 мая немецкий канцлер говорил о "поиске решения, которое удовлетворит понятные требования Польши в той же мере, что и естественные права Германии"¹⁵⁵.

В ноябре Гитлер предложил Пилсудскому пакт о дружбе и ненападении. Только после еще одной осторожной и безуспешной попытки привлечь Францию к своей "превентивной войне" маршал согласился. В январе следующего года правительства двух стран ратифицировали десятилетний договор. Новые торговые соглашения обеспечили свежий рынок для депрессивной экономики Польши. Гитлер запретил газетные передовицы, в которых говорилось о претензиях Германии на Востоке. Варшава ослабила антинемецкую направленность собственной прессы. Фюрер приказал национал-социалистическому сенату Данцига

прекратить жаловаться в Лигу Наций на нарушения Польшей правовых договоров.

Немецкая общественность не одобряла сближение Гитлера с Польшей. Посол США Уильям Додд сообщил, что даже убежденные национал-социалисты были разочарованы тем, что фюрер заключил пакт с Варшавой.¹⁵⁶ Прусские дворяне в генеральном штабе и министерстве иностранных дел питали антипольские настроения и также не одобряли изменения в политике. В октябре 1935 года Мольтке писал из Варшавы: "Сегодня немецкое меньшинство в Польше чувствует себя брошенным на произвол судьбы германским рейхом".¹⁵⁷ Гитлер не отступал от намеченного курса. Новый эмиссар Варшавы в Берлине, Йозеф Липский, испытал теплоту и популярность среди своих хозяев, ранее немыслимые для польского дипломата.

После смерти Пилсудского в мае 1935 года два правительственных чиновника получили фактическую автономию в своих министерствах, что значительно ухудшило польско-германские отношения. Это были министр иностранных дел Бек и главнокомандующий армией маршал Эдвард Рыдз-Смиглы. Оба они были приверженцами экспансионистской внешней политики.

Договор о дружбе с Германией не вызывал у Польши особого чувства обязательства. Из Варшавы Мольтке сообщал своему начальству: "Поляки думают, что им больше не нужно ограничивать свои шаги против немецкого меньшинства. По отсутствию какой-либо реакции в немецкой прессе у них должно сложиться впечатление, что все нарушения будут приняты немецким общественным мнением без возражений".¹⁵⁸ В феврале 1936 года немецкий генеральный консул в Торне Кийхлер писал в Берлин о непропорциональной

передаче немецких хозяйств в польские руки в результате проведенной правительством земельной реформы: "Предполагается, что до истечения десятилетнего срока действия соглашения будет разделено как можно больше немецкой собственности".¹⁵⁹ Консул Нельдеке в Катовице описал, как 15 марта "в Кёнигшите собрание Союза немецких фермеров было разогнано толпой, вооруженной палками и дубинками, во время которого немецкие артисты сельского театра Верхней Силезии, которые были непричастными сторонними наблюдателями, подверглись физическому насилию".¹⁶⁰

Дипломатические отношения между Польшей и Рейхом еще больше ухудшились из-за одновременного тарифного спора. Недовольная компенсацией Германии за поезда с углем, пересекающие коридор из Рейха для обеспечения энергетических потребностей Восточной Пруссии, Варшава объявила в январе 1936 года, что сократит от 50 до 80 процентов немецких железнодорожных перевозок. Польское министерство транспорта угрожало полностью заблокировать его в ходе переговоров.¹⁶¹ В марте Бек сообщил французам, что Польша готова присоединиться к Франции в войне против Германии.¹⁶² В сентябре Париж посетил маршал Рыдз-Смиглы. Он убедил французов предоставить Польше кредит в размере 500 миллионов долларов наличными и военными материалами для модернизации польской армии. Варшава уже выделяла более трети бюджета на вооружение, хотя в стране был один из самых высоких уровней неграмотности в Европе, а большая часть населения жила в нищете.¹⁶³ Рыдз-Смиглы приказал генералу Тадеушу Кутшебе составить план войны против Германии. Завершенное в январе 1938 года исследование предусматривало войну с Рейхом в 1939 году. До сих пор Гитлер никогда не делал угрожающих жестов в адрес Польши.

Из всех территорий, отнятых у Рейха после Первой мировой войны, немецкий народ наиболее остро ощутил потерю Данцига и земель, захваченных Польшей. Чтобы успокоить свою общественность и устранить еще одно препятствие для улучшения отношений с Варшавой, Гитлер потребовал хотя бы номинального исправления Версальского соглашения. Он ограничил свое предложение двумя изменениями. Во-первых, он попросил построить автобан и железнодорожную линию через коридор, чтобы соединить Германию с Восточной Пруссией. Немецкий дипломат Юлиус Шнурре уже предлагал это Беку в 1935 году, но не получил ответа.¹⁶⁴ Во-вторых, Гитлер хотел, чтобы Данциг перешел под суверенитет Германии. Взамен он был готов признать восточную границу Германии, установленную Союзной комиссией мира, окончательной, чего до сих пор не делала ни одна веймарская администрация, и предложить Польше 25-летний пакт о ненападении.

План "Автобан" означал, что Гитлер был готов отказаться от целой провинции в обмен на полосу недвижимости, достаточно широкою для прокладки автострады. Финансируемый Рейхом проект предполагал использование польской рабочей силы и строительных материалов, что помогло бы сократить безработицу в Польше. Восстановление Данцига потребовало от Варшавы еще меньше усилий. Территория Данцига площадью 730 квадратных миль находилась под юрисдикцией Лиги Наций, а не Польши. Что касается ценности города как гавани, то поляки больше не нуждались в нем для морского экспорта; дальше по побережью они построили портовый город Гыдню, который открылся в 1926 году. Предлагая экономические стимулы грузоотправителям, к 1930 году они захватили более половины торговли Данцига.

Пакет Гитлера предусматривал отторжение от Рейха Верхней Силезии с ее ценной промышленностью, Позена и Западной

Пруссии. Эти провинции были немецкими на протяжении веков и принадлежали Германии менее 20 лет назад. Тем не менее, он бросил бы почти миллион этнических немцев, проживающих там, под иностранное правление, несмотря на то, что с марта 1933 года Министерство иностранных дел Рейха зафиксировало 15 000 случаев жестокого обращения с этнической немецкой колонией Польши.¹⁶⁵ Фюрер был готов публично объявить, что территориальных вопросов с Польшей больше не существует. Ни одна веймарская администрация не смогла бы выдержать такого предложения.

Встретившись в Берхтесгадене с польским послом Липским 24 октября 1938 года, Риббентроп вынес на обсуждение германский пересмотр. Его гость оспорил мнение Рейха о статусе Данцига как "продукта Версаля". Только подъем Польши, утверждал Липски, поднял город из "ничтожного состояния". Он сказал Риббентропу, что общественное мнение никогда не согласится с передачей города Германии.¹⁶⁶ Варшава подтвердила позицию Липского в письменном виде 31 октября. В письме признавалось, что Польша готова гарантировать право "немецкого меньшинства Данцига" на сохранение своей национальной и культурной самобытности.¹⁶⁷ Назвать население города, которое на 96 процентов состояло из немцев, меньшинством - это провокация, на которую Гитлер решил не обращать внимания. Кампания в польской прессе против Германии возобновилась.

5 января 1939 года Бек посетил Германию для переговоров с Гитлером. Фюрер настаивал на том, что возвращение Данцига Германии должно быть частью любого окончательного урегулирования с Польшей. Он заверил Бека, что Рейх никогда просто не объявит, что город вернулся в состав Германии, и не поставит Варшаву перед свершившимся фактом. Он пообещал, что никакое окончательное соглашение не лишит Польшу

выхода к морю. Бек попросил время, чтобы тщательно взвесить ситуацию.

В середине января Бек сообщил Рыдз-Смиглы о своем решении отклонить немецкие предложения, хотя две недели спустя он лживо заверил Риббентропа, что все еще раздумывает над этим вопросом. Волна новых преследований захлестнула этническое немецкое меньшинство. 25 февраля британский посол в Польше сэр Говард Кеннард доложил Галифаксу о диалоге с Мольтке по поводу батраков и промышленных рабочих в Польше, которых "увольняли за то, что они были немцами". В дополнение к принудительному закрытию немецких школ, для немца, живущего в Польше, становилось практически невозможно зарабатывать достаточно для существования. Кеннард пришел к выводу, что "маловероятно, что польские власти сделают что-либо для улучшения ситуации" ¹⁶⁸.

Не связанный с этим эпизод усугубил напряженность. 22 марта немцы отвоевали у Литвы Мемель. Это была узкая полоса северо-восточной Пруссии площадью 700 квадратных миль, которую литовцы захватили силой в 1923 году. Лига Наций потребовала, чтобы эта территория управлялась в соответствии с демократическими принципами. На выборах 1925 года 94 процента избирателей, включая многих жителей Литвы, отдали свои голоса за немецкие партии. Литовское правительство в Каунасе отказалось признать результаты выборов. В следующем году во всей стране установилась диктатура. Власти начали сажать в тюрьму жителей Пруссии, признанных виновными в "сохранении немецкого наследия" ¹⁶⁹.

После аншлюса Австрии мемельские немцы организовали публичные демонстрации. В ноябре 1938 года Каунас предложил провести переговоры с Берлином о будущем региона. В декабре на плебисците под международным

наблюдением 87 процентов избирателей высказались за объединение с Германией. Риббентроп пообещал министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбсису экономические стимулы для его страны. После передачи Мемеля обратно Германии литовцы наняли своих докеров и административный персонал в порту. Они также провели железную дорогу через теперь уже немецкую полосу территории Мемеля, напрямую соединив порт с Литвой. Это было то же самое решение, которое Гитлер предложил Варшаве в отношении Данцига и коридора.

За несколько недель до окончательного урегулирования с Каунасом Берлин разместил три армейские дивизии, стоявшие в гарнизоне в Восточной Пруссии, на границе с Мемелем. Рыдз-Смиглы объявил это доказательством того, что Германия собирается аннексировать Данциг.¹⁷⁰ 23 марта 1939 года он мобилизовал значительную часть польского армейского резерва. Поскольку Мемель находился в противоположном конце провинции от Данцига, три дивизии фактически двигались *прочь* от города, который, по утверждению Рыдз-Смиглы, собирались захватить. Мемельское дело совпало с оккупацией Германией Чешского горбатого государства 15 марта. Бек воспользовался этим случаем, чтобы договориться с Лондоном о создании союза против Германии. 24 марта Бек сказал Липскому и старшим членам своего штаба, что Гитлер теряет способность мыслить и действовать рационально. "Решительное сопротивление" Польши может привести его в чувство. В противном случае, провозгласил Бек, "Мы будем сражаться!"¹⁷¹.

Гитлер занимал примирительную позицию. Его главнокомандующий армией, генерал Браухич, отметил: "Фюрер не хочет решать вопрос Данцига силой". Гитлер отменил директиву от 24 марта, которую дипломат Эрнст фон Вайцзеккер подготовил для Мольтке в качестве руководства

для возобновления переговоров. Фюрер счел ее "несколько жестко сформулированной" и возражал против того, что она "ставит поляков перед выбором "друг или враг""¹⁷².

Вернувшись в Берлин, Липски 26 марта передал Риббентропу письмо, в котором официально отверг предложение о Данциг-Автобане. Липски прямо сказал своему хозяину: "Любое дальнейшее осуществление этих немецких планов, особенно в том, что касается возвращения Данцига Рейху, будет означать войну с Польшей".¹⁷³ Эта угроза, а также частичная мобилизация Рыдз-Смиглы против Германии, нарушали договор о ненападении и дружбе 1934 года: В договоре дословно говорилось: "Ни при каких обстоятельствах (подписавшие его стороны) не будут прибегать к применению силы для решения спорных вопросов"¹⁷⁴.

Британцы положительно отнеслись к союзу с Польшей. Западные демократии только что потеряли Чехословакию как союзника, фланкирующего Рейх. Ее военно-промышленные ресурсы теперь были в распоряжении Германии. Начальник штаба британской армии предупредил Чемберлена, что в случае войны против Германии было бы лучше иметь Польшу на стороне союзников. 30 марта Кеннард получил из Лондона инструкции представить британское предложение о гарантиях Польше. Бек немедленно согласился. На следующий день Чемберлен объяснил детали в Палате общин: "В случае каких-либо действий, которые явно угрожают независимости Польши и которым польское правительство сочтет необходимым противостоять своими национальными силами, правительство Его Величества будет считать себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю возможную поддержку"¹⁷⁵.

3 апреля Бек посетил Лондон для согласования деталей альянса. 23-го числа Варшава мобилизовала еще 334 000

армейских резервистов, опять же в отсутствие угроз со стороны Германии.¹⁷⁶

Гитлер выступил в рейхстаге 28 апреля. Он объяснил, как англо-польское соглашение обязывало поляков занять военную позицию против рейха, если тот вступит в вооруженный конфликт с любым государством, гарантированным Англией. Гитлер продолжал: "Это обязательство противоречит соглашению, которое я ранее заключил с маршалом Пилсудским; поскольку соглашение (1934 года) учитывает только уже существовавшие на тот момент обязательства, а именно обязательства Польши в отношении Франции. Запоздалое расширение этих обязательств противоречит германо-польскому пакту о ненападении. При таких обстоятельствах я бы никогда не заключил этот пакт в то время; ибо какой смысл иметь пакт о ненападении, если он оставляет практически открытым ряд исключений для одного из партнеров?" ¹⁷⁷ Гитлер аннулировал договор. В своей речи он добавил, что будет приветствовать польскую инициативу по заключению нового договора, регулирующего польско-германские отношения.

Соглашение Варшавы с Лондоном открыло шлюз военных страшилок и враждебных редакционных статей в польской прессе. Немецкий генеральный консул в Позене сообщил в Берлин 31 марта: "Не проходит и дня, чтобы в газетах Позена не появлялись более или менее агрессивные статьи или оскорбительные замечания о немцах". ¹⁷⁸ Хотя Гитлер лично проинструктировал свой МИД, что на переговорах не должно быть "никаких разговоров о войне", французский посол в Варшаве Леон Ноэль сообщил в Париж: "Патриотические настроения среди поляков достигли зенита во всех партиях и классах, благодаря немецким угрозам".¹⁷⁹

Этническая немецкая община Польши пострадала от обратного удара польского шовинизма, созданного средствами массовой информации. 13 апреля немецкий консул в Данциге сообщил в Берлин, что сельские немцы в коридоре "настолько запуганы, что уже закопали свое самое ценное имущество. Они больше не рискуют пересекать дороги и поля в светлое время суток. Они проводят ночи в укрытиях за фермами, опасаясь нападения"180.

В номере польской газеты "*Dziennik Bydgoski*" ("*Бромбергские ежедневные новости*") от 11 мая была опубликована редакционная статья, в которой утверждалось, что немцы в Польше "знают, что в случае войны ни один коренной враг не уйдет живым. Фюрер далеко, но польский солдат рядом, а в лесу нет недостатка в конечностях". В предыдущем месяце польский мэр Бромберга, города со сравнительно большим немецким населением, заявил журналистам, что если Гитлер вторгнется туда, он будет переступать через трупы бромбергских немцев.181

Бек объяснил свою политику польскому парламенту 5 мая. Он утверждал, что Данциг не является немецким, а веками принадлежал Польше. Он приписывал процветание города торговле, которую вела Польша, переправляя экспортные товары в Данциг по реке Висла, упуская тот факт, что этот водный путь больше не судоходен, благодаря 19 годам ненадлежащего содержания под польским управлением. Бек пренебрежительно отозвался о предложении Гитлера признать польский суверенитет над Коридором, Позеном и Верхней Силезией в обмен на Данциг. Поскольку эти провинции уже были включены в состав Польши, утверждал он, Гитлер ничего не давал взамен. "Уважающая себя нация не идет на односторонние уступки", - заявил он.182

Историки хвалят Бека за то, что он дерзко защитил свою страну от превращения в сателлита Германии. Поскольку предложение Гитлера включало в себя предложение Польше присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, достижение Данцигского соглашения с Рейхом предположительно втянуло бы поляков в союз с Германией против СССР. Тогда Варшава в конечном итоге оказалась бы втянутой в запланированный Гитлером военный крестовый поход против России. Помимо того, что не существует немецких документов, подтверждающих эту теорию, она упускает из виду суть Антикоминтерновского пакта. Его целью было развитие сотрудничества между цивилизованными странами для предотвращения внутренней коммунистической подрывной деятельности. Правительства обменивались бы разведывательной информацией, примерно так же, как сегодня это делают филиалы Интерпола для борьбы с мировым терроризмом. Кроме того, Гитлер высказал свои часто цитируемые идеи о вторжении в Россию, когда писал "*Майн Кампф*" в течение предыдущего десятилетия. После того как большевики укрепили власть в бывшей царской империи, фюрер больше не выступал за такой вариант.

Благодаря личным наблюдениям и беседам с дипломатами в Берлине Хендерсон смог передать в Лондон реалистичную картину мнения Германии. В мае он писал Галифаксу: "Следует помнить, что Данциг и коридор *были* большим вопросом до 1933 года. Одним из самых непопулярных действий Гитлера был договор с Пилсудским в 1934 году. Против него была вся его партия. Сегодня самые умеренные немцы, которые выступают против мировой войны, поддерживают его нынешнее предложение Польше". Хендерсон добавил, что иностранные эмиссары в Берлине также считают предложения Гитлера оправданными: "По словам моего бельгийского коллеги, практически все дипломатические представители

здесь рассматривают немецкое предложение само по себе как удивительно благоприятное "183.

Хендерсон понял, что пакет Гитлера не был требованием польской территории, а соглашался на значительную *потерю* Польшей бывших немецких земель. В депеше в Галифакс от 17 мая Хендерсон писал: "Тот факт, что то, что здесь рассматривалось как щедрое предложение о 25-летней немецкой гарантии существующей польской границы в обмен на удовлетворительное решение проблемы Данцига и коридора, было отвергнуто Польшей, не только возмутило лично герра Гитлера, но и произвело глубокое впечатление на страну в целом "184.

Посол также упомянул "традиционное немецкое чувство ненависти к Польше, особенно в армии, и польскую неблагодарность за прошлые услуги Германии". 16 мая Хендерсон подвел итоги беседы с Вайцзеккером в письме сэру Майлзу Кадогану, заместителю секретаря Министерства иностранных дел: "Он, как и все немцы, с горечью относится к полякам. Они схватили все, что могли, после Вены и Мюнхена, а затем укусили руку, которая их кормила в этих случаях. Такова немецкая точка зрения, и нет ни одного немца, который бы не считал предложение Гитлера Польше чрезмерно щедрым и широким "185.

Гитлер понимал, что он никогда не сможет нормализовать отношения с Польшей без урегулирования вопроса о Данциге. Британская гарантия для Польши лишила Гитлера возможности отказаться от своих требований без потери лица. 3 апреля 1939 года он приказал ОКВ подготовить проект боевых действий против Польши. Он оговорил, что военное решение будет применено только в том случае, "если Варшава пересмотрит свою политику в отношении Германии и займет угрожающую для Рейха позицию "186.

Берлин продолжал получать сообщения от своих консульств в Польше о жестоком обращении с немецкой колонией в этой стране. 8 мая, по указанию Гитлера, начальник пресс-службы Отто Дитрих приказал редакторам газет "проявлять определенную сдержанность при освещении подобных инцидентов" и не публиковать их на первой полосе.¹⁸⁷ [Говоря](#) о польских СМИ, Хендерсон заметил: "Фантастические заявления безответственных польских элементов о господстве над Восточной Пруссией и другими немецкими территориями подливают дешевое топливо в пламя".¹⁸⁸

В июне Хьюберт Глэдвин Джебб и сэр Уильям Стрэнг из британского Министерства иностранных дел посетили Варшаву. Джебб прислал ⁹ числа отчет, в котором подводились итоги обсуждений с министрами польского правительства и офицерами армии. Он процитировал слова польского экономиста из министерства иностранных дел Варшавы о том, что польские фермеры ожидали щедрых грантов на немецкие земли после войны с Германией.¹⁸⁹ Джебб высказал мнение, что польский генеральный штаб был "чрезмерно оптимистичен" и что чиновники в Варшаве стали "удивительно высокомерными" после британских гарантий.¹⁹⁰ [В](#) следующем месяце Польшу посетил британский генерал сэр Эдмунд Айронсайд. Рыдз-Смиглы сказал ему, что война с Германией неизбежна.¹⁹¹ Никто из британских эмиссаров не сказал полякам ничего, чтобы смягчить этот воинственный настрой.

С июня, как сообщил Мольтке, 70 процентов немцев в Верхней Силезии не имели работы, в то время как в Польше уровень безработицы составлял 16 процентов. Правительство Рейха зарегистрировало 70 000 этнических немецких беженцев, которые недавно покинули польскую суверенную территорию.

Еще 15 000 нашли убежище в Данциге. Среди актов жестокости, примененных к тем, кто все еще оставался в Польше, были пять задокументированные случаи кастрации. Кеннард выразил протест польскому правительству по поводу жестокого обращения с немецким меньшинством. Жалоба "похоже, не принесла никаких определенных результатов", - уведомил он свое начальство.¹⁹²

Кризис также сосредоточился на Данциге, который по-прежнему находился под управлением комиссара Лиги Наций Карла Буркхардта, но в рамках таможенного союза с Польшей. Сенат города был втянут в вечный спор о поведении польских тарифных инспекторов. Первоначально их было шесть, но в 1939 году их число превысило 100 человек. Польские чиновники, выполнявшие эти обязанности, ездили по территории за пределами своей юрисдикции, интересуясь в первую очередь потенциальными военными деталями.¹⁹³ Они встречались на железнодорожном терминале Данцига, который находился под польским управлением. Находившийся там передатчик передавал разведданные в Варшаву. В случае войны инспекторы должны были возглавить нерегулярные войска, снабженные оружием из тайников, спрятанных в городе, и удерживать позиции в Данциге до прибытия польской армии.¹⁹⁴

Президент сената Данцига Артур Грейзер 3 июня 1939 года обратился к польскому комиссару в Данциге Марьяну Ходаки с протестом по поводу таможенных инспекторов. Ходаки ответил, что количество его таможенных агентов все еще недостаточно, потому что немецкие инспекторы не справляются со своей работой. Он пригрозил экономическими санкциями против Данцига. В другой записке от 4 августа Ходаки заявил, что польские таможенники отныне будут вооружены. Вмешательство в их деятельность приведет к

немедленным репрессиям против Данцига; поляки угрожали заблокировать импорт продуктов питания. Бек сообщил Кеннарду, что Польша предпримет военное вмешательство, если сенат Данцига не выполнит польские условия.¹⁹⁵

9 августа Вайцеккер встретился с польским поверенным в делах в Берлине Михаилом Любомирским. Он выразил протест против польского ультиматума Данцигу от 4 августа. Санкции против "Вольного города", предупредил Вайцеккер, могут привести к тому, что Данциг сам будет стремиться к укреплению экономических связей с Германией. На следующий день заместитель министра иностранных дел Варшавы сообщил поверенному в делах Германии, что любое участие правительства Рейха в решении вопроса о Данциге будет рассматриваться Польшей как акт войны.¹⁹⁶ Рыдз-Смиглы усугубил напряженность, выступив с публичным заявлением: "Скоро мы выступим в поход против наследственного немецкого врага, чтобы окончательно выбить его ядовитые клыки. Первым шагом на этом марше будет Данциг. . . . Будьте готовы ко дню расплаты с этой высокомерной германской расой!"¹⁹⁷ Буркхардт назвал намерения Польши "чрезмерно воинственными"¹⁹⁸.

Варшава выпустила официальный пресс-релиз с подробным описанием того, как Грейзер отозвал свои требования после обмена записками с Ходаки. Согласно польской прессе, одна-единственная, мягко говоря, резкая записка "заставила Гитлера встать на колени".¹⁹⁹ Англо-французские СМИ с триумфом сообщили, что фюреру пришлось "слезть". 11 августа Гитлер сказал Буркхардту: "Пресса заявила, что у меня сдали нервы, что угрозы - единственный способ справиться со мной. Что мы отступили, когда поляки проявили твердость, что в прошлом году я только блефовал, и мой блеф провалился благодаря смелости Польши, которой не было у чехов. Я читал

идиотские высказывания во французской прессе о том, что у меня сдали нервы, в то время как поляки сохранили свои "200.

Гитлер спросил Буркхардта: "Не могли бы вы сами поехать в Лондон? Если мы хотим избежать катастрофы, дело не терпит отлагательств".²⁰¹ Галифакс, который, конечно, не был другом Германии, 15 августа послал Кеннарду телеграмму: "У меня сложилось впечатление, что Гитлер все еще не определился и хочет избежать войны".²⁰² За день до этого Роджер Макинс из британского МИДа написал делегату Англии в Женеве Фрэнку Уолтеру, что фюрер хочет начать переговоры, чтобы предотвратить вооруженное столкновение.

Историки утверждают, что Гитлер был полон решимости вторгнуться в Польшу. Однако, если бы это было его намерением, он мог бы поручить сенату Данцига принять резолюцию об отмене юрисдикции Лиги Наций и возвращении города под суверенитет Рейха. Это вызвало бы польский военный ответ, о котором предупреждал Бек, и тогда Германия могла бы вмешаться со своей армией, чтобы защитить право населения Данцига на самоопределение. Учитывая деликатный вопрос о демократических принципах и тот факт, что Польша наносила первый удар, Британии было бы трудно обосновать поддержку Польши в соответствии с положениями гарантии.

Польское правительство собирало "нелояльных" этнических немцев и отправляло их в концентрационные лагеря.²⁰³ Власти закрыли ежедневное движение между Верхней Силезией и Германией, лишив тысячи этнических немцев возможности ездить на работу в Рейх. Польские береговые зенитные батареи обстреливали пассажирские самолеты авиакомпании "Люфтганза", летевшие через Балтийское море в Восточную Пруссию.²⁰⁴ Люфтваффе обеспечивали истребительное сопровождение лайнеров. В Данциге

начальник полиции сформировал из сотрудников правоохранительных органов два стрелковых полка. Вопреки уставу Лиги Наций, город вновь милитаризировался. Немцы перебросили в Данциг батальон из 4-го полка СС "Голова смерти". 18 августа на Майском поле Данцига состоялся публичный парад "Охраны тыла Данцига" численностью 1500 человек. Поляки эвакуировали семьи своих гражданских служащих, укрепили общественные здания и сооружения броневыми листами или колючей проволокой и разместили пулеметные гнезда на мостах.²⁰⁵

В своей директиве вооруженным силам в апреле предыдущего года Гитлер назвал изоляцию Польши предпосылкой для военного варианта. 23 августа Германия заключила пакт о ненападении с Советским Союзом. Пакт, подписанный в Москве, содержал секретный пункт, определяющий сферы взаимных интересов. В нем говорилось: "Вопрос о том, будет ли сохранение независимого польского государства желательным для интересов обеих сторон, и как это государство должно быть разделено, может быть выяснен в ходе дальнейшего политического развития". В обмен на примерно половину Польши советский диктатор дал Германии свободу действий для вторжения. Немцы надеялись, что новости о советско-германском сближении продемонстрируют Беку, что положение его страны стало шатким, и заставят его вернуться за стол переговоров.²⁰⁶ Бек, однако, отверг союз как несостоятельный, поскольку Россия и Германия вели серьезное идеологическое соперничество. Варшавское коммюнике гласило: "Заключение пакта о ненападении никак не влияет на положение и политику Польши".²⁰⁷

23 августа Гитлер сказал своему адъютанту вооруженных сил, что военные должны быть готовы к вторжению в Польшу к утру 26-го числа. Затем фюрер отложил нападение, объяснив

генералу Кейтелю, что ему необходимо "выиграть время для дальнейших переговоров", по-прежнему стремясь найти "решение без кровопролития".²⁰⁸ Поляки без провокации со стороны Германии закрыли границы Данцига. Поскольку метрополия импортировала большую часть своих продуктов питания, это создало критическую ситуацию для населения.

Гитлер и Геринг попросили британского посредника помочь убедить Варшаву возобновить переговоры. 25 августа Кеннард передал из Варшавы в Лондон сообщение о том, что если Бек или Липский будут добиваться аудиенции у Гитлера, фюрер сочтет это "признаком слабости" и ответит ультиматумом.²⁰⁹ В тот же день Чемберлен заключил союз с Польшей.

Вдоль германо-польской границы польские пограничники открыли огонь по этническим немецким беженцам, пытавшимся бежать в Германию. Немецкие пехотные патрули пересекли границу Польши и сражались за их освобождение. 26-го числа польское кавалерийское подразделение смело проскакало через немецкие деревни вблизи Нейденбурга в Восточной Пруссии. Артиллерийский полк 57 немецкой армии вступил в бой с всадниками на территории суверенного рейха. Поляки отступили, оставив на поле боя 47 убитых.²¹⁰ Гитлер сказал Риббентропу: "Мне хотелось бы думать, что у Бека и Липского добрые намерения. Но они больше не контролируют ситуацию. Они находятся в плену общественного мнения, которое накалилось добела благодаря эксцессам их собственной пропаганды и хвастовству военных. Даже если бы они хотели вести переговоры, они не в состоянии это сделать. В этом настоящий корень трагедии". Риббентроп передал Гитлеру телеграмму с описанием еще трех случаев обстрела польскими артиллеристами немецких коммерческих

самолетов. Фюрер ответил: "Это чистая анархия. Что мы должны делать?"²¹¹

29 августа Гитлер получил из Лондона полусерьезное обещание призвать поляков к переговорам, не указав, однако, когда именно. Устав от такой тактики, Гитлер написал в ответ, что ожидает польского дипломата, уполномоченного вести переговоры, к следующему дню. Изучая вечером записку перед Гитлером, Хендерсон выразил протест, что она "носит характер ультиматума". Фюрер ответил: "Это предложение только подчеркивает срочность момента. Подумайте, что в любой момент дело может дойти до серьезного инцидента, когда две мобилизованные армии будут противостоять друг другу". Хендерсон настаивал на том, что срок слишком короткий. Гитлер ответил: "Мы повторяем одно и то же уже неделю... . Эта бессмысленная игра не может продолжаться вечно. Мой народ истекает кровью день за днем".^{212 В} Варшаве Бек, Рыдз-Смиглы и министр обороны Тадеуш Каспшицкий провели совещание. Они решили объявить всеобщую мобилизацию на следующее утро.

Немецкие дипломаты и юристы провели утро 30 августа за подготовкой предложения Мариенвердера из 16 пунктов в качестве основы для обсуждения с поляками. Основными пунктами были немедленное возвращение Данцига в состав Рейха, немецкий транзитный маршрут, связывающий Восточную Пруссию с Германией, Гыдня, остающаяся под польским суверенитетом, договор о защите меньшинств и плебисцит для населения региона северного коридора. Геринг подчеркнул, что фюрер пытается избежать ущемления жизненно важных интересов Польши.²¹³ Хендерсон признался в Лондоне, что Гитлер обдумывает, насколько щедрым он может быть.

Кабинет Чемберлена пришел к выводу, что это предложение не вредит интересам Польши и не угрожает ее независимости. Даже предложенный коридорный плебисцит не должен был беспокоить Варшаву, поскольку она утверждала, что население там на 90 процентов состоит из поляков.²¹⁴ Французское правительство рекомендовало полякам вести переговоры. Лондон телеграфировал Кеннарду, поручив ему официально выразить протест против недавней практики Польши стрелять в немецких беженцев.

Министерство иностранных дел Польши предполагало, что Гитлер истолкует любую готовность Польши к переговорам как признак слабости. В действительности, простое получение немецкого плана из 16 пунктов не представляло никакой угрозы для Польши. Он открыл бы диалог и, по крайней мере, отсрочил бы начало войны. Поляки могли прервать переговоры, если бы Берлин выдвинул ультиматум. Тогда они могли бы полностью рассчитывать на поддержку западных держав. Однако Бек не хотел никаких переговоров. 31 августа он отправил Липскому телеграмму с инструкциями сообщить Риббентропу, что Варшава "оценит рекомендацию британского правительства (о переговорах) в благоприятном свете и даст официальный ответ на этот вопрос через несколько часов"²¹⁵.

В том же послании Бек проинструктировал своего посла не обсуждать ничего с немцами, и что он не уполномочен получать их предложения. В то утро сэр Джордж Огилви-Форбс попытался передать копию программы Гитлера из 16 пунктов Липскому в польском посольстве в Берлине. Поляк отказался, ответив, что "в случае войны в этой стране начнутся гражданские беспорядки, и польские войска успешно пройдут маршем до Берлина"²¹⁶.

Станция радиоконтроля в министерстве авиации Рейха перехватила передачу Бека, приказывающего Липскому не

принимать копию предложений Германии по Мариенвердеру. Теперь Гитлер знал, что Польша не пойдет на компромисс по поводу Данцига и коридора. Тем не менее, он еще раз отложил военную операцию по просьбе Геринга о проведении в последнюю минуту конференции с Хендерсоном и шведским посредником Биргером Далерусом.²¹⁷ Позже в тот же день состоялась конференция Геринга. Он показал Хендерсону стенограмму инструкций Бека, отправленных Липски. Хендерсон писал Галифаксу: "Высокоэффективная немецкая разведывательная система доказала свою состоятельность тем днем в Берлине. Телефонный звонок Бека, включая секретное сообщение, был мгновенно расшифрован. Это было доказательством для немецкого правительства тактики промедления Польши и ее отказа от серьезных переговоров" ²¹⁸.

Встреча между Хендерсоном и Герингом была сердечной, но не привела к решению. Совещание между Липски и Риббентропом, состоявшееся вечером того же дня, также было безрезультатным. Гитлер вызвал Кейтеля в 9:00 вечера. Директива, которую он дал генералу, начиналась так: "Теперь, когда все политические возможности облегчить невыносимые условия для Германии на ее восточной границе мирными средствами исчерпаны, я принял решение о силовом решении".²¹⁹ Менее чем через восемь часов немецкие вооруженные силы вторглись в Польшу.

Исторические документы показывают, что нападение на Польшу не было шагом в давно спланированной, систематической программе по расширению жизненного пространства Германии. Гитлер отдал приказ о наступлении после того, как не удалось достичь урегулирования путем переговоров. Среди наиболее важных вопросов было благополучие колонии этнических немцев за границами Рейха,

хотя ведение войны ради людей, связанных кровным родством, но уже не национальностью, сегодня может показаться неоправданным. Современная концепция "глобального сообщества" отвергает представление о том, что нация может определяться скорее расой, чем географическими границами. Однако в 1930-е годы гордость за этническое наследие была мощной силой в сознании европейских народов.

Мюнхенское соглашение 1938 года, по которому Германия вернула себе Судетскую территорию, населенную этническими немцами, находившимися под иностранным правлением, рассматривалось Министерством иностранных дел Рейха как юридический прецедент: "Право на защиту от материнского государства было фундаментально признано раз и навсегда, посредством международного акта, в котором приняли участие четыре великие державы и три других государства".²²⁰ В августе 1939 года Гитлер столкнулся с серьезной ситуацией в отношении Данцига и немецкого меньшинства в Польше. Блокированное поляками с 24 августа, немецкое население Вольного города столкнулось с экономической разрухой и потенциальным голодом. В последние дни месяца польские радикалы убили более 200 этнических немцев, проживавших на западе Польши.²²¹ "Вмешательство Германии было абсолютно законным, с одной стороны, в соответствии с правом материнского государства защищать свои этнические семьи, живущие под иностранным господством, а с другой стороны, в соответствии с их правом на самоопределение", как утверждал один немецкий дипломат.²²² Гитлер писал Даладье 27 августа: "Я бы отчаялся в достойном будущем для моего народа, если бы при таких обстоятельствах мы не были полны решимости решить этот вопрос во что бы то ни стало".²²³

Помимо моральных и юридических вопросов, были вопросы национальной безопасности. Как уже упоминалось, немцы

обнаружили в Вене и Праге документы, раскрывающие тайную политику британского МИДа, направленную на ослабление Германии. Арбитражное решение Чемберлена по Судетскому кризису 1938 года удовлетворило требования Гитлера, но также спасло Чехословакию; в то время Великобритания и Франция не были готовы вести войну для защиты этого маленького, но полезного союзника. Как только Чехословакия распалась в марте 1939 года, англо-французы потеряли неотъемлемый компонент своей системы альянса "коллективной безопасности". Немедленно последовали публичные гарантии Лондона в отношении Польши. Гитлер догадывался, что целью этого заявления Чемберлена было настроить Польшу против Германии, заменить одно враждебное государство на восточной границе Рейха другим. Фюрер сказал своему архитектору Герману Гислеру, что, по его мнению, формирующаяся против Германии коалиция хочет войны: "Я должен стремиться предотвратить окружение Германии или пробить ее насквозь, независимо от того, в каком направлении" ²²⁴.

9 августа 1939 года Хендерсон написал заместителю министра Кадогану в Лондон, что и немцы, и итальянцы считают, что Польша попытается решить спор с Рейхом силой в этом году, прежде чем британская поддержка ослабнет. ²²⁵ В Варшаве армейские командиры и некоторые польские политики рекомендовали бросить вызов Германии в ближайшее время, поскольку расходы на бессрочное содержание такого количества солдат на действительной службе были слишком большой нагрузкой на государственный бюджет. ²²⁶ Всеобщая мобилизация, объявленная Польшей 30 августа, была еще одним зловещим знаком для Гитлера. Чувствуя угрозу как на востоке, так и на западе, он решил нанести удар первым. Возможно, его решение можно оценить в духе изречения монарха Пруссии XVIII века Фридриха Великого. Он заявил, что

в войне настоящим агрессором является тот, кто заставляет противника сделать первый выстрел.

Мирные предложения после германо-польского конфликта

Отрывок из книги "Война Гитлера", Дэвид Ирвинг, 1977 г.

Поезд Гитлера простоял на перегоне во внешней Померании до 9:30 утра 26 сентября, а затем начал восьмичасовой путь обратно в Берлин. Поездка прошла в тяжелом молчании. Гитлер вошел в командный вагон, но Кейтель был в Берлине, а Йодль, должно быть, в своем личном купе, потому что там был только полковник фон Ворманн, который сидел на своем обычном месте рядом с телефонами, писал и сортировал груды накопившихся бумаг. В течение следующих нескольких часов Гитлер не произнес ни слова, но беспокойно расхаживал по раскачивающемуся вагону, пока поезд приближался к Берлину. Не было ни сообщений, ни звонков, ни посетителей. Сразу после пяти часов вечера поезд достиг берлинского вокзала Штеттин, не встретив ни толпы людей, ни сцен ликования. Автопарк прислал за ними машины; Гитлер и его свита почти незаметно проехали в рейхсканцелярию, где за большим круглым столом в его резиденции был накрыт ужин. Атмосфера была траурной. Через некоторое время Гитлер резко встал, пожелал остальным спокойной ночи и удалился в свои комнаты.

Без сомнения, его мысли теперь вращались вокруг следующего шага, который он должен был предпринять: можно ли заставить западные державы образумиться, или он должен победить их, как победил Польшу? В январе 1944 года он по секрету обратился к своим скептически настроенным генералам со словами, которые, вполне возможно, он думал сейчас. "Если меня сейчас будут спрашивать о конкретных перспективах окончания войны, то я хотел бы попросить вас посмотреть на историю войн и сказать мне, когда в ходе

крупных кампаний возникала конкретная идея о том, чем каждая из них закончится. По большей части не было даже конкретной идеи о том, как следует вести кампанию. Сам Мольтке писал, что ошибочно ожидать, что можно разработать какой-либо план войны, который сохранится после первых сражений". В той же речи он пояснил: "В моем положении у человека не может быть другого хозяина, кроме собственного мнения, совести и чувства долга. Это единственные хозяева, перед чьими приказами я склоняюсь".

Армия уже взяла дело в свои руки, издав в середине сентября 1939 года приказ о выводе большинства боевых дивизий из Польши и их частичной демобилизации. Кейтель предупредил генерала Гальдера, что такой приказ невыносим без согласия Гитлера; когда Гитлер услышал об этом, он резко выпрямился и воскликнул: "Мы собираемся напасть на Запад, и мы сделаем это в октябре этого года!".

Есть небольшие свидетельства того, что Гитлер с самого начала знал, что он стоит на пороге долгой и ожесточенной войны с Британией - Британия не отступит даже теперь, когда Польши больше не существует. Уже 5 сентября фюрер поручил Вальтеру Хевелю - офицеру связи Риббентропа в штабе Гитлера, который, будучи студентом, провел с ним несколько месяцев в тюрьме Ландсберг в 1923 году, - использовать все возможные дипломатические каналы, чтобы спасти своего разочарованного друга "Путци" Ганфштангля от последствий его собственного упрямства в Лондоне и организовать его побег в Германию.⁽¹⁾ Через несколько дней британский кабинет министров объявил, что Великобритания готовится к войне, которая, как ожидается, продлится не менее трех лет; это прямое заявление, очевидно, потрясло Гитлера, поскольку он все еще ссылался на него три недели спустя. Британия явно собиралась играть на время, пока ее перевооружение не будет завершено, и именно этого развития событий Гитлер боялся

больше всего. Вечером 12 сентября он доверительно сообщил полковнику Шмундту, что как только Польша будет разгромлена, он развернется и нападет на западе; он должен использовать западную слабость, пока есть возможность. Но он намеренно держал генерала фон Браухича в неведении относительно своих мыслей.

Через несколько дней, четырнадцатого числа, он обсудил со своим главным инженером Фрицем Тодтом, архитектором укреплений Западного вала, необходимость создания надлежащего постоянного штаба на западе, поскольку его специальный поезд был бы слишком уязвим для воздушных атак. Одно место было обсуждено и отброшено, и в конце концов было выбрано другое, недалеко от Мюнстерейфеля. Своим адъютантам Гитлер объяснил, что опыт Великой войны во Фландрии научил его, что до января погода будет благоприятной для наступления, после чего было бы неосмотрительно начинать широкомасштабную кампанию до мая. Он признался, что не ожидал, что победоносная кампания в Польше повлияет на западные державы; он предложил сделать еще одно мирное предложение Великобритании, но не возлагал на него больших надежд. По его словам, он всерьез не ожидал, что Британия пойдет на соглашение, пока вермахт не окажется на берегу Ла-Манша. Двадцатого числа генерал Кейтель, начальник ОКВ (Верховного командования вермахта), предупредил одного из своих подчиненных, что Гитлер планирует начать наступление на западе, как только станет ясно, что шансов на достижение взаимопонимания с западными державами нет.

В длинной речи Гитлер раскрыл это намерение своим изумленным верховным командирам 27 сентября, на следующий день после своего возвращения в канцелярию: что обеспокоило армию, так это настойчивость Гитлера в том, что, поскольку превосходство Германии в вооружении и людях

было временным, наступление на Францию должно начаться до конца 1939 года, и, как и в 1914 году, оно должно быть проведено через Бельгию и по крайней мере южную часть Голландии, которая, как он надеялся, склонится перед неизбежностью таких действий. Гитлер объяснил, что он не был убежден в честном нейтралитете Бельгии, поскольку она явно укреплена только вдоль границы с Германией, и были признаки того, что она допустит быстрое вторжение французских и британских войск, скопившихся на ее западной границе - возможно, между Бельгией и западными державами уже существовало секретное военное соглашение на этот счет. (В этом он ошибался.) Таким образом, Рур, место расположения оружейной промышленности Германии, будет потерян, и война закончится. Он приказал генералу фон Браухичу установить самую раннюю дату, к которой можно было бы завершить наращивание немецких войск. Зная, что Браухич внутренне восстает против этой новой кампании, Гитлер не потерпел никакого обсуждения ни своего решения, ни перспектив. Он завершил совещание, уничтожив свои краткие записи и бросив их в огонь, горевший в решетке кабинета.

Как он в частном порядке сообщил рейхсляйтеру Альфреду Розенбергу 29 сентября, он намеревался предложить провести большую мирную конференцию для заключения перемирия, демобилизации и общего урегулирования нерешенных проблем, но в случае необходимости он начнет наступление на западе. Он не боялся линии Мажино. Если британцы не примут предложенный им мир, то он уничтожит их. А барон Эрнст фон Вайцзеккер записал, как Гитлер в тот день сказал в его присутствии, что новое наступление может стоить Германии миллиона человек, но оно будет стоить врагу столько же, а враг не может позволить себе такие потери. Гитлер повторил свои аргументы командующим армиями и группами армий, когда на

следующий день собрал их в канцелярии для получения благодарности за польский триумф.

Варшава только что пала. Она находилась во власти немецких наземных и воздушных бомбардировок с 10 сентября. В других частях Польши города в основном избежали разрушений. В Кракове бомбардировке подверглись только железнодорожная станция и аэродром. Но Варшаве, коменданта которой Гитлер подозревал в том, что тот тянет время, чтобы укрепить город против окруженных немецких армий, не суждено было так поступить. К двадцать первому числу стало ясно, что Варшаву придется брать штурмом. Двумстам иностранным дипломатам было позволено бежать через немецкие линии, а артиллерийский обстрел жизненно важных газовых, энергетических и водных объектов города был усилен. Двадцать пятого числа Гитлер посетил Десятую и Восьмую армии; последняя имела сто пятьдесят артиллерийских батарей, подтянутых для последней бомбардировки, которая должна была начаться на следующий день. С крыши спортивного стадиона Гитлер и горстка его сторонников наблюдали в бинокль, как артиллерия наносит удары по Варшаве. В заключительном отчете Бласковица говорится: "...:

25 сентября фюрер и главнокомандующий вермахтом посетил Варшавский фронт вместе с главнокомандующим армией и его начальником штаба. Он был проинформирован о плане наступления Восьмой армии: в соответствии с ним главный артиллерийский штурм крепости начнется рано утром 26 сентября. До этого времени наземные и воздушные силы обстреливают только определенные военные цели, батареи противника и жизненно важные объекты, такие как газо-, водо- и электростанции. Атака тринадцатого армейского корпуса должна начаться в 08:00 26 сентября, а девятый армейский корпус - днем позже; до этого времени будут использованы возможности улучшения открывшихся позиций.....

После того как план наступления был ему в общих чертах изложен и получил подробное одобрение главнокомандующего армией, фюрер, глубоко встревоженный страданиями, которые ожидают население крепости [Варшава], предлагает сделать еще одну последнюю попытку убедить военное командование Варшавы отказаться от своего безумного курса. Он гарантирует, что офицерам крепости будет предоставлен почетный плен и они смогут сохранить свои кинжалы, если немедленно сдадутся, и приказывает, чтобы сержанты и солдаты были уверены в своем скором освобождении после выполнения необходимых формальностей.

Вечером над Варшавой были сброшены миллионы новых листовок с этими условиями. Польский комендант ничего не ответил. Поэтому в начале двадцать шестого числа цель артиллерийской бомбардировки была изменена на сам город, и начался пехотный штурм. На следующий день все было кончено; поляки капитулировали практически без дальнейшего военного сопротивления. В течение недели в городе не было воды, железные дороги лежали в руинах, не было ни еды, ни электричества. В руинах лежало около двадцати шести тысяч убитых гражданских лиц, что более чем в два раза превышало общие потери немецких войск за всю польскую кампанию. 2 октября генерал Роммель и полковник Шмундт посетили Варшаву и после этого доложили Гитлеру об ужасных сценах разрушений. На следующий день Роммель написал своей жене: "Вчера все шло по плану. Полет в Берлин, полет в Варшаву, переговоры и инспекция там, полет обратно в Берлин, доклад в рейхсканцелярии и ужин за столом фюрера. Варшава находится в плохом состоянии. В ней нет ни одного здания, которое не было бы в той или иной степени повреждено или с целыми окнами. ... Люди, должно быть, ужасно страдают. В течение семи дней не было ни воды, ни

электричества, ни газа, ни еды. По оценкам мэра, число погибших и раненых составляет сорок тысяч человек..... Кроме этого, все спокойно. Люди, вероятно, испытывают облегчение от того, что мы пришли, и что их испытания закончились. NSV(2), спасательный конвой "Бавария" и полевые кухни осаждены голодными, измученными людьми. Здесь, в Берлине, идет дождь, и висят низкие облака. В Варшаве погода была хорошая, но пасмурная".

Над Варшавой все еще висела дымка смерти, когда 5 октября Гитлер прилетел туда на свой большой парад победы. Вонь от гниющих тел портила польский воздух. Отборные полки лучших пехотных дивизий топали мимо в параде-марше, который невозможно было улучшить, но, по словам его ближайших сотрудников, фюрера нервировало зрелище смерти и разрушений вокруг. Внешне он оставался жестким и бессердечным. Иностранным журналистам, которые роились вокруг него, когда он возвращался на аэродром, он грозно сказал: "Осмотрите хорошенько Варшаву. Так я могу справиться с любым европейским городом. У меня достаточно боеприпасов". Но когда он увидел банкет, который армия приготовила на аэродроме, то ли его желудок взбунтовался, то ли инстинкт плохой рекламы подсказал ему, что не стоит садиться за огромный, подковообразный стол с безупречным белым бельем и роскошной едой в то время, когда сотни тысяч жителей Варшавы голодают. Он повернулся на пятках и приказал Кейтелю и его сотрудникам немедленно следовать за ним к самолету. По его словам, он хотел пообедать в полевой кухне вместе со своими войсками.

Границы восточной Европы были согласованы между Германией и Советским Союзом. Гитлер настоял на том, чтобы его министр иностранных дел лично вылетел в Москву для согласования деталей. Поскольку Риббентроп отнесся к этой миссии без энтузиазма, Гитлер с чувством сказал ему:

"Установить окончательные границы между Азией и Европой на ближайшую тысячу лет - это, в конце концов, задача, достойная министра иностранных дел *Гроссдойче Рейха!*". Раздел Польши вызвал некоторые страдания в Германии. Геринг, фанатичный охотник - член того, что Гитлер называл "зеленым масонством людей" - обратил жадные взоры на белостокские леса, богатые дичью, и уговорил генерала Ганса Ешоннека позвонить в поезд Гитлера и указать на важность белостокских поставок древесины для немецкой экономики; Гитлер со смехом воскликнул. "Он говорит о древесине, а имеет в виду оленей!", и он распорядился, чтобы Белосток все же был отнесен к русской стороне демаркационной линии.

28 сентября Риббентроп нанес линию на мелкомасштабную карту Европы в кремлевском кабинете Сталина. Если предварительно согласованная в середине сентября линия проходила по реке Висла, то теперь она шла по реке Буг далеко на восток, поскольку Сталин также передал Германии Варшавский и Люблинский округа в обмен на прибалтийскую Литву, которая по августовскому пакту входила в сферу влияния Германии. Таким образом, теперь немецкие войска, которые продвинулись до Буга, но получили приказ отступить к Висле, должны были снова идти на восток, преодолевая сложную местность в третий раз за несколько недель. Сталин компенсировал единственное другое недовольство разделом - тот факт, что нефтедобывающий регион Львов (Лемберг) находился по его сторону линии, обещанием поставлять Германии триста тысяч тонн нефти ежегодно. В целом, как заметил Риббентроп Гитлеру по возвращении в Берлин, в разговоре со Сталиным и другими кремлевскими властителями он чувствовал себя среди товарищей, едва отличимых от его знакомых национал-социалистов.

Розенберг чуть не подавился, когда узнал о лести Риббентропа в адрес Сталина. Он почти сразу увидел стратегическую

слабость новых восточных границ. Новая демаркационная линия не давала Германии общей границы с Румынией, поэтому единственное железнодорожное сообщение Германии с румынскими нефтяными месторождениями и Черным морем проходило через контролируемую Советским Союзом территорию. Как сказал Розенбергу другой министр: "Если русские сейчас войдут в Прибалтику, мы потеряем и Прибалтику, со стратегической точки зрения; Москва будет могущественна как никогда, и они смогут действовать против нас в согласии с Западом в любое время". Розенберг, вероятно, с некоторым акцентом изложил эту точку зрения Гитлеру при встрече с ним двадцать девятого числа. На самом деле неприличная поспешность, с которой Сталин воспользовался предоставленными ему возможностями, сильно смутила министерство Риббентропа; ее можно объяснить только тревогой советского лидера по поводу скорости, с которой гитлеровский вермахт расправился с Польшей, и опасением, что может наступить мир. Под его давлением Эстония 29 сентября уступила России авиационные и военно-морские базы, а через несколько дней ее примеру последовали Латвия и Литва. Финляндия, однако, с самого начала дала понять, что окажет самое решительное сопротивление аналогичным требованиям России.

В течение первых двух недель октября 1939 года Гитлер, безусловно, колебался между продолжением борьбы - что означало почти немедленное начало наступления на западе - и заключением мира с оставшимися воюющими сторонами на лучших условиях, которые он мог получить. Тот факт, что он приказал вермахту готовиться к операции "Желтый" (*Fall Gelb*, нападение на Францию и низкие страны), ни в коей мере не умаляет реальности его мирного наступления. Каким бы ни было его окончательное решение, время терять было нельзя.

Гитлер видел весомые аргументы против прекращения боевых действий, пока военное преимущество Рейха было на высоте. Тем не менее, он, вероятно, согласился бы на уже завоеванное - хотя бы для того, чтобы иметь возможность вернуться к своим грандиозным архитектурным мечтам. Кроме того, Германии потребовалось бы не менее пятидесяти лет, чтобы переварить новые территории и осуществить программы принудительного заселения, запланированные Генрихом Гиммлером для укрепления немецкой крови на востоке. Таким образом, мирные настроения Гитлера по отношению к Лондону были искренними, а не просто уловкой, чтобы вбить клин между Великобританией и Францией. Вайцзеккер писал в начале октября: "Попытка свернуть войну сейчас является реальной. Я сам оцениваю шансы в 20 процентов, [Гитлер] - в 50 процентов; его желание - 100 процентов. Если он добьется мира, то тезис о том, что Британия пожертвует Польшей, будет доказан как бы на практике. Кроме того, это устранило бы неудобное решение о том, как ослабить Британию военными средствами". В начале сентября Геринг намекнул британцам через Биргера Далеруса, шведского бизнесмена, которого Гитлер уже принял в качестве неофициального посредника в Лондоне в августе, что Германия готова восстановить суверенитет Польши, лишенной старых немецких провинций, отторгнутых от Отечества в конце Великой войны; также будет прекращено преследование евреев и сокращено немецкое вооружение. Британский ответ был осторожной готовностью выслушать подробные немецкие предложения.

Но с тех пор, как эти предложения были сделаны, русские, согласно их соглашению с нацистами, захватили восточную Польшу. Гитлер сказал Герингу и Далерусу в Берлине поздно вечером 26 сентября, что если британцы все еще хотят спасти хоть что-то из Польши, им придется поторопиться. Им придется прислать переговорщика, который будет

воспринимать его всерьез, а сейчас он ничего не может сделать, не посоветовавшись со своими русскими друзьями. Что касается еврейского вопроса, то немцы предложили решить его, используя новую Польшу в качестве поглотителя, в который должны быть вывезены евреи Европы. Гитлер одобрил предложение о проведении в Голландии тайной встречи между немецкими и британскими эмиссарами - возможно, самим Герингом и генералом сэром Эдмундом Айронсайдом. Далерус немедленно выехал в Лондон. (3)

У немецкой армии были веские причины с тревогой следить за мирным наступлением Гитлера. В конце сентября заместитель Гальдера мрачно и совершенно неточно предупредил, что немецкая армия не сможет начать фронтальное наступление на французов раньше 1942 года. Гитлер знал о нежелании армии применить свой ум к "желтым"; это было одной из причин его речи от 27 сентября. Но даже в этой речи он говорил о западном наступлении только как о необходимом зле, если французы и англичане не образумятся. Если это произойдет, то "мы должны решиться бить врага до тех пор, пока он не сдастся".

Армия собрала все возможные аргументы против проведения "Желтой" операции сейчас: тактика, которая оказалась столь успешной в Польше, не будет достаточной против хорошо организованной французской армии; туманная погода и короткие часы осеннего дня поставят Люфтваффе в невыгодное положение; армии не хватало боеприпасов, запасов и оборудования. Браухич перечислил эти аргументы Гитлеру 7 октября, и Гитлер - уже раздраженный нежеланием своих солдат следовать за ним - попросил главнокомандующего оставить свои записи, что было зловещим знаком того, что он не удовлетворен. В течение следующих двух дней он надиктовал пятидесятивосьмистраничный меморандум, предназначенный только для глаз Кейтеля и трех

главнокомандующих; в нем он объяснил, почему они должны запустить "Желтую" при первой же возможности и почему время работает против Германии.

Фюрер зачитал этот грозный документ своим неудобным генералам десятого числа. В ближайшее время мы вернемся к нему более подробно. В нем он настаивал на том, что дальняя цель Британии остается неизменной: дезинтеграция мощного германского блока, уничтожение и распад нового рейха с его восьмидесятимиллионным населением. Поэтому долгосрочной целью войны Германии должно было стать абсолютное военное поражение Запада (в котором уничтожение сил противника было важнее, чем завоевание вражеской территории). Именно такую борьбу должен сейчас вести немецкий народ. Несмотря на все это, добавил он, быстро достигнутое мирное соглашение все равно будет отвечать немецким интересам - при условии, что от Германии не потребуют ничего из ее завоеваний.

Гитлер не обращал внимания ни на один из различных неофициальных каналов переговоров с Западом теперь, когда Польша оказалась на дне. Однако в течение следующих нескольких дней стало ясно, что хотя некоторые круги в Великобритании - особенно в министерстве авиации - хотели перемирия, в британском кабинете министров существовало твердое ядро оппозиции, для которого все разговоры о заключении сделки с Гитлером были преданы анафеме. Гитлер, вероятно, был прав, определив главным источником этой упрямой антигерманской линии Черчилля, теперь уже первого лорда Адмиралтейства, и клику вокруг него. 29 сентября Альфред Розенберг заручился разрешением Гитлера принять предложение, переданное через посредника в Швейцарии чиновниками британского министерства авиации; но этот проблеск надежды вскоре погас, когда посредник сообщил, что сторонники мира в этом министерстве были оттеснены к стене

более воинственными силами по приказу Черчилля. Больше об этих неуверенных подходах из Лондона ничего не было слышно.

На этом этапе мыслительных процессов Гитлера произошло мнимое вмешательство президента Рузвельта, которое было столь же резким по своему подходу, сколь загадочным по развязке. В начале октября влиятельный американский нефтяной магнат прибыл в Берлин с мирной миссией, для которой он, очевидно, получил девяностоминутный личный инструктаж от Рузвельта. Это был Уильям Родс Дэвис, чей личный интерес заключался в предотвращении любого нарушения его нефтяного бизнеса с Германией. С Рузвельтом его свел Джон Л. Льюис, лидер СЮ, федерации труда США, четырнадцать миллионов членов которой представляли собой политическую силу, игнорировать которую не мог позволить себе ни один президент. Льюис изначально был одновременно антифашистом и антикоммунистом, но, по словам Дэвиса, он был впечатлен значительным ростом уровня жизни немецких рабочих при национал-социализме. Обеспокоенный последствиями длительной войны для американских экспортных рынков, Льюис вынудил Рузвельта доверить эту неофициальную мирную миссию Дэвису.

В Берлине нефтяник встретился с Герингом, и сохранилось семистраничное резюме обсуждения предполагаемых предложений Рузвельта.⁽⁴⁾ Очевидно, оно получило широкое конфиденциальное распространение в Берлине, поскольку сардонические ссылки на внезапное появление Рузвельта в качестве "ангела мира", стремящегося обеспечить себе третий срок, фигурируют в нескольких дневниках того времени.

Президент Рузвельт готов оказать давление на западные державы, чтобы начать мирные переговоры, если Германия предоставит стимул. Президент Рузвельт просит

проинформировать его о различных пунктах, которые Германия хочет урегулировать, например, о Польше и колониях. В этой связи президент Рузвельт также упомянул вопрос о чисто чешских областях, по которым, однако, урегулирование не должно вступать в силу до более позднего времени. Этот вопрос был затронут президентом Рузвельтом в связи с общественным мнением в США, так как он должен успокоить чешских избирателей и сочувствующие им круги, если он хочет оказать давление на Великобританию, чтобы прекратить войну.

Дэвис заверил Геринга, что главной стратегической задачей Рузвельта было использование сложившейся ситуации для разрушения монополии Великобритании на мировых рынках. "В разговоре с Дэвисом Рузвельт объяснил, что он был категорически против объявления войны Великобританией. Британия не консультировалась с ним заранее". Рузвельт подозревал, что мотивы Британии гораздо опаснее и что они не имеют никакого отношения к Польше; он сам признавал, что истинная причина войны кроется в одностороннем Версальском *диктате*, который сделал невозможным для немецкого народа приобрести уровень жизни, сравнимый с уровнем жизни его соседей в Европе. Предложение Рузвельта, согласно неопубликованному резюме, состояло в том, чтобы позволить Гитлеру сохранить Данциг и все ныне существующие польские провинции, отнятые у Германии Версальским договором, чтобы все бывшие африканские колонии Германии были немедленно возвращены ей, и чтобы остальной мир оказал Германии финансовую помощь в установлении высокого уровня жизни.

Это было еще не все. Если Даладье и Чемберлен откажутся подчиниться, то президент Рузвельт поддержит Германию, как сообщил Дэвис, в ее поисках справедливого, терпимого и прочного мира: он будет поставлять Германии товары и

военные припасы "под охраной американских вооруженных сил", если потребуется. Джон Л. Льюис в частном порядке пообещал Дэвису, что если между Германией и США будет достигнуто такое соглашение, его профсоюзы не допустят производства военных товаров для Великобритании и Франции.

Сразу после встречи Геринг подробно изложил фюреру послание Дэвиса, а 3 октября фельдмаршал объявил американцу, что в своей важной речи в рейхстаге шестого числа Гитлер выступит с рядом мирных предложений, близко воплощающих пункты, привезенные Дэвисом из Вашингтона. (Более подробные предложения Гитлера, описанные Герингом, действительно зашли так далеко, что их искренность можно поставить под сомнение). Геринг сказал Дэвису: "Если, по его [Рузвельта] мнению, эти предложения представляют собой разумную основу для мирной конференции, то у него будет возможность осуществить это урегулирование". Вы можете заверить господина Рузвельта, что если он возьмет на себя это посредничество, то Германия согласится на урегулирование, в результате которого возникнет новое польское государство и независимое чехословацкое правительство. Однако эта информация предназначена только для него [Рузвельта] и будет использована только в случае необходимости для проведения мирной конференции". Геринг был готов принять участие в такой конференции в Вашингтоне.

Когда Дэвис вернулся в Соединенные Штаты с пятью подробными пунктами, предложенными Гитлером, его сопровождал немецкий чиновник, "специальный посол", назначенный для урегулирования любых деталей. Гитлер надеялся получить промежуточный ответ от Рузвельта к пятому числу. (Как писал Розенберг: "Для Лондона было бы жестоким ударом получить от Вашингтона настоящий "совет" подать иск о мире!"). Но с миссией что-то пошло не так:

когда Дэвис добрался до Вашингтона, он не был допущен к президенту, и больше они не встречались.

Иной аспект политики Рузвельта раскрыли польские документы, вырванные нацистами из архивов разрушенного здания министерства иностранных дел в Варшаве. Дипломы польских послов в Вашингтоне и Париже обнажили усилия Рузвельта по вовлечению Франции и Великобритании в войну с Германией, в то время как он перевооружал Соединенные Штаты и психологически готовил американскую общественность к войне. В ноябре 1938 года Уильям К. Буллит, его личный друг и посол в Париже, сообщил полякам, что президент желает, чтобы "Германия и Россия столкнулись", после чего демократические страны нападут на Германию и заставят ее подчиниться; весной 1939 года Буллит процитировал Рузвельта как решившего "не участвовать в войне с самого начала, но быть в ней на финише" - Соединенные Штаты, без сомнения, будут воевать, но "только если Франция и Британия начнут первыми". Поляки утверждали, что Буллит привез с собой в Париж "чемодан, полный инструкций", в которых описывалось давление, которое он должен был оказать на Quai d'Orsay, чтобы не идти на компромисс с тоталитарными державами; в то же время Вашингтон оказывал "различные исключительно значительные удары" по британцам. Вашингтон, говорил Буллит польским дипломатам, руководствовался не идеологическими соображениями, а исключительно материальными интересами Соединенных Штатов. Варшавские документы не оставляют сомнений в том, что именно заставило Польшу ожесточить сопротивление немецким требованиям во время августовского кризиса 1939 года.

В пятницу 6 октября Гитлер выступил в Рейхстаге. Его "призыв к миру" был обращен к британцам в более резких и обвинительных выражениях, чем хотели бы многие из его

более умеренных последователей. Он выделил Черчилля - который в то время был первым лордом Адмиралтейства - как представителя еврейских капиталистических и журналистских кругов, чей единственный интерес в жизни заключался в содействии поджогам в международном масштабе.

Девятого числа он отдал своим главнокомандующим официальный приказ со всей поспешностью готовиться к "Желтому", в случае если "Британия и, под ее командованием, Франция также" не будут настроены на окончание войны. Однако его солдаты были полны оптимизма. Генерал Роммель писал из Берлина седьмого числа: "Реакция нейтралов [на речь фюрера] кажется очень хорошей. Остальные смогут обдумать ее в течение выходных. В остальном здесь мало что происходит. Если война скоро закончится, я надеюсь, что скоро смогу вернуться домой. . . ."

Гитлер направил Далеруса в Лондон для переговоров с Чемберленом. Поздно 9 октября швед сообщил ему условия, которые Британия выдвигала на мирных переговорах: помимо того, что Британия настаивала на создании нового польского государства, она хотела, чтобы все оружие агрессии было немедленно уничтожено; кроме того, в Германии должен быть проведен плебисцит по некоторым аспектам ее внешней политики. Эти условия было трудно проглотить, поскольку на публике Гитлер все еще утверждал, что будущее Польши должно решаться только Германией и Россией, а Британия беспечно игнорировала растущую вооруженную мощь Советского Союза и его экспансионистскую политику. Тем не менее, десятого числа Далерусу было поручено сообщить Лондону, что Гитлер примет эти условия в принципе. В тот день шведский переговорщик дважды виделся с Гитлером, прежде чем тот отбыл на обещанную встречу с британским эмиссаром в Гааге. Он взял с собой официальное письмо Геринга и список предложений Гитлера, которые включали

создание нового польского государства; право Германии укреплять свою новую границу с Россией; гарантии, подкрепленные национальным плебисцитом; пакты о ненападении между Германией, Францией, Великобританией, Италией и Советским Союзом; разоружение; и возвращение бывших колоний Германии или подходящих территорий взамен.⁽⁵⁾ После встречи с Гитлером Далерус заметил одному немецкому офицеру, что "Германия, со своей стороны, была способна проглотить даже жесткие условия, если они были облечены в приятную форму". Он сказал, что берет с собой в Голландию более чем достаточно, чтобы развеять тлеющее недоверие Британии к Гитлеру.

Однако в Голландии Далерус тщетно ждал обещанного британского эмиссара. Британское министерство иностранных дел попросило его изложить предложения Гитлера местному посланнику и оставаться в Гааге до получения известий из Лондона. Берлин с оптимизмом воспринял эту просьбу как положительный знак британского интереса и согласился ждать там. Но долгожданная речь Чемберлена в Палате общин на следующий день, 12 октября, разрушила уверенность Гитлера в том, что мир вот-вот снизойдет на Европу после пяти недель войны. Чемберлен отверг публичное предложение Гитлера (шестое) как "расплывчатое и неопределенное" - он не сделал никаких предложений по исправлению обид, нанесенных Чехословакии и Польше. Если Гитлер хочет мира, сказал Чемберлен, то "должны последовать действия, а не только слова". В тот же вечер Гитлер послал за Герингом, Мильхом и Удетом из люфтваффе и приказал им возобновить производство бомб в кратчайшие сроки. "Война будет продолжаться!" Далерусу было предложено немедленно вернуться из Гааги в Берлин. Ответ Эдуарда Даладье Гитлеру был не менее резким. "До получения этих ответов, - писал Вайцзеккер два дня спустя, - сам фюрер питал большие

надежды на осуществление своей мечты о сотрудничестве с Великобританией. Его сердце было устремлено к миру. Герр фон Риббентроп казался менее предрасположенным к этому. Он послал фюреру свою собственную словесную картину будущей Европы, похожей на империю Карла Великого".

Шведскому исследователю Свену Хедину несколько дней спустя Гитлер высказал свое недоумение по поводу неуступчивости Великобритании. Ему казалось, что он неоднократно протягивал британцам руку мира и дружбы, и каждый раз они в ответ ставили ему фингал под глазом. "Выживание Британской империи отвечает и интересам Германии, - заметил Гитлер, - потому что если Британия потеряет Индию, мы от этого ничего не выиграем." Конечно, он собирался восстановить польское государство - он не хотел поживиться поляками; что касается остальных выпадов Чемберлена, то он, Гитлер, мог бы с таким же успехом потребовать от Британии "исправить ошибки", допущенные в отношении Индии, Египта и Палестины. Британия может заключить мир в любое время, но они - включая этого "блестящего идиота" Идена и столь же некомпетентного Черчилля - должны научиться не совать свой нос в Европу.

И в порыве гнева Гитлер пожаловался Далерусу на "невероятное поведение господина Чемберлена"; отныне Германия будет сражаться с Британией до крови - он больше не предлагал торговаться с ней. Далерус покинул канцелярию в раздражении из-за провала своих мирных усилий, но позже был успокоен Герингом, который в тот же вечер отправил к нему важный немецкий орден.

Для Гитлера было ясно, что альтернативы, кроме продолжения войны, нет. Именно на *неотложность* возобновления наступления он больше всего обращал внимание своих верховных главнокомандующих в своем меморандуме от 9

октября. В то время как немецкое военное преимущество находилось сейчас в самом зените, каждый месяц, проведенный в бездействии, означал относительное ослабление противника; в Италии, кроме того, Муссолини не молодеет; Запад может преуспеть в шантаже Голландии или Бельгии, чтобы заставить их отказаться от нейтралитета, или в подкупе продажных балканских стран для того же эффекта; отношение России может легко измениться. Были и другие причины, по которым Германия должна была нанести быстрый удар и избежать затяжной войны: пока Британия латала свои военные ресурсы и вводила новые части во Францию, нельзя было игнорировать психологический подъем, который это давало французам; и наоборот, с каждым месяцем становилось все труднее поддерживать энтузиазм немецкой общественности к войне или снабжать немецкие военные усилия продовольствием и сырьем. Превосходство Германии в воздухе было лишь временным - как только враг поверит, что *он* достиг превосходства в воздухе, он воспользуется им, невзирая на любые репрессии, которые мог объявить Гитлер. Прежде всего, британцы и французы знали об уязвимости рурской промышленности, и как только враг сможет базировать авиацию или даже дальнобойную артиллерию на территории Бельгии и Голландии, Германии придется вычеркнуть Рур из военных действий; вражеским бомбардировщикам пришлось бы пролететь едва ли шестую часть расстояния, которое пришлось бы преодолеть немецким бомбардировщикам, чтобы достичь важных британских целей с небольшой полосы немецкого побережья Северного моря. Именно поэтому Гитлер был убежден, что оккупация Бельгии и Голландии уже должна быть на повестке дня западных держав, и именно этим он оправдывал приказ своей армии готовиться к нападению на Францию через Бельгию.

Если бы побережье Западной Европы оказалось в руках Гитлера, преимущества для Германии были бы решающими, если бы война против Великобритании продолжалась: по веским стратегическим причинам германскому флоту нужны были базы подводных лодок к западу от Ла-Манша. (Десятого числа Радер также предложил Германии получить военно-морские базы в Норвегии по тем же причинам). Точно так же Люфтваффе имели бы непропорционально большое преимущество в ударной мощи, если бы расстояние до британских целей составляло всего лишь короткий челночный маршрут из Голландии, Бельгии или даже Па-де-Кале во Франции.

Как Британия стала пионером бомбардировок городов

Николас Коллерстром, 2009 год

Блиц-атака на Лондон в 1940 году стала ответом на бомбардировки городов, начатые Британией несколькими месяцами ранее. Сейчас мало кто признает этот элементарный факт, имеющий центральное значение для роли Британии в развязывании Второй мировой войны. Сегодня британцы - или все, с кем я когда-либо разговаривал, - рассматривают блиц как доказательство злодеяний Гитлера и не признают причинно-следственную связь. Уинстон Черчилль и военное министерство создали ситуацию, когда Лондон подвергнется блицу, не сказав людям, что Британия начала этот процесс несколькими месяцами ранее. Это привело к тому, что британцы были настроены на тотальную войну, без традиционных ограничений цивилизованных "законов" или конвенций, ограничений, которые до сих пор устанавливали, что гражданское население как таковое не может быть объектом нападения:

Исключение некомбатантов из сферы военных действий является фундаментальным различием между цивилизованной и варварской войной" [1].

Британцы должны отнестись к этому более ответственно и понять, что именно их страна, и никакая другая, была пионером бомбардировок городов, которые не были простым "сопутствующим ущербом", а преднамеренным нападением на дома рабочего класса. Ложь всегда создается теми, кто хочет развязать войну, и самая страшная ложь здесь, несомненно, должна была стать очевидной для британского народа через шестьдесят лет после события. Но нет! Сегодня, как заметил историк А.Дж.П. Тейлор, мы видим,

'... почти всеобщее убеждение, что Гитлер начал неизбирательные бомбардировки гражданского населения, в то время как они были начаты директорами британской стратегии, как хвастались некоторые из наиболее честных среди них'. [2]

Одна вещь, которая очень, очень нравится британскому народу, - это образ врага, который он ненавидит и боится. Великобритания - одна из самых милитаристских наций, которые когда-либо существовали, и для своего "морального" благополучия она всегда должна демонизировать того, против кого она ведет войну.

Я хочу сказать, что если бы цивилизованная жизнь существовала на земле, то Нюрнбергский процесс, начиная с 1946 года, был бы сосредоточен в первую очередь на роли Великобритании в инициировании бомбардировок городов - уничтожении городов и деревень с помощью более миллиона тонн бомб, сброшенных на Германию [3] - а также, конечно, на американском ядерном уничтожении двух японских городов, которые были своего рода логическим развитием того, что впервые осуществила Великобритания. Смертность от этих двух А-бомб была гораздо меньшей, чем та, которую Британия нанесла немецким городам.

1936: Появляется "Бомбардировочное командование", и начинается строительство самолетов-бомбардировщиков дальнего действия. Его цель откровенно описал Дж. М. Спейт из Министерства авиации: "Весь смысл существования Бомбардировочного командования заключался в том, чтобы бомбить Германию, если она станет нашим врагом" [4] Итак, те, кто хотел войны, начали ее планировать [5]. У Германии и Франции не было ничего похожего на эти самолеты-бомбардировщики. [6] В 1918 году Версальский мирный договор запретил разрушенной войной Германии развивать

"активную оборону", подразумевая такие вещи, как прожекторы, зенитные орудия и т.д.

Гитлер неоднократно добивался перемирия в бомбардировках городов, а также того, чтобы в любых будущих конфликтах бомбардировки ограничивались узкой зоной военных действий[7]. Существующие конвенции и законы войны не содержали конкретного упоминания о воздушных бомбардировках, поэтому он неоднократно выступал с предложениями ограничить ведение войны, "ограничив военные действия зонами боевых действий".

Война 1939 года была "менее желанной почти для всех, чем любая другая война в истории", - писал А.Дж.П. Тейлор. В сентябре 1939 года было объявлено состояние войны, но мало что происходило, потому что Германия никак не желала войны против Великобритании[8]. 15 февраля 1940 года премьер-министр Невилл Чемберлен в Палате общин подтвердил: "На что бы ни пошли другие, правительство Его Величества никогда не прибегнет к преднамеренным нападениям на женщин и детей, а также других гражданских лиц с целью простого терроризма" в ответе капитану Рэмси[9]. Это подтвердило его позицию, высказанную 14 сентября[10]. Бомбардировки городов, подчеркнул он, "абсолютно противоречат международному праву"[11].

1940: 10 мая Черчилль сместил Чемберлена с поста премьер-министра, а 11 мая начались бомбардировки городов[12]. В эту ночь, на следующий день после избрания Черчилля, Командованию бомбардировщиков впервые было позволено выполнить цель, ради которой оно было создано. Газеты просто сообщили, что в ту ночь "восемнадцать бомбардировщиков "Уитли" атаковали железнодорожные объекты в Западной Германии". Уинстон Черчилль и его советники расширили определение "военных целей", которое

было принято на протяжении двух с половиной веков, включив в него заводы, нефтяные станции и общественные здания - как, впрочем, и любой город или деревню. Они сделали это определение бессмысленным.

Этот налет в ночь на 11 мая 1940 года, хотя сам по себе он был пустяковым, стал событием, знаменующим эпоху, поскольку он был первым преднамеренным нарушением фундаментального правила цивилизованной войны, согласно которому военные действия должны вестись только против вражеских боевых сил"[\[13\]](#).

В протоколе заседаний военного кабинета за 12 мая в разделе "Политика бомбардировок" отмечалось, что премьер-министр "больше не связан нашими прежними угрызениями относительно начала "неограниченной" воздушной войны"[\[14\]](#)".

25 августа 81 бомбардировщик совершил ночной налет на Берлин, а 6 сентября Люфтваффе ответили. Только после шести внезапных атак на Берлин в предыдущие две недели начался блиц, и поэтому Германия вполне обоснованно назвала его возмездием. Британскому народу не позволили узнать, что правительство могло в любой момент остановить немецкие налеты, просто прекратив налеты на Германию"[\[15\]](#), - цитирует профессор Артур Бутц. Они до сих пор этого не узнали. Уинстон Черчилль так и не получил заслуженной похвалы за создание "Блица". Немецкие бомбы унесли примерно десятую часть жизней мирных жителей по сравнению с британским наступлением, и британцы, похоже, не очень понимают это соотношение десять к одному[\[16\]](#).

Свидетельство Дж.М. Спейта, который во время войны был главным помощником секретаря министерства авиации, имеет здесь решающее значение. Его книга 1944 года

"Бомбардировка оправдана" с гордостью защищала городское сжигание мусора, пионером которого был RAF:

'Из-за того, что мы сомневались в психологическом эффекте искажения правды о том, что именно мы начали стратегическое бомбардировочное наступление, мы уклонились от того, чтобы придать нашему великому решению от 11 мая 1940 года ту огласку, которой оно заслуживало. Это, несомненно, было ошибкой. Это было великолепное решение"[\[17\]](#).

Он подчеркнул, что Гитлер был готов в любой момент прекратить бойню, если бы британцы согласились: "Гитлер, конечно, не хотел, чтобы взаимные бомбардировки продолжались. ...Снова и снова немецкие официальные отчеты приветствовали элемент возмездия в действиях Люфтваффе... "Если вы перестанете бомбить нас, мы перестанем бомбить вас"[\[18\]](#).

16 декабря 1940 года 134 самолета совершили лунный налет на незащищенный город Мангейм, сосредоточившись на его очаровательном центре. Пролетая достаточно высоко, чтобы быть в безопасности от зенитного огня, пилот ночного бомбардировщика, выпускающий свой груз, не услышал крика матери и не увидел горячей плоти ребенка. Это был настоящий Холокост, слово, означающее смерть от огня. Пилоты RAF возвращались домой, сообщая об уничтожении назначенных "военных" целей. Этот фарс продолжался до августа 1941 года, когда шокированному британскому кабинету министров были показаны аэрофотоснимки неповрежденных целей[\[19\]](#). Из всех самолетов, которым приписывали бомбардировку целей, только одна треть на самом деле бомбила в радиусе пяти миль от них"[\[20\]](#).

Маршал авиации Артур Харрис возглавил командование бомбардировщиков в Хай Уайкомбе 22 февраля 1942 года, через неделю после того, как директивой штаба ВВС его основной задачей было определено "моральное состояние гражданского населения, и в особенности промышленных рабочих". Харрис имел обыкновение хвастаться: "Я убиваю тысячи людей каждую ночь". По его мнению, "блиц" "провалился" из-за "недальновидности руководителей люфтваффе, которые не обеспечили себя в мирное время дальними бомбардировщиками, предназначенными для атак на гражданское население противника", как это сделала Великобритания, и это упущение, по его словам, "проиграло Германии войну". Таким образом, в сентябре 1940 года немцы оказались с "почти безоружными бомбардировщиками".^[21] Германия проиграла войну, потому что не планировала бомбардировки городов!

В марте 1942 года военный кабинет Черчилля принял "план Линдемманна^[22]", согласно которому нацеливание на гражданское население стало официальным. Домам рабочего класса отдавалось предпочтение перед домами высшего класса, поскольку они располагались ближе друг к другу, и таким образом можно было добиться большего сжигания плоти на одну бомбу^[23]. Еврейский эмигрант из Германии профессор Фредерик Линдемманн^[24], друг и научный советник Черчилля, к тому времени стал лордом Червеллом. 30 марта он представил в Военный кабинет план, в котором настоятельно предлагалось нанести удар по домам немецкого рабочего класса, а не по военным объектам, поскольку последние было труднее поразить. Дома среднего класса имели слишком много пространства вокруг себя, объяснил он. Он не был привлечен к ответственности за новое ужасное военное преступление, о котором до сих пор и не мечтали. Таким образом, все города и поселки с населением более 50 000 жителей могли быть

уничтожены или, по крайней мере, доведены до разрушения. Военный кабинет понимал, что ни один намек на это не должен дойти до общественности. [\[25\]](#)

План Линдемманна вступил в действие 28 марта 1942 года, когда старый порт Любека был атакован 234 самолетами Командования бомбардировщиков. Любек не имел военного или промышленного значения, но был выбран потому, что, как заметил маршал авиации "бомбардировщиков" Харрис, город был "построен скорее как зажигалка, чем как человеческое жилье". Его старые средневековые дома, узкие улочки и собор были стерты с лица земли благодаря "первоклассному успеху" RAF. 30 мая 1942 года тысяча самолетов сбросили взрывчатку и зажигательные вещества на средневековый город Кельн, сжигая его из конца в конец. Опустошение было полным.

Затем последовали другие "первоклассные успехи", кульминацией которых стало сожжение Гамбурга и прекрасного, барочного города Дрездена [\[26\]](#). 27 июля 1943 года, "в ту ночь, когда самые густонаселенные районы Гамбурга превратились в ревущую печь, в которой тысячи мужчин, женщин и детей бросались в каналы, спасаясь от страшной жары" [\[27\]](#), семьсот бомбардировщиков союзников прибыли над городом в час ночи и сбросили десять тысяч тонн взрывчатых и зажигательных бомб на несколько районов города. В ту ночь только в результате одного этого налета погибло более 45 000 мужчин, женщин и детей. В течение четырех дней город круглосуточно бомбили американские самолеты днем и британские ночью. Возникла огненная буря такой интенсивности, о которой никто раньше и не подозревал. Более миллиона немцев бежали в сельскую местность. Это были люди, которые никогда не голосовали за Гитлера и не имели никаких средств для его устранения.

Спейт писал в 1944 году о том, как "сегодня большие четырехмоторные бомбардировщики вырывают сердце из промышленной Германии", и добавлял, что "Германия не имела ничего приближающегося к ним"[\[28\]](#) Франция и Германия не были готовы к бомбардировкам городов, как Британия. После, возможно, излишне откровенной книги Спейта,

"...никто, сколь бы легковверным он ни был, не мог принять неоднократные и торжественные заверения министров Его Величества в парламенте о том, что бомбардировки Германии осуществлялись со строгим учетом велений гуманности в соответствии с правилами цивилизованной войны[\[29\]](#)".

Министры лгали парламенту сквозь зубы, но это была не обычная ложь. Это было предательство основного принципа, от которого зависит цивилизованная жизнь, - что гражданские лица и гражданские здания как таковые не должны подвергаться нападениям. Вместо этого с неба теперь шел ужас, ужас, перед которым деяния обычных убийц бледнели как ничтожные. Тысячелетняя городская культура была уничтожена, великие города, прославленные в анналах науки и искусства, превратились в груды дымящихся руин.

Если в 1940 году британские бомбардировщики выгрузили на немецкие города всего пять тысяч тонн бомб, то к 1944 году они иногда превышали это количество за один день. Весной 44-го года на немецкие города обрушивалось более ста тысяч тонн бомб в месяц. Число погибших мирных жителей Германии в результате британских и американских бомбардировок немецких городов оценивается примерно в 600 000 человек, около 61 города были превращены в руины, а в Великобритании погибло около 60 000 мирных жителей. Население этих городов оценивалось в 25 миллионов человек"[\[30\]](#) Таким образом, Германия была приведена в

состояние, худшее, чем то, которое было достигнуто в результате 30-летней войны. В ответ центры Лондона, Ковентри и Портсмута были атакованы немецкими самолетами.

Пока это происходило, необходимо было подавить общественное обсуждение, объяснил министр авиации, чтобы возмущение общественности не подорвало боевой дух пилотов бомбардировщиков.[\[31\]](#) Но, несмотря на официальные отрицания, антивоенные протестующие получили некоторое представление о происходящем. Вера Бриттейн заявила в брошюре военного времени, что нынешняя политика Великобритании "покажется будущей цивилизации крайней формой преступного безумия"[\[32\]](#). Таким образом, один человек сумел найти адекватные слова для военной политики Великобритании.

Какова была цель бомбардировок городов? Ее главной целью было подтолкнуть немецкий народ к репрессиям - так утверждалось в официальном документе HMSO от 1953 года:

Если бы Королевские ВВС совершили налет на Рур, уничтожая нефтяные заводы своими наиболее точно установленными бомбами и городское имущество теми бомбами, которые попали не туда, возмущение по поводу возмездия Британии могло бы оказаться слишком сильным для немецких генералов. Более того, сам Гитлер, вероятно, возглавил бы этот шум. Нападение на Рур, другими словами, было неформальным приглашением Люфтваффе бомбить Лондон"[\[33\]](#).

Целью было продолжение войны, чего не хотели ни немецкий народ, ни британцы. Германия никогда не хотела войны против Великобритании, и Гитлер всегда выражал свое восхищение Великобританией и Британской империей[\[34\]](#).

Германия искала мирных переговоров в июле 1940 года и получила отказ[35]. Британцы считают "выживание в блице" своим звездным часом и воображают, что это было частью плана по вторжению и оккупации Британии[36]. Лучше было бы сказать, что причина Блица заключалась в страстном желании британцев воевать, и они стремились создать условия, которые его породили.

После войны террористические бомбардировки не были признанным термином, официально их никогда не было, тем более никто не слышал о плане Линдемманна. Правда подавлялась в течение двух десятилетий, несмотря на отсутствие юридического механизма цензуры, и всплыла только тогда, когда она стала "прошлой историей", в 1961 году. Это создало серьезную проблему для "судебных процессов", проходивших в Нюрнберге: Если самым очевидным преступлением Гитлера была инициация неизбирательных бомбардировок во время блица, то почему об этом ничего не было сказано в Нюрнберге? Правда о том, что это была лишь малая часть того, что было совершено против Германии[37], и что это произошло лишь несколько месяцев спустя в качестве законного "возмездия", явно не могла быть сказана британскому народу[38].

Только в 1961 году К.П. Сноу[39] в своих Гарвардских лекциях о науке и правительстве рассказал о существовании плана Линдемманна и о том, что он был "приведен в действие всеми силами страны". Объяснение К.П. Сноу о дьявольском плане, сосредоточенном на домах рабочего класса, "вызвало сенсацию во всем цивилизованном мире"[40] и было немедленно переведено на все языки мира. Позже в том же году официальный отчет о том, как Великобритания разработала террористические бомбардировки в соответствии с планом Линдемманна[41], раскрыл шокирующую цифру погибших - 60 000 жизней RAF. Эти разоблачения вызвали всеобщий ужас[42].

В 1961 году член парламента от лейбористов Ричард Кроссман заметил, что "ширма лжи", за которой проводились "террористические бомбардировки", была такой, что военное руководство "сочло необходимым публично отречься" от политики своего приказа бомбить [\[43\]](#). Министры абсолютно лживо заявляли: "Мы не бомбили женщин и детей просто так" (заместитель министра авиации), хотя именно это они и делали - сотни тысяч женщин и детей.

Блицкриг

Тогда в качестве извинения было выдвинуто утверждение, что это [британская политика] было лишь возмездием за немецкие бомбардировки Варшавы и Роттердама". Г-н Спейт отвергает этот аргумент с тем презрением, которое в нем содержится. "Когда Варшаву и Роттердам бомбили, - указывает он, - немецкие армии стояли у ворот. Воздушная бомбардировка была операцией тактического наступления." [44] Капитан Лиддел Харт придерживается того же мнения. "Бомбардировка не проводилась, - пишет он, - пока немецкие войска с боями пробивались в эти города и, таким образом, соответствовала старым правилам осадной бомбардировки". [45] "Бомбардировка" не была незаконной по условиям статьи 25 Гаагской конвенции 1907 года. Девятьсот человек погибли в результате трагически ошибочного воздушного налета на Роттердам [46]. Жителям Варшавы было дано время на эвакуацию из города перед общей бомбардировкой [47]. Цитируем доктора Вессерле, который был в Праге, когда США и Великобритания бомбили ее,

"Не может быть никакого сравнения между жестокостью англо-американского наступления бомбардировщиков, с одной стороны, и минимальностью немецко-итальянских усилий, с другой" [48].

Закон

Гаагская конвенция 1923 года (статьи 22, 23) предлагала объявить вне закона неизбирательные бомбардировки городов ("воздушные бомбардировки с целью устрашения гражданского населения"), но, увы, пять держав-организаторов (Великобритания, Франция, Италия, Япония и США) так и не подписали ее [49]. Премьер-министр Великобритании заявил в Палате общин в 1938 году, что любая такая бомбардировка будет "несомненным нарушением международного права", а резолюция, принятая Лигой наций в сентябре 1938 года, "Намеренная бомбардировка гражданского населения является незаконной" была предложена британским правительством и принята без разногласий - кто может возражать против такой самоочевидной истины? '...у нас нет намерения атаковать гражданское население как таковое', - заявил британский представитель во время англо-французской штабной беседы 14 августа 1939 года, незадолго до начала войны. Вскоре после этого Лига Наций единогласно приняла резолюцию, подтверждающую незаконность таких бомбардировок. И все же к 1943 году Великобритания и Америка подписали Касабланский договор, который поощрял усиление бомбардировок городов - "моральных бомбардировок", как их называли.

Дилемма, шизофрения, провал Нюрнберга резюмируется тремя датами, которые надолго запечатлелись в памяти человечества: 6 августа, 8 августа и 9 августа 1945 года. Нюрнбергская хартия, определяющая нормы международного права, относящиеся к ведению войны ("планирование и подготовка агрессивной войны"), была подписана как Лондонское соглашение 8 августа 1945 года. Они взрывают один город, взрывают другой город, а в промежутке подписывают Нюрнбергскую хартию!

Американский век?

В радиопередаче от 1 сентября 1939 года, за два дня до начала войны, Рузвельт призвал европейские державы дать обещание, что "вооруженные силы ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не предпримут бомбардировку с воздуха гражданского населения или необороняемых городов[50]". Увы, американцы не смогли последовать собственному совету: в результате огненной бомбардировки Японии 9-10 марта 1944 года погибло около 100 000 японских гражданских лиц, больше, чем погибло в Хиросиме в следующем году. В целом за всю войну от бомбардировок японских городов могло погибнуть около 337 000 человек[51].

Когда после войны Черчилль предложил Сталину найти "какой-нибудь не разрушенный город в Германии", где они могли бы встретиться на Потсдамской конференции в июле 1945 года, это было непросто. Затем, довольно быстро, в марте 1946 года, Черчилль в своей речи о "железном занавесе" в Фултоне, штат Миссури, разглядел вновь надвигающуюся угрозу, которая, по его мнению, оправдывала накопление запасов недавно разработанного ядерного оружия Америки[52].

Можно было бы подумать, что британское военное министерство будет испытывать некоторый стыд за инициирование самого страшного преступления в анналах записанной истории, но, видимо, это не так: в 1946 году начальникам британских штабов был передан доклад "Будущие разработки в области оружия и методов ведения войны". Наиболее выгодными объектами атаки нового оружия будут, как правило, скопления населения", - рекомендовалось в нем, включая чертеж 58 крупных советских городов с населением более 100 000 человек. Отныне обсуждение и совершенствование методов уничтожения городов должно

было стать нормальной бюрократической деятельностью. В следующем, 1947 году в Британию прибыли первые силы Стратегического воздушного командования США. Таким образом, Британия внесла свой вклад в окружение России ядерными бомбардировщиками, когда последняя все еще оставалась дымящимся обломком Второй мировой войны, потеряв около двадцати миллионов человек, за годы до того, как Россия была в состоянии угрожать кому-либо в ответ.

Бывший начальник штаба ВВС США Кертис ЛеМэй вспоминал, что во время войны в Корее 1950-53 гг. он спросил, разрешит ли ему Пентагон "сжечь" пять крупнейших городов Северной Кореи, утверждая, что это можно сделать за несколько дней. Ему ответили: "Это слишком ужасно". И все же в течение трех лет или около того... мы сожгли все города в Северной Корее". [53] Три миллиона корейцев погибли, чтобы защитить мир от предполагаемой "желтой опасности". [54] Так наследие британских бомбардировок городов перешло к Америке.

Постскриптум

В 1919-1920 годах британцы разработали технику бомбардировок городов и деревень, бомбардируя Кабул, Афганистан, и мятежные племенные группы вдоль пограничных районов Индии. А в 1920-х годах британцы намеренно бомбили деревни повстанцев в Сомали и Йемене и в течение нескольких лет проводили длительную кампанию бомбардировок гражданского населения повстанческих районов в контролируемом британцами Ираке. Число погибших в результате бомбардировки немцами Герники в 1937 году составило, по данным Дэвида Ирвинга, около девяноста восьми человек[55].

Изучение сталинского плана нападения на Германию в 1941 году

Обзор книги Дэниела В. Майклза, 2001 г.

Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit ("Операция "Барбаросса" и спор русских историков"), by Wolfgang Strauss. Мюнхен: Хербиг, 1998. Твердый переплет. 199 страниц. Иллюстрации. Ссылки на источники. Библиография. Индекс.

Во время Второй мировой войны ни один из двух народов не пострадал больше, чем русские и немцы. В кровавой бойне этого великого глобального конфликта ничто не сравнится с массовым уничтожением жизни и имущества на Восточном фронте русскими и немецкими войсками, фанатично движимыми непримиримыми идеологиями.

Сейчас, спустя более 50 лет после окончания "столкновения титанов", свободные российские и немецкие историки сотрудничают, чтобы выяснить исторические решения и действия, которые привели к этому самому кровавому из всех конфликтов. Вольфганг Штраус, уважаемый немецкий славист и политолог, объясняет этот проясняющий исторический процесс процесс в своей последней работе "Операция "Барбаросса" и спор российских историков".^[1] Он рассматривает здесь исследования ученых-ревизионистов в России и Германии о роли Сталина в разжигании германо-русского конфликта и его усилиях по расширению советской империи по всей Европе. Возможно, самое главное, он также показывает, как общее понимание войны способствует

примирению между этими двумя великими европейскими народами.

Штраус подтверждает мнение немецкого историка Эрнста Нольте о том, что воинствующий антикоммунизм Гитлера был понятной реакцией на надвигающуюся советскую угрозу Европе и человечеству. Говоря иначе, воинственность "фашистских" движений, возникших в Германии, Испании, Италии и других европейских странах в 1920-х и 1930-х годах, была, по сути, ответом на неприкрытую большевистскую цель доминирования в Европе.[\[2\]](#) Эта точка зрения, утверждает Штраус, теперь в значительной степени принята российскими ревизионистами и французским историком Франсуа Фюре.[\[3\]](#) В принципе, не имеет значения, считать ли войну, разразившуюся в июне 1941 года между Германией и Советской Россией, агрессивной войной, превентивной войной или контрнаступлением. Для каждой из сторон, утверждают Нольте и другие, это была борьба не на жизнь, а на смерть, чтобы решить, какое мировоззрение и образ жизни возобладают в Европе - атеистический, интернационалистский коммунизм или буржуазная христианская цивилизация Запада.

Черная книга

Штраус ни в коем случае не отвергает и не обеляет жестокие эксцессы Гитлера. Он также считает, что расистская концепция Гитлера о неполноценности славянских народов и его попытка колонизировать их земли была не только ошибочной, но и обрекла его военную кампанию, а в конечном итоге и Третий рейх, на провал. В то же время Штраус подчеркивает монументальную жестокость советского и международного коммунизма. В этой связи он ссылается на *"Черную книгу коммунизма": Преступления, террор и репрессии"*, недавний 860-страничный труд французского ученого Стефана Куртуа и других авторов [4].

Как подчеркивает Куртуа, многие американские и европейские ученые придерживаются морально своеобразного взгляда на историю, который горячо осуждает национал-социалистическую Германию, сохраняя при этом меркантильную неосуждающую "объективность" по отношению к Советской России. Но нет никакой иерархии смерти и страданий. Как пишет Куртуа: "Смерть украинского крестьянского ребенка, намеренно подвергнутого голодной смерти сталинским режимом, имеет такое же значение, как и голодная смерть ребенка в Варшавском гетто".

Как рассказывает Штраус, Куртуа считает, что 1) около 100 миллионов человек погибли в результате коммунистической политики в Советском Союзе, Красном Китае и других коммунистических государствах; 2) коммунисты сделали массовую преступность неотъемлемой частью своей государственной системы; 3) террор был частью советского режима с самого начала, начиная с Ленина; 4) классовый и этнический геноцид, начатый Лениным и систематизированный Сталиным, на годы предшествовал диктатуре Гитлера; 5) Сталин был, несомненно, большим

преступником, чем Гитлер; и б) совместная, если не главная, ответственность Сталина за начало русско-германской войны неоспорима".[\[5\]](#)

Часто забывают, что русские люди были первыми жертвами коммунизма. Приводя свидетельства из британских, российских и других источников, Штраус показывает, что те, кто навязал русским коммунистический деспотизм, были в основном нерусскими и нехристианскими пришельцами - прежде всего, евреями.[\[6\]](#) Их целью было не что иное, как искоренение христианства и европейской цивилизации любой ценой. Многие россияне возлагают главную ответственность за преступления коммунизма, особенно в первые десять лет советской власти, на нерусские элементы большевистской партии. Например, отмечает Штраус, русская пресса называла казнь царя Николая II и всей его семьи "еврейским ритуальным убийством"[\[7\]](#). В аналогичном контексте Штраус приводит из Солженицына имена безжалостных начальников советской тайной полиции (НКВД) - все они были евреями - которые предали смерти десятки тысяч рабов в ужасающе бесчеловечных условиях при строительстве Беломорского канала[\[8\]](#).

Однако не следует думать, что жертвами сталинского террора были исключительно славяне или что все убийцы были нерусскими.[\[9\]](#) Во время Великой чистки 1937-39 годов, указывает Штраус, Сталин казнил многих евреев, игравших видную роль в раннем советском режиме. В 1940 году Сталину удалось убить своего величайшего соперника Льва Троцкого (Бронштейна), который когда-то был второй по влиятельности фигурой в советском государстве. А когда Сталин назначил главой НКВД русского Николая Ежова, заменив им еврея Генриха Ягоду, тысячи последователей Ягоды и членов их семей, в основном евреев, были убиты или покончили с собой.

Пионеры российского ревизионизма

Одним из самых первых российских ревизионистов истории Второй мировой войны был Петр Григоренко, генерал-майор Советской Армии и орденоносный ветеран войны, преподававший в Военной академии имени Фрунзе. Уже в начале 1960-х годов, в эпоху Хрущева, он был "диссидентом", публично поддерживая гражданские права угнетенных этнических меньшинств. (Власти поместили его в психиатрическую лечебницу). В 1967 году, рассказывает Штраус, он стал первым ведущим советским деятелем, выдвинувшим ставшие широко известными в 1980-х и 1990-х годах ревизионистские аргументы о подготовке Сталиным агрессивной войны против Германии. В статье, представленной в крупный советский журнал (но отклоненной, а позже опубликованной за рубежом), Григоренко указал, что советские вооруженные силы значительно превосходили немецкие в 1941 году. Непосредственно перед нападением Германии 22 июня 1941 года более половины советских войск находилось в районе около и западнее Белостока, то есть в глубине оккупированной Польшей территории. "Такое развертывание могло быть оправдано, - писал Григоренко, - только в том случае, если эти войска развертывались для внезапного наступления. В случае вражеской атаки эти войска были бы вскоре окружены"[\[10\]](#).

Самым известным российским историком, выдвигавшим ревизионистские аргументы о подготовке Сталиным первого удара по Германии, был Виктор Суворов (псевдоним Владимира Резуна). Штраус приводит его основные аргументы (которые подробно рассматривались на страницах этого журнала)[\[11\]](#).

Штраус рассматривает три значительных выступления Сталина (которые также рассматривались Суворовым, а также

на страницах этого *журнала*):[\[12\]](#) 1. В своем обращении от 19 августа 1939 года, незадолго до начала войны, Сталин объяснил, почему временный союз с Германией был более выгоден для советских интересов, чем союз с Великобританией и Францией. 2. В своей речи от 5 мая 1941 года Сталин объяснил офицерам-выпускникам военных академий, что предстоящая война будет вестись наступательными советскими войсками, и что, тем не менее, это будет справедливая война, поскольку она будет способствовать развитию мирового социализма. 3. В речи от 6 ноября 1941 года, примерно через четыре месяца после начала кампании "Барбаросса", Сталин подчеркнул важность убийства немцев. (Эта речь помогла "вдохновить" советского еврейского писателя Илью Эренбурга внести свой печально известный вклад в военные усилия в виде убийственной антинемецкой пропаганды).

Недавняя российская ревизионистская историография

Радикальный пересмотр истории Второй мировой войны, утверждает Штраус, стал возможен только после распада многонационального Советского Союза (1991 г.), когда около 14 миллионов ранее засекреченных документов, касающихся всех аспектов советского правления, были наконец открыты для свободного изучения. Наибольший вклад этой книги, возможно, заключается в том, чтобы привлечь внимание нерусских читателей к исследованиям российских ревизионистов. Штраус хорошо знаком с этой важной работой, которая практически полностью игнорировалась в Соединенных Штатах. Наиболее важными публикациями, на которые ссылается Штраус в этой связи, являются две российские антологии, обе выпущенные в 1995 году: "Вел ли Сталин подготовку к наступательной войне против Гитлера?" и "1 сентября 1939 года - 9 мая 1945 года: 50-летие разгрома фашистской Германии." [13] Первая из них содержит статьи как ученых-ревизионистов, так и критиков ревизионизма. (Спор российских историков", о котором говорится в подзаголовке книги Штрауса, повторяет "спор немецких историков" 1980-х годов, в котором Эрнст Нольте сыграл важную роль).

Как отмечает Штраус, самым выдающимся критиком ревизионистских взглядов Суворова и других был израильский историк Габриэль Городецкий, преподающий в Тель-Авивском университете. (Штраус предполагает, что он является давним апологетом Сталина). Городецкий является автором русскоязычной антисуворовской работы 1995 года "Миф о "ледоколе"" и подробного исследования 1999 года "*Великая иллюзия: Сталин и немецкое вторжение в Россию*".

В своем обсуждении темы "Проводил ли Сталин подготовку к наступательной войне против Гитлера" Штраус пишет (стр. 42-44):

Несмотря на то, что в этой книге высказываются как ревизионисты, так и критики ревизионизма, конечный результат один и тот же. Антифашистские попытки оправдать и узаконить военную политику Сталина, начиная с 1939 года, не выдерживают критики. Мнение, что Вторая мировая война была "преступлением, приписываемым исключительно национал-социалистической Германии", больше не может быть поддержано. Историческая правда, которую видят российские ревизионисты, документально подтверждена в этом сборнике статей, опубликованных Бордюговым и Невежиным, а также известным военным историком Михаилом Мелитюховым, научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института документации и архивного дела.

Этот последний сборник трудов российских ревизионистов углубляет наше понимание подготовки Сталина к первому военному удару по Германии летом 1941 года. План стратегического развертывания, утвержденный Сталиным на совещании 15 мая 1941 года с начальником Генерального штаба Георгием Жуковым и наркомом обороны Семеном Тимошенко, предусматривал блицкриг:

Танковые дивизии и механизированные корпуса должны были начать наступление с Брестского и Львовского [Лембергского] эшелона в сопровождении разрушительных воздушных ударов. Целью было захватить Восточную Пруссию, Польшу, Силезию и [чешский] протекторат и тем самым отрезать Германию от Балкан и румынских нефтяных месторождений. Люблин, Варшава, Каттовице, Краков, Бреслау [Вроцлав] и Прага были целями для атаки.

Второй удар должен был быть направлен на Румынию с захватом Бухареста. Успешное достижение ближайших целей, а именно уничтожение массы немецкой армии к востоку от рек Висла, Нарев и Одер, было необходимой предпосылкой для выполнения главной цели - разгрома Германии в ходе быстрой кампании. Основные контингенты немецких вооруженных сил должны были быть окружены и уничтожены танковыми армиями в ходе смелых стремительных наступлений.

Три повторяющихся термина в мобилизационном плане от 15 мая подтверждают агрессивный характер сталинского плана. "Внезапный удар" (внызапный удар), "передовое развертывание" (передовое развертывание) и "наступательная война" (наступательная война). Из 303 [советских] дивизий, собранных на западном фронте, 172 были назначены в первую волну наступления. На все развертывание был отведен один месяц - период с 15 июня по 15 июля. Михаил Мелитюхов: "Исходя из этого, получается, что война против Германии должна была начаться в июле".

В этой антологии также уделяется большое внимание анализу речи Сталина от 5 мая 1941 года, произнесенной перед выпускниками советских военных академий. В этой речи Сталин обосновал изменение своей внешней политики в связи с принятым решением о нападении на Германию. С точки зрения коммунистов, даже советская агрессивная война является "справедливой войной", поскольку она служит расширению "территории социалистического мира" и "уничтожению капиталистического мира". Самым важным в этой речи 5 мая были усилия Сталина развеять "миф о непобедимом вермахте". Красная Армия была достаточно сильна, чтобы разбить любого врага, даже "кажущийся непобедимым вермахт".

Штраус перечисляет (стр. 102-105) основные выводы и заключения российских ревизионистов, взятые в основном из двух основных работ, процитированных выше:

- Сталин хотел всеобщей европейской войны на истощение, в которую СССР вмешался бы в наиболее целесообразный с политической и военной точки зрения момент. Главное намерение Сталина видно из его речи на Политбюро от 19 августа 1939 года.
- Чтобы разжечь это, Сталин использовал [августовский 1939 года] советско-германский пакт о ненападении, который: а) спровоцировал нападение Гитлера на Польшу и б) вызвал объявление войны [против Германии] Великобританией и Францией.
- В случае быстрого поражения Германии [от Великобритании и Франции], Сталин планировал "советизировать" Германию и установить там "коммунистическое правительство", но с опасностью, что победившие капиталистические державы никогда не допустят коммунистической Германии.
- В случае быстрого поражения Франции [от Германии] Сталин планировал "советизацию" Франции. "Коммунистическая революция казалась бы неизбежной, и мы могли бы воспользоваться этим в своих целях, поспешив на помощь Франции и сделав ее своим союзником. В результате этого все страны, находящиеся под "защитой" победившей Германии, стали бы нашими союзниками".
- С самого начала Сталин рассчитывал на войну с Германией и завоевание [советской] Германии. Для этого Сталин сосредоточил на западной границе СССР оперативные наступательные силы, которые в пять-

шесть раз превосходили вермахт по количеству танков, самолетов и артиллерии.

- Что касается агрессивной войны, то 15 мая 1941 года Главное политическое управление Красной Армии проинструктировало командующих войсками, что любая война, которую ведет СССР, будь то оборонительная или наступательная, будет носить характер "справедливой войны".
- Войсковые контингенты должны были быть доведены до полной численности во всех западных военных округах; аэродромы и базы снабжения для поддержки передовой стратегии должны были быть построены непосредственно за границей; ударная группировка в составе 60 дивизий должна была быть создана на Украине, а горные дивизии и парашютный корпус - для проведения штурмовых операций.
- 16-я, 19-я, 21-я, 22-я и 25-я советские армии были переброшены из внутренних районов на западную границу и развернуты на исходных позициях для запланированного наступления.
- В своей речи 5 мая 1941 года перед выпускниками академий Сталин заявил, что война с Германией неизбежна, и охарактеризовал ее как войну не только оборонительного, но и наступательного характера.
- Сталин намеревался напасть в июле 1941 года, хотя российские историки расходятся во мнениях относительно точной даты. Суворов называет 6 июля, [Валерий] Данилов [советский полковник в отставке] - 2 июля, а Мелитюхов пишет: "Красная Армия не могла осуществить нападение раньше 15 июля".

Прокламация Гитлера

В приложение к документам Штраус включил часть директивы Гитлера "Операция Барбаросса" от 18 декабря 1940 года. Здесь же приводится факсимиле объявления немецкой прессы от 22 июня 1941 года, в котором Гитлер излагает причины нападения Германии на Советский Союз:

Сегодня утром фюрер через рейхсминистра д-ра Геббельса выступил с обращением к немецкому народу, в котором объяснил, что после многомесячного молчания он наконец-то может открыто говорить с немецким народом об опасных махинациях еврейско-большевистских правителей в Советской России. После заключения осенью 1939 года договора о дружбе между Германией и Россией он надеялся на ослабление напряженности в отношениях с Россией. Однако эта надежда была разрушена вымогательскими требованиями Советской России в отношении Финляндии и стран Балтии, а также Румынии.

После победы в Польше западные державы отвергли предложение фюрера о взаимопонимании, поскольку надеялись, что Советская Россия нападет на Германию. С весны 1940 года советские войска в возрастающем количестве развертывались вдоль германской границы, так что с августа 1940 года мощные немецкие силы были скованы на Востоке, что делало невозможным любые крупные усилия Германии на Западе.

Во время своего визита в Берлин [в ноябре 1940 года] [советский министр иностранных дел] Молотов задал вопросы, касающиеся Румынии, Финляндии, Болгарии и Дарданелл, которые ясно показали, что Советская Россия намеревалась создать проблемы в Восточной Европе. Конечно, попытка большевистского переворота против [румынского] правительства Антонеску провалилась, но с

помощью англосаксонских держав [Великобритании и США] их путч в Югославии удался. Офицеры сербских ВВС перелетели в Россию и были немедленно включены в состав ее армии.

Этими махинациями Москва не просто нарушила так называемый договор о дружбе между Германией и Россией, она его предала. В своей прокламации фюрер подчеркнул, что дальнейшее молчание с его стороны было бы преступлением не только против Германии, но и против Европы. На границе сейчас стоят 160 русских дивизий,[\[14\]](#) которые неоднократно нарушали эту границу. 17-18 июня советские патрули были вынуждены вернуться через границу только после продолжительной перестрелки. Тем временем, для защиты Европы и защиты от дальнейших российских провокаций, против Советской России было собрано самое большое количество сил за всю историю. Немецкие войска стоят от Северного Ледовитого океана до Черного моря, союзничая на севере с финскими войсками и вдоль бессарабской границы с румынскими силами.

Фюрер завершил свою прокламацию следующими фразами: "Поэтому я решил еще раз передать судьбу и будущее германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Пусть Господь Бог особенно поможет нам в этой борьбе!".

Примириться с прошлым

Несмотря на то, что все больше независимых российских, немецких и других европейских историков поддерживают ревизионистские аргументы Суворова (и других), все еще кажется невозможным, особенно в Германии, переложить историческую ответственность с Гитлера на Сталина. В этой связи Штраус вспоминает (стр. 45-46) дискуссию, состоявшуюся в мае 1993 года в Исследовательском бюро военной истории во Фрайбурге с участием немецкого историка д-ра Иоахима Гофмана, многолетнего сотрудника Исследовательского бюро, и российского историка Виктора Суворова. Гофман рассказал о беседах на тему "превентивной войны", которые он вел с видными немцами, включая президента Рихарда фон Вайцеккера, влиятельную журналистку Марион Грефин Дёнхофф и политических деятелей Эгона Бэра и Генриха Графа фон Айнзиделя. В каждом случае ему говорили, что даже если Суворов прав, и нападение Гитлера действительно опередило нападение Сталина на несколько недель, это не должно быть признано публично, потому что это оправдает Гитлера. Это типично, говорит Гофманн, для аморального отношения, которое преобладает в Германии. В своем эгоизме, добавляет он, эти немцы не понимают, что они, по сути, требуют от русских принять пропагандистскую ложь сталинской эпохи.

Штраус противопоставляет совершенно разное отношение немцев и русских к истории XX века и роли исторического ревизионизма. В то время как немцы пропитаны национальным мазохистским комплексом вины за свое коллективное "злое" прошлое, который был привит во время послевоенной оккупации в рамках кампании "перевоспитания" союзников и с тех пор укреплялся в их СМИ и "их" политическими лидерами, русские гораздо более свободно и открыто относятся к своему коммунистическому прошлому, в

основном потому, что они не были оккупированы иностранными завоевателями, а их СМИ и система образования не попали под контроль чужаков.[\[15\]](#) Хотя убежденные коммунисты пытаются отстаивать историографию советской эпохи, большинство россиян хотят знать правду о своем прошлом. В конце концов, отмечает Штраус, каждая вторая российская семья пострадала от сталинской тирании. На данный момент в России нет ничего запретного, включая роль евреев в коммунистическом движении. (Для сравнения, немцам по закону запрещено говорить что-либо уничижительное о политической деятельности евреев в первой половине 20-го века).

Термин "геноцид" используется, в частности, для обозначения обращения с евреями Европы во время Второй мировой войны. Ни в коей мере не умаляя страданий невинных евреев, оказавшихся в водовороте этой войны, не следует забывать, что сталинский советский режим осуществил гораздо более безжалостный и широкомасштабный геноцид против русского и украинского народов. По оценкам, в Советском Союзе около 20 миллионов человек, подавляющее большинство из которых были славянами, погибли в результате советской политики, казненные или погибшие в тюрьмах ГУЛАГа, ставшие жертвами голода и т.д. Миллионы немцев также стали жертвами советского режима. Миллионы немцев также стали жертвами геноцида. По оценкам, около четырех миллионов немцев были убиты или погибли иным образом в период 1944-1948 годов, став жертвами навязанных союзниками "этнических чисток", голода, рабского труда в СССР и бесчеловечных лагерей для военнопленных, управляемых победившими союзниками[\[16\]](#).

Способствуя лучшему пониманию катастрофического германо-российского столкновения 1941-1945 годов, немецкие и российские ученые-ревизионисты способствуют примирению

между этими двумя народами. Штраус приводит недавние события, свидетельствующие об этом процессе. В Волгограде победители и побежденные объединились, чтобы воздвигнуть памятник, посвященный всем жертвам Сталинградской битвы. Надпись на нем, написанная на русском и немецком языках, гласит: "Этот памятник увековечивает страдания павших здесь солдат и мирных жителей. Мы просим, чтобы те, кто погиб здесь и в плену, покоились в вечном мире на русской земле". На окраине Санкт-Петербурга недавно было открыто кладбище немецких солдат и мемориал. Сегодня по всей России нередко русские женщины ухаживают за могилами немецких солдат. (Поскольку советское правительство сделало очень мало для того, чтобы помочь найти и обеспечить достойные захоронения для своих погибших на войне, немногие русские женщины имеют представление о том, где покоятся их собственные сыновья, братья и мужья).

В эпилоге книги Штраус описывает горячее возмущение и гнев россиян по поводу преступного капитализма, установившегося в их стране. Неравенство между богатыми нуворишами и массой российского рабочего класса сейчас больше, чем при советской власти. Многие российские ревизионисты видят внутреннее сходство и близость между капитализмом и коммунизмом. Учитывая, что многие бывшие советские чиновники по-прежнему занимают посты или иным образом обладают властью в "новой России", все легко видят, как легко представители старой советской элиты - номенклатуры - вновь появились в российском хищническом капитализме в качестве рэкетиров, гангстеров, спекулянтов деньгами, банковских мошенников, вымогателей и мафиози. На руинах советской системы, пишет Штраус, возникла новая диктатура бездуховности, коррупции, преступности, социального разделения, нищеты и отчаяния. Возмущение против

"реформистской" политики, проводимой Соединенными Штатами, широко распространено.

В этой связи Штраус ссылается на мнение испанского писателя Хуана Гойтисоло, который утверждает, что если эта социальная патология сохранится в России, то анализ Карла Маркса окажется верным, по крайней мере, частично. Хотя Маркс ошибался в отношении обещанных достоинств коммунизма, пишет Гойтисоло, события, похоже, подтверждают его критику капитализма, особенно безудержного монетаризма, который знает только одну ценность, а именно максимальную прибыль, невзирая на человеческие жертвы[17].

'Сильный и свободный'

Называют ли они себя "реформаторами" (вестернизаторами), коммунистами или националистами ("евразийцами"), русские сегодня, пишет Штраус, в подавляющем большинстве отвергают все формы интернационализма, будь то коммунистический или капиталистический. Они хотят видеть Россию сильной и свободной.

Для достижения этой цели многие обращаются к геополитике, которая основывается на теории евразийского "очага", разработанной британским географом XX века Хэлфордом Макиндером и продвигаемой в Германии Третьего рейха Карлом Хаусхофером. (Согласно этой теории, Россия обладает потенциалом великой мощи и процветания, поскольку является ядром огромного, богатого ресурсами евразийского очага). Сегодня в России ведущим выразителем этой точки зрения является Александр Дугин, чья книга "Основы геополитики: Геополитическое будущее России" оказала влияние как на старых коммунистов, так и на новых националистов в группе, которую иногда называют "национал-большевистским альянсом", и чьи приверженцы известны как "евразийцы". Дугин - близкий соратник Геннадия Зюганова, главы крупнейшей политической партии страны, Коммунистической партии Российской Федерации (которая, несмотря на свое название, в большей степени националистическая, чем марксистская). Сам Зюганов является автором недавно вышедшей книги "География победы: Основы российской геополитики".

Российский парламент, Дума, создал Комитет по геополитическим вопросам под председательством Алексея Митрофанова, члена Либерально-демократической партии Владимира Жириновского. (Жириновский предлагает сформировать ось Берлин-Москва-Токио, и его цитируют:

"Сегодня Соединенные Штаты Америки - главный враг нашей страны. Все наши действия и отношения с Америкой отныне должны осуществляться с учетом этого").

Пересмотр "идеального шторма" двадцатого века:

Российские и немецкие историки спорят о Барбароссе и его последствиях

Рецензии на книги Дэниела Майклза, 2001

- Великое заблуждение: Сталин и немецкое вторжение в Россию, автор Габриэль Городецкий. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 1999. 408 страниц.
- Самоубийство", Виктор Суворов. Москва: АСТ, 2000. 380 страниц. Иллюстрации.
- Упущенный шанс Сталина", Михаил Мельтюхов. Москва: Вече, 2000. 605 страниц. Иллюстрации, карты.
- Сталинская война на уничтожение, 1941-45 гг: Планирование, реализация и документация, Иоахим Гофманн. Кэпшоу, Ала.: Издательство диссертаций, 2001. 415 страниц. Иллюстрации.

Пересмотр истории решающей русско-германской кампании Второй мировой войны находится в процессе разработки, и нигде так, как в России и Германии. С тех пор как десять лет назад Виктор Суворов (Владимир Резун) растопил лед своей сенсационной книгой "Ледокол" (опубликованной на английском языке под названием "Ледокол" [рецензия в журнале "Историческое обозрение", (ноябрь-декабрь 1997 г.)]), российские историки пересматривают многочисленные мифы, легенды и фантазии, связанные с началом смертельной дуэли

между коммунизмом и национал-социализмом. Роль Иосифа Сталина, в частности, вызвала самые горячие споры.

В России в дебатах участвовали две основные группы. Первая утверждает, что Советский Союз не имел агрессивных планов против Германии или Европы и не был готов к войне, а вторая - что Сталин и Красная Армия действительно планировали внезапное нападение на Германию и Европу, но были опережены Гитлером.

Противоборствующие фракции

К первой группе принадлежали такие известные люди, как покойный маршал Георгий Жуков, журналист Лев Безыменский (также профессор Академии военных наук), генерал М.А. Гареев, В.А. Анфилов и Ю.А. Горьков. А. Горьков. Эта группа в целом также утверждает, что Сталин обезглавил Красную Армию, вычистив перед самой войной многих высокопоставленных офицеров; что он слишком доверял Гитлеру, ошибочно полагая, что фюрер никогда бы не стал сознательно начинать войну на два фронта; и что Сталин был причиной провала коммунизма. Эти взгляды разделяют многие, независимо от политических пристрастий.

Израильтянин Габриэль Городецкий, о котором много говорят в англоязычном мире, также вписывается в эту компанию. Городецкий - коллега Льва Безыменского, как и покойный генерал Дмитрий Волкогон. Городецкий, утверждает Суворов, получил беспрецедентный доступ к избранным архивам российского МИДа, Генштаба, НКВД, ГРУ и другим архивам, обычно закрытым для исследователей, прежде всего ревизионистов, которые могли бы заглянуть слишком глубоко. По этой причине Суворов подозревает Городецкого в том, что он является проводником информации, которую российское правительство предпочитает распространять.

Ко второй группе относятся такие военные историки, как Виктор Суворов, Михаил Мельтюхов, В. А. Невежин, В. Д. Данилов, Александр Солженицын, а также некоторые немцы (Иоахим Гофман, Вольфганг Штраус, Фриц Беккер) и австрийцы (Хайнц Магенхаймер, Эрнст Топич). (См. рецензию на книгу Топича "Война Сталина" в JHR, [лето 1988]). Они утверждают, что Сталин не доверял никому, и в первую очередь Гитлеру; что Сталин вместе с маршалом Жуковым разработал свой собственный план внезапного наступления на

Германию с конечной целью установления коммунизма в Европе; и что именно СССР, а не Германия, был лучше подготовлен к войне. Суворов также утверждает, что сталинские чистки фактически улучшили Красную Армию, избавив ее от тяжеловесных политических комиссаров, большинство из которых были троцкистскими головорезами, презираемыми народом. Как известно, многие последователи Троцкого были его соотечественниками-евреями, часто родившимися за границей, а не в России.

Американские историки Ричард Раак и Р. Х. С. Столфи (см. обзор в JHR [Nov.-Dec. 1995]) присоединились к дискуссии, придав ей всемирное измерение. В частности, профессор Раак подкрепил аргументы суворовской группы, написав, что "фактически дискуссия стала международной... джинн истины выпущен из бутылки".

Первая группа обвиняется в укрывательстве сталинистских апологетов старого советского истеблишмента, вторая - в стремлении оправдать вторжение гитлеровской Германии. Полемика в стороне, историографические корни разделения проявляются в опоре первой группы на советскую политическую литературу для обоснования своих аргументов, в отличие от опоры второй группы на исторический анализ, основанный на военной науке, изучении и сравнении развертывания войск, систем вооружения и так далее.

За последние несколько лет появилось несколько крупных книг от представителей обеих сторон спора. Городецкий, которого в его исследованиях поддерживают многие бывшие советские евреи, проживающие сейчас в Израиле, недавно опубликовал книгу "Великое заблуждение". Широко распространенная на Западе, она получила признание большинства англо-американских рецензентов. Неудержимый Суворов, проживающий в Англии, опубликовал свою четвертую

большую книгу о войне под названием "Самоубийство", посвященную событиям, непосредственно предшествовавшим началу военных действий, а Мельтюхов, в настоящее время работающий во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела, только что опубликовал "Упущенный шанс Сталина". К сожалению, за исключением "Ледокола", ни одна из работ Суворова и Мельтюхова в настоящее время не доступна на английском языке, и они лишь изредка рецензировались или оценивались в англоязычном мире. Наконец, теперь англоязычным читателям стал доступен отличный перевод книги "Война Сталина на уничтожение", выполненный Иоахимом Гофманом, историком из Военно-исторического исследовательского бюро Германии (MGFA). Эта книга выдержала несколько изданий в Германии и широко читается там.

Работы Суворова пользуются наибольшим сбытом и тиражом среди серьезной русской литературы о войне. Поначалу его оппоненты (почти все профессиональные историки) старались не замечать его. Позже, вынужденные признать его работу, они пытались отвергнуть его тезисы как плод фантазии фантаста, не имевшего никакого доступа к официальным документам. Тем не менее, работая исключительно с советской открытой литературой о войне, Суворов вывел советский план вторжения в Германию, предсказывая, что со временем будут найдены официальные документы, подтверждающие его выводы. После распада Советского Союза такие документы стали появляться все чаще, и в последние годы Суворов нашел идеального партнера в лице Мельтюхова, который, обладая опытом работы в области документации и архивного дела и облегченным доступом к архивам советского периода, предоставил документацию для тезисов Суворова.

План нападения

План Жукова от 15 мая 1941 года, кратко обсуждавшийся на этих страницах в прошлом году (см. JHR [Nov.-Dec. 2000]), продолжает оставаться в центре анализа и дискуссий. Недавно, в пятьдесят девятую годовщину нападения Германии, Владимир Сергеев описал и опубликовал выдержки из документа Жукова, который был обнаружен в Архиве Президента Российской Федерации несколько лет назад. Для полной безопасности оригинал двенадцатистраничного текста был написан от руки генерал-майором, впоследствии маршалом, А. М. Василевским и адресован председателю Совнаркома СССР Иосифу Сталину. Документ с грифом "Совершенно секретно! Огромной важности! Только для глаз Сталина! Только один экземпляр!", был завизирован и утвержден народным министром обороны С.К. Тимошенко и Жуковым, в то время начальником Генерального штаба Красной Армии.

Ключевой фрагмент плана войны, ранее не приводившийся на этих страницах, гласит:

В целях предотвращения внезапного нападения Германии и уничтожения немецкой армии я считаю необходимым, чтобы ни при каких обстоятельствах инициатива свободы действий не была предоставлена немецкому верховному командованию[. Я считаю необходимым] упредить развертывание противника, атаковать немецкую армию, когда она еще находится в стадии развертывания и еще не успела организовать свой фронт и взаимодействие между своими обслуживающими армиями.[Слово "упредить" в оригинале документа подчеркнуто дважды. -- Д. М.].

Таким образом, Жуков предложил Сталину именно то, что немецкая армия сделает с его войсками месяц спустя.

Суворовская школа и некоторые немецкие военные аналитики предполагают, что неспособность Сталина атаковать перед немецким наступлением 22 июня 1941 года, вероятно, была связана с тем, что его собственные силы еще не были полностью развернуты для наступления. Сергеев, с другой стороны, предполагает, что план наступления, подготовленный Жуковым, был ошибочным.

После возвращения из успешной операции блицкрига, которую он организовал в битве на Халкин-Голе в Монголии (август 1939 года), маршал Жуков был назначен командующим Киевским особым военным округом, где он командовал советскими Юго-Западным и Западным фронтами. Согласно его плану от 15 мая 1941 года, перед этими фронтами стояла задача уничтожить стоящие перед ними части вермахта, а затем продвинуться на юго-запад через Польшу к границе Германии. Эта операция должна была отрезать немецкие войска от балканского театра военных действий и от их румынских и венгерских союзников, включая жизненно важные нефтяные месторождения.

Жуков не знал, что основное развертывание немецких войск происходило не на советском левом фланге, а в группе армий "Центр", расположенной дальше к северу. Таким образом, если бы советские войска наступали в направлении Краков-Люблин, как это предусматривал план Жукова, группа армий "Центр" могла бы легко прорвать открытый правый (северный) фланг советского удара, сорвать советское наступление, а затем продвинуться вдоль линии Минск-Смоленск к Москве. В этом случае Красная Армия оказалась бы в еще худшей ситуации, чем после начала фактического немецкого наступления 22 июня. Жуков признавался впоследствии военному историку В. А. Анфилову: "В ретроспективе хорошо, что он [Сталин] не согласился с нами. Иначе наши войска могли бы потерпеть катастрофу".

Цели Сталина

В более подробном исследовании документа от 15 мая Л. А. Безыменский отмечает, что план имел еще более амбициозные цели. После завершения первого этапа наступления советские войска должны были повернуть на север и северо-запад, чтобы уничтожить северное крыло германского фронта и тем самым оккупировать Восточную Пруссию и всю Польшу. Тем временем, на севере, Красная Армия должна была снова вторгнуться в Финляндию. По мнению Безыменского, на смелый план наступления Жукова, скорее всего, повлияла речь Сталина, произнесенная 5 мая перед выпускниками советской военной академии, в которой советский лидер подчеркнул превосходство наступательного планирования над оборонительным.

Мобилизация и развертывание советских войск в период январь-июнь 1941 года проходили в три этапа:

- первый этап, январь-март, призыв около миллиона резервистов, промышленность приказала увеличить производство танков Т-34 и КВ, войска первого эшелона доведены до штатной численности;
- второй этап, апрель-июнь, войска второго эшелона выдвинулись к западной границе, дальневосточные войска двинулись на запад;
- третий этап, с 1 по 22 июня, Сталин соглашается на открытую мобилизацию и выдвижение армий второго эшелона на фронт. Все эти операции должны были проводиться в тайне, без предупреждения противника. После мобилизации и вывода на позиции советские войска должны были начать внезапное, решительное наступление против Германии и ее союзников.

Согласно Мельтюхову, соотношение сил на фронте от Остролека (Польша) до Карпат на момент запланированного Жуковым наступления было таким, как показано в таблице ниже.

	<u>Красная армия</u>	<u>Вермахт</u>	<u>Соотношение</u>
Подразделения	128	55	2.3:1
Численность войск	3,400,000	1,400,000	2.1:1
Полевые орудия	38,500	16,300	2.4:1
Резервуары	7,500	900	8.7:1
Самолет	6,200	1,400	4.4:1

Нападение должно было начаться в типичной манере блицкрига - без предупреждения, с воздушных налетов на вражеские аэродромы и тяжелой артиллерийской бомбардировки передовых сил противника. Таким образом, СССР имел бы явное преимущество в превосходстве сил и преимущества первого удара. Почему Сталин не отдал приказ о нападении, неизвестно.

В книге "Упущенная возможность Сталина" Мельтюхов на основе тщательной документации доказывает, что в 1938-40 годах Советский Союз осуществил массивное наращивание военной мощи, что сделало его сверхдержавой того времени, намного превосходящей мощь любого врага. Мельтюхов представляет сравнительную силу основных воюющих сторон на август 1939 года, накануне вторжения Германии в Польшу, как показано в таблице выше.

Учет сталинской задержки

Мельтюхов не жалеет слов о намерениях Сталина: "Содержание советских оперативных планов, идеологических установок и военной пропаганды в сочетании с информацией о непосредственной военной подготовке Красной Армии к наступлению однозначно свидетельствуют о намерении советского правительства напасть на Германию летом 1941 года". Он приходит к выводу, что сначала начальный удар по Германии (операция "Гроза") был запланирован на 12 июня 1941 года, но позже Кремль по роковой случайности перенес дату на 15 июля. По словам Мельтюхова: "К сожалению, то, что мы знаем сегодня, в 1941 году было тайной. Советское руководство допустило роковой просчет, не нанеся удар первым".

Мельтюхов предполагает, что Сталин отложил дату нападения, узнав 12 мая о полете Рудольфа Гесса в Шотландию. Сталин опасался, что в случае успеха мирной миссии Гесса и выхода англичан из войны Красная Армия останется одна против немцев. Когда стало ясно, что миссия Гесса провалилась, Сталин назначил 15 июля датой проведения операции "Гроза" - через 23 дня после того, как Гитлер начал операцию "Барбаросса". Если бы Красная Армия атаковала в первоначально назначенный срок, считает Мельтюхов, она бы добилась успеха.

Хотя советская разведка была проинформирована о точной дате нападения Германии своим агентом Рихардом Зорге в Японии и своими источниками "Корсиканец" и "Старшина" в Берлине, Сталина это не убедило. Более того, премьер-министр Черчилль и президент Рузвельт также предупреждали Сталина, но безрезультатно: Сталин знал, что Великобритания отчаянно нуждалась в участии СССР в войне против Германии ради своей собственной выгоды. Не сумев нанести первый удар, как

планировалось, СССР потерял 800 000 человек (Германия - 80 000), 4000 самолетов (Германия - 850), 21 500 полевых орудий и 11 800 танков (Германия - 400) в течение первых двух с половиной недель войны. К концу 1941 года Советский Союз потерял три миллиона военнослужащих Красной Армии.

Мельтюхов отвергает термин "превентивная война". Для настоящей превентивной войны необходимо, чтобы нападающий точно знал, что его противник собирается вторгнуться. Мельтюхов утверждает, что, хотя каждая сторона знала о наращивании и развертывании сил другой стороны, ни немцы, ни русские не знали с уверенностью, что другая сторона собирается напасть. Сталин, руководствуясь определенной логикой, полагал, что Гитлер никогда не откроет второй фронт, пока Великобритания все еще находится в войне, но немецкий лидер решил не ждать, пока Красная Армия начнет наступление: он развязал свой собственный блицкриг.

Ситуация больше всего напоминает двух кошек, сидящих на заборе и ожидающих, кто из них спрыгнет первым. За день до нападения Гитлер в письме к Муссолини дал понять, как он настроен: "Даже если я буду вынужден потерять 60-70 дивизий в России к концу года, это все равно будет лишь малая часть тех сил, которые я должен буду постоянно держать на восточной границе в нынешних условиях". В итоге Германия потерпела поражение, утверждает Мельтюхов, просто потому, что у нее не было ни ресурсов, ни резервов, необходимых для успешного завершения длительной войны.

Самоубийственное вторжение?

Всегда противоречивый, иконоборческий Суворов посвящает свою новую книгу своим противникам. Он пишет: "Нельзя посвящать книгу с таким названием [Ледокол, или "Самоубийство"] друзьям, поэтому я посвящаю ее своим врагам". Враг советского режима, перебежавший в Англию, Суворов был заочно судим и приговорен к смерти. Хотя противников у него легион, включая многих в постсоветском и англо-американском истеблишментах, в сегодняшней России он является самым популярным писателем по истории Второй мировой войны.

Суворов присоединяется к Мельтюхову в убеждении, что если какая-либо сторона и была не готова к последовавшей войне, то это были немцы. 22 июня 1941 года, когда Германия начала свое отчаянное наступление, у Сталина было около 13 000 самолетов против 2 500 у Гитлера. Более того, Красная Армия имела еще большее преимущество в количестве и качестве танков (24 000:3 700).

В "Самоубийстве" Суворов анализирует вторичные источники на немецком языке, как и в своих книгах о военных планах России, и приходит к выводу, что Гитлер проиграл войну еще до первого выстрела. По мнению Суворова, Гитлер и нацистское руководство проявили безответственность, начав войну против гораздо более крупного, лучше подготовленного и лучше вооруженного Советского Союза в абсурдной уверенности, что СССР можно разгромить за 90 дней - июль-август-сентябрь. Гитлер и немецкое верховное командование непростительно недооценили мощь советских вооруженных сил, которые Сталин наращивал с середины 1920-х годов. Германия, конечно, не начинала перевооружение до середины 1930-х годов и отложила мобилизацию для тотальной войны примерно до 1943 года.

Сталин и его советники знали, что вермахту не хватало всего необходимого для ведения затяжной войны в условиях экстремального холода. Через свои разведывательные службы и агентов Советы узнали, что: немецкие танки уступали их собственным как по количеству, так и по качеству; Германии остро не хватало нефти; Германия не производила морозостойких смазочных материалов; немецкие войска не были обеспечены зимней одеждой; Германия зависела в своих военных усилиях от импорта многих сырьевых материалов и многое другое.

Раздраженный недальновидным, поверхностным немецким планом победы за три месяца, Суворов задает несколько риторических вопросов: Думал ли Гитлер, что в России за октябрём последует май? Неужели его ничему не научила наполеоновская кампания? Неужели он не знал, что, даже если бы он дошел до Москвы, Россия продолжала бы войну с Урала в глубине страны, далеко за пределами досягаемости немецких дальних бомбардировщиков?

К концу четвертого месяца "Барбароссы" немецкая экономика уже стонала. Фриц Тодт, начальник производства вооружений, посоветовал Гитлеру заключить перемирие. Крупномасштабные немецкие танковые операции пришлось свернуть из-за нехватки топлива. Немецкие панцерные части с их ограниченным количеством танков часто были вынуждены преодолевать большие расстояния для устранения непредвиденных обстоятельств, тем самым еще больше истощая запасы топлива. (Крупномасштабные операции блицкрига, обеспечивающие максимально возможное окружение и захват пленных, требуют, чтобы танки, выдвигающиеся из одного клешня, шли с минимальными отклонениями, чтобы встретить те, что выходят из другого клешня, тем самым замыкая окружение).

За пределами пропаганды

Список злодеев у Суворова действительно длинный. Гитлер, Геббельс и покорные немецкие генералы осуждаются за безрассудство. Но в основном яд Суворова направлен на коммунистический и посткоммунистический истеблишмент, чьи представители продолжают твердить линию партии. Он высмеивает и издевается над тем, что считает ложью, заблуждениями, мифами и ошибками о германо-русской войне, придуманными и распространяемыми различными советскими и постсоветскими "научными институтами", включая Институт марксизма-ленинизма и Институт военной истории, научные сотрудники которых пытались отвергнуть выводы Суворова как "ненаучные".

Суворов отвергает типичные официальные советские источники о войне как спекулятивную пропаганду, лишенную достоверных фактов и цифр. Суворов утверждает, что основная идея оригинальной шеститомной "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-45 годов" заключается в том, что Никита Хрущев (под чьим руководством была составлена эта работа) единолично выиграл войну. Далее Суворов отмечает, что когда при Леониде Брежневе было написано двенадцатитомное переработанное издание этой официальной истории, в него внесли изменения, чтобы показать, что именно Брежнев победил в Великой Отечественной войне.

Суворов выделяет мемуары маршала Жукова для особой критики. Он опасается, что они, вероятно, были написаны Главпуrom (Главным политическим управлением Красной Армии). Так, "Жуков" пишет, что 22 июня 1941 года немцы имели преимущество 5-6:1 над советскими войсками в полевых орудиях, танках и самолетах, тогда как на самом деле соотношение было в пользу России.

Суворов считает, что Сталин превосходил Гитлера по уму, рациональности, эмоциональной устойчивости, международной политике, жестокости и кровопролитию. Сталин был гораздо лучше информирован о возможностях Германии, чем Гитлер о возможностях России. Суворов вводит русскую поговорку, чтобы унизить попытку Гитлера перехитрить Сталина: "Никогда не пытайся обмануть хитреца". Единственная причина первоначального успеха Гитлера, по мнению Суворова, заключается в том, что Барбаросса была совершенно иррациональным решением, которое тщательно логичный Сталин не мог предвидеть. По мнению этого рецензента, именно поэтому Гитлер пошел на авантюру. Русский нативизм Суворова сияет, когда он пишет: "Только дурак может думать о поражении России! Только полный идиот мог думать о том, чтобы победить ее в трехмесячной кампании!".

Как бы блестяще Суворов ни разоблачал историческую ложь коррумпированных коммунистических и посткоммунистических режимов, даже симпатизирующие ему читатели должны согласиться с ним по некоторым пунктам. Как и в случае с открытием Трои Генрихом Шлиманом, выводы Суворова могут не удовлетворить более профессиональных историков во всех деталях, а некоторые из них будут подвергнуты пересмотру.

Переоценка Сталина

Иногда Суворов противоречит сам себе. Например, он утверждает, что когда Гитлер повернул свои войска на юг к Киеву до взятия Москвы, он практически проиграл войну. Но в других местах Суворов признает, что в войне лучшей стратегией является разгром вооруженных сил противника, а не захват престижных городов. На самом деле немецкие войска повернули на юг не столько для того, чтобы взять Киев, сколько для того, чтобы уничтожить еще одну советскую армию. Немецкие генералы, которые, в конце концов, имели некоторый опыт ведения войны, конечно, прекрасно понимали бессмысленность захвата крупных городов только ради трофеев. Когда вооруженные силы противника будут уничтожены, его города падут сами по себе.

Только в случае со Сталинградом немецкие захватчики направили все свои силы и энергию на взятие города - с катастрофическими результатами. Предыдущей зимой, после неудачи со взятием Москвы, разум возобладал, и немцы отступили на более защищенную линию, где они смогли перегруппироваться и укрепить свои армии. Без помощи финнов немецкие силы были недостаточны для взятия Ленинграда, поэтому они обошли город. Но Гитлер запретил отступить из Сталинграда. Его захват был направлен, в частности, на блокирование поставок нефти по Волге на север в Советский Союз. Вермахт был не менее заинтересован в подпитке собственной военной машины: он обеспечил безопасность Крыма, чтобы защитить свои основные источники нефти в Румынии и Венгрии от советских воздушных атак с этого полуострова.

Чрезмерное уважение Суворова к сталинскому руководству и столь же чрезмерная критика гитлеровского руководства игнорируют тот факт, что Германия едва не разгромила

Красную Армию. Если бы Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и другие союзники не поддержали Сталина оружием, грузовиками, провизией и другими предметами первой необходимости, исход войны мог бы быть совершенно иным. Следует также напомнить, что на протяжении большей части длительного русско-германского конфликта Германия была вынуждена направлять 20-30% своих военных усилий на Западный фронт.

Главное утверждение Суворова о том, что Сталин готовил Гитлера к выполнению грязной работы в Европе, несостоятельно. В нем слишком много заслуг советского диктатора. Германия никогда не хотела войны на Западе, тем более против Великобритании. Правда, немцы подозревали Францию - особенно при правительстве народного фронта Леона Блюма - в дальнейших злодеяниях.

Следует напомнить, что злополучное нападение Германии на Советский Союз последовало за несколькими последовательными попытками ее окружения врагами. В 1930-х годах британской и французской дипломатии удалось окружить ее враждебными странами. Затем последовали попытки скандинавского и балканского окружения, и, наконец, окружения США, Великобритании и СССР. Когда силы и советских, и западных войск возросли, Германия решилась на отчаянную авантюру - разорвать кольцо, а не ждать, пока Красная Армия воспользуется наиболее подходящим моментом для нападения. Правда, эта авантюра провалилась. Однако сегодняшняя Германия - это процветающая страна, гораздо меньшая, чем хотелось бы, а остаток сталинского СССР, лишенный царской империи, представляет собой не более чем разросшуюся экономическую корзину.

Суворов преувеличивает "гениальность" Сталина. Хотя верно, что он создал полицейское государство и довел Красную

Армию до статуса сверхдержавы, его вооруженные силы потерпели катастрофическое поражение в тот момент, когда они были больше всего нужны - в июне 1941 года. Верно и то, что Сталин доминировал над Черчиллем и Рузвельтом, прежде всего, на нескольких конференциях, определявших послевоенные договоренности между "большой тройкой", но западные лидеры сами поставили себя в роль поданных, которым Красная Армия была нужна для сдерживания и уничтожения Германии.

При всем том Суворов внес большой вклад в исправление истории Второй мировой войны, раз и навсегда развеяв миф о миролюбивом Советском Союзе, придуманный коммунистическими пропагандистами и распространяемый на Западе их двойниками и единомышленниками.

Доверяя Сталину

Согласно версии Городецкого, СССР планировал только контрнаступления для защиты Родины, а его лидер, Сталин, был слишком доверчив к Адольфу Гитлеру. Городецкий полностью игнорирует наращивание военной мощи Советского Союза с 1930-х годов до начала военных действий в 1941 году. Десятки тысяч современных танков и самолетов, подготовка сотен тысяч десантников, передовое развертывание аэродромов, складов и ударных частей накануне нападения в июне 1941 года - все это убедительные доказательства реальных намерений Сталина.

Израильский исследователь почти полностью ограничился изучением заявлений из официальных советских источников. По большей части он игнорирует военных аналитиков (будь то российские, немецкие или американские), которые лучше него могут оценить военные возможности и разработки. Эти исследователи все чаще соглашаются с Суворовым.

Городецкий пользуется поддержкой старого советского истеблишмента, в то время как Суворов в последние годы приобрел много постсоветских приверженцев. Если Городецкого читают в основном в Англии и США, бывших союзниках сталинской России, то Суворова широко читают в России и Германии, народы которых на собственном опыте испытали сталинскую и гитлеровскую войны.

Нет места для рыцарства

В книге "Сталинская война на уничтожение" Иоахим Гофманн исследует как глубинные причины, так и безжалостное ведение войны как русскими, так и немцами, применяя всесторонне увлекательный, систематический подход, непревзойденный в отношении всесторонности, объективности и документальности. Гофманн широко использовал допросы советских военнопленных в звании от генерала до рядового, которые проводились их немецкими пленниками во время войны. Эти интервью в сочетании с традиционным использованием открытой, несекретной литературы и недавно рассекреченных материалов неопровержимо развеивают миф о миролюбивом Советском Союзе, возглавляемом доверчивым и спокойным Иосифом Сталиным. Исследование Гофмана убедительно подтверждает, что Советский Союз вел последние приготовления к собственному упреждающему нападению, когда вермахт нанес удар.

Помимо допросов военнопленных, Гофман ссылается на таких военных авторитетов, как Дмитрий Волкогонов, утверждающий, что Сталину нужно было еще несколько недель, чтобы привести свои войска в полную боевую готовность; советский военный аналитик полковник Данилов, соглашающийся с тем, что "вождю" нужно было еще немного времени; и полковник Карпов, который писал:

"В ранней серости майского или июньского утра тысячи наших самолетов и десятки тысяч наших орудий нанесли бы удар по плотно сконцентрированным немецким силам, позиции которых были известны вплоть до уровня батальона - сюрприз еще более немыслимый, чем немецкая атака на нас".

Гофман утверждает, что война между этими двумя взаимно враждебными, идеологически мотивированными нациями была неизбежна: вопрос заключался лишь в том, какая из сторон начнет боевые действия. Он напоминает нам, что Первая мировая война привела коммунизм к власти на одной шестой части земной поверхности, которая принадлежала Российской империи. Вторая мировая война, проповедовал Ленин, продвинет коммунизм по всей Европе. Сталин, верный ученик Ленина в распространении коммунизма, с самого начала своего правления стремился увеличить военную мощь СССР с этой целью. К 1941 году самолеты, танки и полевая артиллерия Красной Армии превосходили немецкие в каждой категории по меньшей мере в шесть раз к одному. В том же году парашютно-десантные войска и подводные лодки СССР, исключительно наступательные силы, превосходили все остальные страны мира вместе взятые.

Основными принципами советской военной доктрины весной 1941 года были: 1) Красная Армия - наступательная армия; 2) война всегда должна вестись на вражеской территории, с минимальными потерями среди личного состава и полным уничтожением противника; 3) рабочий класс в стране противника является потенциальным союзником и должен быть поощрен к восстанию против своих хозяев; 4) подготовка к войне должна служить обеспечению наступательных возможностей.

Гофманн утверждает, что Сталин был настолько уверен в советском военном превосходстве, что сомневался в том, что Германия когда-либо будет настолько глупа, чтобы напасть, особенно до тех пор, пока Великобритания остается в войне. Ошеломленный немецкими успехами в начале "Барбароссы", советский диктатор понял, что недооценил шансы Германии победить Красную армию. Суворов описал вероятное душевное состояние Сталина как сравнимое с состоянием конструктора

"Титаника" после того, как он узнал, что тот затонул. Тем не менее, поклявшись отомстить, все еще уверенный в окончательной победе, Сталин потребовал полного уничтожения немецких захватчиков. 6 ноября 1941 года он заявил:

"Ну что ж, если немцы хотят истребительной войны, они ее получат. Отныне наша задача, задача народов Советского Союза, задача наших бойцов, командиров, политработников нашей армии и флота - истребить до последнего человека всех немцев, вторгшихся на Родину в качестве оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!"

Гитлер, со своей стороны, недооценив военную мощь Советского Союза, привел свою страну к катастрофическому поражению. Геббельс в своем дневнике предположил, что если бы Гитлер знал реальную силу Красной Армии, он, возможно, хотя бы приостановился бы перед тем, как пойти на роковую авантюру. И все же, каким бы катастрофическим для немецкой нации ни оказалось в итоге нападение стран Оси, Гофман считает, что всю Европу постигла бы столь же мрачная участь, если бы Красной Армии удалось нанести удар первой.

Это столкновение насмерть между двумя идеологически мотивированными государствами, отмечает Гофман, не оставило места ни для рыцарства, ни для строгого соблюдения международных конвенций по ведению сухопутной войны. Сталин настаивал на том, чтобы советские солдаты не сдавались в плен, и использовал максимальный террор, чтобы не допустить этого. Советские военнопленные считались дезертирами, а любой советский солдат, сдавшийся в плен, должен был быть убит при попадании в советские руки. (В конце войны немецких солдат, отказавшихся воевать, расстреливали и вешали на фонарных столбах на всеобщее

обозрение). На протяжении всей Великой Отечественной войны, как ее окрестили Советы, "советский патриотизм" и "массовый героизм" в значительной степени зависели от терроризма. Как пишет Гофман, руководитель политической пропаганды Красной Армии, нарком Лев Сахарович Мехлис, был уполномочен Сталиным использовать все средства террора, чтобы удержать Красную Армию в бою. Это Мехлис делал с удовольствием. Вследствие деятельности этого и других комиссаров, сталинский террор против собственного народа (солдат и гражданских лиц) во время войны составил значительный процент от примерно двадцати пяти миллионов советских погибших во время войны. (См. также эссе Уолтера Саннинга о советских потерях "Советская война на выжженной земле" в JHR [весна 1985]). Несмотря на это, к концу войны более пяти миллионов советских солдат сумели сдать захватчикам. Из тех, кто пережил войну, многие после репатриации в СССР имели повод пожалеть о том, что не сдались.

Безнаказанные преступления, агрессивные планы

С самого начала войны немецких солдат, которым не повезло попасть в плен, часто калечили и убивали. Когда советские войска вошли в Германию, мужчин и мальчиков убивали или забирали на принудительные работы; женщин часто насиловали, иногда убивали, а если они были достаточно сильными, то затаскивали на принудительные работы.

Хотя примерно к 1950 году Сталин решил уменьшить влияние евреев в коммунистической партии, во время войны евреи принимали самое активное участие в убийственных заданиях. Помимо Мехлиса, это Лазарь Каганович, ответственный за гибель миллионов людей; генерал Абакумов, возглавлявший НКВД/МВД (Министерство внутренних дел, или тайную полицию), и генералы Райхман и Черняховский, которые были особенно безжалостны. Гофман спешит добавить, что преступные действия отдельных евреев должны отражаться на еврейском народе в целом не больше, чем преступные действия отдельных нацистов на немецком народе. Тем не менее, нацисты, обвиненные в военных преступлениях, были и продолжают быть судимы и наказаны, в то время как, что любопытно, ни один суд, похоже, не заинтересован в привлечении к ответственности коммунистических преступников.

Тщательность и надежность работы Гофмана (которая включает приложение, содержащее ключевые оригинальные документы на польском, русском, английском и немецком языках) хорошо проиллюстрирована в его отношении к плану Жукова от 15 мая 1941 года. В то время как Сергеев и Безыменский, кажется, предполагают, что план был обнаружен совсем недавно, Гофман ясно дает понять, что план был давно известен и проанализирован. Полковник Валерий Данилов и доктор Хайнц Магенхаймер изучили этот план и другие

документы, свидетельствующие о советской подготовке к нападению, почти десять лет назад в австрийском военном журнале (*Österreichische Militärische Zeitschrift*, №№ 5 и 6, 1991; № 1, 1993; и № 1, 1994). Оба исследователя пришли к выводу, что план Жукова от 15 мая 1941 года отражает речь Сталина от 5 мая 1941 года (см. выше), возвестившую о рождении новой наступательной Красной Армии. Гофман воспроизводит оригинальный документ под названием "Краткая нотация речи товарища Сталина в Академии Красной Армии 5 мая 1941 года", которая заканчивается словами:

"Но теперь, когда мы перестроили нашу армию и обильно насытили ее технологиями ведения современной войны, когда мы стали сильными - теперь мы обязаны перейти от обороны к наступлению. Защищая свою страну, мы обязаны действовать в наступательном ключе. Перейти от обороны к военной политике наступательных действий. Мы должны перестроить нашу подготовку, нашу пропаганду, нашу агитацию, нашу прессу в духе наступления. Красная Армия - это современная армия, а современная армия - это армия нападения".

План Жукова от 15 мая 1941 года ясно показывает, что Красная Армия планировала нанести упреждающий удар по немецким войскам через границу. Далее Гофман отмечает, что несколько дней спустя, 20 мая 1941 года, Михаил Калинин, тогдашний председатель Президиума Верховного Совета и номинально глава государства, произнес речь, в которой сказал:

"Война - очень опасное дело, отягощенное горестями, но когда наступит время, когда можно будет расширить сферу коммунизма, войну не следует сбрасывать со счетов... и зона коммунизма должна быть расширена. Капиталистический мир может быть разрушен только

раскаленной докрасна сталью священной революционной войны."

Таким образом, Калинин решительно намекнул, что война, которую собирался вести СССР, была не превентивной войной, вынужденной Германией, а завоевательной войной для расширения коммунистической империи.

Идеальный шторм

Преобладание документов, обнаруженных за последнее десятилетие, включая дальнейший анализ плана Жукова от 15 мая 1941 года, проведенный членами суворовской школы, должно убедить беспристрастного читателя в том, что: Германия была ужасно не готова к длительной войне; что Советский Союз был не только вооружен до зубов, но и готов к войне в июле 1941 года; что Сталин был учеником Ленина в стремлении продвинуть коммунизм в остальную Европу, особенно в Германию; и что правительства Великобритании и Франции совершенно забыли о большей опасности, которую представлял для них коммунизм, когда они объявили войну Германии из-за ее пограничного спора с Польшей. Неспособность британского, французского и американского руководства понять, что Советский Союз представлял собой гораздо более смертельную угрозу даже в 1939 году, была ошибкой, на исправление которой ушло полвека, ценой бесчисленных миллионов жизней.

Гофман приходит к выводу, что война между двумя непримиримыми идеологиями была неизбежной и неотвратимой. Фанатичная приверженность Сталина коммунизму (классовая ненависть) и столь же фанатичная приверженность Гитлера расовым теориям (Гофман цитирует Дизраэли: "Расовый вопрос - ключ к мировой истории") привели их народы к катастрофе, не имеющей аналогов со времен Тридцатилетней войны. Гофман возлагает вину за чудовищные зверства, которые Красная Армия творила с немецким гражданским населением, на одержимых ненавистью военных пропагандистов, таких как Илья Эренбург в России, которые намеренно преувеличивали преступления Германии. Так, отмечает Гофман, Эренбург объявил о четырех миллионах погибших в Освенциме 4 января 1945 года, за несколько недель до захвата лагеря. Точно так же за несколько

месяцев до окончания войны Эренбург сообщил, что немцы убили шесть миллионов евреев. Более того, во многих случаях, включая печально известную резню польских пленных в Катынском лесу, красные пропагандисты бесстыдно пытались обвинить немецкую армию в преступлениях, совершенных советскими войсками.

Как и его коллега Вольфганг Штраус, Гофман выступает за примирение между народами Германии и России. Политика как сталинского коммунистического режима, так и гитлеровского национал-социалистического государства была отклонением от традиционной дружбы между двумя народами, которая преобладала при Бисмарке и до него. В этом духе Гофман особо отмечает докторов Хайнца Магенхаймера, Вернера Мазера, Эрнста Топича, Гюнтера Гиллессена, Альфреда М. де Зайаса, Виктора Суворова, а также Александра Моисеевича Некрича и Льва Копелева, двух бывших советских военных комиссаров еврейского происхождения, за их смелый вклад в ревизионистскую историю. (Гофманн не был менее смелым: он свидетельствовал в немецком суде о научном качестве антологии ревизионистов Холокоста Германа Рудольфа "Grundlagen zur Zeitgeschichte", позже опубликованной на английском языке под названием "Dissecting the Holocaust").

Экстремальные экономические и политические условия, в которых находилась большая часть первой половины двадцатого века, опустошили Германию и Россию. Бойня Первой мировой войны, триумф коммунизма в России, Версальский договор и Великая депрессия в совокупности привели к политической буре века - Второй мировой войне, так же как уникальные и непредвиденные метеорологические условия в октябре 1991 года - три слившихся урагана - привели к тому, что писатель Себастьян Юнгер назвал "идеальным штормом", разрушительным "норд-остом" в Северной Атлантике. В лице таких историков, как Суворов и Гофман,

историческая буря двадцатого века все чаще находит умелых и объективных летописцев.

Еврейская рука в мировых войнах, часть 1

Томас Далтон

В 2006 году опьяневший Мел Гибсон якобы сказал следующее: "Евреи ответственны за все войны в мире". Последовала предсказуемая буря антиантисемитизма, нападков *ad hominem* и различных других клевет в адрес персонажа Гибсона. Но практически никто не задал вопрос: Прав ли он? Или, скорее, следующее: В какой степени он может быть прав?

Понятно, что евреи не могут быть ответственны за *все* войны в мире, но, возможно, они приложили руку ко многим войнам - по крайней мере, среди тех стран, в которых они жили или взаимодействовали? Учитывая их неоспоримое влияние в тех странах, где они превышают даже долю процента населения, евреи должны быть в какой-то степени ответственны хотя бы за часть того, что делает правительство, как хорошее, так и плохое. Евреев часто восхваляют как блестящих менеджеров, экономистов и стратегов, и они удостоены, казалось бы, бесконечных наград и почестей. Но те, кто получает похвалу за свои успехи, должны получать и порицание за свои неудачи. А в жизни народов мало таких провалов, как война.

Чтобы начать оценивать обвинение Гибсона, я рассмотрю роль, которую евреи сыграли в двух главных войнах мировой истории, Первой и Второй мировых войнах. Но сначала мне необходимо кратко изложить некоторые исторические факты, чтобы лучше понять контекст политики и действий евреев во время этих катастрофических событий.

Исторический контекст

Играли ли евреи непропорционально большую роль в войне и социальных конфликтах - роль, как правило, не миротворцев и примирителей, а подстрекателей и спекулянтов? Давайте очень кратко рассмотрим некоторые исторические свидетельства, чтобы ответить на это обвинение; они дают представление о влиянии евреев во время обеих мировых войн.

Еще в Книге Бытия мы находим такие истории, как история Иосифа, сына Иакова, проданного в рабство в Египет. Иосиф завоевывает расположение фараона и возвышается до положения власти. Когда наступает голод, Иосиф разрабатывает и проводит жестокую политику эксплуатации, заставляя египетских крестьян продавать свою землю, животных и, в конечном итоге, самих себя в обмен на продовольствие. Сам Иосиф остается невредимым и доживает свои дни в "земле Гошен", живя в роскоши и легкости - очевидно, в благодарность за хорошо выполненную работу.[1](#)

Со временем евреи продолжали приобретать репутацию отъявленных негодяев и эксплуататоров. В 41 году нашей эры римский император Клавдий издал свой Третий эдикт, осудив евреев Александрии за злоупотребление привилегиями и сеяние раздоров; он обвинил их в "разжигании всеобщей чумы, которая заражает весь мир". Восемь лет спустя он изгнал их из Рима. В результате евреи подняли восстание в Иерусалиме в 66-70 годах, а затем в 115 и 132 годах. Об этом последнем восстании Кассий Дио сделал следующее замечание - первое четкое указание на то, что евреи стали причиной крупной войны:

Евреи повсюду проявляли признаки враждебности к римлянам, отчасти тайно, отчасти открыто... [Многие другие народы также присоединялись к ним из-за жажды наживы, и вся земля, можно сказать, была взбудоражена этим вопросом.[2](#)

Поэтому не без причины известные римляне осуждали евреев - среди них Сенека ("проклятый род"), Квинтилиан ("род, который является проклятием для других") и Тацит ("болезнь", "пагубное суеверие" и "самый низкий из народов").³ Выдающийся немецкий историк Теодор Моммзен подтвердил эту точку зрения, отметив, что евреи Рима действительно были агентами социальных потрясений и упадка: "Также в древнем мире иудаизм был эффективным ферментом космополитизма и национального разложения".⁴

На протяжении всего Средневековья и в эпоху Возрождения их негативная репутация сохранялась. Иоанн Златоуст, Фома Аквинский и Мартин Лютер осуждали еврейское ростовщичество - кредитную практику, часто основанную на бедах, и частую причину социальных волнений. В 1770-х годах барон д'Ольбах заявил, что "еврейский народ отличился только резней, несправедливыми войнами, жестокостями, узурпациями и подлостями". Он добавил, что они "постоянно жили среди бедствий, и больше, чем все другие народы, были объектом страшных революций".⁵ Вольтер был поражен опасностью, которую представляло для человечества племя иудеев: "Я нисколько не удивлюсь, если эти люди когда-нибудь не станут смертельно опасными для человеческой расы".⁶ Кант назвал их "нацией обманщиков", а Гегель заметил, что "единственное действие, которое Моисей приберег для израильтян, было... брать займы обманом и возвращать доверие воровством".⁷

Таким образом, и эмпирические данные, и мнения ученых говорят о том, что евреи на протяжении веков прикладывали руку к войнам, социальным раздорам и экономическим бедствиям и извлекали из этого выгоду.⁸ Будучи повсеместно малочисленным и формально бесправным меньшинством, поразительно, что они заслуживают даже упоминания в таких событиях - а если и заслуживают, то в качестве

эксплуатируемых, а не эксплуататоров. И все же они, похоже, продемонстрировали последовательную способность обращать социальные волнения в свою пользу. Поэтому небезосновательно утверждение, что они могли даже провоцировать такие волнения, предвидя, что они могут достичь желаемых целей.

Продвижение евреев в Америке и других странах

Длительная история участия евреев в социальных конфликтах имеет прямое отношение к обеим мировым войнам. Рассмотрим их прогрессивное влияние в американском правительстве. Начиная с середины 1800-х годов, мы видим ряд важных вех. В 1845 году первые евреи были избраны в обе палаты Конгресса: Льюис Левин (Па.) в Палату представителей и Дэвид Юли (Флорида) в Сенат. К 1887 году у них появился первый избранный губернатор - Вашингтон Бартлетт в Калифорнии. А в 1889 году Соломон Хирш стал первым еврейским министром, назначенным президентом Гаррисоном послом в Османскую империю, которая в то время контролировала Палестину.

За границей, в России евреям грозила беда. Банде анархистов, один или два из которых были евреями, удалось убить царя Александра II в 1881 году. Это положило начало длившейся несколько десятилетий серии периодических погромов, большинство из которых были незначительными, но некоторые унесли жизни нескольких сотен евреев. Дальнейшие трудности для них возникли после принятия так называемых "майских законов" 1882 года, которые наложили ограничения на деловую практику и места проживания евреев в пределах "Палеополя" в западной части Российской империи.⁹ Многие евреи бежали из Палеи; из тех, кто направлялся на запад, первой остановкой была Германия.¹⁰

Еще до 1880-х годов еврейское влияние в Германии было значительным. В 1840-х годах Бруно Бауэр и Карл Маркс написали влиятельные эссе о еврейском *вопросе* (*Die Judenfrage*). В 1850 году композитор Рихард Вагнер жаловался, что немцы оказались "в положении борцов за эмансипацию от евреев. Еврей на самом деле... более чем эмансипирован. Он правит...".¹¹ К 1878 году Вагнер заявил, что еврейский

контроль над немецкими газетами был почти полным. Годом позже Вильгельм Марр осудил "победу еврейства над Германией"; он считал самоочевидным, что "без единого удара... еврейство сегодня стало социально-политическим диктатором Германии".[12](#)

Факты подтверждают эти взгляды. А с притоком русских и польских евреев в конце 1800-х и начале 1900-х годов ситуация заметно ухудшилась. Сара Гордон (1984: 10-14) приводит следующие впечатляющие статистические данные:

Перед Первой мировой войной, например, евреи занимали 13 процентов директорских постов в акционерных корпорациях и 24 процента руководящих должностей в этих корпорациях. ... В 1904 году они составляли 27 процентов всех адвокатов, 10 процентов всех учеников адвокатов, 5 процентов судебных секретарей, 4 процента мировых судей и до 30 процентов всех высших чинов судебной системы. ... В период с 1870 по 1933 год евреи были также перепредставлены среди университетских профессоров и студентов. Например, в 1909-1910 годах... почти 12 процентов преподавателей немецких университетов были евреями... [В 1905-1906 годах еврейские студенты составляли 25 процентов студентов юридических и медицинских факультетов... Процент врачей-евреев также был довольно высоким, особенно в крупных городах, где они иногда составляли большинство. ... [В Берлине в 1890 году 25 процентов всех детей, посещавших гимназию, были евреями...

Несмотря на все это, евреи никогда не превышали 2% населения Германии. Общество приняло иностранцев с поразительной терпимостью и более или менее позволило им доминировать в определенных секторах немецкого общества. Не было никаких юридических ограничений, и нападения с

применением насилия были редки. Но немцы впоследствии пожалели о такой либеральной политике.

Другим важным фактором того времени стало возникновение сионизма. Формально его основал Теодор Герцль в 1897 году, основные принципы были изложены в его книге "*Еврейское государство*" (*Der Judenstaat*). Он утверждал, что евреи никогда не избавятся от преследований, пока они везде будут иностранцами, и поэтому им необходимо собственное государство. Обсуждался ряд мест, но к моменту первого заседания Всемирной сионистской организации в 1897 году движение остановилось на Палестине. Однако это было проблематично, поскольку в то время регион находился под контролем Османской империи и был населен в основном арабами-мусульманами и христианами. Каким-то образом еврей-сионисты должны были отвоевать контроль над Палестиной у турок-османов, а затем изгнать арабов. Это была, казалось бы, невыполнимая задача.

Они сразу же поняли, что это можно сделать только силой. Для того чтобы сионисты могли манипулировать ситуацией в своих интересах, потребовалось бы состояние глобального бедствия - что-то близкое к мировой войне. Их руководящий принцип "прибыль через бедствие" мог бы сработать и здесь, но для этого потребовалось бы как внутреннее, так и внешнее давление. В государствах, где евреи имели значительную численность населения, но незначительную официальную власть, они могли бы разжечь беспорядки изнутри. В государствах, где они имели влияние, они использовали бы силу своего накопленного богатства, чтобы диктовать национальную политику. А в государствах, где у них не было ни населения, ни влияния, они оказывали внешнее давление, чтобы добиться поддержки своих целей.

То, что сионисты всерьез рассматривали эту двухстороннюю, внутреннюю/внешнюю стратегию, не просто предположение; у нас есть слова самого Герцля. Он писал:

Когда мы опускаемся, мы становимся революционным пролетариатом, подчиненными революционной партии; когда мы поднимаемся, поднимается и наша страшная власть кошелька". (1896/1967: 26)

На самом деле, Герцль, по-видимому, *предсказал* начало глобальной войны. Один из первых сионистов, Литман Розенталь, записал в своем дневнике от 15 декабря 1914 года воспоминание о разговоре с Герцлем в 1897 году. Герцль якобы сказал,

Может случиться так, что Турция откажется или не сможет понять нас. Это нас не обескуражит. Мы будем искать другие средства для достижения нашей цели. Восточный вопрос сейчас является вопросом дня. Рано или поздно он приведет к конфликту между народами. Европейская война неизбежна... Великая европейская война должна наступить. С часами в руках я ожидаю этого ужасного момента. После окончания великой европейской войны соберется Мирная конференция. Мы должны быть готовы к этому времени. Нас обязательно позовут на эту великую конференцию народов, и мы должны доказать им неотложную важность сионистского решения еврейского вопроса.

Это было так называемое "пророчество о великой войне" Герцля. Теперь, он не говорит, что сионисты *вызовут* эту войну, только то, что они будут "готовы", когда она придет, и "будут искать другие средства", кроме дипломатии, для достижения своей цели. Поразительное предсказание, если оно верно.[13](#)

В любом случае, здесь явно действовал более масштабный план. Евреи должны были проводить политику революции в таких государствах, как Россия, чтобы свергнуть ненавистные правительства. По мере возможности, они стремились бы подорвать и турков-османов. А в Германии, Великобритании и Америке они использовали бы "страшную силу кошелька", чтобы диктовать агрессивную военную политику для перестройки глобальной структуры власти в свою пользу. Это принесло бы тройную пользу: обуздание разгула антисемитизма, увеличение еврейского богатства и, в конечном итоге, создание еврейского государства в Палестине, которое могло бы служить глобальным центром мирового еврейства. Таким образом, революция и война стали главным приоритетом.[14](#)

Турция, по сути, стала ранним успехом движения. Авторитарная система правления султана вызвала недовольство, и группа турецких евреев использовала это в своих интересах, что привело к турецкой революции 1908 года. Как объясняет Стайн,

революция была организована из Салоник (современные Салоники), где евреи, вместе с криптоевреями, известными как дёнмех, составляли большинство населения. Салоникские евреи и дёнмех приняли важное участие в событиях, связанных с революцией, и дали Комитету Союза и Прогресса несколько самых способных членов. (1961: 35)[15](#)

Эта группа революционеров, известная сегодня как младотурки, смогла свергнуть султана и оказать существенное влияние на сменившего его правителя. Но в конечном итоге они не смогли направить ослабевающую империю в просионистское русло.

В США еврейское население росло даже быстрее, чем в Германии. Если в 1880 году в стране насчитывалось около 250 000 евреев (0,5%), то к 1900 году - всего через 20 лет - эта цифра составила около 1,5 миллиона (1,9%). Перепись 1918 года показала, что это число выросло до поразительной цифры в 3 миллиона (2,9%). Соответственно росло и их политическое влияние.

Для нынешних целей значительное американское влияние началось с убийства президента Уильяма Маккинли в 1901 году. В него стрелял польский радикал по имени Леон Чолгош, который находился под сильным влиянием двух еврейских анархистов, Эммы Голдман и Александра Беркмана. Президентские полномочия сразу же перешли к вице-президенту Теодору Рузвельту, который в возрасте 42 лет был (и остается) самым молодым президентом в истории. Его роль полковника армии в победе на Кубе над испанцами в 1898 году привела к широкой огласке, и при поддержке еврейской общины он получил пост губернатора Нью-Йорка в том же году. Таким образом, у него были все шансы получить номинацию вице-президента в 1900 году.

Интересный вопрос: Был ли Рузвельт евреем? Я подробно рассмотрю этот вопрос позже в отношении Рузвельта (о котором есть что сказать), но вкратце, есть много косвенных доказательств того, что все Рузвельты были, по крайней мере частично, евреями. В случае Теодора единственным прямым указанием является заявление бывшего губернатора штата Мичиган Чейза Осборна. В письме от 21 марта 1935 года Осборн сказал: "Президент [Франклин] Рузвельт достаточно хорошо знает, что его предки были евреями. Я дважды слышал, как Теодор Рузвельт заявлял, что его предки были евреями".¹⁶ Но Осборн не предлагает никакой конкретики, и мне не известно о каких-либо дальнейших утверждениях относительно самого Теодора.

Однако есть еще два момента, касающихся его еврейских связей. Вступив в должность в 1901 году, он впоследствии выиграл выборы 1904 года. В конце 1906 года он назначил первого еврея в президентский кабинет: Оскара Страуса, богатого нью-йоркского адвоката и бывшего посла в Османской империи. Будучи министром труда и торговли, Штраус возглавил Бюро иммиграции - в критический момент ускорения еврейской иммиграции. Мы можем быть уверены, что его офис был особенно благосклонен к прибывающим евреям.

Второе событие произошло в 1912 году. Рузвельт отказался баллотироваться в 1908 году, предпочтя выдвинуть кандидатуру своего военного министра Уильяма Тафта, который в итоге одержал уверенную победу. Тафт, однако, разочаровал многих республиканцев, и раздались призывы вернуть Рузвельта. Но партия не стала отстранять действующего президента, и Рузвельт решил баллотироваться от третьей партии. Отсюда и своеобразный статус выборов 1912 года: Тафт баллотировался на переизбрание, Рузвельт - от третьей партии, а Вудро Вильсон - как демократ первого срока. Как любят говорить в учебниках истории, у нас был бывший президент и действующий президент, баллотировавшийся против будущего президента. Вильсон, как мы знаем, победил в этой гонке и проработал два срока подряд, охватывая период начала, продолжительности и последствий Первой мировой войны.

Но менее известен такой факт: пожалуй, впервые в истории США все три основных кандидата имели значительную еврейскую финансовую поддержку. Газета Генри Форда *Dearborn Independent* сообщила о показаниях в Конгрессе в 1914 году Пола Варбурга, наиболее известного как еврейский "отец Федеральной резервной системы". Варбург был типичным еврейским банкиром, многолетним партнером Kuhn, Loeb, and

Со. и позже главой Wells Fargo в Нью-Йорке. В какой-то момент во время президентства Тафта Варбург решил принять финансовое участие в политике. К моменту выборов 1912 года он и его партнеры из Kuhn, Loeb финансировали всех трех кандидатов. Показания Уорбурга перед сенатором Джозефом Бристоу (штат Кан) весьма показательны:

JB: "В газетах неоднократно сообщалось, что вы и ваши партнеры прямо или косвенно внесли очень большой вклад в фонды предвыборной кампании г-на Уилсона".
PW: "Ну, мои партнеры - это очень своеобразное состояние - нет; я не думаю, что кто-то из них внес значительный вклад вообще; возможно, были умеренные вклады. Мой брат, например, внес свой вклад в кампанию мистера Тафта"....

JB: "Как я понял, вы сказали, что внесли свой вклад в кампанию мистера Уилсона". PW: "Нет; в моем письме говорится, что я предложил внести свой вклад, но было уже слишком поздно. Я вернулся в эту страну всего за несколько дней до окончания кампании". JB: "То есть вы не сделали никакого взноса?". PW: "Я не делал никаких взносов; нет". JB: "Делали ли члены вашей фирмы взносы в кампанию г-на Уилсона?". PW: "Я думаю, это вопрос протокола. Мистер [Джейкоб] Шифф внес свой вклад. Я бы не стал обсуждать взносы моих партнеров, если бы это не было вопросом протокола. Я думаю, что мистер Шифф был единственным, кто делал взносы в нашей фирме". JB: "И вы заявили, что ваш брат внес свой вклад в кампанию мистера Тафта, насколько я понимаю?". PW: "Да. Но опять же, я не хочу вдаваться в обсуждение дел моих партнеров, и я буду придерживаться этого довольно строго, иначе мы никогда не закончим". JB: "Насколько я понял, вы также сказали, что никто из членов вашей фирмы не делал взносов на кампанию мистера Рузвельта". PW: "Я этого не

говорил". JB: "О! Кто-нибудь из членов фирмы делал это?". PW: "Мой ответ, вероятно, порадовал бы вас; но я не буду отвечать на этот вопрос, а повторю, что не буду обсуждать дела моих партнеров". JB: "Да. Как я понял, в субботу вы сказали, что были республиканцем, но когда мистер Рузвельт стал кандидатом, вы стали симпатизировать мистеру Уилсону и поддержали его?" PW: "Да". JB: "В то время как ваш брат поддерживал мистера Тафта?". PW: "Да". JB: "И мне было интересно узнать, поддерживал ли кто-нибудь из членов вашей фирмы мистера Рузвельта?". PW: "Известно, что есть". JB: "Что среди них есть те, кто поддерживал?". PW: "О, да".[17](#)

В итоге: некоторые неизвестные члены Kuhn, Loebe пожертвовали Рузвельту; брат Пола (Феликс) пожертвовал Тафту; а Шифф пожертвовал Вильсону. По-умному, сам Пол Варбург признался, что никакого финансирования не было, но мы вряд ли можем поверить ему на слово. В любом случае, во всех трех претендентах была еврейская рука, и евреям было гарантировано влияние на победителя, независимо от результата. Мы не знаем ни степени этого влияния, ни того, как долго оно продолжалось. На сегодняшний день я не обнаружил доказательств участия евреев в выборах Рузвельта в 1904 году, хотя его назначение Страуса в кабинет министров типично для того вида политического патронажа, который следует за финансовой поддержкой. То же самое и с Тафтом: Мы не знаем степень еврейской поддержки его первоначального выдвижения в 1908 году, но поддержка в 1912 году предполагает, что они были достаточно удовлетворены его работой.

Но Тафт оказался для евреев неоднозначным. С одной стороны, еврейская иммиграция продолжалась быстрыми темпами. И он назначил Оскара Страуса послом в Османской империи. Однако он был менее склонен действовать на международной арене,

чем хотелось бы евреям. Особое беспокойство вызывала растущая проблема в России и постоянные сообщения о еврейских погромах. Например, в апреле 1903 года произошла "Кишиневская резня"; *New York Times* сообщала, что "евреев резали как овец. Погибших насчитывается 120 человек... Сцены ужаса, сопровождавшие эту резню, не поддаются описанию. Младенцы были буквально разорваны на куски неистовой и кровожадной толпой" (28 апреля; стр. 6). Небольшое преувеличение - реальное число погибших составило 47 человек. Во время второго нападения в Кишиневе в 1905 году погибло 19 человек; прискорбно, но вряд ли это можно назвать катастрофой. В начале 1910 года в *NYT* появилась статья "Российские евреи в печальном положении". Их источник сообщил: "Состояние российских евреев сегодня хуже, чем когда-либо после варварских резни и погромов 1905 и 1906 годов".¹⁸ Затем 18 сентября 1911 года премьер-министр России Петр Столыпин был застрелен еврейским убийцей Мордехаем Гершковичем, известным также как Дмитрий Богров (читатель помнит требование Герцля о революционных действиях), что, конечно, вызвало еще более резкие обвинения.

Но последней каплей для американских сионистов стали ограничения на въезд американских евреев в Россию. Препятствия существовали еще с начала века, но во время президентства Тафта они стали гораздо более строгими. Сионисты хотели, чтобы правительство США приняло меры, но этому помешал давний договор 1832 года, который гарантировал "взаимную свободу торговли и судоходства" и разрешал взаимную свободу въезда граждан обеих сторон. Таким образом, сионисты взяли на себя инициативу по аннулированию этого договора как средства внешнего давления на царский режим. И, несмотря на желание президента Тафта и интересы Америки в целом, им это удалось. Весь этот инцидент, тщательно задокументированный Коэн

(1963), является поразительным и переломным событием в еврейском влиянии. Как она говорит,

Заслуга в этом акте принадлежит небольшой группе, которая в течение 1911 года вела публичную кампанию за отмену договора. То, как всего лишь горстке людей удалось возбудить американское общественное мнение по относительно неясному вопросу почти до "волны истерии", как они надавили на антагонистическую администрацию, и какая главная цель стояла за их борьбой за отмену договора, представляет собой захватывающую историю политики давления. (р. 3)

Эта "горстка людей" состояла в основном из еврейского адвоката Луиса Маршалла, банкира Якоба Шиффа и их коллег из Американского еврейского комитета - "АИРАС" своего времени, который и столетие спустя остается мощной силой. Они подняли тему отмены еще в 1908 году, но она не стала главным приоритетом до начала 1910 года. Тогда они обратились к Тафту, зная, что он готовится к переизбранию на следующий год. Как говорит Коэн (стр. 9), "услуга за услугу была очевидна: еврейские лидеры попытаются обеспечить Тафту голоса евреев". Но он был несимпатичен. Тафт знал, что по ряду причин это было не в пользу Америки: Наши коммерческие интересы, наша дальневосточная внешняя политика, добрая воля России и наша международная целостность пострадают от отмены. Но евреи настаивали; в феврале 1910 года они встретились с Тафтом, чтобы "дать ему последний шанс" поддержать их дело. Когда он снова отказался, они решили обойти президента, обратиться в Конгресс и к американскому народу. Они знали, как работать с Конгрессом. Как объясняет Коэн (стр. 13), "схема еврейских петиций в правительство... в целом была похожа на тайную дипломатию. Богатые или политически выдающиеся люди просили об услугах... но всегда в форме скрытого давления и

закулисного торга". Но проведение публичной кампании было чем-то новым.

В январе 1911 года Маршалл "официально открыл публичную кампанию за отмену". Он сразу же обратился не к еврейским интересам - хотя это был единственный мотив, - а к якобы американским интересам. "Оскорблен не еврей, а американский народ", - сказал он. Как пишет Шоган (2010: 22), "ключ к [еврейской] стратегии заключался в том, чтобы сформулировать свое требование как призыв к защите американских интересов в целом, а не только прав евреев". Затем АЖС приступила к массивной пропагандистской работе. Они заручились поддержкой евреев в СМИ; Самуэль Штраус и Адольф Очс (из *"Нью-Йорк Таймс"*) помогли скоординировать серию статей и публицистических выступлений в нескольких крупных городах. Они приводили доводы "в популярных эмоциональных выражениях", организовывали петиции и программы по написанию писем, а также проводили специальные митинги в поддержку аброгации, в одном из которых участвовали такие знаменитости, как Уильям Херст и будущий президент Вудро Вильсон.¹⁹ Все было направлено на то, чтобы оказать максимальное давление на Конгресс и заставить его действовать.

Все это время Тафт оставался тверд в своей оппозиции. В частном письме он написал: "Я президент всех Соединенных Штатов, и голос евреев, каким бы важным он ни был, не может напугать меня в этом вопросе" (Cohen, p. 21). Государственный секретарь Филандер Нокс и посол в России Уильям Рокхилл решительно поддержали его. Рокхилл был особенно возмущен; выражая свои мысли, Коэн спрашивает: "Неужели национальные интересы должны быть подчинены небольшой группе лиц?". В конце концов, реальный ущерб был почти микроскопическим: "Только 28 американских евреев

проживали в России, и Госдеп знал только о четырех случаях за пять лет, когда американским евреям было отказано в приеме" (стр. 16). И все же эта "небольшая группа людей" переломила ход событий в свою пользу.

К ноябрю 1911 года, всего через 11 месяцев после начала публичной кампании, АJS была уверена в победе. Шифф смог предсказать легкое прохождение резолюции. В том же месяце "неофициальная делегация" евреев встретилась с Тафтом по поводу его ожидаемого ежегодного послания, и они убедили его в неизбежности принятия резолюции Конгрессом и в том, что она имеет право вето. Тафт сдался и согласился подписать резолюцию, когда она попадет к нему на стол. Не желая больше медлить, АJS настаивала на проведении голосования до конца года. 13 декабря Палата представителей одобрила резолюцию с поразительным счетом 301 против 1. Несколько измененная версия была вынесена на голосование в Сенате 19 декабря и была принята *единогласно*. Примиренный законопроект был утвержден на следующий день, и Тафт подписал его. Так 20 декабря 1911 года правительство США продало свою душу еврейскому лобби.

Важность этого события трудно переоценить. Интересы "горстки людей", действующих от имени небольшого американского меньшинства, смогли диктовать внешнюю политику правительства, вопреки ясно выраженному желанию президента и его сотрудников, и вопреки более широким интересам нации.

Русские, кстати, были ошеломлены этим решением. Они знали, что за этим стоит еврейская рука, но с трудом могли поверить, что у нее хватит сил выполнить свою угрозу. *NYT* снова дает полезный отчет:

В парламентских кругах здесь [в России] преобладают комментарии, характеризующиеся удивлением по поводу того, что американское правительство так легко отреагировало на возмущение евреев. Члены Думы выражают мнение, что, по всей вероятности, евреи теперь попытаются форсировать события. (20 декабря 1911 г.; стр. 2)

Действительно, до большевистской революции под руководством евреев оставалось всего шесть лет.

Таково было положение вещей в Америке и во всем мире в то время. Международное еврейство обладало достаточным богатством и влиянием, чтобы направлять события на самом высоком уровне, а американские евреи (сионистские и другие) проникли в правительство и американскую культуру в целом. Ситуация настолько впечатлила немецкого экономиста Вернера Зомбарта, что в 1911 году он сделал следующее наблюдение: "Ведь то, что мы называем американизмом, есть не что иное, как еврейский дух в дистиллированном виде".[20](#) С точки зрения столетия спустя это высказывание кажется верным как никогда.

Вильсон и "Великая война"

Все это послужило контекстом и фоном для появления Вудро Вильсона, начиная с выборов 1912 года. Если Франклин Рузвельт был "первым великим героем американских евреев".[21](#) то Вильсон был первым великим дублером. Как заметил Генри Форд, "мистер Вильсон, будучи президентом, был очень близок к евреям. Его администрация, как всем известно, была преимущественно еврейской".[22](#) Похоже, Вильсон был первым президентом, который пользовался полной поддержкой еврейского лобби, включая многочисленных крупных финансовых доноров. И он был первым, кто полностью вознаградил их поддержку.

Стоит подытожить основные фигуры в еврейской структуре власти по состоянию на 1912 год. Герцль умер молодым в 1904 году, поэтому он был вне игры. Но "горстка" других стала доминировать в движении и на американской сцене:

- *Оскар Штраус* (62 года), уроженец Германии, первый еврейский член кабинета министров при Т. Рузвельте, а затем посол в Османской империи при Тафте.
- *Джейкоб Шифф* (65 лет), глава банковской фирмы Kuhn, Loeb.
- *Луис Маршалл* (56), пограничный сионист, основатель АJS.
- *Братья Варбург: Пауль* (44 года) и *Феликс* (41 год), банкиры немецкого происхождения. Третий брат, Макс, остался в Германии (до 1938 года).
- *Генри Моргантау-старший* (56), юрист немецкого происхождения, отец еще более влиятельного Генри-младшего.

- *Луис Брандейс* (56), адвокат, убежденный сионист.
- *Самуэль Унтермайер* (54), адвокат.
- *Бернард Барух* (42 года), финансист с Уолл-стрит.
- *Стивен Уайз* (40), раввин австрийского происхождения и ярый сионист.
- *Ричард Готтейл* (50), раввин британского происхождения и сионист.

Подчеркнем, что все они были американцами. На европейской стороне существовала другая структура, в центре которой находились такие фигуры, как Хаим Вейцман и Герберт Самуэль в Великобритании и Макс Нордау во Франции.

Позвольте мне начать с финансовой поддержки, которая, конечно же, долгое время была козырной картой еврейства. Многие из вышеперечисленных лиц были главными сторонниками Вильсона. Купер (2009: 172) отмечает, что среди его "крупных спонсоров" были такие люди, как "Генри Моргентау, Якоб Шифф и Самуэль Унтермайер, а также новичок в их рядах Бернард Барух". Такая помощь продолжалась на протяжении всего срока пребывания Вильсона у власти; на его переизбрание в 1916 году "такие финансисты, как Генри Моргентау и Бернард Барух, дали щедрые средства" (там же: 350). Как мы видели, поддержка Шиффа была признана Варбургом в его показаниях в Конгрессе.

Сам Варбург был очень уклончив, сказав лишь, что его "симпатии на стороне мистера Уилсона". Тем не менее, вряд ли можно поверить, что за этим не последовало никаких денег. Самым глубоким влиянием Варбурга была его ведущая роль в создании Федеральной резервной системы в 1913 году, в год вступления Вильсона в должность. Селигман (1914: 387)

отмечает, что "можно утверждать, не опасаясь противоречий, что по своим фундаментальным характеристикам Федеральная резервная система является работой мистера Варбурга больше, чем любого другого человека в стране". Его основные принципы, по его словам, "были созданы мистером Варбургом и только мистером Варбургом". В знак признания Вильсон назначил его членом первого Совета управляющих ФРС в августе 1914 года.

Влияние Моргантау началось в 1911 году, когда Вильсон еще был губернатором Нью-Джерси. Балакян (2003: 220) отмечает, что именно в это время они "сблизились", и что "Моргентау предложил Вильсону свою "безоговорочную моральную и финансовую поддержку"". В преддверии Демократического съезда 1912 года "Моргентау давал на кампанию 5 000 долларов в месяц, и продолжал щедро давать деньги всю осень" (там же: 221). На самом деле, говорит Балакян, только несколько его богатых однокурсников из Принстона давали больше. Уорд (1989: 252) подтверждает это, отмечая, что Моргантау "был важным сторонником Вудро Вильсона в 1912 году". Моргантау должным образом получил свою награду: должность посла в Османской Турции, снова курирующего Палестину.

Особое значение имела связь Вильсона с Луисом Брандейсом. Впервые они встретились еще в 1910 году; Шоган (2010: 64) описывает "дружбу Брандейса с Вудро Вильсоном", отмечая, что он "много работал" на него во время предвыборной кампании 1912 года. Показательно, что после выборов Вильсон написал своему другу: "Ты сам сыграл большую роль в победе".²³ Брандейс был вознагражден успешной номинацией в Верховный суд в июне 1916 года - первый еврей в суде. Он проработал в суде целых 23 года, намного больше, чем Вильсон, и, несмотря на свой формальный "нейтралитет" в качестве судьи, сыграл жизненно важную роль в обеих мировых войнах.

Но, возможно, самым значительным из всех был Бернард Барух. Став миллионером еще до 30 лет, Барух катапультировался из ниоткуда, в непонятных условиях, чтобы стать ведущим влиятельным человеком в администрации Вильсона. Уже в 1915 году, в первые годы европейской войны, он был убежден, что Америка будет в ней участвовать. В своих показаниях в Конгрессе в феврале 1920 года Барух заявил, что в 1915 году он "был очень обеспокоен неподготовленным состоянием этой страны". "Я очень серьезно думал об этом, и я думал, что мы будем втянуты в войну. ... Я думал, что война начнется задолго до того, как она началась". В начале 1916 года в результате какого-то до сих пор загадочного процесса Барух был назначен членом Совета национальной обороны. Затем он стал контролировать особый подкомитет, Совет военной промышленности (WIB), который обладал чрезвычайными полномочиями в военное время. Барух единолично руководил им на протяжении всех военных лет. Его показания перед сенатором Альбертом Джефферисом (R-Neb.) подытоживают его роль:

АJ: "В каких строках этот совет из 10 человек имел полномочия, которые вы упомянули? ББ: "У нас была власть приоритета, которая была самой большой властью во время войны". АJ: "Другими словами, вы определяли, что каждый может получить?" ББ: "Именно так; в этом нет никаких сомнений. Я взял на себя эту ответственность, сэр, и это окончательное решение лежало на мне". АJ: "Что?" ВВ: "Это окончательное решение, как сказал президент, было за мной; решение о том, должна ли армия или флот иметь их, было за мной; решение о том, может ли железнодорожная администрация иметь их, или союзники, или генерал Алленби должен иметь локомотивы, или они должны использоваться в России,

или использоваться во Франции". АJ: "У вас была значительная власть?". ББ: "Да, сэр". ...

АJ: "И все эти различные линии, действительно, в конечном счете, сосредоточились в вас, что касается власти?" ББ: "Да, сэр, так и было. У меня, вероятно, было больше власти, чем, возможно, у любого другого человека на войне; несомненно, это правда".[24](#)

Поразительный факт: молодой, неизбранный еврей без политического опыта становится во время кризиса самым влиятельным человеком в правительстве США, после самого президента. И все же все это было лишь репетицией. Барух сыграет аналогичную роль во время Второй мировой войны при Рузвельте, в его Управлении военной мобилизации. Он также был другом и доверенным лицом Уинстона Черчилля. Несомненно, у "Барни" Баруха было много советов для всех вовлеченных сторон.

Первая мировая война началась всерьез в августе 1914 года, когда немецкая армия пересекла границу официально нейтральной Бельгии на пути во Францию. Серия союзов и договоров вызвала цепную реакцию, в результате которой к концу того же года в войну вступили 10 государств. В конечном итоге в войну вступят еще 18 - хотя в случае с США это произойдет почти два с половиной года спустя. Сегодня, с нашим сегодняшним рвением к ведению войны по всему миру, трудно понять, в какой степени американцы тогда были настроены против интервенции. Ни общественность, ни правительство не имели никакого реального желания ввязываться в европейскую войну. По крайней мере, публично сам Вильсон был пацифистом и изоляционистом. В своей речи от 19 августа 1914 года, сразу после начала войны, он заявил, что "каждый человек, который действительно любит Америку, будет действовать и говорить в истинном духе нейтралитета,

который является духом беспристрастности, справедливости и дружелюбия ко всем заинтересованным сторонам". Мы обязаны быть "единственной великой нацией, живущей в мире", и поэтому "мы должны быть беспристрастными как в мыслях, так и в действиях".[25](#)

И все же американская государственная политика не в полной мере придерживалась этих высоких слов. Согласно международному праву, Соединенные Штаты, как нейтральная сторона, имели право вести торговлю со всеми сторонами. Но, разумеется, и Британия, и Германия стремились ограничить торговлю друг с другом. Британская морская блокада прервала или захватила значительную часть наших предполагаемых поставок в Германию, сократив торговлю более чем на 90%. И все же Вильсон почти не возражал. С другой стороны, когда немецкие подводные лодки атаковали или угрожали нашим поставкам в Англию, он отреагировал самым решительным образом. В итоге в период с 1914 по 1916 год объем торговли с союзниками увеличился почти в четыре раза. С практической точки зрения, мы поддерживали военные усилия союзников, даже оставаясь официально нейтральными. Правительство Вильсона - если не он сам - было настроено против немцев. Не случайно еврейские советники Вильсона были настроены против немцев.

К моменту выборов 1916 года война бушевала по всей Европе. Тем не менее, Вильсон обещал не вмешиваться; он баллотировался и победил под лозунгом: "Он удержал нас от войны". Американский народ тоже не испытывал особого аппетита к вооруженным конфликтам; как пишет Купер (2009: 381), "очевидно, что президент не чувствовал подталкивания к войне со стороны Конгресса или общественности". Но, как и многие другие предвыборные обещания, это обещание было отменено вскоре после инаугурации - фактически, всего через месяц после второй инаугурации.

Итак: Почему он это сделал? Почему Вильсон передумал и 2 апреля 1917 года обратился к Конгрессу со своим знаменитым призывом объявить войну Германии? Его официальный ответ: Немецкие подводные лодки без устали нападали на американские военные, пассажирские и грузовые суда, и поэтому у нас просто не было выбора. Но это объяснение не выдерживает тщательной проверки. В начале войны немцы потопили несколько судов, которые торговали с союзниками, но в сентябре 1915 года, после настоятельных требований Вильсона, они приостановили атаки подводных лодок. Эта приостановка продолжалась исключительно долго - до февраля 1917 года. И все это время мы и другие "нейтральные" страны торговали с врагами Германии, поставляли им материальные товары и помогали в морской блокаде. Поэтому неудивительно, что немцы в конце концов возобновили свои атаки на все корабли в зоне боевых действий.

В своей знаменитой речи перед Конгрессом Вильсон сказал о снятии временного запрета: "Имперское правительство Германии... отбросило все ограничения закона или гуманности и использует свои подводные лодки для потопления каждого судна [в зоне военных действий]". Не жалея гипербол, он добавил: "Нынешняя война немецких подводных лодок против торговли - это война против человечества. Это война против всех наций".

Но каковы факты? В частности, насколько большую угрозу представляла Германия для США? В действительности, угроза была совсем невелика. С момента начала войны (август 1914 года) до объявления Вильсона в апреле 1917 года было потеряно в общей сложности три небольших военных судна: одна подводная лодка в 1915 году, один броненосный крейсер в 1916 году и один защищенный крейсер в начале 1917 года. Кроме того, за тот же период было потоплено 12 американских торговых пароходов (грузовых судов), но при этом погибло

всего 38 человек.²⁶ Таким образом, к этому моменту США потеряли в общей сложности 15 кораблей. Если рассматривать это в перспективе: За всю войну немецкие подводные лодки потопили в общей сложности около 6 600 судов. Таким образом, угроза для США была практически несущественной. Очевидно, что Вильсон мыслил интернационалистскими категориями, и кто-то или что-то убедил его, что перестройка мирового порядка важнее, чем американское общественное мнение; отсюда его знаменитая и многократно переиначенная фраза: "Мир должен стать безопасным для демократии". Да, но чьей демократии?

Несколько влиятельных лиц выступили против Вильсона, в том числе сенаторы Роберт Ла Фоллетт (R-Wisc.) и Джордж Норрис (R-Neb.). Оба они выступили 4 апреля, всего через два дня после призыва Вильсона к войне. Ла Фоллетт был возмущен односторонними действиями администрации Вильсона. В своей язвительной речи он сказал:

Я говорю о профессии демократии, которая в действительности связана с самым жестоким и доминирующим использованием автократической власти. Неужели народ этой страны настолько хорошо представлен в этом военном движении, что нам нужно отправиться за границу, чтобы дать другим людям контроль над их правительствами? Вынесут ли президент и сторонники этого законопроекта о войне на голосование народа, прежде чем объявление войны вступит в силу? ... Кто зарегистрировал знание или одобрение американским народом курса, который Конгресс призван взять при объявлении войны Германии? Представьте этот вопрос народу, вы, кто поддерживает это. Вы, поддерживающие его, не смеете этого сделать, ибо знаете, что при голосовании более чем десятью голосами против одного

американский народ как тело регистрирует свое заявление против него".[27](#)

У Норриса были некоторые идеи относительно движущих сил, стоящих за призывом к войне. Он считал, что многие американцы были "введены в заблуждение относительно реальной истории и истинных фактов почти единодушным требованием великой комбинации богатства, которая имеет прямой финансовый интерес в нашем участии в войне".[28](#) Банкиры с Уолл-стрит одолжили миллионы союзникам и, естественно, хотели их вернуть. Кроме того, прибыль можно было получить от военной техники и боеприпасов. Эти же силы имели влияние и в средствах массовой информации:

[Большое] количество крупных газет и информационных агентств страны контролируются и привлекаются к величайшей пропаганде, которую когда-либо знал мир, для создания настроений в пользу войны. ... [И теперь] Конгресс, побуждаемый президентом и поддерживаемый искусственными настроениями, собирается объявить войну и вовлечь нашу страну в величайший холокост, который когда-либо знал мир...".

Действительно, каждая война - это "холокост". Затем Норрис подытожил свою точку зрения наиболее яркой фразой: "Мы вступаем в войну по приказу золота". И все знали, у кого находится золото.

Норрис и Ла Фоллетт понимали, что у них нет шансов изменить результат. Любая сила, способная заставить отменить российский договор и монополизировать президентские выборы, могла добиться согласия Конгресса на войну. Позже в тот же день Сенат подтвердил это решение, проголосовав 82 против 6. Через два дня после этого Палата представителей согласилась с ним 373 голосами против 50. И вот мы вступили в

войну. Американские войска будут введены в Европу в течение трех месяцев.

Balfour

Политическая власть - странная вещь; это один из тех редких случаев, когда *видимость является реальностью*. Если вы говорите, что у вас есть власть, и *другие* говорят, что у вас есть власть, и если все стороны *действуют так, как будто* у вас есть власть - значит, *вы обладаете властью*. Так было в случае с еврейским лобби. Просто потому, что в то время у них не было армии, были внутренние разногласия, и ни в одной стране их численность не превышала одного или двух процентов населения, мы не можем сделать вывод, что они были просто беспомощными пешками, которыми по своему желанию манипулировали великие державы. И все же сегодня современные комментаторы продолжают ссылаться на "иллюзорную" или "неправильно воспринимаемую" власть евреев в то время.²⁹ Сейчас это можно разоблачить как слабую попытку обелить еврейскую игру во власть. Когда небольшое меньшинство может диктовать внешнюю политику, способствовать глобальной войне и направлять исход событий в свою пользу, тогда оно обладает значительной властью, что бы кто ни говорил. Это было верно в 1911 году; это было верно на выборах 1912 года; и это будет ясно продемонстрировано еще раз в случае с Декларацией Бальфура 1917 года.

Вкратце: Во время первого срока Вильсона американские евреи добились больших политических успехов. Был принят закон о Федеральной резервной системе Пола Варбурга, и он был назначен членом Совета директоров. Генри Моргентгау-старший был назначен послом в Турции, наблюдая за Палестиной. Брандейс был назначен членом Верховного суда. А Барух стал вторым по влиятельности человеком в стране.

За эти четыре года евреи добились значительных успехов и в других частях Америки. Были избраны еще два губернатора-еврея - Александр в Айдахо и Бамбургер в Юте. В кинобизнесе

началось господство евреев: Universal Pictures (Карл Леммле), Paramount (Зукор, Ласки, Фроманс и Голдвин), Fox Films (Уильям Фокс) и раннее образование "Warner" Bros. Pictures - в действительности, четырех братьев Вонсколазеров: Хирш, Аарон, Шмуль и Ицхак.³⁰ Это развитие оказалось полезным для пропаганды военного времени. А еврейское население выросло примерно на 500 000 человек.

1917 год был первым годом второго срока Вильсона. Европейская война шла уже третий год и все больше напоминала патовую ситуацию. После возобновления Германией атак U-boat на суда, идущие в Великобританию, и американской декларации, настоящая мировая война была в самом разгаре. Кроме того, это было время революции в России. Фактически, двух революций: февральского восстания рабочих, которое свергло царя Николая II, и октябрьской большевистской революции, которая привела к власти еврейских революционеров.

Роль евреев в русской революции (революциях) - это сложная и интересная история. Здесь нет места для подробного изложения, но вкратце можно сказать, что коммунистическое движение с самого начала имело тяжелую еврейскую руку. Маркс, конечно же, был немецким евреем, и его труды вдохновили 18-летнего Владимира Ленина в 1888 году. Сам Ленин был на четверть евреем (дед по материнской линии - Александр Бланк). В 1898 году Ленин создал революционную группу, Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП), которая стала ранним предшественником советской Коммунистической партии. Четыре года спустя к Ленину присоединился еврей по крови, урожденный Леон Троцкий, Лев Бронштейн. Внутренние разногласия привели к расколу в 1903 году, и тогда РСДРП раскололась на большевистскую ("большинство") и меньшевистскую ("меньшинство") фракции. В обеих фракциях было непропорционально много евреев.

Помимо Ленина и Троцкого, среди ведущих евреев-большевиков были Григорий Зиновьев, Яков Свердлов, Лев Каменев (он же Розенфельд), Карл Радек, Леонид Красин, Александр Литвинов и Лазарь Каганович. Бен-Сассон (1976: 943) отмечает, что эти и "другие люди еврейского происхождения... занимали видное место среди лидеров русской большевистской революции". Это было общеизвестно даже в то время. Как сообщала *лондонская газета "Таймс"* в 1919 году,

Одной из самых любопытных особенностей большевистского движения является высокий процент нерусских элементов среди его лидеров. Из 20 или 30 руководителей, обеспечивающих центральный аппарат большевистского движения, не менее 75 процентов - евреи. ... [Евреи] обеспечивают исполнительную власть". (29 марта, с. 10)

Далее в статье перечисляются Троцкий и еще около 17 человек по именам. Левин (1988: 13) отмечает, что на съезде РСДРП в 1907 году было около 100 еврейских делегатов, что составляло примерно треть от общего числа. Около 20% меньшевиков были евреями, но к 1917 году они составляли восемь из 17 (47%) членов Центрального комитета.[31](#)

Таким образом, в годы, предшествовавшие революции 1917 года, евреи вели внутреннюю и внешнюю работу по свержению царя. Штейн (1961: 98) цитирует сионистский меморандум 1914 года, в котором говорилось об "отношениях с евреями в Восточной Европе и в Америке, чтобы способствовать свержению царской России и обеспечить национальную автономию евреев". Темперли (1924: 173) отметил, что "к 1917 году [российские евреи] многое сделали для подготовки к тому общему распаду русской национальной жизни, который позже был признан революцией". Зифф (1938: 56) высказал

распространенное в то время мнение, что "еврейское влияние в России должно было быть значительным. Евреи играли заметную роль в революции...".

Удивительно, но даже Уинстон Черчилль признавал этот факт. В 1920 году он написал печально известное эссе, в котором объяснял разницу между "хорошими" (сионистскими) евреями и "плохими" большевиками. Эта дихотомия, которая была не чем иным, как "борьбой за душу еврейского народа", создавала впечатление, "как будто Евангелию Христа и Евангелию Антихриста было суждено возникнуть среди одного и того же народа" (1920/2002: 24). Сионисты были "национальными" евреями, которые искали только родину для своего осажденного народа. Злые "международные евреи", большевики, стремились к революции, хаосу и даже мировому господству. Это был, по словам Черчилля, "зловещий заговор". Он продолжал:

Это движение среди евреев не ново. Со времен Спартака-Вейсхаупта до времен Карла Маркса, и вплоть до Троцкого (Россия), Бела Куна (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Голдман (США), этот всемирный заговор с целью свержения цивилизации и воссоздания общества на основе задержанного развития, завистливой злобы и невозможного равенства неуклонно растет. ... Он был главной движущей силой каждого подрывного движения в течение XIX века; и вот, наконец, эта группа экстраординарных личностей из преступного мира великих городов Европы и Америки схватила русский народ за волосы и стала практически бесспорным хозяином этой огромной империи". (p. 25)

"Нет необходимости преувеличивать" роль евреев в русской революции; "она, безусловно, очень велика. ... [Т]олько большинство ведущих деятелей - евреи". В советских

учреждениях "преобладание евреев еще более поразительно". Но, пожалуй, самым страшным аспектом была доминирующая роль иудео-терроризма. Черчилль был ясен и откровенен:

[В системе терроризма, применяемого Чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией, видное, если не главное, место занимали евреи, а в некоторых примечательных случаях - еврейки. Такое же зловещее положение евреи занимали в короткий период террора, когда Бела Кун правил в Венгрии. То же самое явление было представлено в Германии (особенно в Баварии), насколько этому безумию было позволено воспользоваться временным прострацией немецкого народа. ... [Т]роль, которую играют [евреи] пропорционально их численности в населении, поразительна". (р. 26)

К этому времени Черчилль уже около 15 лет работал в интересах евреев-сионистов. Он давно рассчитывал на политическую поддержку евреев и, по слухам, находился на содержании у богатых сионистов.[32](#)

Русские революции были значительными, но главным событием 1917 года, безусловно, стала Декларация Бальфура от 2 ноября. Это короткое письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Джеймса Бальфура барону Ротшильду было примечательным: оно обещало "горстке" британских подданных (и косвенно их единоверцам по всему миру) земли, которыми Великобритания не владела и которые были частью какой-то другой империи. Полезно рассмотреть ортодоксальный рассказ об этом событии. Согласно стандартной точке зрения, в это время Британия была не только погрязла в войне на континенте, но и "британские войска сражались за отвоевание Палестины у Османской империи".[33](#) Британцы хотели получить ее "из-за ее

расположения рядом с Суэцким каналом". (На самом деле, конечно, Палестина находится более чем в 200 км от канала, отделенная всем Синайским полуостровом). "Британцы полагали, что Декларация Бальфура поможет заручиться поддержкой этой цели со стороны еврейских лидеров в Великобритании, США и других странах."

Итак, вот несколько актуальных вопросов: Действительно ли контроль над каналом был главной целью? Или британцы думали, что евреи помогут им в достижении более широких военных целей? *Евреи*? Осажденное меньшинство повсюду, без нации, без армии, без "реальной силы"? Могли ли они действительно помочь *Британской империи*? И помогли ли они им на самом деле? И если да, то как?

Ничто в документах того времени не указывает на то, что канал был чем-то большим, чем случайной заботой. Но явно существовала более масштабная цель - заручиться помощью евреев во всем мире, чтобы помочь Великобритании выиграть войну. Шнеер (Schneer, 2010: 152) отмечает, что с начала 1916 года британцы пытались "серьезно изучить возможность заключения какого-либо соглашения с "мировым еврейством" или "Великим еврейством". Дипломатическое коммюнике от 13 марта прямо указывает на это:

[Наиболее влиятельная часть еврейства во всех странах была бы очень признательна за предложение соглашения относительно Палестины... [Совершенно очевидно, что, используя сионистскую идею, можно достичь важных политических результатов. Среди них будет обращение в пользу союзников еврейских элементов на Востоке, в Соединенных Штатах и в других местах... Единственной целью правительства [Его Величества] является поиск какого-либо соглашения... которое могло бы облегчить

заклучение соглашения, обеспечивающего еврейскую поддержку". (в Ziff 1938: 56)

Позже в том же году советник британского правительства Джеймс Малкольм настаивал именно на этом: что, пообещав Палестину сионистам, они смогут использовать свое влияние в мире и особенно в Америке, чтобы помочь добиться общей победы. На первый взгляд, это было абсурдное предположение: что угнетенное еврейское меньшинство, и в особенности еще более малочисленное меньшинство евреев-сионистов, может сделать что-либо, чтобы изменить события в мировой войне.

И все же это быстро стало официальной точкой зрения британского правительства - особенно после того, как Дэвид Ллойд Джордж стал премьер-министром в декабре 1916 года. Ллойд Джордж был, с точки зрения сионистов, почти идеальным лидером. Он сотрудничал с ними с 1903 года.³⁴ Он твердо верил в их почти мифическое влияние. И он был набожным христианским сионистом, что делало его идеологическим соотечественником. Сразу же после вступления в должность Ллойд Джордж поручил своим сотрудникам, в частности Марку Сайксу и лорду Артуру Бальфуру, вести переговоры о поддержке евреев. Макмиллан объясняет:

С [начала] 1917 года, с поощрения Ллойд Джорджа, Сайкс встречался в частном порядке с Вейцманом и другими сионистами. Последним, и, возможно, самым важным фактором в привлечении британской поддержки сионистов была пропаганда среди евреев, особенно в Соединенных Штатах, которые *еще не вступили в войну*, и в России... (2003: 416; курсив мой)

И как будто затянувшаяся война не была достаточным стимулом, вскоре поползли слухи, что сионисты также просят

поддержки у *Германии*; евреи, похоже, были готовы продать свои услуги тому, кто больше заплатит.³⁵ Когда эти слухи достигли Лондона, "британское правительство приняло срочные меры" (там же). И они действовали быстро. При участии Брандейса первый проект краткого заявления был завершен в июле. Второй проект появился в середине октября, а к концу того же месяца Бальфур был готов обнародовать позицию своего правительства: "С чисто дипломатической и политической точки зрения было желательно, чтобы сейчас было сделано какое-либо заявление, благоприятствующее стремлениям еврейских националистов. ... Если бы мы могли сделать заявление, благоприятное для такого идеала, мы могли бы вести чрезвычайно полезную пропаганду как в России, так и в Америке".³⁶ Через три дня они так и сделали.

Но самым поразительным был намек на то, что "горстка" евреев-сионистов в Англии может стать решающим фактором в вовлечении неохотно идущих США в глобальную войну. В случае успеха это могло бы резко изменить военный баланс сил. А через еврейских советников Вильсона - в первую очередь Баруха и Брандейса - они имели возможность услышать президента. Но смогут ли они это сделать?

Несомненно, британцы думали, что они могут, и они это *сделали*. Это настолько поразительное проявление еврейской власти, что стоит ознакомиться с мнениями нескольких комментаторов. Выступая после войны, 4 июля 1922 года, Черчилль ратовал за полное выполнение знаменитой Декларации:

Обещания и обещания были даны во время войны... Они были даны потому, что считалось, что они будут полезны нам в нашей борьбе за победу в войне. Считалось, что поддержка, которую евреи могут оказать нам во всем мире, и особенно в Соединенных Штатах, а также в России,

будет определенным осязаемым преимуществом". (в Gilbert 2007: 78-79)

В своем монументальном шеститомном исследовании Парижской мирной конференции 1919 года британский историк Говард Темперли (1924) сделал следующее наблюдение:

Считалось, что если Великобритания заявит об осуществлении сионистских устремлений в Палестине под свои собственные гарантии, то одним из следствий этого будет привлечение российского еврейства на сторону Антанты [союзников]. Считалось также, что такая декларация окажет мощное влияние на мировое еврейство и обеспечит Антанте помощь еврейских финансовых интересов. Кроме того, считалось, что она окажет сильное влияние на американское мнение в пользу союзников. Таковы были основные соображения, которые в течение конца 1916 года и последующих десяти месяцев 1917 года подтолкнули британское правительство к заключению договора с еврейством. (1924, vol. 6: 173)

Мы должны помнить, что Декларация была опубликована через *семь месяцев после вступления США в войну*. Однако Темперли однозначен: сделка была заключена "в конце 1916 года", задолго *до* решения Вильсона вступить в войну. Судя по всему, сделка заключалась в следующем: втяните США в войну, и мы пообещаем вам вашу еврейскую родину. Таков был "договор с еврейством".

Чувствуя важность, Темперли повторяет суть, чтобы донести ее до читателя: "То, что по своей сути это определенный контракт с еврейством, не подлежит сомнению. ... По духу это обещание, что в обмен на услуги, которые будет оказывать еврейство, британское правительство "приложит все усилия" для

обеспечения... Палестины". И на самом деле, это была хорошая сделка. "Декларация, безусловно, сплотила мировое еврейство в целом на стороне Антанты... [Услуги еврейства не были ожидаемы напрасно и... вполне стоили той цены, которую пришлось заплатить" (с. 174). Цена Британии была невелика: клочок земли вдали от родины. Правда, будет сопротивление арабов, но британцы к этому привыкли. Гораздо более высокую цену пришлось бы заплатить Германии и Центральным державам, а также Америке, которая потратила бы сотни миллионов долларов и понесла бы 116 000 жертв войны.

Один из сионистских инсайдеров, Самуэль Ландман, написал подробный и ясный отчет об этих событиях в 1936 году. Отметив некоторые предварительные попытки в 1916 году, он обращает внимание на значение участия Малькольма. Малкольм знал, что Вильсон "всегда придавал самое большое значение советам очень видного сиониста, господина судьи Брандейса..." (стр. 4). Малкольм смог убедить Сайкса и французского посла Жоржа Пико, что

лучшим и, возможно, единственным способом... склонить американского президента к вступлению в войну было заручиться сотрудничеством евреев-сионистов, пообещав им Палестину, и таким образом привлечь и мобилизовать до сих пор не подозреваемые мощные силы евреев-сионистов в Америке и других странах в пользу союзников на условиях "услуга за услугу".

Конечно, Ландман не был беспристрастным наблюдателем и имел все основания преувеличивать влияние сионистов. Но не так обстояло дело с Британской королевской комиссией по Палестине, которая опубликовала отчет в 1937 году. На критическом этапе войны "считалось, что еврейская симпатия или обратная ей симпатия может существенно повлиять на дело союзников в ту или иную сторону. В частности, еврейская

симпатия подтвердила бы поддержку американского еврейства..." (стр. 23). Далее в докладе цитируется Ллойд Джордж:

Сионистские лидеры дали нам четкое обещание, что если союзники возьмут на себя обязательство... создать национальный дом для евреев в Палестине, они сделают все возможное, чтобы привлечь еврейские настроения и поддержку всего мира к делу союзников. Они сдержали свое слово.

Через два года после этого доклада, в 1939 году, британцы задумались о начале войны с Германией. Черчилль написал меморандум для своего военного кабинета, напомнив им, что

не из легких или сентиментальных соображений лорд Бальфур и правительство 1917 года дали сионистам обещания, которые стали причиной стольких последующих дискуссий. Влияние американского еврейства оценивалось тогда как фактор первостепенной важности, и мы не чувствовали себя в таком сильном положении, чтобы относиться к нему с безразличием". (в Gilbert 2007: 165)

Подразумевалось, конечно, что британцам снова может понадобиться еврейская помощь для победы над немцами. В 1939 году Рузвельт и его еврейские советники подтолкнули британцев к войне,³⁷ британцы вновь отчаянно пытались привлечь на свою сторону американцев. Как сообщает Дэвид Ирвинг, именно в конце 1941 года Вейцман и его коллеги-британские сионисты начали "обещать использовать свое влияние в Вашингтоне, чтобы привлечь Соединенные Штаты к войне" (2001: 73). Ирвинг приводит цитату из удивительно прямого письма Вейцмана Черчиллю, в котором тот обещает повторить в этой войне то, что они сделали в прошлой:

Есть только одна большая этническая группа [в Америке], которая готова до последнего стоять за Великобританию и политику "всесторонней помощи" для нее: пять миллионов евреев. От [министра финансов] Моргентау [Генри, младшего], губернатора [Герберта] Лемана, судьи Франкфуртера, до самого простого еврейского рабочего или торговца... Британские государственные деятели неоднократно признавали, что именно евреи в последней войне эффективно помогли склонить чашу весов в Америке в пользу Великобритании. Они стремятся сделать это - и могут сделать - снова". (р. 77)

Таким образом, Вейцман прямо назвал влиятельных евреев, способных втянуть Рузвельта и Соединенные Штаты в войну, в которой они, опять же, не были заинтересованы. Письмо было датировано 10 сентября 1941 года. Черчиллю не пришлось долго ждать. В течение 90 дней Америка должна была вступить в войну.

Еврейская рука в мировых войнах, часть 2

Томас Далтон

В [первой части этой статьи](#) я рассказал о роли евреев в событиях, приведших к Первой мировой войне, уделив особое внимание их влиянию в Великобритании и Соединенных Штатах. Вудро Вильсон стал первым американским президентом, избранным при полной поддержке еврейского лобби, и в ответ на это он предоставил им ведущие роли в своей администрации. Они также считались имеющими решающее влияние во время объявления Вильсоном войны в апреле 1917 года. С британской стороны премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж был христианским сионистом и идейным соотечественником евреев, и в равной степени стремился поддержать их цели. Британия заручилась поддержкой евреев, приняв в ноябре 1917 года Декларацию Бальфура, которая обещала сионистам родину в Палестине; это была их награда за то, что они втянули США в конфликт примерно за семь месяцев до этого.

Было показано, что такие действия являются частью давней исторической тенденции: еврейские активисты и агитаторы подстрекали к беспорядкам и войне всякий раз, когда им это было выгодно. Эта тенденция, восходящая к временам Римской империи, предполагает бездушное пренебрежение к жизни и благополучию нееврейского населения.

Конечно, войны - это не только события, несущие смерть и разрушения; они предоставляют огромные возможности для получения финансовой прибыли и для резких изменений в глобальных структурах власти. Для тех, кто занимает

правильное положение, война может принести огромные выгоды в плане богатства и влияния. В частности, события, связанные с Первой мировой войной, принесли евреям всего мира значительные выгоды, причем несколькими способами. Во-первых, благодаря высокопоставленным лицам в администрациях Тафта и Вильсона, США были очень благосклонны к еврейской иммиграции; фактически их численность резко возросла с 1,5 миллионов до более чем 3 миллионов в период между 1905 и 1920 годами и достигла 4 миллионов к середине 1920-х годов. Вторым шагом стала Декларация Бальфура, которая обещала им Палестину. Конечно, сразу же ничего не было сделано в отношении Палестины, но даже в этом случае это была крупная уступка со стороны мировой державы. В-третьих, мировой порядок был изменен в их пользу: ненавистное и "антисемитское" царское правление в России было заменено возглавляемым евреями большевистским движением, ненавистный и "антисемитский" кайзер Вильгельм II в Германии был заменен дружественным евреям Веймарским режимом, а находящиеся под еврейским влиянием правительства США и Великобритании восстановили свое мировое господство.

Наконец, как всегда, можно было делать деньги. Возглавляя Совет военной промышленности Вильсона, еврейский финансист Бернард Барух обладал чрезвычайной властью направлять военные расходы; мы можем быть уверены, что его привилегированные клиенты получили выгоду.¹ Но, возможно, лучше всего об этом сказал сенатор от штата Небраска Джордж Норрис. Выступая против призыва Вильсона к объявлению войны, Норрис заявил, что американцев обманывают "почти единодушным требованием великой комбинации богатства, которая имеет прямой финансовый интерес в нашем участии в войне". Более того, "большое количество крупных газет и информационных агентств страны контролируются и

вовлечены в величайшую пропаганду, которую когда-либо знал мир, для создания настроений в пользу войны". Резюмируя свою позицию, Норрис сказал следующее: "Мы вступаем в войну по команде золота".² Финансы, СМИ, "золото" - еврейские интересы процветали на многих фронтах.

Но Вильсона, очевидно, не затронули ни эти вопросы, ни его обещание своим соотечественникам-американцам "удержать нас от войны". Его команда еврейских сторонников и советников - Барух, а также Генри Моргантау-старший, Якоб Шифф, Самуэль Унтермайер, Пол Варбург, Стивен Уайз и Луис Брандейс - хотели войны, и они ее получили. Тот факт, что она обойдется Америке в 250 миллиардов долларов (в современном эквиваленте) и около 116 000 погибших в войне, не принимался во внимание в их расчетах.

Основная тема данного эссе - Вторая мировая война, но корни ее лежат в итогах Первой мировой войны. Поэтому я продолжаю рассказ с того времени.

Некоторый контекст

Прежде чем продолжить, мы должны кое-что учесть. Стремление евреев к большему влиянию и политической власти можно обнаружить на обеих сторонах Первой мировой войны. Российские имперские лидеры давно с подозрением относились к евреям и в основном изгоняли их в так называемую Палею Поселений, которая была создана на западе России в 1790-х годах. Начиная с 1880-х годов, западные СМИ публиковали преувеличенные сообщения о резне, погромах и других массовых убийствах среди российских евреев, число которых почти всегда записывалось как "6 миллионов" ³.

Это, естественно, вызвало глубокую враждебность к дому Романовых, и евреи стремились к его уничтожению. Особая враждебность была припасена для царя Николая II, который пришел к власти в 1894 году. В первой части я рассказал о потрясающе успешной попытке американского еврейского лобби отменить давний договор между США и Россией в 1911 году; это было небольшое наказание, направленное на царя. Однако конечной целью было его свержение, и поэтому мы можем представить себе радость мирового еврейского сообщества по поводу его падения в марте 1917 года. Как мы помним, царь и его семья были убиты еврейскими большевиками в июле следующего года.

Несколько похожая история произошла с правителем Германии Вильгельмом II, который пришел к власти в 1888 году. Там, однако, евреи процветали и пользовались относительно высокой степенью свободы, несмотря на явную личную неприязнь кайзера к ним. ⁴ Ранее я уже приводил впечатляющие статистические данные Сары Гордон о количестве евреев в юридической сфере, СМИ, бизнесе и академических кругах до Первой мировой войны. В банковском секторе они процветали; среди выдающихся немецко-

еврейских банковских семей были известные Ротшильды и Варбурги, а также Мендельсоны, Блейхродеры, Шпейеры, Оппенгеймы, Бамбергеры, Гутманны, Гольдшмидты и Вассерманы. Но, несмотря на богатство и успех, евреи не имели доступа к политической власти из-за наследственной монархии. Для них это было неприемлемо. Поэтому им пришлось ввести "демократию" - разумеется, со всеми причитающимися высокодуховными ценностями. Только через демократическую систему они могли оказывать прямое влияние на политическое руководство.

Поэтому, как только царь пал в России, раздались призывы повторить успех в Германии. 19 марта 1917 года, через четыре дня после свержения царя, газета "*Нью-Йорк Таймс*" сообщила, что Луис Маршалл похвалил это событие и добавил, что "можно ожидать, что восстание против самодержавия распространится на Германию". Два дня спустя еврейские ораторы в Мэдисон Сквер Гарден "предсказали восстание в Германии". Как поясняется в статье, "[некоторые] предсказывали, что революция рабочих классов России была предтечей подобных революций во всем мире. Ряд ораторов предсказали, что следующая революция произойдет в Германии" (21 марта). 24 марта Якоб Шифф поставил себе в заслугу помощь в финансировании русской революции. В то же время раввин Стивен Уайз возложил вину за предстоящее вступление Америки в Первую мировую войну на "немецкий милитаризм", добавив: "Я бы хотел, чтобы Бог дал нам возможность сражаться бок о бок с немецким народом за свержение гогенцоллернизма [т.е. кайзера Вильгельма]".

Как ни странно, Уайз исполнил свое желание. В течение двух недель Америка была втянута в войну. А примерно через 18 месяцев Вильгельм потерпел поражение и был вынужден отречься от престола.

Парижская мирная конференция

Выиграв войну, еврейская команда Вильсона стремилась диктовать мир. "Как оказалось, - замечает Роберт Шоган (2010: 25), - война принесет пользу сионистскому делу, отчасти благодаря роли Брандейса как доверенного советника [Вильсона]". Страны-победительницы собрались в Париже в январе 1919 года, и Американский еврейский конгресс был там в качестве собственной делегации. Шоган добавляет, что "[Стивен] Уайз был в Париже по заданию президента Вильсона, чтобы возглавить сионистскую делегацию на мирных переговорах". (Можно резонно спросить: почему у сионистов вообще есть своя делегация?) Луис Маршалл также занимал видное место среди американских евреев.

Целью евреев не было ни справедливое осуществление мира, ни справедливое отношение к Германии, а скорее максимизация выгоды для различных еврейских общин Европы и США. "В начале 1919 года", говорит Бен-Сассон (1976: 940), "дипломатическая деятельность в Париже стала главным фокусом различных попыток реализовать еврейские устремления". Финк (1998: 259) соглашается с этим: "В марте 1919 года в Париж прибыли просионистские и националистические еврейские делегации". Похоже, что почти каждая победившая нация имела своих еврейских представителей. Одни добивались формальных и явных прав евреев в своих странах, другие - признания еврейского национального государства. Польские евреи были заметными бенефициарами; им удалось добиться явного упоминания в польском Договоре о правах меньшинств.

Написав вскоре после этого события, ирландский философ и журналист Эмиль Диллон увидел это так:

Из всех коллективов, чьи интересы отстаивались на Конференции, у евреев были, пожалуй, самые

изобретательные и, безусловно, самые влиятельные представители. Были евреи из Палестины, из Польши, России, Украины, Румынии, Греции, Великобритании, Голландии и Бельгии, но самый большой и блестящий контингент был послан Соединенными Штатами. (1920: 12)

Описывая американскую сторону, Финк объясняет, что "ярый сионист Джулиус Мак и более умеренный Луис Маршалл быстро затмили ведущих американских антинационалистов Генри Моргентау, Оскара Страуса и Сайруса Адлера".

Хотя он был предрасположен сочувствовать еврейской беде, Диллон, тем не менее, отметил, что "религиозные" или "расовые" предрассудки "лежат в основе политики мистера Вильсона" (496). Это факт, сказал он, "что значительное число делегатов верили, что реальное влияние, стоящее за англосаксонскими народами, было семитским". Обобщая перспективы на будущее, он отметил общий вывод, сделанный многими в Париже: "Отныне миром будут управлять англосаксонские народы, которые, в свою очередь, находятся под влиянием своих еврейских элементов".

Среди американцев нееврейского происхождения был молодой Герберт Гувер, тогдашний секретарь продовольственной администрации США и, конечно, будущий президент. Его сопровождал еврейский помощник, финансист Льюис Штраус, который отметил заметную склонность своего босса к "защите прав евреев", особенно в Польше.⁵ Позже Штраус сыграет важную роль в финансировании ранних разработок атомной бомбы.

Обращение с немцами на конференции, как хорошо известно, было жестоким. Они ожидали, и им было обещано, что конференция станет справедливым урегулированием

законных военных претензий всех воюющих сторон - особенно учитывая сложный и запутанный характер начала военных действий. (Напомним: эрцгерцог был убит сербом в июне 1914 года; русская армия мобилизовалась и скопилась на границе Германии в июле; угрожаемая Германия объявила войну России в августе; франко-русский пакт требовал одновременного объявления войны Франции; Великобритания объявила войну Германии, как только ее армия перешла границу Бельгии). К моменту проведения мирной конференции Вильсон и его команда решили, что Германия одна несет ответственность за войну и, следовательно, должна нести все бремя репараций.⁶ Невыполнимые условия, навязанные им, заложили основу для подъема национал-социализма и следующей большой войны.

В целом, картина первой войны и последующей мирной конференции - это картина британского и американского угодничества перед еврейскими интересами. Действительно, главными бенефициарами войны были евреи, как в Америке, так и в Европе в целом. Для Германии это было катастрофическое событие; она понесла около 2 миллионов военных потерь, а также тысячи косвенных потерь среди гражданского населения, огромные финансовые долги и стала свидетелем окончания 900-летнего правления дома Гогенцоллернов. Это была трагедия для нации, которая, по словам Фэя (1928: 552), "не замышляла европейской войны, не хотела ее и прилагала искренние... усилия, чтобы предотвратить ее".

Америка, не имевшая законного интереса к сражениям в Европе, была втянута в них благодаря тому, что Вильсон выполнил требования евреев. Со своей стороны, Вильсон предстает в образе аморального политического интригана. Макмиллан (2010: 7) описывает его близкие, "возможно, романтические" отношения с несколькими женщинами во

время его первого брака. Теодор Рузвельт считал его "таким неискренним и хладнокровным оппортунистом, какого мы когда-либо имели на посту президента" (там же: 6). По мнению Ллойд-Джорджа, он был "бестактным, упрямым и тщеславным". Конечно, у всех нас есть свои недостатки, но для большинства из нас они не приводят к национальной катастрофе.

Еврейские революции

После падения царя Николая в марте 1917 года и после большевистской революции в октябре того же года еврейские революционеры стали особенно активны в Восточной и Центральной Европе. Окрыленные успехом в России, они надеялись повторить события в других странах. Бен-Сассон дает типично недооцененный отчет:

Новые силы, возникшие во многих странах... открыли новые горизонты деятельности для еврейских государственных деятелей либерально-демократического толка, особенно для тех, кто придерживался радикально-революционных взглядов. ...Евреи были также чрезвычайно активны в социалистических партиях, которые пришли к власти или приобрели политическое значение во многих европейских странах. Они были еще более заметны в коммунистических партиях, отколовшихся от социалистов... Короче говоря, никогда прежде в европейской истории столько евреев не играли столь активную роль в политической жизни и не занимали столь влиятельных постов... (1976: 943).

Другими словами, еврейские анархисты и воинствующие коммунисты ("новые силы") проводили насильственные восстания ("новые горизонты деятельности"), направленные на свержение правящих правительств и установление режимов, возглавляемых евреями. Бермант (1977: 160) подтверждает этот тезис: "большинство ведущих революционеров, потрясших Европу в последние десятилетия прошлого [19-го] века и первые десятилетия [20-го], происходили из процветающих еврейских семей". Это опять же соответствует давней тенденции еврейского бунтарства.

Не то чтобы все это было новостью; крупные политики того времени хорошо знали об этом. Лорд Бальфур, например,

однажды заметил помощнику Вильсона Эдварду Хаусу, что "почти весь большевизм и беспорядки подобного рода напрямую связаны с евреями всего мира. Они, кажется, полны решимости либо получить то, что они хотят, либо расстроить нынешнюю цивилизацию" [7](#) - краткое и точное резюме.

Возьмем, к примеру, Венгрию. Там венгерский еврей Бела Кун (Кон) в начале 1918 года основал и возглавил местное крыло Российской коммунистической партии, которая позже стала независимым образованием. Вместе с еврейскими коллегами Матьяшем Ракоши (Рот/Розенфельд) и Отто Корвином (Кляйн) партия Куна организовывала многочисленные забастовки и проводила жестокие и подрывные атаки против президента Кароли и правящих социал-демократов. В марте 1919 года Кароли подал в отставку, и партия СД заключила вынужденный союз с коммунистами Куна в надежде использовать его связи с российскими большевиками. Кун согласился, при условии, что правительство восстановит себя как "Венгерская Советская Республика", что и было сделано.

Как объясняет Мюллер (2010: 153), "из 49 комиссаров правительства 31 был еврейского происхождения". [8](#) Он предотвратил попытку переворота в июне, а затем провел то, что стало известно как "Красный террор"; это была военизированная группа, возглавляемая еврейскими идеологами Георгом Лукачем и Тибором Шамуэлем, которая выслеживала и убивала членов местной оппозиции. К несчастью для Куна, продолжающиеся конфликты с соседней Румынией привели к вторжению в Венгрию, а обещанная русская помощь так и не поступила. Кун и его соратники-евреи были изгнаны в августе, всего через 133 дня после прихода к власти.

Проблемы были не только в России и Венгрии. "Евреи играли заметную роль в коммунистических партиях в других странах",

- объясняет Бермант (172). В Польше, например, "около четверти членов партии и около трети делегатов партийных съездов были евреями". Однако польские коммунисты не смогли собрать достаточно сил, чтобы сместить недавно созданное правительство Юзефа Пилсудского.

Однако именно в Германии произошли самые значительные события, которые будут иметь долгосрочные последствия. Мы должны вспомнить события конца Первой мировой войны. Война давно зашла в тупик и превратилась, по сути, в битву на истощение. Американские войска, прибывшие на землю в середине и конце 1917 года, угрожали изменить ситуацию, но для немцев западный фронт в целом держался - даже до самого конца. Ни разу за все время он не отступил на немецкую территорию. Но даже если немцы смогли выстоять, их союзники не смогли. Болгария и Османская империя капитулировали к концу октября 1918 года. Австро-Венгрия сдалась в начале ноября. Однако последней каплей для немцев стали их домашние проблемы с евреями.

Неприятности начались с небольшого военно-морского мятежа в конце октября - начале ноября 1918 года в портах Киль и Вильгельмсхафен. Несколько моряков, рабочих и евреев из Независимой социал-демократической партии (USPD) объединили свои усилия для ненасильственного восстания против кайзера. Немецкие повстанцы просто хотели прекращения войны, в то время как еврейские повстанцы стремились к власти; в этом смысле это был естественный союз. Восстание" - в основном в форме всеобщей забастовки - быстро распространилось и в считанные дни достигло Мюнхена. Пытаясь прервать эти действия, социал-демократы (СДПГ), составлявшие большинство, призвали кайзера отречься от престола, и тогда они сформируют республиканское правительство. 9 ноября они одержали победу; Вильгельм ушел в отставку, и была провозглашена

новая "Германская республика". Именно это новое руководство подписало соглашение о перемирии 11 ноября, положив конец войне.

Однако у повстанцев УСПД были свои планы. В тот же день, когда была создана Германская республика, они объявили о создании "Свободной социалистической республики". Эта группа имела почти полностью еврейское руководство: Роза Люксембург, Гуго Хаазе, Карл Либкнехт (наполовину еврей), Лео Йогич, Карл Радек (Собельсон) и Александр Парвус (Гельфанд/Хельфанд) были доминирующими фигурами. И это были только активисты, сосредоточенные в Берлине. В Мюнхене другие еврейские повстанцы проводили отдельную, одновременную революцию, направленную на создание баварского коммунистического государства. Ведущим революционером УСПД там был еврейский журналист Курт Эйснер. 7 ноября он потребовал отречения от престола местного монарха, короля Людвига III. Король бежал на следующий день, а Эйснер объявил себя "министром-президентом" свободного баварского государства.

Однако вскоре удача покинула Эйснера. 21 февраля 1919 года на него было совершено покушение соратником-евреем Антоном Арко-Валли. Через несколько недель другие евреи из УСПД вернули себе власть и создали Баварскую советскую республику - третью в Европе после России и Венгрии. Ее лидером стал еврейский драматург Эрнст Толлер. Среди его группы были известные еврейские анархисты Густав Ландауэр и Эрих Мюхсам. Благодаря абсолютной некомпетентности правительство Толлера было узурпировано другой еврейской фракцией, возглавляемой Ойгеном Левином и полуевреем Отто Нейратом. Левин попытался установить настоящую коммунистическую систему, включая собственную "Красную армию", созданную по образцу русской. Но и в этом случае его

успех был недолгим. Остатки старой немецкой армии быстро вмещались и свергли коммунистов в начале мая.

Для еврейских повстанцев все закончилось не очень хорошо. Левин был схвачен и казнен, как и Ландауэр. Толлеру, Мюхсаму, Радеку, Парвусу и Нейрату удалось бежать. Люксембург и Либкнехт были застрелены немецкими солдатами в январе, а Йогич погиб при загадочных обстоятельствах в марте. Хаазе был убит невменяемым рабочим в ноябре того же года.

Но это был далеко не конец их влияния в Германии. УСПД была воссоздана как Коммунистическая партия Германии (КПД) под руководством Пауля Леви. Правящая СДПГ тем временем объединила усилия с умеренной Германской демократической партией (ДДП), собравшись в январе 1919 года в Веймаре для создания конституционной формы правления. Евреи были в первых рядах обеих партий: Отто Ландесберг, Эдуард Бернштейн и Рудольф Хильфердинг в СДПГ и Вальтер Ратенау в ДДП; Ратенау в итоге был назначен министром иностранных дел Германии.⁹ Его еврейский коллега, Гуго Преус, написал Веймарскую конституцию. Это еврейское влияние хорошо описал филосемит и лауреат Пулитцеровской премии американский журналист Эдгар Моурер. Написав в 1933 году, он отметил, что

большое количество евреев вступило в Социал-демократическую партию [СДПГ], которая унаследовала власть в результате [Ноябрьской] революции. Другие евреи стекались в Демократическую партию [ДДП], группу, которая, конечно, не упускала ни единого шанса благоприятствовать интересам торговли, банковского дела и биржи... (1933: 227)

Интересно, что тогда, как и сейчас, они, похоже, охватили все базы: либеральные, левые евреи доминировали в СДПГ, а капиталистические, правые евреи - в ДДП. Таким образом, независимо от того, какая партия получила контроль, евреи сохранили свое влияние. Подтверждая мои предыдущие утверждения, Моурер добавил, что "ряд явных революционных лидеров, Роза Люксембург в Берлине, Эрих Мюхзам и Эрнст Толлер в Мюнхене, были евреями". Он продолжил:

В послевоенной политике любое количество евреев поднималось до руководящих постов. Как в Рейхе, так и в федеральных землях евреи, особенно социал-демократы, становились министрами кабинета министров. В бюрократии евреи быстро поднимались до руководящих должностей, и примерно до 1930 года их число, казалось, росло.

Резюмируя ситуацию, он заметил, что "короче говоря, после революции евреи пришли в Германию, чтобы играть в политике и администрации ту же значительную роль, которую они ранее завоевали в открытой конкуренции в бизнесе, торговле, банковском деле, прессе, искусстве, науке, интеллектуальной и культурной жизни страны" (228).

Новая Веймарская республика была должным образом подписана в августе 1919 года. Неудивительно, что она была очень дружелюбна к немецким евреям, устранив все остатки юридических препятствий и предоставив им полный доступ к бизнесу, науке и правительству - тот самый процесс, который описал Моурер. Как говорит Лавский (1996: 41), "вся оставшаяся дискриминация была отменена, и не было никаких ограничений на участие в общественной жизни Германии". Жизненно важную роль, которую играли евреи Веймарской республики, кратко объясняет Уолтер Лакер:

Без евреев не было бы "веймарской культуры" - в этом смысле претензии антисемитов, ненавидевших эту культуру, были оправданы. Они были в авангарде каждого нового смелого, революционного движения. Они занимали видное место среди поэтов-экспрессионистов, среди романистов 1920-х годов, среди театральных продюсеров и, на некоторое время, среди ведущих деятелей кино. Им принадлежали ведущие либеральные газеты, такие как "*Берлинер Тагесблатт*", "*Воссише Цайтунг*" и "*Франкфуртер Цайтунг*", и многие редакторы тоже были евреями. Многие ведущие либеральные и авангардные издательства находились в руках евреев (С. Фишер, Курт Вольф, Кассиреры, Георг Бонди, Эрих Райсс, Malik Verlag). Многие ведущие театральные критики были евреями, и они доминировали в сфере легких развлечений". (1974: 73)

Лакер, однако, не объясняет, что прославленная "веймарская культура" была, пожалуй, наиболее известна своей разнузданностью, распущенностью и общей моральной испорченностью.¹⁰ "Они утвердились в университетах, на государственной службе, в юриспруденции, бизнесе, банковском деле и свободных профессиях", - добавляет Лавский. "Некоторые сферы были практически монополизированы евреями, а их вклад в журналистику, литературу, театр, музыку, пластические искусства и развлечения был значительным".

Именно эта центральная роль евреев в социальных потрясениях, Ноябрьской революции и новой Веймарской республике побудила трех немецких активистов и интеллектуалов - Антона Дрекслера, Готфрида Федера и Дитриха Экарта - основать в январе 1919 года *Немецкую армейскую партию* (ДАП). Эта партия стала предшественницей национал-социалистической ДАП (НСДАП), или нацистской

партии. Одним из их первых новобранцев стал расстроенный 30-летний бывший солдат Адольф Гитлер.

В "*Майн Кампф*" Гитлер в болезненных, личных подробностях описывает, как молодые немецкие мужчины шли сражаться и умирать на передовой, даже когда еврейские активисты и повстанцы подрывали имперское правительство у себя дома. Называя их "закоренелыми преступниками", он добавляет, что все это время "эти лжесвидетели готовили революцию" (I.5).[11 Находясь в](#) октябре 1916 года в медицинском отпуске на фронте, он описывает ситуацию в Мюнхене:

Гнев, недовольство, жалобы слышались отовсюду. ... В административных учреждениях работали евреи. Почти каждый клерк был евреем, и каждый еврей был клерком. ... В деловом мире ситуация была еще хуже. Здесь евреи фактически стали "незаменимыми". Как пиявки, они медленно высасывали кровь из пор национального организма. ... Поэтому уже в 1916-1917 годах практически все производство находилось под контролем еврейских финансов". (I.7)

Гитлер вернулся на фронт в марте 1917 года, а в октябре следующего года был поражен ипритом. Газ сильно обжег ему глаза, и он был отправлен на излечение в военный госпиталь. Там он впервые услышал о революции. Еврейско-марксистская "банда отвратительных и развращенных преступников" возглавила свержение императора и пыталась взять власть в свои руки. Их восстания будут кратковременными, но вскоре Веймарский режим, находящийся под еврейским влиянием, возьмет власть в свои руки, и это будет едва ли лучше. Именно эти события привели Гитлера к политической активности.

Межвоенный период и становление Рузвельта

1920 год был годом определенной важности. В феврале была официально создана НСДАП под руководством Гитлера. В том же месяце 46-летний Уинстон Черчилль написал свою печально известную статью "Сионизм против большевизма", в которой он осуждал пагубную роль еврейских марксистов, таких как Троцкий, Кун, Люксембург и американка Эмма Goldman.¹² А в США Генри Форд только что начал свою двухлетнюю серию статей о "международном еврее".

В следующем году, в конце 1921 года, Форд вспоминал свои прошлые усилия по мирному завершению Первой мировой войны.¹³ В то время, по его словам, "именно сами евреи убедили меня в прямой связи между международным еврейством и войной".

[Они объяснили мне], с помощью каких средств евреи контролируют войну, как у них есть деньги, как они загнали в угол все основные материалы, необходимые для ведения войны... Они сказали... что евреи начали войну; что они будут продолжать ее столько, сколько захотят, и что пока евреи не остановят войну, она не может быть остановлена". (*Нью-Йорк Таймс*, 5 декабря 1921 г., с. 33)

Это была постоянная тема в серии "Международный еврей" Форда.

Тем временем за океаном Ленин (на четверть еврей) и его еврейские коллеги-большевики основали Советский Союз в декабре 1922 года. В следующем году Гитлер и другие члены НСДАП предприняли неудачную попытку переворота в Баварии, что привело к его 12-месячному тюремному заключению и последующему написанию "*Майн Кампф*". В начале 1924 года Ленин и Вудро Вильсон умерли в течение месяца друг от друга.

В середине и конце 1920-х годов произошло мало примечательных событий. Еврейская иммиграция в США продолжала расти, и к 1927 году их число превысило 4,3 миллиона человек. Евреи продолжали проникать в Голливуд: Маркус Лью приобрел студию MGM, братья Кон возглавили Columbia Broadcasting System, а Дэвид Сарнофф основал RKO Pictures. В политической сфере республиканец и христианский сионист Герберт Гувер победил на президентских выборах 1928 года, а относительно неизвестный демократ Франклин Д. Рузвельт получил пост губернатора Нью-Йорка.

С самого начала Рузвельт имел тесные и постоянные связи с американскими евреями, которые окажутся решающими для его действий во Второй мировой войне. Его кандидатом на выборах в Нью-Йорке был Герберт Леман, сын немецких евреев. (Его соперник-республиканец, еврейский генеральный прокурор Альберт Оттингер, не смог привлечь голоса евреев, как это сделал Рузвельт; это кое-что говорит о силе связи Рузвельта с этой группой). Вступив в должность губернатора, Рузвельт, по словам Шогана (2010: 5), "заполнил ряд ключевых должностей из числа многочисленного еврейского населения штата". Одним из его первых важных назначений было назначение его давнего друга Генри Моргентхау-младшего в сельскохозяйственный комитет штата Нью-Йорк. Он также назначил бывшего спичрайтера Сэмюэля Розенмана "советником губернатора". Оба они сыграют важную роль в его президентстве.

Другие евреи, однако, также проявляли интерес к Рузвельту - в частности, судья Верховного суда Луис Брандейс и его протеже, гарвардский юрист Феликс Франкфуртер. Еще до победы на выборах губернатора Нью-Йорка "Брандейс предупредил Франкфуртера о своем желании пообщаться с человеком, который, по его мнению, когда-нибудь станет президентом страны" (там же: 72). И действительно, "в течение следующих

четырёх лет Брандейс был доволен тем, что Франкфуртер был его проводником в губернаторские покои в Олбани".

Те же выборы, которые привели Рузвельта в кресло губернатора, привели Гувера в президентское кресло. Как я уже отмечал ранее, он долгое время отстаивал еврейские интересы. Став президентом, Гувер сделал все возможное для евреев, назначив Юджина Мейера председателем ФРС в 1930 году и назначив второго еврейского судью, Бенджамина Кардозо, в Верховный суд в марте 1932 года. Но к тому времени Великая депрессия была уже в самом разгаре, что лишило его шансов на переизбрание.

Еврейская родословная Рузвельта?

Прежде чем перейти к долгому и историческому пребыванию Рузвельта на посту президента, я хочу напомнить о вопросе, который я поднял в первой части этой серии: Был ли Рузвельт евреем? Ранее я отмечал, что его пятый кузен Теодор утверждал, что он еврей, по словам бывшего губернатора штата Мичиган Чейза Осборна. Мне пока не удалось найти независимого подтверждения этому утверждению, хотя, казалось бы, нет причин, по которым Осборн мог бы солгать о таком. В конце концов, оба они были хорошими республиканцами. Но что еще более важно, Осборну было бы что сказать о Рузвельте, как я сейчас объясню.

Что касается Франклина, то он оставил много подсказок о возможном еврейском происхождении, начиная с 1914 года. В письме другу после рождения сына Франклина-младшего он написал, что подумывал назвать его Исааком - классическим еврейским именем, которое носили его дед и прадед. Но семья воспротивилась: "Это имя не встретило энтузиазма, тем более что нос у ребенка слегка гебраистский, и у семьи возникли видения Ики Розенвельта, хотя я настаиваю, что это очень хороший новоамстердамский голландский".¹⁴ Для Шогана это признак скрытого антисемитизма, но я считаю это маловероятным оправданием. Какой истинный антисемит признает, что его новорожденный сын похож на еврея? Или задумался бы о еврейском имени? Скорее всего, это была внутренняя шутка, из тех, что люди могут сказать семье или близким друзьям об определенном этническом наследии в своем собственном происхождении.

Двадцать лет спустя - еще одна подсказка. В 1934 году президент Рузвельт подарил жене Генри Моргентау свою фотографию с Генри Моргентау. На ней была такая надпись: "Для Элинор от одного из двух в своем роде".¹⁵ Да, но двух в

каком роде? Демократы? Американцев? Евреи? Странное замечание.

В том же году было опубликовано познавательное интервью с Осборном, которое положило начало длительной дискуссии о наследии Рузвельта. В номере газеты "*St. Petersburg (Fla.) Times*" от 8 февраля 1934 года было опубликовано интервью, в котором Осборн утверждал, что Рузвельты происходят от Россакампус, еврейской семьи, изгнанной из Испании в 1620 году. Эта семья распространилась по Европе и изменила свое написание в соответствии с различными местами, где они обосновались: Розенберг, Розенблюм, Розенталь, а в Голландии - Розенвелт. "Розенвелты в Северной Голландии в конце концов стали Рузвельтами", - утверждал Осборн, что на самом деле похоже на правду: патриарх семьи, Клаес ван Розенвелт, иммигрировал в США в 1649 году. Его сын Николас, очевидно, отбросил "ван" и изменил написание на стандартное.

Вскоре эту историю подхватило и повторило небольшое мичиганское издание *Civic Echo*. Через год еврейский журналист и издатель Филип Сломовиц наткнулся на статью в *Echo* и решил написать непосредственно Рузвельту, чтобы узнать его мнение. 7 марта 1935 года президент ответил:

Я благодарен вам за ваше интересное письмо от четвертого марта. Я не имею ни малейшего представления об источнике истории, которая, по вашим словам, пришла от моего старого друга Чейза Осборна. ... В далеком-далеком прошлом они [Рузвельты] могли быть евреями, католиками или протестантами - меня больше интересует, были ли они хорошими гражданами и верующими в Бога... Надеюсь, что они были и теми, и другими". (цитируется по Slomovitz 1981: 5)

И снова это подозрительно осторожный ответ Рузвельта. Его слова о том, что его родственники "могли быть евреями", звучат так, как будто он знает эту правду, не хочет открыто признавать ее, но не может заставить себя солгать об этом.

Сломовиц планировал опубликовать ответ в своей газете *Detroit Jewish Chronicle*. Но не успел он это сделать, как об этом узнала газета "Нью-Йорк Таймс" и поместила текст в своем номере от 15 марта на первой странице.

Сломовиц передал этот ответ Осборну, который повторил свое первоначальное утверждение в ответном письме от 21 марта: "Президент Рузвельт достаточно хорошо знает, что его предки были евреями. Я слышал, как Теодор Рузвельт дважды заявлял, что его предки были евреями. Один раз - когда я спросил его об этом после того, как он сделал приятное эвфемистическое заявление в речи на еврейском собрании" (там же: 6-7). Осборн непреклонен. И важно отметить, что он *не воспринимает* это еврейское наследие как оскорбление; на самом деле, совсем наоборот. Он, очевидно, христианский сионист (и республиканец), и поэтому рассматривает это как искупительное качество. Поэтому он, скорее всего, не стал бы выставлять демократа Франклина в таком положительном свете, если бы не верил, что это правда. Похоже, что он говорил, основываясь на фактах, пусть и неподтвержденных.

Если Сломовиц и был склонен сомневаться в утверждении Осборна, то вскоре еще одно письмо укрепило его веру. 27 марта он получил записку не от кого иного, как от раввина Стивена Уайза из Нью-Йорка. Уайз, очевидно, видел статью в *New York Times* и написал, чтобы подтвердить ее. В своем письме он пересказывает "почти дословную расшифровку", переданную ему его женой, которая ранее присутствовала на обеде с женой Рузвельта Элеонорой, и которая сказала следующее: "Часто мы с кузиной Элис говорим, что все мозги в

семье Рузвельтов происходят [sic] от нашей еврейской прабабушки" (там же: 9). Затем она якобы добавила имя: "Эстер Леви". Элис, о которой идет речь, была старшим ребенком Теодора; отец Элеоноры Эллиот был его братом. Их общей прабабушкой должна была быть либо Маргарет Барнхилл, либо Марта Стюарт - ни одна из них, к сожалению, не является еврейкой. И у нас нет сведений о какой-либо Эстер Леви в роду Рузвельтов. Немного загадок.

Затем в письме происходит небольшой поворот. Элеонора продолжила: "Всякий раз, когда кузина Элис или я упоминаем о нашей еврейской прабабушке, мать Франклина [Сара Делано] очень сердится и говорит: "Ты же знаешь, что это не так. Почему ты так говоришь?"". Еще одно озадачивающее замечание, которое Уайз оставляет без объяснения.

Уайз завершает письмо своей собственной оценкой: Рузвельт "знает, что то, что я [Уайз] только что написал, является правдой, но считает более мудрым и целесообразным не делать никаких публичных упоминаний об этом в настоящее время". Письмо, в конце концов, было помечено как "Строго личное и конфиденциальное". Уайз добавляет, что "вы [Сломовиц], однако, не должны этим пользоваться. Я думаю, что сейчас лучше дать этому вопросу заглухнуть". Странная серия комментариев, конечно.

Много лет спустя появилась последняя маленькая подсказка. С середины 1920-х до середины 1930-х годов дочь Франклина Анна была замужем за биржевым маклером по имени Кертис Далл. После рождения двух детей они развелись в 1934 году. Три десятилетия спустя Далл опубликовал книгу "*Рузвельт: Му Exploited Father-in-law*" (1968). В ней мы читаем следующее предложение: "Как я понял, происхождение семьи Франклина Рузвельта было составным из английских, голландских,

еврейских и французских корней" (98). Дальнейшее развитие событий отсутствует.

В итоге остается много вопросов, но кажется весьма вероятным, что Рузвельты были, по крайней мере, частично евреями.¹⁶ Возможно, более важный вопрос заключается в следующем: Имеет ли это значение? Я считаю, что имеет, по двум причинам. Во-первых, это основной вопрос исторической точности; если у нас действительно был частично еврейский президент, или, скорее, два таких президента, то учебники истории должны отражать эту реальность. Вероятно, в обширных президентских архивах есть и другие соответствующие свидетельства, и открытое признание может пролить на них свет.

Во-вторых, что более важно, это возможное влияние, которое это могло оказать на действия Рузвельта до и во время Второй мировой войны. Имея хотя бы частично еврейское наследие, он, вероятно, был бы более благосклонен к еврейскому делу, более благосклонен к евреям в своей администрации и более склонен к самопожертвованию во имя еврейских интересов. Факты показывают, что все это действительно имело место - именно поэтому "Франклин Рузвельт был первым великим героем американских евреев" (Shogan 2010: xi). Семейные связи", безусловно, помогают объяснить такие вещи.

В качестве альтернативы, как это часто бывает сегодня, это мог быть исключительно вопрос денег - вознаграждение тем, кто проложил себе путь к вершине. Но, возможно, самым убедительным является следующее: это было сочетание того и другого. Если Рузвельт в силу своего наследия был предрасположен симпатизировать евреям, а они, в свою очередь, финансировали его кампании и поддерживали его в средствах массовой информации, то это было бы мощным стимулом для того, чтобы вознаградить их в своей

администрации и склониться к их мнению, когда пришло время развернуть американскую военную мощь. Сейчас я рассмотрю этот случай.

"Все евреи президента"

Доводы в пользу возможной еврейской руки во Второй мировой войне можно было бы привести, если бы мы могли показать следующее:

1. обширное и влиятельное еврейское присутствие в администрации Рузвельта,
2. что американская общественность не хотела войны,
3. что влиятельные американские евреи действительно хотели войны,
4. что Рузвельт тайно действовал в интересах войны,
5. что управляемые евреями американские СМИ поддерживали войну, и
6. что США вступили в войну под ложным предлогом.

Я приведу конкретные данные по первым двум пунктам, а затем рассмотрю остальные пункты в совокупности.

Ранее я показал зависимость Рузвельта от еврейских сторонников во время его губернаторского срока. Когда пришло время начать президентскую кампанию, его старые приятели были готовы помочь. Как объясняет Шолник (Scholnick, 1990: 193), "ряд богатых еврейских друзей внесли свой вклад в фонд предвыборной кампании Рузвельта: Генри Моргентау-младший, лейтенант-губернатор Леман, Джесси Страус, [и] Лоуренс Стейнхардт". Как только праймериз закончились, "кампанию Рузвельта в значительной степени финансировал Бернард Барух".

Первое правило в политике - вознаграждать тех, кто финансирует ваш путь к успеху. Поэтому неудивительно, что "[администрация Рузвельта] содержала большую долю евреев,

чем любая другая" (Michael 2005: 178). По словам Герцштейна (1989: 40), "евреи действительно занимали более видное место, чем когда-либо прежде в американской истории". Так кто же были эти ведущие фигуры, которые так доминировали в годы правления Рузвельта? Во главе списка стояла "Большая пятерка", "президентские евреи", как говорит Шоган, которые имели самую большую руку в изменении событий в рамках президентства: Луис Брандейс, Феликс Франкфуртер, Генри Моргантау-младший, Сэм Розенман и Бен Коэн.

Разумеется, Брандейс был действующим судьей Верховного суда задолго до того, как Рузвельт выдвинул свою кандидатуру на этот пост, будучи назначенным туда своим другом Вудро Вильсоном в 1916 году. Еще до своего избрания в 1932 году Рузвельт организовал встречу с Брандейсом для обсуждения политики. Согласно Шогану (2010), судья вскоре направил Рузвельту "широкий план Нового курса" (72). Несколько лет спустя, в 1938 году, "Брандейс сделал свой первый звонок Рузвельту от имени евреев" (83). Такое участие судьи Верховного суда в управлении государством, по меньшей мере, необычно. Другие назвали бы его вопиюще незачинным. Судьи должны выносить решения по конституционным вопросам, а не разрабатывать политику. Очевидно, он знал это, и поэтому обычно работал через еврейских посредников, таких как Франкфуртер и Коэн, чтобы донести свое послание до президента.

В повседневной жизни Франкфуртер был особенно важен. Уже к 1933 году он стал "вероятно, самым влиятельным советником Рузвельта" (там же: 105). Возмущенный масштабами его власти, американский генерал Хью Джонсон назвал его "самым влиятельным человеком в Соединенных Штатах" (86).¹⁷ Франкфуртер, по его словам, "протацил своих ребят на малоизвестные, но ключевые посты в каждом жизненно важном департаменте", связанном с Новым курсом.

Позже, когда Европа была на грани войны, Франкфуртер, очевидно, сыграл важную роль в инициировании серии секретной переписки между Рузвельтом и Черчиллем в очень деликатный момент - нейтральные президенты не должны вести секретные переговоры с лидерами воюющих стран.¹⁸ Франкфуртер, как мы знаем, будет хорошо вознагражден Рузвельтом за свои усилия, выдвинувшись в Верховный суд в январе 1939 года.

Двигаясь вниз по списку: Рузвельт "был так близок к Генри Моргантау... как ни к одному человеку" (там же: 32). Настолько близок, что Франклин сделал его вторым евреем, когда-либо входившим в президентский кабинет; он был назначен министром финансов в начале 1934 года и прослужил до конца войны.¹⁹ Позже Генри станет автором печально известного "плана Моргантау" - политики по фактическому уничтожению послевоенной Германии. Это опять же было вопиюще несовременным действием со стороны министра финансов, который формально не должен заниматься внешней политикой. Но это, очевидно, не остановило его от попыток.

Двумя самыми молодыми членами "Большой пятерки" были Розенман и Коэн. Хотя Розенман работал судьей штата Нью-Йорк, он также выполнял функции "главного спичрайтера и ведущего советника Рузвельта" (там же: 9). Уорд (1989: 254) отмечает, что он был "близким помощником с 1928 года и далее", то есть еще до губернаторства Рузвельта. Адвокат Бенджамин Коэн стал одним из ключевых разработчиков жизненно важного для Рузвельта законодательства "Нового курса", которое стало его неизменным экономическим наследием. Он явно пользовался вниманием президента; Насоу (2012: 358) называет его "неофициальным эмиссаром судьи Брандейса и Феликса Франкфуртера".

Но что более важно, Коэн был ведущим архитектором и исполнителем печально известного плана "баз для эсминцев" середины-конца 1940 года. В то время Великобритания находилась в состоянии войны и остро нуждалась в военной помощи со стороны США. Но, будучи нейтральной страной, по закону она не могла оказать помощь. Тогда Коэн придумал план, по которому Америка "одолжит" Великобритании 50 военных кораблей в обмен на использование определенных глобальных баз, которые принадлежали ей. "Используя причесанные формальности и недоказуемые утверждения о национальной обороне, меморандум [Коэна] растянул закон, создав достаточно широкую лазейку для пятидесяти военных кораблей, чтобы они могли проскочить через нее на пути к Королевскому флоту", - говорит Шоган (152). В поисках юридического одобрения этого вопиюще незаконного действия Рузвельт обратился к... судье Франкфуртеру. И, к всеобщему удивлению, судья дал свое благословение. Британцы, конечно, были в восторге. Для немцев это был настоящий акт войны со стороны номинально нейтральных американцев. И что особенно важно, это, по-видимому, сыграло решающую роль в том, что Гитлер подписал пакт о взаимной обороне с Японией в октябре 1940 года; именно это соглашение послужило толчком к объявлению Германией войны Соединенным Штатам после нападения на Перл-Харбор.

Помимо "большой пятерки", несколько других евреев играли влиятельные роли. Бернард Барух, еще один приверженец Вильсона, был финансовым советником по совместительству и "видным доверенным лицом" Рузвельта и Черчилля.²⁰ Джером Франк был близким помощником, как и Дэвид Найлс. Джеймс Варбург, сын Пола, был одним из первых финансовых советников. В мае 1934 года Юджин Блэк был назначен председателем ФРС, а Джесси Страус - послом во Францию, даже когда его племянник, Натан Страус младший, возглавил

Управление жилищного строительства США. Уильям Буллит, на четверть еврей, получил два важнейших посольства: сначала в Советский Союз, а затем, во время войны, во Францию.²¹ Лоуренс Стейнхардт, который так много помогал в финансировании избирательной кампании, получил ряд посольств на протяжении всего срока пребывания Рузвельта у власти. Старый друг Франклина Герберт Леман был назначен главой нового Управления иностранной помощи и реабилитации в 1943 году. Герберт Фейс был влиятельным советником по экономике в Государственном департаменте. Эйб Фортас занимал должность заместителя министра внутренних дел. Чарльз Визански был генеральным солиситором в Министерстве труда. Мордекай Эзекиль был советником по экономике министра сельского хозяйства. Дэвид Лилиенталь стал председателем TVA. Другие евреи, такие как Сидни Хиллман и Роуз Шнайдерман, стали важными советниками по вопросам труда.

Даже некоторые нееврейские члены команды Рузвельта имели семитские связи. Жена многолетнего госсекретаря Корделла Халла, Фрэнсис Витц, была еврейкой. Супруга архитектора "Нового курса" и близкого доверенного лица Гарри Хопкинса (Этель Гросс) тоже была еврейкой. Мы можем быть уверены, что они симпатизировали еврейскому делу. В целом, можно понять мотивацию критиков Рузвельта, которые называли его администрацию "еврейским курсом"²².

Что касается второго вопроса, то бесспорно, что американцы в подавляющем большинстве хотели избежать войны. В радиообращении от 23 апреля 1941 года ведущий сторонник антивоенных действий Чарльз Линдберг осудил курс действий, "против которого выступают более 80 процентов наших граждан". В своем обращении за месяц до этого конгрессмен Гамильтон Фиш заявил, что "где-то между 83 и 90 процентами людей, согласно различным опросам Гэллопа, выступают

против нашего вступления в войну, если на нас не нападут".[23](#) Данные подтверждали эти заявления. Согласно опросам, проведенным в июне и июле 1940 года, от 81 до 86% респондентов предпочли бы "остаться в стороне" от войны, если бы она была поставлена на голосование.[24](#) Другой опрос, проведенный в июле 1941 года, зафиксировал цифру 79%.[25](#) Самый высокий показатель был зафиксирован несколько раньше, в отчете, опубликованном в середине 1938 года; на вопрос "Если в Европе начнется новая война, подобная Первой мировой войне, должна ли Америка снова принять в ней участие?" 95% респондентов ответили "Нет".[26](#) Такие цифры в целом сохранялись вплоть до нападения на Перл-Харбор.

Путь к войне

Остальные моменты, как мне кажется, станут понятны, если проследить некоторые ключевые события и наблюдения в хронологическом порядке.

Как хорошо известно, евреи всего мира выступили против Гитлера, как только он пришел к власти в 1933 году, о чем свидетельствует печально известный заголовок "Иудея объявляет войну Германии" в британской газете *Daily Express* от 24 марта 1933 года. В определенном смысле это было понятно. Положив конец Веймарской республике, в которой после Первой мировой войны доминировали евреи, Гитлер быстро изгнал их с властных постов и ввел немедленные ограничения на их передвижение и деловую практику. В действительности, можно предположить, что это не было не связано с удивительным экономическим возрождением Германии.

Но западные СМИ не видели этого. Уже в апреле 1933 года газета "Нью-Йорк Таймс" сообщала об "экономическом уничтожении евреев в Германии" (6 апреля). Два месяца спустя мы читаем, просто, что "программа Гитлера - это программа уничтожения" (29 июня). В августе мы с шоком узнаем, что "600 000 евреев грозит неминуемое уничтожение" (16 августа). Здесь мы можем наглядно увидеть, как миф об "уничтожении" быстро эволюционировал из простого плана экономического исключения.²⁷

Для немцев западные СМИ, особенно американские, означали *еврейские* СМИ. Уже в 1934 году они рассматривали их как потенциальную угрозу. В коммюнике немецкого посла в США Ганса Лютера отмечалось, что Америка обладает "самой сильной еврейской пропагандистской машиной в мире".²⁸ Это замечание было сделано в свете доминирования евреев в Голливуде и того факта, что евреи владели двумя

крупнейшими американскими газетами, "Нью-Йорк Таймс" и "Вашингтон Пост".²⁹ Впечатление Лютера поддерживалось немецким руководством на протяжении всей войны. Геббельс, например, написал в своем дневнике от 24 апреля 1942 года следующее: "Мне дали некоторые статистические данные о доле евреев в американском радио, кино и прессе. Процент действительно пугающий. Еврейство контролирует 100% кинобизнеса и от 90 до 95% прессы и радио"³⁰.

К середине 1930-х годов Германия переживала поразительный экономический подъем, который был особенно поразителен, учитывая ее разруху после Первой мировой войны и то, что он произошел во время Великой депрессии. Всего за первые четыре года Гитлер сократил безработицу с 6 миллионов до 1 миллиона человек; уровень безработицы упал с 43,8%, когда он вступил в должность, до практически нулевого уровня к концу 1938 года. Всего за четыре года он увеличил ВВП на 37%, а производство автомобилей выросло на 400%. По сути, он в одиночку покончил с депрессией в Германии. Еще два года, и страна стала бы мировой державой первого ранга.

Таким образом, Германия стала реальным конкурентом традиционных мировых держав. Черчилль чувствовал особую угрозу. В своих показаниях в Конгрессе американский генерал Роберт Вуд вспомнил высказывание британского политика, сделанное в 1936 году: "Германия становится слишком сильной. Мы должны разбить ее".³¹ Это говорит о воинственном настрое Черчилля задолго до агрессии Гитлера. Как мы знаем, именно Великобритания объявила войну Германии, а не наоборот.

В октябре 1937 года Рузвельт произнес свою знаменитую "карантинную" речь. Здесь мы находим одно из первых, хотя и косвенных, указаний на то, что он предвидит время, когда США вступят в прямой конфликт с Германией, и тонко

пропагандирует общественность в пользу войны. Опасность Гитлера преувеличивается, нейтралитет и изоляция преуменьшаются, необоснованные утверждения и осторожные условные заявления разбрасываются - и все это на языке мира. Если Гитлер одержит верх, "пусть никто не думает, что Америка спасется, ... что Западное полушарие не подвергнется нападению". "Простой изоляцией или нейтралитетом не спастись", - сказал он; "международная анархия разрушает все основы мира". "Мы полны решимости не допустить войны", - сказал Рузвельт, - "но мы не можем застраховать себя от катастрофических последствий войны и опасностей, связанных с участием в ней". Не жалея гипербол, он добавил, что, если Германия начнет войну, "буря будет бушевать до тех пор, пока каждый цветок культуры не будет растоптан, а все человеческие существа не сравняются с землей в огромном хаосе". Это трудно истолковать иначе как указание на то, что путь насильственной конфронтации уже выбран, и что начался долгий процесс убеждения неохотно идущей общественности в том, что она должна его поддержать.

К этому времени еврейские лобби по всему миру, но особенно в Великобритании и США, начали настойчиво требовать военных действий, чтобы вмешаться от имени своих осажденных единоверцев в нацистской Германии и снова свергнуть ненавистный режим - не обращая внимания на то, что немцы, возможно, имели некоторое право на самоопределение. Одно из первых явных доказательств этого пришло в начале 1938 года от польского посла в США Ежи Потоцкого. Он доложил в Варшаву о своих наблюдениях за американской политической сценой:

Давление евреев на президента Рузвельта и Государственный департамент становится все более мощным... Евреи сейчас являются лидерами в создании военного психоза, который ввергнет весь мир в войну и

приведет к всеобщей катастрофе. Это настроение становится все более очевидным. В своем определении демократических государств евреи также создали настоящий хаос; они смешали идею демократии и коммунизма и, прежде всего, подняли знамя пламенной ненависти к нацизму.

Эта ненависть превратилась в безумие. Она пропагандируется везде и всеми средствами: в театрах, в кино, в прессе. Немцев изображают как нацию, живущую под высокомерием Гитлера, который хочет завоевать весь мир и утопить все человечество в океане крови. В беседах с представителями еврейской прессы я неоднократно сталкивался с неумолимым и убежденным мнением, что война неизбежна. Это международное еврейство использует все средства пропаганды, чтобы противостоять любой тенденции к какой-либо консолидации и взаимопониманию между народами. Таким образом, в общественном мнении здесь неуклонно, но верно растет убеждение, что немцы и их сателлиты в форме фашизма являются врагами, которые должны быть покорены "демократическим миром". (9 февраля)32

Такая точка зрения подтверждается в письме сенатора Хайрама Джонсона (штат Калифорния), написанном его сыну в том же году. Лагеря сторонников и противников войны были ясны: "все евреи [находятся] на одной стороне, с диким энтузиазмом поддерживают президента и готовы сражаться до последнего американца". Хотя Джонсон и сочувствовал им, он не был заинтересован в том, чтобы вести войну от их имени. Он и другие политики-единомышленники хотели высказаться, "но все боятся - признаюсь, я боюсь этого - обидеть евреев".³³ За 75 лет ситуация почти не изменилась.

Берни Барух, со своей стороны, определенно жаждал драки. В разговоре с генералом Джорджем Маршаллом он сказал: "Мы собираемся вылизать этого парня Гитлера. Ему это с рук не сойдет".³⁴ Интересно, откуда он мог это знать в 1938 году? На самом деле, это не такая уж большая загадка: Черчилль, очевидно, сказал ему об этом. Как пишет Шервуд (Sherwood, 1948: 111), Черчилль - тогда еще первый лорд Адмиралтейства - сказал Баруху следующее: "Война грядет очень скоро. Мы будем в ней, и вы (Соединенные Штаты) будете в ней. Вы (Барух) будете управлять шоу там, а я буду в стороне здесь". Это поразительное утверждение; откуда Черчилль мог знать такое в 1938 году? Аншлюс с Австрией был завершен в марте того года, а в октябре Германия аннексировала Судетскую область, но в сентябре было подписано Мюнхенское соглашение, номинально сохранявшее некий непрочный мир. Что же могло убедить Черчилля в том, что война неизбежна, и что американцы будут руководить шоу? Может быть, Хрустальная ночь? Было ли это последней каплей для мирового еврейского лобби?

Очевидно, так думал лорд Бивербрук. В письме Фрэнку Ганнетту в декабре 1938 года он сделал следующее поразительное заявление:

Евреи преследуют [премьер-министра] Чемберлена. Он подвергается ужасным преследованиям с их стороны... Все евреи против него... Они заняли большое положение в прессе здесь [в Великобритании]... Я потрясен. Евреи могут втянуть нас в войну [и] их политическое влияние движет нас в этом направлении". (цитируется по Nasaw 2012: 357-358)

Бивербрук был выдающимся и влиятельным руководителем СМИ и политиком, скорее как Руперт Мердок своего времени.

Он имел все возможности для того, чтобы сделать такое заявление.

1939 год открылся речью Рузвельта "О положении дел в стране" и более завуалированными угрозами. "Мы поняли, что богобоязненные демократии мира... не могут спокойно относиться к международному беззаконию. Они не могут вечно пропускать без эффективного протеста акты агрессии против братских народов". В связи с этим он призвал к беспрецедентному в мирное время выделению 2 миллиардов долларов на национальную оборону. Послание Гитлеру - и всем тем американцам, которые могут возражать против вмешательства в европейские дела.

Гитлер, кстати, произносил свои речи, наиболее печально известную из которых он произнес в Рейхстаге 30 января. В ней содержалось это памятное предупреждение:

Если международным еврейским финансистам в Европе и за ее пределами удастся снова ввергнуть народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация земли и, следовательно, победа еврейства, а уничтожение [*Vernichtung*] еврейской расы в Европе!

Два кратких комментария: Немецкое слово "*Vernichtung*" имеет несколько значений и ни в коем случае не требует убийства людей, о которых идет речь. Буквальное значение - "свести на нет". В более широком смысле это означает полное устранение или ликвидацию присутствия, роли или влияния чего-либо. И есть много способов сделать это, не прибегая к убийству. Но, что еще более важно, предполагаемая программа физического уничтожения Гитлера была великой тайной. Он не мог рассказать всему миру на самом публичном месте о своем "секретном" плане убить всех евреев в начале 1939 года. Очевидно, что он имел в виду их вытеснение из Европы и

устранение их прежней доминирующей роли в ней. Но это вовсе не было секретом - он занимался этим в Германии уже около шести лет.

Вернувшись в Вашингтон, посол Потоцкий отправил в Варшаву еще два показательных отчета. В коротком заявлении от 9 января говорилось следующее: "Американская общественность подвергается все более тревожной пропаганде, которая находится под еврейским влиянием и постоянно создает призрак опасности войны. Из-за этого американцы сильно изменили свои взгляды на внешнеполитические проблемы, по сравнению с прошлым годом". Три дня спустя появился самый длинный и, возможно, самый пронизательный отчет:

Чувства, преобладающие сейчас в Соединенных Штатах, характеризуются растущей ненавистью к фашизму и, прежде всего, к канцлеру Гитлеру и всему, что связано с нацизмом. Пропаганда в основном находится в руках евреев, которые контролируют почти 100 процентов радио, кино, ежедневной и периодической прессы. Хотя эта пропаганда чрезвычайно груба и представляет Германию как можно более черной - прежде всего эксплуатируются религиозные преследования и концентрационные лагеря, - тем не менее, эта пропаганда чрезвычайно эффективна, поскольку публика здесь совершенно невежественна и ничего не знает о ситуации в Европе. ...

Распространенная ненависть ко всему, что так или иначе связано с немецким нацизмом, еще больше разжигается жестокой политикой против евреев в Германии и проблемой эмиграции. В этой акции приняли участие различные еврейские интеллектуалы: например, Бернард Барух, губернатор штата Нью-Йорк Леман, недавно назначенный судья Верховного суда Феликс Франкфуртер,

министр финансов Моргантау и другие, которые являются личными друзьями президента Рузвельта. Они хотят, чтобы президент стал защитником прав человека, свободы религии и слова, а также человеком, который в будущем будет наказывать нарушителей спокойствия. Эти группы людей, занимающие самые высокие посты в американском правительстве и желающие выдать себя за представителей "истинного американизма" и "защитников демократии", в конечном счете, связаны неразрывными узлами с международным еврейством.

Для этого еврейского интернационала, который прежде всего заботится об интересах своей расы, изобразить президента Соединенных Штатов "идеалистом", отстаивающим права человека, было очень умным ходом. Таким образом, они создали опасный очаг ненависти и вражды в этом полушарии и разделили мир на два враждебных лагеря. Весь вопрос проработан мастерски. Рузвельт получил основу для активизации американской внешней политики, и одновременно он закупал огромные военные запасы для грядущей войны, к которой евреи стремятся очень сознательно.³⁶

Если бы Потоцкий был прав, это означало бы, что война фактически была предрешена союзными державами. И на самом деле, именно это Буллит сказал американскому журналисту Карлу фон Виганду: "Война в Европе была предрешена. Польша была уверена в поддержке Британии и Франции и не уступит никаким требованиям Германии. Америка будет участвовать в войне после того, как в нее вступят Британия и Франция".³⁷ Очевидно, Буллит имел доступ к хорошо разработанному плану, который шел полным ходом.

В июле Потоцкий снова был в Варшаве и беседовал с заместителем секретаря министерства иностранных дел Яном Шембеком. В своем дневнике Шембек записал, что Потоцкий заявил следующее: "На Западе есть всевозможные элементы, открыто подталкивающие к войне: евреи, крупные капиталисты, торговцы оружием. Сейчас все они готовы к отличному бизнесу... Они хотят делать бизнес за наш счет. Им безразлично разрушение нашей страны". 38 Это примечательно, хотя бы как подтверждение законности предыдущих сообщений.

Примерно в это же время американский посол в Великобритании начал вызывать переполох. Он был членом ирландской католической общины в Бостоне, успешным бизнесменом... и отцом будущего президента. Джозеф Кеннеди внес свой вклад в президентскую кампанию Рузвельта в 1932 году и был вознагражден председательством в Комиссии по ценным бумагам и биржам. Он покинул этот пост в 1935 году, а в январе 1938 года был назначен послом в Великобританию.

К середине 1939 года Кеннеди, очевидно, начал испытывать беспокойство по поводу роли евреев в подталкивании к войне, и он начал открыто говорить об этом своим коллегам в Лондоне. Каким-то образом информация об этом попала в местное периодическое издание *The Week*, которое переправилось через океан в Вашингтон и попало в руки министра внутренних дел Гарольда Айкеса. Встретившись с президентом в начале июля, Икес выразил свою озабоченность: "В этой [статье] говорилось о том, что Кеннеди втайне говорил своим английским друзьям в Кливленде, что евреи управляют Соединенными Штатами и что президент падет в 1940 году. В ней также утверждалось, что "[Кеннеди считает], что демократическая политика Соединенных Штатов - это еврейская продукция". 39.

Удивительно, но президент был невозмутим. "Это правда", - сказал он. Икес не приводит никакой дополнительной информации об этом инциденте, и поэтому трудно понять, как воспринимать этот грубый ответ. Шутил ли Рузвельт? Полушутка? Прямое, откровенное признание? Мы просто не знаем. Но что, несомненно, было правдой, так это то, что Кеннеди испытывал глубокую озабоченность по поводу еврейского влияния.

Он был не единственным дипломатом с подобными опасениями. Месяц спустя, сообщает Тейлор (1961: 267), британский посол в Германии Невил Хендерсон заявил Гитлеру, что "враждебное отношение в Великобритании - дело рук евреев и врагов нацистов". Здесь мы снова видим параллельные действия по обе стороны Атлантики, и, возможно, скоординированные. Это соответствовало бы роли Баруха как "видного доверенного лица" Рузвельта и Черчилля.

Через несколько недель, 2 сентября, немецкая армия перешла границу Польши. То, что началось как часть давнего пограничного конфликта между двумя соседними странами, через два дня стало европейской войной, когда Англия и Франция объявили войну Германии. 40

Англия стоит особняком

3 сентября Рузвельт выступил перед американской общественностью с очередной из своих многочисленных бесед у камина. Она содержала обычную комбинацию преувеличений, пропаганды и искажений. "Когда мир нарушен где-либо", - сказал он, - "мир всех стран повсюду находится в опасности". Даже того, кто стремится к нейтралитету, "нельзя просить закрыть свой разум или свою совесть". Его концовка снова была облечена в лицемерный язык мира:

Я ненавижу войну. Я говорю это снова и снова. Я надеюсь, что Соединенные Штаты останутся в стороне от этой войны. Я верю, что так и будет. И я даю вам гарантию и заверение, что все усилия вашего правительства будут направлены на достижение этой цели. До тех пор, пока в моих силах предотвратить это, в Соединенных Штатах не наступит черная полоса мира.

Здесь Рузвельт явно проявляет себя как развратник и лжец. Оговорки, условности, полуправда - все это, очевидно, предназначено для манипулирования общественным мнением в пользу войны. Евреи внутри и вне его администрации годами настаивали на интервенции; теперь, когда начались реальные боевые действия, давление должно было быстро усилиться. Рузвельт знал об этом, но ничего не сказал. В конце концов, в следующем году ему предстояли очередные выборы, и он должен был публично придерживаться антивоенной позиции, иначе рисковал проиграть республиканцам. Кроме того, ему нужно было угодить своим еврейским финансистам. Тот факт, что подавляющее большинство американского народа по-прежнему было категорически против войны, не оказал на него никакого влияния - вот вам и демократия.

Кеннеди понимал, что происходит. Он решительно выступал против вступления Америки в войну, как из принципа, так и

потому, что у него было трое сыновей, которые, скорее всего, были бы втянуты в войну - и действительно, его старший сын, Джо-младший, погиб во время бомбардировки в 1944 году. В беседе со своим коллегой Джемом Моффатом Кеннеди сказал: "Черчилль... хочет, чтобы мы оказались там как можно скорее. Он безжалостен и интриган" [41 - неудивительно](#), учитывая, что британцы оказались втянуты в войну, к которой они были плохо подготовлены. Но Черчилль знал, к кому обратиться: "Он также поддерживает связь с группами в Америке, которые придерживаются той же идеи, в частности, с некоторыми сильными еврейскими лидерами".

Не то чтобы это было секретом. В служебной записке британскому кабинету в декабре 1939 года Черчилль напомнил о жизненно важной роли, которую сыграли евреи еще в Первой мировой войне - привлечь американцев, вопреки их желаниям, вопреки их стремлениям и вопреки их национальным интересам. "Не из легких или сентиментальных соображений, - писал Черчилль, - Бальфур дал свое знаменитое обещание предоставить Палестину сионистам. "Влияние американского еврейства оценивалось тогда как фактор наивысшей важности...". "Сейчас, - добавил он, - я должен был бы считать более необходимым, даже чем в ноябре 1917 года, примирить американское еврейство и заручиться его помощью в борьбе с изоляционистскими и даже антибританскими тенденциями в Соединенных Штатах". [42](#).

Здесь мы имеем удивительно неприкрытое признание. Черчилль презирает "тенденции" (читай: демократические принципы) американцев. Его единственная забота - использовать еврейскую власть, чтобы втянуть нейтральную страну в еще одну большую войну, чтобы спасти свою шкуру и помочь своим сионистским друзьям. [43](#) Кеннеди, естественно, был потрясен - и тем, что Черчилль пошел на такое, и тем, что это, похоже, сработало. "Я ему не доверяю", - писал он в своем

дневнике; "Он всегда внушал мне, что готов взорвать американское посольство и сказать, что это немцы, если это поможет втянуть Соединенные Штаты". [44](#) Несомненно, это было правдой - точно так же, как Рузвельт был готов пожертвовать примерно 2400 жизнями американцев в Перл-Харборе именно с этой целью.

В 1940 году Гитлер одержал впечатляющую серию побед, кульминацией которых стало взятие Парижа в июне. Чемберлен подал в отставку с поста премьер-министра, и его сменил Черчилль, который немедленно приступил к реализации плана "базы для эсминцев" совместно с США (см. выше).

В течение года Рузвельт продолжал лгать американской общественности. Его предвыборное обращение в Бостоне 30 октября содержало ту же обманчивую ложь, что и его предыдущие речи. "Ваше правительство приобрело новые военно-морские и военно-воздушные базы на британской территории в Атлантическом океане" - но не упоминалось о незаконных 50 эсминцах, которые он дал им взамен. Он похвастался удвоением численности армии за последний год и заключением оборонных контрактов на 8 миллиардов долларов. Но не волнуйтесь, американцы: "Я даю вам еще одно заверение. Я говорил это раньше, но буду повторять снова, снова и снова: Ваших мальчиков не будут посылать ни на какие иностранные войны". Полнейшая ложь, и он это знал.

Возможно, возникает соблазн оправдать Рузвельта: что он был морально разорван, что он мог видеть большую опасность, которую не видела общественность, что он должен был лгать нам "для нашего же блага". Ни одно из них не выдерживает проверки. Этика ведения войны достаточно хорошо разработана, по крайней мере, для номинальных демократий. Она включает в себя, как минимум: пропорциональность,

взаимность, прямую угрозу и общественную поддержку. То есть, (а) на любую агрессию следует отвечать только эквивалентной силой, (б) правила для одной стороны действуют для всех, (в) сила оправдана только перед лицом прямой и непосредственной угрозы, и (г) общественность должна получить честную оценку ситуации, и ее пожелания должны быть учтены. Достаточно сказать, что ни одно из этих условий не будет выполнено. Возникает вопрос: Если бы общественность знала о конечной стоимости - около 420 000 смертей американцев и примерно 4,2 триллиона долларов (в современном эквиваленте) - приняла бы она войну даже после Перл-Харбора? Или, возможно, они отдали бы Рузвельта и его еврейских сторонников под суд за мошенничество, измену и военные преступления?

К октябрю Джо Кеннеди надоело; он ушел со своего поста. Но он продолжал комментировать роль евреев, как друзьям, так и в своих частных записях. Например, 15 декабря он сделал такую запись в дневнике:

Предполагается, что [судья Франкфуртер] прямо или косвенно влияет на Рузвельта в вопросах внешней политики через головы [госсекретаря] Халла и [заместителя госсекретаря] Уэллса, [и] чья когорта молодых юристов работает практически в каждом правительственном департаменте, все они помогают еврейским беженцам попасть в Америку... Мне кажется, что английские симпатии связывают свое дело с евреями, потому что они считают, что у них есть все влияние в США". (цитируется по Nasaw 2012: 507)

Еврейское население США, кстати, вскоре должно было достичь 5 миллионов. Парни Франкфуртера делали хорошую работу.

Как и прежде, Кеннеди был не одинок в своем беспокойстве. Другой судья Верховного суда, Фрэнк Мерфи, признался ему,

что "именно Франкфуртер и Бен Коэн написали заключение генерального прокурора по эсминцам и базам". Кеннеди добавил: "Мерфи считает еврейское влияние наиболее опасным. Он сказал, что, в конце концов, жена [Гарри] Хопкинса была еврейкой; жена Халла - еврейка; а Франкфуртер, Коэн и вся эта группа - евреи". [45 Со](#) своей стороны, Уэллс в частном порядке называл Франкфуртера "опасным" и "жидорежущим".

Одно из самых показательных высказываний Кеннеди взято из дневника Джеймса Форрестала, который в то время был министром военно-морского флота. В записи от 27 декабря 1945 года мы читаем следующее:

Играл сегодня в гольф с Джо Кеннеди... Он сказал, что позиция Чемберлена в 1938 году заключалась в том, что Англии не с чем было воевать, и что она не могла рисковать, вступая в войну с Гитлером. Мнение Кеннеди: Гитлер воевал бы с Россией без последующего конфликта с Англией, если бы летом 1939 года Буллит не убеждал Рузвельта в том, что немцы должны быть настроены против Польши; ни французы, ни англичане не сделали бы Польшу причиной войны, если бы не постоянное давление со стороны Вашингтона. Чемберлен, по его словам, заявил, что Америка и мировые евреи вынудили Англию вступить в войну. (Forrestal 1951: 121-122)

Итак, мы должны спросить: почему частично еврей Буллит - простой дипломат - "убеждал" президента Соединенных Штатов противостоять Гитлеру? И почему Буллит и Рузвельт "постоянно уговаривали" Англию и Францию вести войну, которую *они сами* не считали необходимой или выигрышной? И почему эти страны поддались американскому давлению? И почему Чемберлен в конечном итоге связал воедино Америку и "мировых евреев" как движущую силу войны? Нам не нужно

сильно приглядываться, чтобы увидеть еврейскую руку в действии.

Медиа Блиц

К этому времени еврейские СМИ стали очень активными. Газеты, например, находили много разногласий с Вашингтоном по внутренним вопросам, но "позиции Рузвельта в прессе по вопросам внешней политики были намного сильнее", по словам Коула (1983: 478). За исключением *"Чикаго Трибьюн"* и газет Херста, большинство ежедневных газет поддержали интервенцию. Неудивительно, что "более престижные и влиятельные новостные издания решительно поддержали президента". К ним относились *"Нью-Йорк таймс"*, *"Нью-Йорк геральд трибюн"*, *"Чикаго дейли ньюс"* и журнал *"Тайм"*.

Киноиндустрия, безусловно, внесла свою лепту в то, чтобы Америка вступила в войну. Если учесть, что на то, чтобы довести фильм от замысла до кинотеатра, уходило не менее года, а усилия по производству провоенных фильмов всерьез начались только в 1937 году, то их появление пришлось на 1939 год. Первые фильмы, такие как *"Признания нацистского шпиона"* и *"Берлинские звери"*, вышли в том же году и положили начало потоку фильмов в течение следующих трех лет. В 1940 году Голливуд выпустил такие графические и высокоэффективные фильмы, как *"Побег"* и *"Смертельный шторм"*; в том же году вышел *"Иностраннный корреспондент"* Хичкока, а также *"Великий диктатор"* Чаплина. В мае два руководителя крупных студий, Джек и Гарри Уорнеры - более известные как Ицхак и Хирш Вонсколазер - написали Рузвельту письмо, в котором заверили его, что они "сделают все возможное в рамках киноиндустрии... чтобы показать американскому народу достоинство дела, ради которого свободные народы Европы приносят такие огромные жертвы".
[46](#) Приятно видеть такое бескорыстное, высокодуховное служение обществу среди руководителей корпораций.

К началу 1941 года еврейские кинематографисты и продюсеры стали включать тонкие, провоенные темы во многие свои фильмы. Антивоенная группа "Америка прежде всего" утверждала, что воинственная пропаганда становится широко распространенной; "фильмы, не имеющие ничего общего с европейской войной, теперь нагружены ложью и идеями, которые вызывают интервенционистскую реакцию" (в Cole: 474). В августе того же года сенатор Джеральд Най (R-N. Dak.) выступил по радио с резким обращением, утверждая, что голливудские студии "стали самыми гигантскими двигателями пропаганды, которые существуют на свете, чтобы разжечь военную лихорадку в Америке и ввергнуть эту нацию в гибель" (там же: 475). К тому времени было выпущено около трех десятков крупных провоенных фильмов. 47.

В итоге было снято более 60 явно "патриотических", провоенных фильмов, а также десятки обычных фильмов, содержащих тонкие провоенные идеи. Среди них было несколько *классических* - "Касабланка", "Сержант Йорк", "Быть или не быть" - и много неудачных. Например, фильмы "Дети Гитлера" и "Нацистский агент" не войдут ни в один список 10 лучших.

В марте 1941 года под давлением еврейского лобби Конгресс принял закон о ленд-лизе, который разрешил поставку вооружений и военных материалов в Великобританию и другие союзные страны. Голосование в Палате представителей прошло со счетом 260-165, а в Сенате - 59-30. Общественное мнение высказалось в пользу этого закона, но только в качестве оборонительной меры; значительное большинство по-прежнему хотело остаться в стороне от войны. Рузвельт мог вооружить союзников, но не вступать в боевые действия.

В мае Рузвельт выступил с важным радиообращением, объявив о "неограниченной национальной чрезвычайной ситуации".

Оно было наполнено еще большим количеством военных гипербол, особенно в отношении предполагаемого стремления немцев к "мировому господству". Снова и снова звучали слова: "нацистская книга завоевания мира"; "гитлеровский план мирового господства"; "мир, в котором будет господствовать Гитлер". Достаточно сказать, что никаких доказательств такого плана так и не появилось. [48](#) Используя самый простой язык "мы или они", Рузвельт пытался убедить неохотно идущих американцев, что они должны сражаться и умирать: "Сегодня весь мир разделен между человеческим рабством и человеческой свободой - между языческой жестокостью и христианским идеалом". Он даже намекнул на суть своей стратегии, а именно: спровоцировать "инцидент", который позволит ему объявить войну: "Мы размещаем наши вооруженные силы на стратегической военной позиции. Мы без колебаний будем использовать наши вооруженные силы для отражения нападения".

В июне, убедившись в большевистской угрозе, исходящей от Сталина, Гитлер вторгся в Советский Союз. В августе США разместили военные силы в Исландии, фактически оккупировав эту страну. А 11 сентября 1941 года - за 60 лет до того самого 11 сентября - Чарльз Линдберг произнес свою самую знаменитую речь в Де-Мойне, штат Айова. В ней он впервые назвал три основные группы, которые подталкивали США к войне: британцы, администрация Рузвельта и евреи. Что касается последней группы, Линдберг признал их тяжелое положение при нацистах и их ненависть к Гитлеру. Но вместо того, чтобы подстрекать Америку к войне, они должны работать над тем, чтобы остановить ее; "потому что они будут одними из первых, кто почувствует ее последствия" - предположительно, имеется в виду как в Германии, так и в США, где антисемитизм, несомненно, будет разгораться. В одной из наиболее примечательных строк речи он сказал, что

"[Евреи] представляют наибольшую опасность в этой стране в том, что они владеют большой собственностью и влияют на наши кинофильмы, прессу, радио и правительство". Таким образом, Линдберг нарушил первое правило военного времени: Никогда не говори правду.

Действительно: Если еврейское влияние в "нашем правительстве" было частью опасности, то называть "администрацию Рузвельта" было излишним. Настоящую опасность представляли евреи в СМИ, евреи в Голливуде и евреи в правительстве - вместе с теми неевреями, которые работали на их благо. И даже назвать британцев - Черчилля и его сионистских сторонников - означало, по сути, назвать еще больше евреев. На всех фронтах мощные и влиятельные евреи подталкивали мирных людей к войне, просто чтобы уничтожить ненавистный нацистский режим.

Несомненно, Линдберг был прав - британские евреи подталкивали США к войне, и им это удавалось. По странному совпадению, всего за день до выступления Линдберга в Де-Мойне ведущий британский сионист Хаим Вейцман передал это печально известное письмо Черчиллю:

Есть только одна большая этническая группа [в Америке], которая готова до последнего стоять за Великобританию и политику "тотальной помощи" ей: пять миллионов евреев. От министра Моргентау, губернатора Лемана, судьи Франкфуртера, вплоть до самого простого еврейского рабочего или торговца, они осознают все, что подразумевает эта борьба против Гитлера.

Британские государственные деятели неоднократно признавали, что именно евреи во время последней войны эффективно помогли склонить чашу весов в Америке в пользу

Великобритании. Они стремятся сделать это - и могут сделать - снова". (цитируется по Irving 2001: 77)

Самое откровенное признание: Американские евреи, работающие в связке с британскими евреями, держат ключ к войне. Они "очень хотят это сделать". Практически по команде они могут "склонить чашу весов" - снова - и втянуть американцев в новую войну, которой они отчаянно хотят избежать.

Инцидент в Перл-Харборе

Поскольку американская оппозиция войне все еще находилась на уровне 80%, Рузвельт и его еврейская команда, очевидно, впали в отчаяние. Драматические действия становились все более необходимыми. В тот момент только прямое нападение на американскую землю могло изменить общественное мнение. В течение двух лет Рузвельт изводил немцев. Но они не поддавались. Что же делать?

История полна операций "ложного флага", в которых правительства или другие субъекты проводят фальшивую атаку, обвиняют противника, а затем используют это событие в качестве предлога для военных действий. По некоторым данным, самая ранняя из них произошла в 47 году до н.э., когда Юлий Цезарь организовал и оплатил действия повстанцев в Риме перед взятием города. Более недавний случай произошел в 1846 году, когда президент Джеймс Полк направил армейский отряд в спорную зону на границе Техаса и Мексики. Когда мексиканцы ответили, он объявил это нападением на "американскую землю" и незамедлительно начал американо-мексиканскую войну. На протяжении веков военные командиры понимали преимущества ложных флагов; команда Рузвельта ничем не отличалась от них.

Хотя я не могу подробно останавливаться на этом, существует достаточно доказательств того, что атака на Перл-Харбор была фактически фальшивым событием. Очевидно, что Рузвельт не проводил атаку напрямую, но сделал все возможное, чтобы поощрить и позволить японцам нанести удар, а затем изобразить шок, когда это действительно произошло. Ниже приведены ключевые элементы этой истории. 49

Самое раннее явное указание на то, что такой план разрабатывался, относится к октябрю 1940 года, в так называемом "Меморандуме Макколлума". Лейтенант-

командер Артур Макколлум был директором отдела Дальневосточной Азии Управления военно-морской разведки, когда он опубликовал пятистраничное письмо двум своим начальникам. В меморандуме описывается ситуация, в которой нейтральные США окружены враждебными государствами через два океана, и отмечается, что "Германия и Италия недавно заключили военный союз с Японией, направленный против Соединенных Штатов". Это был пакт о взаимной обороне, согласно которому нападение на Японию будет рассматриваться Германией как акт войны. Это давало Рузвельту два пути к войне: нападение Германии или нападение Японии. Германия старательно избегала конфликта, но, возможно, Японию можно было привлечь.

Это, очевидно, хорошо понимали в военном ведомстве. Как объяснил Макколлум, "не верится, что при нынешнем состоянии политических взглядов правительство США способно объявить войну Японии без лишних слов; и едва ли возможно, что энергичные действия с нашей стороны могут заставить японцев изменить свое отношение" - умный язык, который по сути означает: Япония на самом деле тоже не хочет войны, но, возможно, мы сможем спровоцировать их настолько ("больше шума"), что они нанесут первый удар ("изменят свое отношение"). Затем Макколлум предложил план действий из восьми пунктов, предвосхищающий конфликт с Японией. Шестой пункт включает следующее: "Держать основные силы американского флота, находящегося сейчас в Тихом океане, в районе Гавайских островов". Меморандум завершается следующим поразительным предложением: "Если с помощью этих средств можно будет заставить Японию совершить открытый акт войны, тем лучше". План вряд ли может быть более ясным.

19 августа 1941 года Черчилль сообщил своему военному кабинету, что Рузвельт делает все возможное, чтобы

спровоцировать нападение держав Оси - информация, которая стала известна только в 1972 году. Черчилль сказал:

[Рузвельт] был явно настроен на то, что они [США] должны вступить в войну. ... Президент сказал мне, что он будет вести войну, но не объявлять ее, и что он будет становиться все более и более провокационным. Если немцам это не понравится, они могут напасть на американские войска. ... Все делалось для того, чтобы спровоцировать "инцидент". Президент дал понять, что он будет искать "инцидент", который оправдает его в открытии военных действий. 50

Дальнейшие комментарии излишни.

Линдберг, по сути, понимал, что происходит. В своей речи в сентябре 1941 года он изложил план Рузвельта, состоящий из трех частей: (1) подготовка к войне под видом обороны, (2) постепенное вовлечение США в конфликтные ситуации и (3) "создание серии инцидентов, которые заставят нас вступить в реальный конфликт". В конце своей речи он добавил: "Военные группы преуспели в первых двух из трех основных шагов на пути к войне. ... Осталось только создать достаточное количество "инцидентов"". Удивительный прогноз, учитывая, что до нападения на Перл-Харбор оставалось всего три месяца.

25 ноября 1941 года, за 12 дней до нападения, Рузвельт провел заседание военного кабинета в Белом доме. Военный министр Генри Стимсон записал в своем дневнике о том дне следующее:

[Рузвельт] поднял вопрос о том, что мы, скорее всего, будем атакованы, возможно, в следующий понедельник [1 декабря], поскольку японцы печально известны тем, что нападают без предупреждения, и вопрос заключался в том, как мы должны маневрировать, чтобы они могли сделать

первый выстрел, не допуская слишком большой опасности для себя. Это было трудное предложение. 51

Это печально известное замечание Стимсона о "маневре"; и снова оно ясно и четко.

На следующий день, 26 ноября, государственный секретарь Халл вручил японскому послу письмо с требованием вывести войска из Китая и французского Индокитая (раздел II, пункт №3). Хотя письмо было составлено на языке мира, по сути это был ультиматум, и именно так его воспринял японский премьер-министр.

4 декабря антивоенная газета *Chicago Daily Tribune* вышла с огромным заголовком: "Военные планы Рузвельта!". В нем подробно описывался план создания военных сил численностью 10 миллионов человек, половина из которых должна была быть направлена на борьбу с Германией. В нем даже упоминалась конкретная дата - 1 июля 1943 года - как день "окончательного верховного усилия американских сухопутных сил по разгрому могущественной немецкой армии в Европе". Это было невероятно точно; вторжение союзников на Сицилию, первое прямое нападение на европейскую территорию, произошло 9 июля 1943 года. Очевидно, что секреты Рузвельта быстро раскрывались.

В 4:00 вечера в субботу, 6 декабря, Рузвельту было доставлено расшифрованное японское коммюнике. В нем указывалось, что Япония не собирается принимать ни одной части ультиматума Америки и что они вынуждены ответить на ее продолжающуюся воинственность. "Это означает войну", - сказал президент. Если война неизбежна, сказал Гарри Хопкинс, то очень жаль, что мы не можем нанести удар первыми. "Нет, мы не можем этого сделать", - лицемерно ответил Рузвельт; "Мы - демократия мирного народа. У нас

хороший послужной список. Мы должны стоять на нем". [52](#)
Перл-Харбор не был упомянут впрямую, но президент не предпринял никаких действий, чтобы предупредить кого-либо из своих командующих на Тихоокеанском театре военных действий, тем самым сделав их беззащитными перед готовящимся нападением.

Через восемь лет после нападения административный помощник президента Джонатан Дэниелс вспоминал события того времени. "Перед Перл-Харбором было масса предупреждений", - писал он (1949: 490). "На самом деле, предупреждения были очевидны за много месяцев до Перл-Харбора. Растущая угроза была понята и принята. Конечно, даже сенаторы теперь могут с точностью до места и часа прочесть предупреждения, которыми мы располагали". В то время, однако, Рузвельт был удивлен: "Конечно, он был удивлен. Но он сознательно пошел на риск неожиданности, поскольку выиграл стратегию успешной воинственной задержки. Удар оказался тяжелее, чем он надеялся". Действительно, 2400 американцев погибли за один день.

А может быть, это вовсе не было "сюрпризом". В 1989 году 90-летний офицер британской военно-морской разведки по имени Эрик Нейв выступил с ошеломляющим утверждением: британцы подробно знали о нападении за несколько дней до события. Как сообщалось в газете *Times of London* (1 июня), расшифровка японских боевых команд, сделанная Нэйвом, "прояснила их намерение атаковать за несколько дней до рейда". "Его откровения опровергают мнение о том, что американцы были захвачены врасплох, и подтверждают доказательства того, что Черчилль и, возможно, Рузвельт позволили нападению пройти беспрепятственно, чтобы втянуть Америку во Вторую мировую войну". Нейв добавил следующее: "У нас никогда не было никаких сомнений по поводу самого Перл-Харбора. Этого никогда не должно было

случиться. Мы знали за несколько дней, даже за неделю до этого". Его рассказ подробно изложен в книге "*Предательство в Перл-Харборе*" (1991). Наве умер в 1993 году.

Некоторые заключительные мысли

Это эссе было исследованием истории. Но мы никогда не должны забывать: история полна уроков для современности. Какой же вывод мы можем сделать из этой долгой и трагической истории?

Во-первых: Войны - это сложные события, а все сложные события имеют множество причин. Как правило, они являются результатом накопления напряженности и конфликтов в течение нескольких лет. Было бы практически невозможно, чтобы какая-либо одна группа, независимо от степени влияния, спровоцировала войну, если бы условия не были уже благоприятными. Но небольшая группа, безусловно, может усилить существующую напряженность, послужить спусковым крючком или обострить текущий конфликт.

Было бы неверно говорить, что евреи "вызвали" Первую мировую войну, или русскую революцию, или Вторую мировую войну - хотя они, безусловно, оказали *значительное* влияние на все эти события, и, возможно, *решающее* влияние. Очевидно, что они не являются единственной причиной рассматриваемых войн. Нельзя сказать, что если бы евреев не было вообще, то войны в Европе никогда бы не возникли. Например, во время Второй мировой войны со всех сторон воевало много неевреев, включая лорда Галифакса в Англии и Стимсона среди американцев. Военные люди всегда склонны воевать; в конце концов, от этого зависит их положение и престиж. Но мы можем с уверенностью сказать, что война была более продолжительной, интенсивной и смертоносной благодаря вмешательству евреев.

Контрфактические модели, как известно, трудно применить к историческим событиям: Что, если бы еврейские повстанцы и реконкисты Веймарской республики не доминировали в Германии после Первой мировой войны? Что если бы Рузвельт

не был частично евреем? Что если бы он не полагался на еврейские деньги для финансирования своих кампаний? Что если бы Черчилль не был сионистом? Что если бы план Бена Коэна "базы для разрушителей" провалился? Очевидно, что мы никогда не сможем узнать этих вещей; но ясно, что евреи были активны и играли важную роль на нескольких критических этапах на пути к войне. И действительно, это один из самых поразительных фактов: евреи были настолько активны в столь многих точках этого пути, что мы едва ли можем избежать возложения на них значительной доли вины за мировые войны и сопутствующие им революции.

Во-вторых: Рузвельт, как и Вильсон, выглядит аморальным, оппортунистическим, подстрекающим к войне придурком. Его собственный военный министр Генри Стимсон писал, что "его ум не легко следует за последовательной цепочкой мыслей, но он полон историй и происшествий, и в своих дискуссиях скачет от предложения к предложению, и это очень похоже на погоню за блуждающим лучом солнечного света по пустой комнате". [53](#) Судья Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс в 1933 году знаменито назвал его "интеллектуалом второго сорта". Его близкий советник Франкфуртер однажды написал: "Я знаю его ограничения. Большинство из них проистекает, как мне кажется, из недостатка острого ума..." [54](#) Британский посол в США сэр Рональд Линдсей считал Рузвельта "приятным и впечатлительным легковесом", который не мог утаить ни одного секрета от американской прессы. [55](#) Даже его жена Элеонора не знала, "есть ли у Рузвельта скрытый центр его личности или только смещающиеся периферии" [56](#).

Его ложь была настойчивой, злонамеренной и преступной. Его более осведомленные оппоненты могли видеть их насквозь, даже если общественность этого не замечала. Линдберг, безусловно, знал правду и был потрясен способностью нашего главнокомандующего нагло лгать народу. В конце 1944 года,

когда военные действия близились к концу, конгрессвумен Клэр Буф Люс (R-Conn.) громко и публично заявила, что Рузвельт "обманул нас в войне". [57](#) "Позор Перл-Харбора, - добавила она, - был позором мистера Рузвельта".

Таким образом, мы видим нечто вроде долгосрочной тенденции: Неэтичные, беспринципные, обманчивые американские президенты, которых "подталкивают их еврейские элементы" (Диллон), ведут безвольную нацию в бой против суверенных стран, которые считаются врагами евреев. Параллели с последними 25 годами поразительны.

Рекомендуемое чтение

- Война, у которой было много отцов - Герд Шульце-Ронхоф, 2011 год
- Революция Гитлера - Ричард Тедор, 2013 г.
- Война Гитлера и путь войны - Дэвид Ирвинг, издание 2001 года
- Ненужная война - Патрик Бьюкенен, 2008 г.
- Главный виновник - Виктор Суворов, 2008 год
- Правда для Германии - Удо Валенди, 1965 г.
- Вынужденная война - Дэвид Хогган, 1961 год
- Черный ход войны - Чарльз Тансилл, 1952 г.

Notes

Hundred Years of War Against Germany

[1] Heinrich Fried Jung, *Das Zeitalter des Imperialismus 1884-1914*, Vol. 1, Berlin 1919, p. 230, 80.

[2] Paul Valéry, *Eine methodische Eroberung*, Zürich, New York 1946. p. 9; Cf. also: Hans-Dietrich Sander, *Der nationale Imperativ*, Krefeld 1980. p. 116ff.

[3] Max Scheler, *Die Ursachen des Deutschenhasses*, Leipzig 1917. p. 61ff. Concerning Great Britain, cf. also Winston S. Churchill, *Meine frühen Jahre. Weltabenteuer im Dienst*, Munich 1965, 4th ed., p. 79. There it says: "In those days English society still had kept its old form and tradition, a shining and impressive Whole, of a highly elevated standard of behavior and conduct, and with sure methods of establishing their general acceptance, as today they are completely forgotten. Thus each man quite knew each man, and knew who he was. The few hundred Great Families who ruled England for many generations and had experienced the ascent of the country to the zenith of its glory, were related by marriage to the utmost degree. Everywhere one went, one met friends or relatives. The leading personalities of Society were often at the same time the leading statesmen in Parliament and likewise the leading sportsmen on the turf. Lord Salisbury always carefully avoided summoning the cabinet when there was racing at Newmarket; and the lower House basically held no sessions during the Derby." This testimony of the British upper class reveals the talk of British democracy to be pure hypocrisy.

Editor's note: In the English edition of this book, *My Early Years. A Roving Commission*, Butterworth, London 1930, I did

not find the passages Werner quotes here and in note [\[98\]](#).

Quoted by Hans Grimm, Warum-Woher-Aber wohin,
[\[4\]](#) Lippoldsberg 1954. p. 33. For the original see "Our True Foreign Policy," The Saturday Review, August 24, 1895, p. 228.

Ibid., p. 46ff. For the original see "A Biological View of our
[\[5\]](#) Foreign Policy," "by a Biologist," The Saturday Review, 01 February 1896, p. 118ff.

Up to the headline, H. Grimm, op. cit. (note [\[4\]](#)), p. 58f. For the
[\[6\]](#) original see "England and Germany," The Saturday Review, 11 September 1897, p. 278f.

Editor's note: These last three words of this article, meaning "Germany must be destroyed" do not appear in the microfilmed version in the Public Library of Chicago as well as in other libraries, as Mr. Werner was told be readers of his original
[\[7\]](#) German article. However, Mr. Werner sent me a copy of this article which does include these words. It seems that there are two different versions of this article, one of which had these words omitted/deleted (most likely those which were later microfilmed).

[\[8\]](#) Winston S. Churchill, The Second World War, Vol. I. "The Gathering Storm", Boston 1948, p. 207ff.

[\[9\]](#) Carl J. Burckhardt, Meine Danziger Mission 1937-1939, 3. rev. ed., Munich 1980, p. 156f.

[\[10\]](#) Igor Lukes, "Benesch, Stalin und die Komintem 1938/39," Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 41(3) (1993), p. 325.

[\[11\]](#) Friedrich Grimm, Politische Justiz, die Krankheit unserer Zeit, Bonn 1953, p. 146ff.

[12] Retranslated from Frankfurter Allgemeine, September 18, 1989, p. 2. Since the 18th of September 1989 was a Monday, the day of appearance of the article is taken to be the 17th of September 1989.

[13] Quoted by a letter to the editor from Ferdinand Otto Mischke, Officier de la Legion d'Honneur, Paris, Frankfurter Allgemeine, April 27, 1990, p. 14. For the original text see Elsevier, April 7, 1990, p. 45.

Thomas More, *Utopia*, Yale Univ. Press, 2001, p. 133. Also, in *Utopia divorce is only a formality* (cf. p. 98f). It can be assumed that *Utopia* inspired Henry VIII in several respects. In 1529 More became Lord Chancellor. In 1534 Henry VIII made himself Supreme Head of the Church and thereby to a certain extent its Chief Priest and - since he was also King - he, like the priests of the Utopians, was subject only to God and his conscience. In a [14] letter Henry VIII describes himself as King and Sovereign, who recognizes above himself no one on earth save God alone and who is not subject to the laws of earthly creatures. Quoted by Winston S. Churchill, *A History of the English Speaking Peoples*, vol II: "The New World," Dodd, Mead & Co., New York 1956, p. 61. In fairness to More it should be mentioned that he vehemently opposed this self-elevation of Henry VIII and for that reason was executed in 1535.

[15] T. More, *ibid.*, p. 105. One should recall here the trade war between the USA and Japan which was beginning to develop in 1995 where the thinking was similar on the American side.

[16] *Ibid.*, p. 74, pp. 106-109, esp. 108.

[17] In Churchill one finds this sentence concerning the time after Henry VIII: "Thomas More's definition of government as a conspiracy of rich men procuring their own commodities under

the name and title of a commonwealth fitted England very accurately during these years," op. cit. (note [8]), vol. II, p. 93.

[18] Hermann Oncken, in: Thomas Morus, Utopia, Darmstadt 1979, p. 32 (introduction). Oncken has also made detailed reference to the connection between More and British colonial policy, p. 33.

[19] T. More, op. cit. (note [14]), p 109.

[20] Ibid., p. 106.

[21] Ibid., p. 111.

Ibid., p. 105. The contradictory absurdity is that the Utopians in their country know slavery quite well (p. 95f). When More [22] introduced slavery into his ideal state, it had disappeared in the West. But of all things, such a model is chosen by the intellectuals of Modernism as namesake for their future plans!

Ibid., p. 39-50, cf. also footnotes. That the discussion is fictitious [23] is naturally an assumption for which, however, inspection speaks, since from where could More have be able to get his information?

[24] Brockhaus Konversations-Lexikon, Leipzig 1908, Vol. 8, p. 374.

In an bitter comment on the death of Juarez, Shaw wrote, obviously out of knowledge of the practices of the English press: "I once proposed a press law [...] each article printed in a newspaper should not only give the name and address of the [25] author, but also give the sum which was paid for the contribution. If the miserable fool who murdered Juarez had known that the worthless articles [...] were not the voice of imperiled France, but instead the ignorant scrawling of some poor devil who no longer knew how to earn three francs for

himself, he would hardly have thrown away his own life."
Bernard Shaw, *Der gesunde Menschenverstand im Krieg*
(Commons Sense in War), vol. II. Zürich 1919, p. 75. Editor's
remark: I did not find an English version of this German book.

G. B. Shaw had taken over the theater paper between 1895 and
[26] 1898; cf. Hermann Stresau, *George Bernard Shaw*, Rowohlt,
Reinbek 1962, p. 56.

For H. G. Wells, as with the names following, only one
[27] publication may be named: "The Well at the World's End," *The*
Saturday Review, October 17, 1896, p. 413ff.

Winston S. Churchill published three articles, all about the war
in Cuba. With his first article of February 15, 1896, his name is
[28] erroneously given as Winston L. Churchill, but Churchill
repaired this in his next essay "American Intervention in Cuba",
The Saturday Review, March 7, 1896, p. 244f.

[29] W.B. Yeats, "The Twilight of Forgiveness," *The Saturday*
Review, November 2, 1895, p. 573.

[30] Conan Doyle wrote two reader letters: *The Saturday Review*,
January 2, 1897, p. 15f.; January 9, 1897 p. 40f.

Henry M. Stanley, "The Recent Attacks on the Congo
[31] Administration," *The Saturday Review*, September 19, 1896, p.
307.

[32] Rudyard Kipling, "The Vampire," *The Saturday Review*, April
24, 1897, p. 443.

[33] Algernon Charles Swinburne, "A February Roundel," *The*
Saturday Review, February 22, 1896, p. 194

[34] *Meyers enzyklopädisches Lexikon*, 25 volumes, Mannheim

1971. Information about these persons also comes from this encyclopedia.

[35] Max Beerbohm, "Madame Tussaud's," *The Saturday Review*, February 13, 1897, p. 165f.

[36] J. B. Bury, "The British and the Roman Empire," *The Saturday Review*, June 27, 1896, p. 645.

[37] Stephen Crane, "London Impressions," *The Saturday Review*, July 31, 1897, p. 105f.

[38] John Davidson, "The Hymn of Abdul Hamid," *Saturday Review*, May 22, 1897, p. 570.

[39] Charles Wentworth Dilke, "Lord Roberts, Lord Salisbury, and Russia," *The Saturday Review*, January 23, 1897, p. 83ff.

[40] Edward Dowden, "Matthew Arnold's Letters," *The Saturday Review*, December 12, 1895, p. 757f.

[41] Richard Garnett, "Recollections of Coventry Patmore," *The Saturday Review*, December 5, 1896, p. 582f.

[42] For the latter information cf. Hermann Stresau *op. cit.* (note [26]), p. 56.

[43] W. H. Hudson, "London Birds in Winter," *The Saturday Review*, March 13, 1897, p. 264f.

[44] Oliver Lodge, "Roentgen Radiography and its Uses," *The Saturday Review*, April 25, 1896, p. 422f.

[45] Margaret Macdonald, Reader letter "Salvagia," *The Saturday Review*, October 24, 1896, p. 445f.

- [46] Frederic William Henry Myers, "A Cosmic Outlook," *The Saturday Review*, December 7, 1895, p. 758.
- [47] Coventry Patmore, "Mrs. Meynell's New Essays," *The Saturday Review*, June 13, 1896, p. 593f.
- [48] Will(iam) Rothenstein, "Goya II," *The Saturday Review*, September 19, 1896, p. 307.
- [49] Arthur Symons, "A Visit to Dumas fils," *The Saturday Review*, November 30, 1895, p. 724f.
- [50] Silvanus P. Thompson, "The Progress of Electric Traction," *The Saturday Review*, June 29, 1897, p. 600.
- [51] Alfred Russel Wallace, "Our Native Birds," *The Saturday Review*, September 14, 1895, p. 342f.
- [52] William Watson, "Estrangement," *The Saturday Review*, May 2, 1896, p. 451.
- [53] Gen. Neville Chamberlain, "Our Treatment of the Kafirs," *The Saturday Review*, May 16, 1896, p. 494ff. For personal data: Mayers *Konversations-Lexikon*, 5th rev. ed., Leipzig and Vienna 1897.
- [54] Admiral P. H. Colomb, "The Naval Programme," *The Saturday Review*, March 14, 1896, p. 268f. For personal data see previous note.
- [55] J. B. Bury, op. cit. (note [36]), p. 64.
- [56] GREATER-ENGLANDER, "The British and Roman Empire," letter to the editor, *The Saturday Review*, July 11, 1896, p. 39.
- [57] "German Competition," *The Saturday Review*, January 25, 1896, p. 91, or "The German Menace," *The Saturday Review*, August

29, 1896, p. 208.

[58] Perplexed. "The Spectator and Political Economy, " letter to the editor, *The Saturday Review*, August 8, 1896, p. 137.

[59] "The Failure of Germany," *The Saturday Review*, October 24, 1896, p. 434.

[60] "Luther: Liberalism: Individualism", *The Saturday Review*, January 2, 1897, p. 6.

[61] Bernard Shaw, "Caesar and Cleopatra," *Appleton-Century-Crofts*, New York, 1965, p. 5.

Ibid., p. 78. In his character of Britannus, Shaw expressly maintains continuity of character between the inhabitants of the Great Britain in Caesar's time and that of today (cf. p. 123f).

[62] In his argument, he personifies the mind-set which is found in the essay by "a Biologist" (cf. footnote [5]), as when he stresses the importance of the climate and of the forest for the character of Britannus and of present-day Britons.

[63] Ibid., p. 113.

[64] Bernard Shaw, op. cit. (note [25]), vol. I., p. 35.

[65] Hermann Stresau, op. cit. (note [26]), p. 126; retranslated.

[66] Ibid., p. 127; retranslated.

[67] Hans Grimm, op. cit. (note [4]), p. 33f.

[68] Ibid., p. 52.

[69] Charles à Court Repington, *The First World War 1914-1918, Personal Experiences*, vol. II., London 1920, p. 463; cf. p. 478.

[70] Edward Grey, *Twenty Five Years, 1892-1916*, Fredrick A. Sokes Company, New York 1925, p. 2; cf. p. 25.

[71] *Ibid.*, p. 32.

Ibid. Editor's note: On pp. 9-11, Gray reports how Germany pressured competing England in the 1890s to withdraw its [72] offer to build a railway through Minor Asia (Turkey) or Germany would stop supporting England in Egypt. England complied, but was mischievous ever since.

[73] *Ibid.*, p. 50.

[74] Cf. the detailed exchange of letters which Grey reproduces in his memoirs, *ibid.*, p. 70-74, 76-79, 102-107, 110, 139ff.

[75] Margret Boveri, *Sir Edward Grey und das Foreign Office*, Berlin-Grunewald 1993, p. 134; 198; 105; 198.

[76] Edward Grey, *op. cit.* (note [70]), p. xviii.

[77] Margret Boveri, *op. cit.* (note [75]), p. 197.

[78] Hermann Lutz, *Eyre Crowe, der böse Geist des Foreign Office*, Stuttgart and Berlin 1931.

[79] Margret Boveri, *op. cit.* (note [75]), p. 112.

[80] Edward Grey, *op. cit.* (note [70]), p. xviif.

[81] *Ibid.*, Vol. 2, p. 302.

[82] Margret Boveri, *op. cit.* (note [75]), p. 183.

Hans Rothfels, "Zur Beurteilung Greys," in: "Die [83] Kriegsschuldfrage," *Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung*, April 1927, p. 351f.

[84] Bernard Shaw, Winke zur Friedenskonferenz, Berlin 1919, p. 22.

[85] Bernard Shaw, op. cit. (note [25]), p. 5.

Friedrich Thimme, "Das Memorandum E. A. Crowes vom 1. Januar 1907. Seine Bedeutung für die Kriegsschuldfrage,"
[86] Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung, August 1929, p. 735.

[87] Hermann Lutz, op. cit. (note [78]), p. 9.

Cf. e.g. Friedrich Thimme, op. cit. (note [86]), pp. 732ff.;
Hermann Lutz, Deutschfeindliche Kräfte im Foreign Office der
Vorkriegszeit, Berlin 1932, p. 13ff.; Werner Frauendienst,
[88] "Crowe, der Deutschland-Referent des Foreign Office," Berliner
Monatshefte für internationale Aufklärung, August 1931, p.
776ff.; Hermann Lutz, op. cit. (note [78]), p. 10-55; Margret
Boveri, op. cit. (note [75]), p. 114ff.

[89] Bernard Shaw, op. cit. (note [84]), p. 8; 9; 20

[90] Hermann Lutz, Deutschfeindliche Kräfte..., op. cit. (note [88]), p.
18, footnote 35.

[91] Hermann Lutz, Lord Grey und der Weltkrieg, Berlin 1927, p. 48;
299 footnote 82a.

[92] Margret Boveri, op. cit. (note [75]), p. 53.

[93] Fritz Hesse, Das Spiel um Deutschland, Munich 1953, p. 66.

[94] The Times, March 13, 1948, p. 4.

[95] Editor's note: Between these two sentences, one often finds
quoted other sentences, the entire text allegedly stemming
from an AP press release of that time (the date often quoted,

March 16, 1984, is obviously wrong): "Hitler and the German people did not want war. According to the principles of the balance of powers, we, goaded on by the 'Americans' around Roosevelt, declared war against Germany in order to destroy it. We did not respond to the various appeals for peace of Hitler. Now we must discover that Hitler was right. In place of a conservative Germany which he had offered us, stands the enormous imperialistic power of the Soviets."

These sentences are, however, not part of the London Times article, which does not claim to be based on an AP release. Associated Press informed me that they have no record of such a press release, which may or may not be result of AP archiving exclusively national U.S. news releases on microfilm at that time. I also did not find Shawcross' speech quoted in the New York Times or the then German-friendly/IMT critical Chicago Tribune. Since Shawcross always indicated his full and uncritical support for the IMT show trial and its judgment (cf. his memoirs *Life Sentence*, Constable & Co., London 1995), it is more than unlikely that these sentences were added by a third person.

[96] Kenneth Auchincloss, "The Long Shadow," *Newsweek International Edition*, May 8, 1995, p. 11. [Although order via inter-library loan, I had to retranslate this quotation from German to keep the deadline. Editor.]

[97] Bertolt Brecht, "Offener Brief an die Künstler und Schriftsteller vom 26. September 1951," in: Bertolt Brecht, *Gesammelte Werke*, Suhrkamp, Frankfurt/Main 1967, p. 496.

[98] Churchill, *op. cit.* (note [3]), p. 80.

[99] Dieter Friede, *Das russische Perpetuum Mobile*, 2nd ed., Würzburg 1959, p. 181.

*****

Czechoslovakia in Context

- 74.** Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 61
- 75.** [Kunert, Dirk, Hitlers kalter Krieg, p. 285](#)
- 76.** Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 52
- 77.** [Ibid, p. 61](#)
- 78.** [Ibid, pp. 140, 186](#)
- 79.** [Ibid, pp. 108, 123](#)
- 80.** [Ibid, p. 124](#)
- 81.** [Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 80](#)
- 82.** Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 169
- 83.** [Ibid, p. 60](#)
- 84.** [Ibid, p. 89](#)
- 85.** [Ibid, pp. 115, 119, 120, 147](#)
- 86.** [Ibid, pp. 166, 154](#)
- 87.** [Domaras, Max, Hitler Reden und Proklamationen, p. 802](#)
- 88.** [Kunert, Dirk, Hitlers kalter Krieg, p. 280](#)
- 89.** [Kunert, Dirk, Ein Weltkrieg wird vorprogrammiert, p. 126](#)
- 90.** Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 154
- 91.** [Kunert, Dirk, Hitlers kalter Krieg, p. 289](#)
- 92.** Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 190

- [93.](#) BD I, Third Series, 86
- [94.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 206
- [95.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 76
- [96.](#) PRO FO 371/20375 C 5216
- [97.](#) BD I, Third Series, 86
- [98.](#) PRO CAB 27/623
- [99.](#) PRO CAB 23/93 cab 21138
- [100.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 227
- [101.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 159
- [102.](#) Henderson, Nevile, Failure of a Mission, p. 137
- [103.](#) Post, Walter, Die Ursachen des Zweiten Weltkrieges, p. 237
- [104.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 93
- [105.](#) Henderson, Nevile, Failure of a Mission, p. 142
- [106.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, pp. 96-97
- [107.](#) BD II, Third Series, 665
- [108.](#) Henderson, Nevile, Failure of a Mission, p. 142
- [109.](#) Hitler, Adolf, Reden des Führers am Parteitag Grossdeutschland, pp. 77-78
- [110.](#) Henderson, Nevile, Failure of a Mission, p. 131
- [111.](#) BD II, Third Series, 8
- [112.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 107

- [113.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 260
- [114.](#) Meiser, Hans, Das Ringen um Frankreich, p. 171
- [115.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 173
- [116.](#) BD II, Third Series, 1038
- [117.](#) Meiser, Hans, Das Ringen um Frankreich, p. 166
- [118.](#) Post, Walter, Die Ursachen des Zweiten Weltkrieges, p. 262
- [119.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 119
- [120.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 275
- [121.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 122
- [122.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 280
- [123.](#) Ibid, p. 297
- [124.](#) Meiser, Hans, Das Ringen um Frankreich, p. 184
- [125.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 160
- [126.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, pp. 313-315, 304
- [127.](#) Ibid, p. 334
- [128.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 163
- [129.](#) Post, Walter, Die Ursachen des Zweiten Weltkrieges, p. 304
- [130.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 129

- [131](#). Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 161
- [132](#). Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 340
- [133](#). Ibid, p. 342
- [134](#). Hoggan, David, The Forced War, p. 248
- [135](#). Umbreit, Hans, Deutsche Militärverwaltungen 1938-1939, pp. 59, 56, 54
- [136](#). Hoggan, David, The Forced War, p. 251
- [137](#). Schultze-Rhonhof, Gerd, Das tschechisch-deutsche Drama, p. 344
- [138](#). Ibid, p. 344
- [139](#). Umbreit, Hans, Deutsche Militärverwaltungen 1938-1939, p. 55
- [140](#). Kunert, Dirk, Ein Weltkrieg wird vorprogrammiert, p. 242

*****

Winston Churchill Discreetly Veiled, Part 1

[1](#) Winston Churchill, The Gathering Storm, vol. 1, The Second World War (Boston: Houghton Mifflin, 1948), p. 347. Churchill commented that the guarantee was extended to a Poland "which with hyena appetite had only six months before joined in the pillage and destruction of the Czechoslovak State." He was referring to the annexation of the Teschen district, by which Poland had reclaimed the ethnically Polish areas of that bizarre concoction Churchill was pleased to dignify as "the Czechoslovak State."

[2](#) David Irving, Churchill's War, vol. 1, The Struggle for Power (Bullsbrook, Western Australia: Veritas, 1987), pp. 193–96.

[3](#) James Leutze, "The Secret of the Churchill-Roosevelt Correspondence: September 1939 — May 1940," *Journal of Contemporary History* 10, no. 3 (July 1975): 465–91; Leutze concludes that this was the real reason the two governments colluded to silence Tyler Kent.

[4](#) John W. Wheeler-Bennett, *King George VI: His Life and Reign* (New York: St. Martin's, 1958), pp. 390–92. Wheeler-Bennett added: "On his return to London the King communicated the essence of his talks with the President to the proper quarters, and so greatly did he esteem their importance that he carried the original manuscript of his notes about him in his dispatch case throughout the war."

[5](#) Hart, "The Military Strategist," p. 208.

[6](#) John Charmley, *Churchill: The End of Glory* (London: Hodder and Stoughton, 1993), p 423.

[7](#) See also Charmley's review of Clive Ponting's work, in the *Times Literary Supplement*, May 13, 1994, p. 8.

[8](#) Gaddis Smith, "Whose Finest Hour?" *New York Times Book Review*, August 29, 1993, p. 3.

[9](#) On March 27, 1942, Goebbels commented in his diary on the destruction of the European Jews, which was then underway: "Here, too, the Führer is the undismayed champion of a radical solution necessitated by conditions and therefore inexorable. Fortunately, a whole series of possibilities presents itself for us in wartime that would be denied us in peacetime. We shall have to profit by this." He added: "the fact that Jewry's representatives in England and America are today organizing and sponsoring the war against Germany must be paid for dearly by its representatives in Europe — and that's only right." *The Goebbels Diaries, 1942–1943*, Louis P. Lochner ed. and trans. (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1948), p. 148.

[10](#) Paul Addison, "Lloyd George and Compromise Peace in the Second World War," in *Lloyd George: Twelve Essays*, A.J.P. Taylor, ed. (New York: Atheneum, 1971), pp. 359–84. Churchill himself told Stalin in 1944: "We never thought of making a separate peace even the year when we were all alone and could easily have made one without serious loss to the British Empire and largely at your expense." *Ibid*, p. 383.

[11](#) Irving, *Churchill's War*, pp. 193, 207.

[12](#) Thomas A. Bailey, *The Man in the Street: The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy* (New York: Macmillan, 1948), p. 13. A recent writer has commented on Bailey's position: "In reality, when Roosevelt and other presidents lied, they did it for their own good, or what they believed to be their own good. But they were often mistaken because they have tended to be at least as shortsighted as the masses ... Roosevelt's destroyer deal marked a watershed in the use and abuse of presidential power, foreshadowing a series of dangerous and often disastrous adventures abroad." Robert Shogan, *Hard Bargain* (New York: Scribner's, 1995), pp.271, 278. The classical revisionist case on Roosevelt's war policy was presented in Charles A. Beard, *President Roosevelt and the Coming of War 1941* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949); and *Perpetual War for Perpetual Peace*, Harry Elmer Barnes, ed. (Caldwell, Idaho: Caxton, 1953), among other works.

[13](#) Winston S. Churchill, *The Grand Alliance*, vol. 3, *The Second World War* (Boston: Houghton Mifflin, 1950), pp. 23–24.

[14](#) William Stevenson, *A Man Called Intrepid* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1976).

[15](#) Irving, *Churchill's War*, pp. 524–27.

[16](#) Gore Vidal, *Screening History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992), p.40.

[17](#) *Ibid.*, p. 47.

[18](#) *Ibid.*, p. 33.

[19](#) "War-Entry Plans Laid to Roosevelt," *New York Times*, January 2, 1972.

[20](#) *Beesly, Room 40*, p. 121 n. 1.

[21](#) See, for instance, William Henry Chamberlin, *America's Second Crusade* (Chicago: Henry Regnery, 1950), pp. 124–47.

[22](#) Richard Lamb, *Churchill as War Leader* (New York: Carroll and Graf, 1991), p. 149.

[23](#) *Ibid.*, pp. 147–62.

[24](#) *Ibid.*, p. 162.

[25](#) Chamberlin, *America's Second Crusade*, p. 177. On Churchill's use of the "backdoor to war" for the United States, see John Costello, *Days of Infamy. MacArthur, Roosevelt, Churchill — The Shocking Truth Revealed* (New York: Pocket Books, 1994). On the question of Pearl Harbor, it is interesting to note that even as "mainstream" a historian as Warren F. Kimball, editor of the Churchill-Roosevelt correspondence, writes: "Doubts have not yet been laid to rest concerning still-closed British intelligence files about the Japanese attack on Pearl Harbor: information that Churchill may have chosen not to pass on to the Americans in the hope that such an attack would draw the United States into war." See also Warren F. Kimball, "Wheel within a Wheel: Churchill, Roosevelt, and the Special Relationship," in Churchill, Blake and Louis, eds., p. 298, where Kimball cites James Rusbridger and Eric Nave, *Betrayal at Pearl Harbor: How Churchill Lured Roosevelt into World War II* (New

York: Summit, 1991). Kimball complains that, despite written requests from him and other historians, British government files on relations with Japan in late 1941 remain closed. Churchill, p. 546 n. 29. Robert Smith Thompson, in *A Time for War: Franklin Delano Roosevelt and the Path to Pearl Harbor* (New York: Prentice Hall, 1991), presents a useful recent account of the coming of the war with Japan.

[26](#) Jaffa, "In Defense of Churchill," p. 277.

[27](#) Charmley, *Churchill: The End of Glory*, p. 538.

[28](#) Norman Davies, *God's Playground: A History of Poland*, vol. 2, 1795 to the Present (New York: Columbia University Press, 1982), pp. 447–53.

[29](#) For a critique of the view that Hitler's aim was to "conquer the world," see Geoffrey Stoakes, *Hitler and the Quest for World Domination* (Leamington Spa, England: Berg, 1986).

[30](#) Taylor, "The Statesman," p. 43.

[31](#) For instance, in May 1944, Eden protested to Churchill, regarding the prospect of the "Communization of the Balkans": "We must think of the after-effect of these developments, instead of confining ourselves as hitherto to the short-term view of what will give the best dividends during the war and for the war." Charmley, *Churchill: The End of Glory*, p. 538.

[32](#) Ben-Moshe, *Churchill: Strategy and History*, pp. 236–37.

[33](#) *Ibid.*, 241.

[34](#) Hanson W. Baldwin, *Great Mistakes of the War* (New York: Harper, 1949), p. 10.

[35](#) Roosevelt's attitude is epitomized in his statement: "If I give him [Stalin] everything I possibly can, and ask nothing of him in return,

[then] noblesse oblige, he won't try to annex anything and will work with me for a world of peace and democracy." Robert Nisbet, *Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship* (Washington, D.C.: Regnery, 1988), p. 6. Joseph Sobran's remarks in his brief essay, "Pal Joey," *Sobran's* 2, no. 8 (August 1995): pp. 5–6, are characteristically insightful.

[36](#) Ben-Moshe, *Churchill: Strategy and History*, pp. 287–88, 305–6.

[37](#) Ponting, *Churchill*, p. 665.

[38](#) Isaiah Berlin, "Winston Churchill," in *idem*, *Personal Impressions*, Henry Hardy, ed. (New York: Viking, 1980), p. 16., where Churchill is quoted as saying of Stalin that he is "at once a callous, a crafty, and an ill-informed giant." Note, however, that even this quotation shows that Churchill placed Stalin in an entirely different category from the unspeakably evil Hitler. In fact, as the works by Charmley, Ponting, and Ben-Moshe amply demonstrate, until the end of the war Churchill's typical attitude toward Stalin was friendly and admiring. Berlin's essay, with its mawkish infatuation with "the largest human being of our time," has to be read to be believed. An indication of one source of Berlin's passion is his reference to Churchill's sympathy for "the struggle of the Jews for self-determination in Palestine."

[39](#) Cf. Charmley, *Churchill: The End of Glory*, pp. 572–73, on "Operation Armpit," the extension of the Italian campaign and a thrust towards Vienna; Charmley concludes that, contrary to Churchill's Cold War defenders: "there is little evidence to show that Churchill's support for 'Armpit' was based upon political motives ... [He supported it] for the reason which any student of his career will be familiar with — it fired his imagination."

[40](#) Cf. Taylor, "The Statesman," pp. 56–57: "According to one version, Churchill was alarmed at the growth of Soviet power and tried to take precautions against it, if not in 1942 at least well before

the end of the war ... It is hard to sustain this view from contemporary records. Churchill never wavered from his determination that Nazi Germany must be utterly defeated.... Churchill had no European policy in any wider sense. His outlook was purely negative: the defeat of Germany.... With Churchill it was always one thing at a time." See also Ben-Moshe, Churchill: Strategy and History, pp. 292–99, on the southern strategy not being aimed at forestalling Soviet gains.

[41](#) Ibid., p. 287.

[42](#) An instance of the lengths to which Churchill's apologists will go is provided by John Keegan, in "Churchill's Strategy," in Churchill, Blake and Louis, eds., p. 328, where he states of Churchill: "Yet he never espoused any truly unwise strategic course, nor did he contemplate one. His commitment to a campaign in the Balkans was unsound, but such a campaign would not have risked losing the war." Risking losing the war would appear to be an excessively stringent criterion for a truly unwise strategic course.

[43](#) Albert C. Wedemeyer, *Wedemeyer Reports!* (New York: Holt, 1958), p. 230. Everyone else was against Churchill's plan, including his own military advisors. Brooke pointed out to his chief that, if they followed through with his idea, "we should embark on a campaign through the Alps in winter." Ponting, Churchill, p. 625.

[44](#) Lamb, Churchill as War Leader, pp. 250–75.

[45](#) Churchill's own Foreign Office informed him that: "we would land ourselves with a Communist state closely linked to the USSR after the war who would employ the usual terrorist methods to overcome opposition." Ibid., p. 256. Anthony Eden told the Cabinet in June 1944: "If anyone is to blame for the present situation in which Communist-led movements are the most powerful elements in Yugoslavia and Greece, it is we ourselves." British agents,

according to Eden, had done the work of the Russians for them. Charmley, Churchill: The End of Glory, p. 580.

[46](#) Fitzroy Maclean Eastern Approaches (London: Jonathan Cape, 1949), p. 281.

[47](#) Lamb, Churchill as War Leader, p. 259. Churchill believed Tito's promises of a free election and a plebiscite on the monarchy; above all, he concentrated on a single issue: killing Germans. See also Charmley, Churchill: The End of Glory, p. 558.

[48](#) On September 21, 1943, for instance, Churchill stated: "The twin roots of all our evils, Nazi tyranny and Prussian militarism, must be extirpated. Until this is achieved, there are no sacrifices we will not make and no lengths in violence to which we will not go." Russell Grenfell, Unconditional Hatred (New York: Devin-Adair, 1953), p. 92.

[49](#) Ponting, Churchill, p. 675.

[50](#) Watt, "Churchill and Appeasement," p. 210.

[51](#) In a memorandum to Alexander Cadogan, of the Foreign Office; Richard Lamb, The Ghosts of Peace, 1935–1945 (Salisbury, England: Michael Russell, 1987), p. 133.

[52](#) Peter Hoffmann, German Resistance to Hitler (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988), pp. 95–105; idem, The History of the German Resistance, Richard Barry, trans. (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1977), pp. 205–48; and idem, "The Question of Western Allied Co-Operation with the German Anti-Nazi Conspiracy, 1938–1944," The Historical Journal 34, no. 2 (1991): 437–64.

[53](#) Giles MacDonogh, A Good German: Adam von Trott zu Solz (Woodstock, N.Y.: Overlook Press, 1992), pp. 236–37.

[54](#) Lamb, Churchill as War Leader, p. 292. Lamb argues this thesis at length and persuasively in his *The Ghosts of Peace, 1935–1945*, pp. 248–320. A less conclusive judgment is reached by Klemens von Klemperer, *German Resistance against Hitler: The Search for Allies Abroad 1938–1945* (Oxford: Clarendon, 1992), esp. pp. 432–41, who emphasizes the difficulties in the way of any agreement between the British government and the German resistance. These included, in particular, the loyalty of the former to its Soviet ally and the insistence of the latter on post-war Germany's keeping ethnically German areas, such as Danzig and the Sudetenland.

[55](#) Marie Vassiltchikov, who was close to the conspirators, in her *Berlin Diaries, 1940–1945* (New York: Knopf, 1987), p. 218, expressed her bafflement at the line taken by the British: "The Allied radio makes no sense to us: they keep naming people who, they claim, took part in the plot. And yet some of these have not yet been officially implicated. I remember warning Adam Trott that this would happen. He kept hoping for Allied support of a 'decent' Germany and I kept saying that at this point they were out to destroy Germany, any Germany, and would not stop at eliminating the 'good' Germans with the 'bad.'"

[56](#) Ben-Moshe, *Churchill: Strategy and History*, pp. 307–16. See also Anne Armstrong, *Unconditional Surrender* (Westport, Conn.: Greenwood, [1961] 1974); and Lamb, *The Ghosts of Peace, 1935–1945*, pp. 215–35. Among the strongest wartime critics of the unconditional surrender policy, as well as of the bombing of civilians, was the military expert, Liddell Hart; see Brian Bond, *Liddell Hart: A Study of his Military Thought* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1977), pp. 119–63.

[57](#) Lamb, *The Ghosts of Peace, 1935–1945*, p. 232.

[58](#) *Ibid.*, pp. 236–45.

[59](#) Lord Moran, *Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965* (Boston: Houghton Mifflin, 1966), pp. 190–91. Churchill's ready acceptance of this specious argument casts considerable doubt on the claim of Paul Addison, *Churchill on the Home Front*, p. 437, that Churchill was "schooled" in free-trade doctrines, which were "ingrained" in him. More consistent with the evidence, including his outright rejection of free trade beginning in 1930, is that Churchill used or cast aside the economic theory of the market economy as it suited his political purposes.

[60](#) Moran, *Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965*, pp. 195–96.

[61](#) *Ibid.*, p. 193. That the spirit at least of the Morgenthau Plan continued to guide Allied policy in post-war Germany is shown in Freda Uteley's *The High Cost of Vengeance* (Chicago: Henry Regnery, 1949).

[62](#) Lamb, *Churchill as War Leader*, pp. 63–73. See also Ponting, *Churchill*, pp. 450–54; and Hart, "The Military Strategist," pp. 210–21.

[63](#) The "British obsession with heavy bombers" had consequences for the war effort as well; it led, for instance, to the lack of fighter planes at Singapore. Taylor, "The Statesman," p. 54. On the whole issue, see Stephen A. Garrett, *Ethics and Airpower in World War II: The British Bombing of German Cities* (New York: St. Martin's Press, 1993). See also Max Hastings, *Bomber Command* (New York: Dial Press, 1979); David Irving, *The Destruction of Dresden* (New York: Ballantine, 1963); and Benjamin Colby, *'Twas a Famous Victory* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1974), pp. 173–202. On the British use of airpower to "pacify" colonial populations, see Charles Townshend, "Civilization and 'Frightfulness': Air Control in the Middle East between the Wars," in *Warfare, Diplomacy, and Politics: Essays in Honor of A.J.P. Taylor*, Chris Wrigley, ed. (London: Hamish Hamilton, 1986), pp. 142–62.

[64](#) Ponting, Churchill, p. 620.

[65](#) Hastings, Bomber Command, p. 339. In 1945, Harris wrote: "I would not regard the whole of the remaining cities of Germany as worth the bones of one British grenadier." Ibid., p. 344. Harris later wrote "The Germans had allowed their soldiers to dictate the whole policy of the Luftwaffe, which was designed expressly to assist the army in rapid advances.... Much too late in the day they saw the advantage of a strategic bombing force." Hughes, Winston Churchill: British Bulldog, p 189.

[66](#) J.M. Spaight, Bombing Vindicated (London: Geoffrey Bles, 1944), p. 70–71. Spaight declared that Britons should be proud of the fact that "we began to bomb objectives on the German mainland before the Germans began to bomb objectives on the British mainland." Hitler, while ready enough to use strategic bombing on occasion, "did not want [it] to become the practice. He had done his best to have it banned by international agreement." Ibid., pp. 68, 60. Writing during the war, Spaight, of course, lied to his readers in asserting that German civilians were being killed only incidentally by the British bombing.

[67](#) On February 14, 1942, Directive No. 22 was issued to Bomber Command, stipulating that efforts were now to be "focused on the morale of the enemy civil population and in particular of the industrial workers." The next day, the chief of the Air Staff added: "Ref the new bombing directive: I suppose it is dear that the aiming points are to be the built-up areas, not, for instance, the dockyards or aircraft factories." Garrett, Ethics and Air Power in World War II, p. 11. By lying about the goal of the bombing and attempting a cover-up after the war, Churchill implicitly conceded that Britain had committed breaches of the rules of warfare. Ibid., pp. 36–37.

[68](#) Ibid., pp. 32–33.

[69](#) Richard Swedberg, *Schumpeter: A Biography* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991), p. 141.

[70](#) Garrett, *Ethics and Air Power in World War II*, p. 202.

[71](#) Hastings, *Bomber Command*, pp. 343–44. In November, 1942, Churchill had proposed that in the Italian campaign: "All the industrial centers should be attacked in an intense fashion, every effort being made to render them uninhabitable and to terrorise and paralyse the population." Ponting, *Churchill*, p. 614.

[72](#) To a historian who wished to verify some details, Churchill replied: "I cannot recall anything about it. I thought the Americans did it. Air Chief Marshal Harris would be the person to contact." Rose, *Churchill: The Unruly Giant*, p. 338.

[73](#) Garrett, *Ethics and Air Power in World War II*, p. 21.

[74](#) See Barton J. Bernstein, "A postwar myth: 500,000 U.S. lives saved," *Bulletin of the Atomic Scientists* 42, no. 6 (June/July 1986): 38–40; and, idem, "Wrong Numbers," *The Independent Monthly* (July 1995): 41–44. See also, idem, "Seizing the Contested Terrain of Early Nuclear History: Stimson, Conant, and Their Allies Explain the Decision to Use the Atomic Bomb," *Diplomatic History* 17, no. 1 (Winter 1993): 35–72, where the point is made that a major motive in the political elite's early propaganda campaign justifying the use of the atomic bombs was to forestall a feared retreat into "isolationism" by the American people. It is interesting to note that Richard Nixon, sometimes known as the "Mad Bomber" of Indo-China, justified "deliberate attacks on civilians" by citing the atomic bombings of the Japanese cities, as well as the attacks on Hamburg and Dresden. Richard M. Nixon, "Letters to the Editor," *New York Times*, May 15, 1983.

[75](#) Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited: From de Sade and Marx to Hitler and Pol Pot* (Washington, D.C.: Regnery, 1990), p. 281.

This work contains numerous perceptive passages on Churchill, e.g., pp. 261–65, 273, and 280–81, as well as on Roosevelt.

[76](#) Aleksandr I. Solzhenitsyn, *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation*, Thomas P. Whitney, trans. (New York: Harper and Row, 1973), 1–2, p. 259n.

[77](#) *Ibid.*, pp. 259–60.

[78](#) Sisley Huddleston, *France: The Tragic Years, 1939–1947* (New York: Devin-Adair, 1955), pp. 285–324.

[79](#) See, for instance, Richard West, *Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia* (New York: Carroll and Graf, 1995), pp. 192–93.

[80](#) Ponting, Churchill, p. 665.

[81](#) Herbert Mitzka, *Zur Geschichte der Massendeportationen von Ostdeutschen in die Sowjetunion im Jahre 1945* (Einhausen: Atelier Hübner, 1986). On other crimes against German civilians in the aftermath of the war, see, among other works, Heinz Nawratil, *Die deutschen Nachkriegsverluste unter Vertriebenen, Gefangenen, und Verschleppten* (Munich/Berlin: Herbig, 1986); John Sack, *An Eye for an Eye* (New York: Basic Books, 1993); and James Bacque, *Verschwiegene Schuld: Die alliierte Besatzungspolitik in Deutschland nach 1945*, Hans-Ulrich Seebohm, trans. (Berlin/Frankfurt a. M.: Ullstein, 1995).

[82](#) Alfred de Zayas, *Nemesis at Potsdam: The Anglo-Americans and the Expulsion of the Germans. Background, Execution, Consequences* (London: Routledge and Kegan Paul, 1977).

[83](#) Gaspar M. Tamas, "The Vanishing Germans," *The Spectator*, May 6, 1989, p. 15.

[84](#) Critiques of the Nuremberg Trials are included in Lord Hankey, *Politics, Trials, and Errors* (Chicago: Henry Regnery, 1950), and F.J.P.

Veale, *Advance to Barbarism: The Development of Total Warfare from Sarajevo to Hiroshima* (New York: Devin-Adair, 1968).

[85](#) Charmley, *Churchill: The End of Glory*, p. 622.

[86](#) Robert Boothby, *Recollections of a Rebel* (London: Hutchison, 1978), pp. 183–84.

[87](#) Churchill, *The Gathering Storm*, pp. iv — v.

[88](#) Nisbet, *Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship*, p. 106.

[89](#) Cf. Robert Higgs, "The Cold War Economy: Opportunity Costs, Ideology, and the Politics of Crisis," *Explorations in Economic History* 31 (1994): 283–312.

[90](#) Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949), p. 855.

[91](#) Charmley, *Churchill: The End of Glory*, p. 610, 618. Cf. Peter Clarke, *Liberals and Social Democrats* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 281: "When the Churchill Coalition was formed in May 1940 it gave progressivism a central political role which it had lacked since 1914.... The people's war brought a people's government in which ordinary Labour and good Liberals were the ascendant elements.... Anti-appeasement was the dominant myth; it helped displace the Guilty Men of Munich; and it prepared the ground for the overthrow of the Chamberlain consensus in domestic policy too. Keynes suddenly moved to a pivotal position inside the Treasury. Labour's patriotic response to the common cause was symbolised by the massive presence of Ernest Bevan as Minister of Labour."

[92](#) Addison, "Churchill and Social Reform," p. 73. Addison states: "By the spring of 1945 the Coalition government had prepared draft bills for comprehensive social insurance, family allowances, and a national health service." As Leader of the Opposition for the next six

years, "in social policy [Churchill] invariably contested the Labour Party's claim to a monopoly of social concern, and insisted that the credit for devising the post-war welfare state should be given to the wartime Coalition, and not to the Attlee government." For a contrasting view, see Kevin Jeffreys, *The Churchill Coalition and Wartime Politics, 1940–1945* (Manchester: Manchester University Press, 1991).

[93](#) Greenleaf, *The British Political Tradition*, pp. 254–55.

[94](#) Roberts, *Eminent Churchillians*, p. 258.

[95](#) *Ibid.*, p. 254. Roberts points out that "when the iron and steel industries were denationalized in 1953, they effectively continued to be run via the Iron and Steel Board."

[96](#) Roy Jenkins, "Churchill: The Government of 1951–1955," in Churchill, Blake and Louis, eds., p. 499.

[97](#) Addison, "Churchill and Social Reform," p. 76.

[98](#) Roberts, *Eminent Churchillians*, pp. 243–85.

[99](#) C.S. Lewis, *That Hideous Strength: A Modern Fairy-Tale for Grown-Ups* (New York: Collier, [1946] 1965), p. 291.

*****

President Roosevelt's Campaign To Incite War in Europe: The Secret Polish Documents

1. See, for example: Charles A. Beard, *President Roosevelt and the Coming of the War 1941* (New Haven: Yale University Press, 1948); William Henry Chamberlin, *America's Second Crusade* (Chicago: Regnery, 1952, 1962); Benjamin Colby, *'Twas a Famous Victory* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1979); Frederic R. Sanborn, *Design for War* (New York: Devin-Adair, 1951); William Stevenson, *A Man Called Intrepid* (New York: Ballantine Books, 1980); Charles C. Tansill, *Back Door to War* (Chicago: Regnery, 1952); John Toland, *Infamy: Pearl Harbor and Its Aftermath* (New York: Doubleday, 1982).
2. Saul Friedlander, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939-1941* (New York: Knopf, 1967), pp. 73-77; U.S., Congress, House, *Special Committee on Investigation of Un-American Activities in the United States*, 1940, Appendix, Part II, pp. 1054-1059.
3. Friedlander, pp. 75-76.
4. *New York Times*, 30 March 1940, p. 1.
5. *Ibid.*, p. 4, and 31 March 1940, p. 1.
6. *New York Times*, 30 March 1940, p. 1. *Baltimore Sun*, 30 March 1940, p. 1.
7. A French-language edition was published in 1944 under the title *Comment Roosevelt est Entre en Guerre*.
8. Tansill, "The United States and the Road to War in Europe," in Harry Elmer Barnes (ed.), *Perpetual War for Perpetual*

Peace (Caldwell, Idaho: Caxton, 1953; reprint eds., New York: Greenwood, 1969 and Torrance, Calif.: Institute for Historical Review [supplemented], 1982), p. 184 (note 292). Tansill also quoted from several of the documents in his *Back Door to War*, pp. 450-51.

9. Harry Elmer Barnes, *The Court Historians Versus Revisionism* (N.p.: privately printed, 1952), p. 10. This booklet is reprinted in Barnes, *Selected Revisionist Pamphlets* (New York: Arno Press & The New York Times, 1972), and in Barnes, *The Barnes Trilogy* (Torrance, Calif.: Institute for Historical Review, 1979).
10. Chamberlin, p. 60.
11. Edward Raczynski, *In Allied London* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1963), p. 51.
12. Orville H. Bullitt (ad.), *For the President: Personal and Secret* (Boston: Houghton Mifflin, 1972), p. x1v [biographical foreword]. See also *Time*, 26 October 1936, p. 24.
13. *Current Biography 1940*, ed. Maxine Block (New York: H.W. Wilson, 1940), p. 122 ff.
14. Gisleher Wirsing, *Der masslose Kontinent: Roosevelts Kampf um die Weltherrschaft* (Jena: E. Diederichs, 1942), p. 224.
15. Bullitt obituary in *New York Times*, 16 February 1967, p. 44.
16. Jack Alexander, "He Rose From the Rich," *Saturday Evening Post*, 11 March 1939, p. 6. (Also see continuation in issue of 18 March 1939.) Bullitt's public views on the European scene and what should be America's attitude

toward it can be found in his Report to the American People (Boston: Houghton Mifflin [Cambridge: Riverside Press], 1940), the text of a speech he delivered, with the President's blessing, under the auspices of the American Philosophical Society in Independence Hall in Philadelphia shortly after the fall of France. For sheer, hyperventilated stridency and emotionalist hysterics, this anti-German polemic could hardly be topped, even given the similar propensities of many other interventionists in government and the press in those days.

17. Michael R. Beschloss, *Kennedy and Roosevelt* (New York: Norton, 1980), pp. 203-04.
18. Robert Dallek, *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932-1945* (New York: Oxford University Press, 1979), p. 31. See also pp. 164-65.
19. Dispatch No. 349 of 20 September 1938 by Sir. R. Lindsay, *Documents on British Foreign Policy* (ed. Ernest L. Woodward), Third series, Vol. VII (London, 1954), pp. 627-29. See also: Joseph P. Lash, *Roosevelt and Churchill 1939-1941* (New York: Norton, 1976), pp. 25-27; Dallek, pp. 164-65; Arnold A. Offner, *America and the Origins of World War II* (Boston: Houghton Mifflin, 1971), p. 61.
20. William Phillips, *Ventures in Diplomacy* (North Beverly, Mass.: privately published, 1952), pp. 220-21.
21. Carl Burckhardt, *Meine Danziger Mission 1937-1939* (Munich: Callwey, 1960), p. 225.
22. Drew Pearson and Robert S. Allen, "Washington Daily Merry-Go-Round," *Washington Times-Herald*, 14 April 1939, p. 16. A facsimile reprint of this column appears in Conrad Grieb (ed.), *American Manifest Destiny and The Holocausts*

- (New York: Examiner Books, 1979), pp. 132-33. See also: Wirsing, pp. 238-41.
23. Jay P. Moffat, *The Moffat Papers 1919-1943* (Cambridge: Harvard University Press, 1956), p. 232.
  24. U.S., Department of State, *Foreign Relations of the United States* (Diplomatic Papers), 1939, General, Vol. I (Washington: 1956), p. 122.
  25. "Von Wiegand Says-," *Chicago Herald-American*, 8 October 1944, p. 2.
  26. Edvard Benes, *Memoirs of Dr. Eduard Benes* (London: George Allen & Unwin, 1954), pp. 79-80.
  27. Lash, p. 64.
  28. Hamilton Fish, *FDR: The Other Side of the Coin* (New York: Vantage, 1976; Torrance, Calif.: Institute for Historical Review, 1980), p. 62.
  29. James V. Forrestal (eds. Walter Millis and E.S. Duffield), *The Forrestal Diaries* (New York: Viking, 1951), pp. 121-22. I have been privately informed by a colleague who has examined the original manuscript of the Forrestal diaries that many very critical references to Jews were deleted from the published version.
  30. Jan Szembek, *Journal 1933-1939* (Paris: Plan, 1952), pp. 475-76.
  31. David E. Koskoff, *Joseph P. Kennedy: A Life and Times* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974), p. 207; Moffat, p. 253; A.J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (London: Hamish Hamilton, 1961; 2nd ed. Greenwich, Conn.: Fawcett Premier [paperback], 1965), p. 262; U.S.,

- Department of State, Foreign Relations of the United States, 1939, General, Vol. I (Washington: 1956), p. 355.
32. Dallek, p. 164.
  33. Beschloss, pp. 190-91; Lash, p. 75; Koskoff, pp. 212-13.
  34. Hull to Kennedy (No. 905), U.S., Department of State, *Foreign Relations of the United States*, 1939, General, Vol. I (Washington: 1956), p. 424.
  35. The radio addresses of Hamilton Fish quoted here were published in the Congressional Record Appendix (Washington) as follows: (6 January 1939) Vol. 84, Part 11, pp. 52-53; (5 March 1939) same, pp. 846-47; (5 April 1939) Vol. 84, Part 12, pp. 1342-43; (21 April 1939) same, pp. 1642-43; (26 May 1939) Vol. 84, Part 13, pp. 2288-89; (8 July 1939) same, pp. 3127-28.
  36. Wayne S. Cole, *Charles A. Lindbergh and the Battle Against American Intervention in World War II* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974), pp. 128, 136-39.
  37. *Congressional Record Appendix* (Washington: 1941), (30 December 1940) Vol. 86, Part 18, pp. 7019-25. See also: Appendix, Vol. 86, Part 17, pp. 5808-14.
  38. *New York Times*, 11 March 1941, p. 10.
  39. Lucy Dawidowicz, "American Jews and the Holocaust," *The New York Times Magazine*, 18 April 1982, p. 102.
  40. "FDR 'had a Jewish great-grandmother'" *Jewish Chronicle* (London), 5 February 1982, p. 3.
  41. Charles A. Lindbergh, *The Wartime Journals of Charles A. Lindbergh* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1970), p. 481.

42. Koskoff, pp. 282, 212. The role of the American press in fomenting hatred against Germany between 1933 and 1939 is a subject that deserves much more detailed treatment. Charles Tansill provides some useful information on this in *Back Door to War*. The essay by Professor Hans A. Muenster, "Die Kriegsschuld der Presse der USA" in *Kriegsschuld und Presse*, published in 1944 by the German Reichsdozentenfuhrung, is worth consulting.
43. An excellent essay relating and contrasting American public opinion measurements to Roosevelt's foreign policy moves in 1939-41 is Harry Elmer Barnes, *Was Roosevelt Pushed Into War By Popular Demand in 1941?* (N.p.: privately printed, 1951). It is reprinted in Barnes, *Selected Revisionist Pamphlets*.
44. Lash, p. 240.
45. *New York Times*, 27 April 1941, p. 19.
46. Harry Elmer Barnes, *The Struggle Against the Historical Blackout*, 2nd ed. (N.p.: privately published, ca. 1948), p. 12. See also the 9th, final revised and enlarged edition (N.p.: privately published, ca. 1954), p. 34; this booklet is reprinted in Barnes, *Selected Revisionist Pamphlets*.
47. Harry Elmer Barnes, "Revisionism: A Key to Peace," *Rampart Journal of Individualist Thought* Vol. II, No. 1 (Spring 1966), pp. 29-30. This article was republished in Barnes, *Revisionism: A Key to Peace and Other Essays* (San Francisco: Cato Institute [Cato Paper No. 12], 1980).
48. Sven Hedin, *Amerika im Kampf der Kontinente* (Leipzig: F.A. Brockhaus, 1943), p. 54.

*****

A Conversation With Joseph P. Kennedy

1. [*Editor's note: William C. Bullitt, the U.S. ambassador to France (1936–1940).*]
2. [*Editor's note: The presidential election campaign of 1940.*]

*****

German-Polish Relations 1919-1939

141. Ruhnau, Rudiger, Die freie Stadt Danzig, p. 9
- [142.](#) Bainville, Jacques, Frankreichs Kriegsziel, p. 53
- [143.](#) Watt, Richard, Bitter Glory, pp. 93, 99
- [144.](#) Venner, Dominique, Söldner ohne Sold, p. 217
- [145.](#) Oertzen, F.W., Die deutschen Freikorps, p. 132
- [146.](#) Watt, Richard, Bitter Glory, p. 158
- [147.](#) Venner, Dominique, Söldner ohne Sold, p. 222
- [148.](#) Der Tod sprach polnisch, p. 9
- [149.](#) Karski, Jan, The Great Powers and Poland, p. 84
- [150.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 401
- [151.](#) Elble, Rolf, Die Schlacht an der Bzura, p. 41
- [152.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 20
- [153.](#) Karski, Jan, The Great Powers and Poland, p. 147
- [154.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 405
- [155.](#) Schoenfelder, Roland, Deutschlands Ja für den Frieden, pp. 67-68

- [156.](#) Tansill, Charles, Die Hintertür zum Kriege, p. 178
- [157.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 30
- [158.](#) Ibid.
- [159.](#) Ibid.
- [160.](#) Ibid, p. 31
- [161.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, pp. 376-377
- [162.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 115
- [163.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 399
- [164.](#) Klüver, Max, Es war nicht Hitlers Krieg, p. 8
- [165.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 246
- [166.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 176
- [167.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 131
- [168.](#) Ibid, p. 397
- [169.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 221
- [170.](#) Ibid, p. 420
- [171.](#) Karski, Jan, The Great Powers and Poland, p. 247
- [172.](#) Klüver, Max, Es war nicht Hitlers Krieg, p. 11
- [173.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 423
- [174.](#) Ibid, p. 422
- [175.](#) Karski, Jan, The Great Powers and Poland, p. 268

- [176.](#) Ruhnau, Rudiger, Die freie Stadt Danzig, p. 163
- [177.](#) Hitler, Adolf, Rede des Führers und Reichskanzlers am 28. April 1939, pp. 36-37
- [178.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 44
- [179.](#) Wellems, Hugo, Das Jahrhundert der Lüge, p. 117
- [180.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 45
- [181.](#) Der Tod sprach polnisch, pp. 18, 23
- [182.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 426
- [183.](#) Klüver, Max, Es war nicht Hitlers Krieg, pp. 53-54
- [184.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 193
- [185.](#) Ibid, p. 404
- [186.](#) Kern, Erich, Adolf Hitler und das Dritte Reich, p. 365
- [187.](#) Piekalkiewicz, Janusz, Polenfeldzug, p. 44
- [188.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 194
- [189.](#) Wellems, Hugo, Das Jahrhundert der Lüge, p. 119
- [190.](#) Ibid, pp. 122, 119
- [191.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 251
- [192.](#) Ibid, p. 271, 273
- [193.](#) Ruhnau, Rudiger, Die freie Stadt Danzig, p. 76
- [194.](#) Ibid, p. 318
- [195.](#) Hoggan, David, The Forced War, p. 413

- [196.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 324
- [197.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 210
- [198.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 277
- [199.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 476
- [200.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 258
- [201.](#) Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 333
- [202.](#) BD VII, Third Series, 4
- [203.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 211
- [204.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 442
- [205.](#) Sudholt, Gerd, So war der Zweite Weltkrieg 1939, p. 57
- [206.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 319
- [207.](#) Preradovich, Nikolaus, Deutschland und Polen, p. 212
- [208.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 320
- [209.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 500
- [210.](#) Sturm, Gero, Mit Goldener Nahkampfspange Werner Kindler, p. 20
- [211.](#) Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, pp. 505, 506
- [212.](#) Ibid, pp. 513-514
- [213.](#) Meiser, Hans, Gescheiterte Friedens-Initiativen 1939-1945, p. 32
- [214.](#) Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, pp. 361-362, 305

[215](#). Meiser, Hans, Gescheiterte Friedens-Initiativen 1939-1945, p. 33

[216](#). Ibid.

[217](#). Schultze-Rhonhof, Gerd, Der Krieg, der viele Väter hatte, p. 527

[218](#). PRO FO 371/22979 C 12480

[219](#). Post, Walter, Die Ursachen des Zweiten Weltkrieges, p. 423

[220](#). Freytagh-Loringhoven, Freiherrn von, Deutschlands Aussenpolitik, p. 234

[221](#). Danco, Walter, Der Weltveränderer, p. 200

[222](#). Freytagh-Loringhoven, Freiherrn von, Deutschlands Aussenpolitik, p. 233

[223](#). Domaras, Max, Hitler Reden und Proklamationen, p. 1275

[224](#). Giesler, Hermann, Ein anderer Hitler, p. 366

[225](#). Klüver, Max, War es Hitlers Krieg?, p. 345

[226](#). Klüver, Max, Die Kriegstreiber, p. 414

*****

Peace Overtures Following the German-Polish Conflict

1 After a ham-handed joke by Hitler and Göring in February 1937 had misfired, Hanfstaengl had fled to England, believing his life to be in danger.

2 *National-Sozialistische Volkswohlfahrt*, the Party's civilian welfare organization.

3 From the papers released to the Public Record Office in London it is clear that neither Chamberlain nor Halifax rejected Hitler's terms

out of hand when Dahlerus described them. Even Churchill talked approvingly of an armistice. However, the file that evidently contains notes of Chamberlain's talk with Dahlerus on September 29, 1939, is closed until 1990, and forty-five pages of the foreign office file on Germany and future policy (F.O.371/22,985) covering the crucial period of October 3-4, 1939, are unavailable until the year 2015. A two-volume history of Anglo-German peace negotiations by Dr. Bernd Martin, of the University of Freiburg, is to appear shortly.

4 Signed by Ministerialdirektor Wohlthat, this remarkable document was not published in the postwar volumes of captured German documents ; nor were the German reports on the Dahlerus missions that followed.

5 The brief treatment of this episode in Sir Llewellyn Woodward's *British Foreign Policy in the Second World War*, Vol. II (H.M.S.O., 1971), page 186, includes an inadequate summary of the proposals.

*****

How Britain Pioneered City Bombing

[1] F.Veale, *Advance to Barbarism, The Development of Total War from Serajevo to Hiroshima*, IHR 1979, 176.
www.heretical.com/miscella/veale.html

[2] A.J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War*, 1972, 16.

[3] W.G.Se bald, *A Natural history of Destruction*, 2003 (an odd translation of the German title, *Luftkrieg und Literatur* 1999), 3.

[4] J.M. Spaight, *Bombing Vindicated*, 1944, 60.

[5] In 1936 Churchill remarked 'Germany is getting too strong, we must smash her' to the American military advisor General Wood:

H.Barnes, *Blasting the Historical Blackout*, 1961, 24
www.ihr.org/jhr/v01/v01p163_Barnes.html

[6] Max Hastings, *Bomber Command* 1979, 50: the Lancasters were 'heavy bombers which no other country in the world could match.' Germany and France had lighter bombers 'primarily for air support,' or 'tactical air power'.

[7] Sir Basil Liddell Hart, *The Revolution in Warfare*, 1946, 86.

[8] Hitler declared, 'I want to live in peace with England and to conclude a definite pact; to guarantee all the English possessions in the world and to collaborate,' on 14 Aug 1939: Taylor (ref 2), 308. For his re-advocacy of this position at Dunkirk, see B.Liddell Hart, *The Other Side of the Hill*, Germany's generals, their rise and fall, with their own accounts of events 1939-45, 1948, 1970, 186.

[9] A.Ramsey, *The Nameless War* 1952, 64.

[10] The words were nearly identical: A.C.Grayling, *Among the Dead Cities*, was the Allied Bombing of Cities in World War II a Necessity or a Crime? 2006, 149.

[11] *For Those who Cannot Speak* M. McLaughlin, Historical Review Press 1979 monograph, 24.

[12] David Irving, *The Destruction of Dresden*, 1963, 1974, 19.

[13] Veale (ref 1), 170

[14] *The Churchill War Papers*, 1993 Ed M.Gilbert, Vol. I, 18.

[15] Butz, *The Hoax of the 20th Century*, 1976, 70.

[16] Of the 131 German towns hit by heavy strategic raids, 46 cities had half of their built-up area destroyed. Berlin had 6427 acres, Hamburg 620 acres, Duesseldorf 2003 acres and Cologne, 1994 acres destroyed. Whereas London had 600, Plymouth 400 and

Coventry 100 acres destroyed.[16] A. Wesserle, The Journal of Historical Review, 1981, vol. 2, 381-384.
www.vho.org/GB/Journals/JHR/2/4/Wesserle381-384.html

[17] Spaight (ref 4), 74.

[18] Spaight, 43.

[19] Irving (ref 12), 32; Hastings (ref 6), 99.

[20] Veale (ref 1), 180: the Bensusan-Butt Report..

[21] A.T. Harris, Bomber Offensive, 1947, 42; summarised by Veale (ref 1), 174.

[22] CP Snow Science and Government, OUP, 1961, 47-51.

[23] www.lewrockwell.com/orig/raico-churchill5.html

[24] www.ety.com/HRP/rev/terrorbombing.htm

[25] Irving (ref 12), 220.

[26] “Many of the most beautiful cities of Europe and the world were systematically pounded into nothingness, often during the last weeks of the war, among them: Wuerzburg, Hildesheim, Darmstadt, Kassel, Nürnberg, Braunschweig:” Dr Wesserle, ref. 16.
www.exulanten.com/kep3.html

[27] Veale (ref 1), 171.

[28] Spaight (ref 4), 38.

[29] Veale, 177

[30] R. Harwood, Nuremberg, 1975, Historical Review Press, 61

[31] Veale, 28. Archibald Sinclair was then the Air Secretary.

[32] V.Brittain, Seed of Chaos, what Mass Bombing Really Means, 1944, 116; Gaylor (ref.10), 183, 281. With this in the British Library is a fine collection (made by George Orwell) of anti-war pamphlets.

[33] The Royal Air Force 1939-1945, Vol. 1 'The Fight at Odds,' HMSO 1953, p.122.; Veale, 184.

[34] For Hitler's admiration of Britain and its empire, see: www.ihr.org/jhr/v01/v01p163_Barnes.html

During and after the war, it was hard to obtain an English translation of Hitler's Mein Kampf, a central theme of which was Hitler's 'admiration for and longing for friendship with Great Britain:' Ramsey (Ref 9), 49. Captain Arthur Ramsey, Conservative MP, found himself jailed for the duration of the war, accused (quite rightly) of undermining the war effort.

[35] The two German peace offers to Britain came in October 1939, after defeating Poland, and in July 1940, after defeating France, both spurned: Captain R. Grenfell, Unconditional Hatred, German War guilt and the Future of Europe, NY 1954, 201.

[36] For the but faintly-imagined and conditional German plan to invade Britain in the summer of 1940, see Hart (ref 7), pp.212-222; and his History of the 2nd World War 1970, pp.93-6.

[37] Anglo-American strategic bombers dropped 2690 kilotons of bombs on Europe (1,350kt on Germany, 590kt France, 370 kt Italy, etc), while Germany dropped 74 kt of bombs including V-1 and V-2 rockets on Britain in WWII: a mere 5%, or one-twentieth as much: Dr Wesserle, Ref. 26.

[38] Veale, 29, 32.

[39] Snow, ref. 22.

[40] Veale, 197.

[41] C.Wester & N.Frankland, The Strategic Air Offensive HMSO, 1961, Volume I.

[42] Veale, 201, 197.

[43] Sunday Telegraph, 1.10.61, Veale, 198.

[44] Spaight, 43.

[45] Hart (ref 7), 72; Veale, 171.

[46] This was a mistake as Holland had surrendered: Gaylor (ref 9), p.34; Irving (ref 12), 21.

[47] David Irving: 'In fact the bombardment of Warsaw did not begin until September 26, 1939, after all the military niceties had been observed: warning leaflets dropped on to the civilian population, open routes provided for the Polish civilians to leave before the timed hour of bombardment, a formal ultimatum to the commandant of the fortress Warsaw to capitulate before the bombardment began, which was rejected". Hitler's War, 1977, 2001, 239 www.fpp.co.uk/books/Hitler/

[48] Wesserle, ref 16.

[49] Grayling (ref 10), 143.

[50] Gaylor (ref 9), p.149.

[51] www.hawaii.edu/powerkills/COMM.10.5.03.HTM

[52] D.F.Fleming, The Cold War and its Origins, 1961, Vol. I, 349

[53] www.brianwillson.com/awolkorea.html; R.Howe, Weapons, London 1981, 500.

[54] Fleming (ref 52), 656.

[55]

www.stormfront.org/solargeneral/library/www.fpp.co.uk/History/General/Guernica/DTel250487.html

*****

Examining Stalin's 1941 Plan to Attack Germany

[1] Strauss, born in 1931, was arrested for anti-Communist activities as an *Oberschüler* (secondary school student) in East Germany (DDR) and imprisoned, 1950-1956. He is the author of several other notable books on Russia, including *Russland wird leben: vom roten Stern zur Zarenfahne* (1992), *Drei Tage, die die Welt erschütterten* (1992), *Bürgerrechtler in der UdSSR* (1979), and *Von der Wiedergeburt slawophiler Ideen in Rußland* (1977). He is also a frequent contributor to scholarly journals. He currently lives in Bavaria, where he works as a Slavic affairs specialist.

[2] See: Ernst Nolte, *Der Europäische Bürgerkrieg 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus* (Munich: 1997 [5th ed.]). Nolte has strongly suggested that Hitler's wartime treatment of the Jews might legitimately be regarded as a defensive response by Hitler to the threat of Bolshevik mass murder of the Germans. In a 1980 lecture he said: "It is hard to deny that Hitler had good reason to be convinced of his enemies' determination to annihilate long before the first information about the events in Auschwitz became public." See also the interview with Nolte in the Jan.-Feb. 1994 *Journal* (Vol. 14, No. 1), pp. 15-22, and "Changing Perspectives on History in Germany: A Prestigious Award for Nolte: Portent of Greater Historical Objectivity?," July-August 2000 *Journal*, pp. 29-32.

[3] François Furet and Ernst Nolte, *Feindliche Nähe: Kommunismus und Faschismus im 20. Jahrhundert: Ein Briefwechsel* (Munich:

1998).

The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression, by Stéphane Courtois and others (Cambridge: Harvard University Press, 1999). Original edition: *Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression* (Paris: 1997). Earlier works by Courtois include *Histoire du parti communiste français* (1995), *L'état du monde en 1945* (1994), *Rigueur et passion* (1994), *50 ans d'une passion française* (1991), and *Qui savait quoi?* (1987).

Courtois has also written: "I am fighting for a reevaluation of Stalin. He was to be sure the greatest criminal of the century. But at the same time he was the greatest politician – the most competent, the most professional. He was the one who understood most perfectly how to put his resources at the service of his goals."

Russian nationalists are fully aware, just as were the anti-Bolshevik "White Russians," that the leaders of Russia's Marxist movement – Mensheviks and Bolsheviks alike – were predominantly not Russian at all. As evidence of the alien character of the Bolshevik revolution and of the early Soviet regime, Russian nationalists (along with many others) often cite *The Last Days of the Romanovs*, a work by British writer Robert Wilton (and now translated into Russian). In an appendix to the 1993 IHR edition of this work (pp. 184-190), Wilton also notes: "According to data furnished by the Soviet press, out of important functionaries of the Bolshevik state... in 1918-1919 there were: 17 Russians, two Ukrainians, eleven Armenians, 35 Letts [Latvians], 15 Germans, one Hungarian, ten Georgians, three Poles, three Finns, one Czech, one Karaim, and 457 Jews." See also: M. Weber, "The Jewish Role in the Bolshevik Revolution and the Early Soviet Regime," Jan.-Feb. 1994 *Journal*, pp. 4-14.

[7] A special 1996 edition of the Moscow newspaper *Russkiy Vestnik* lists the names of the executioners: Yankel Yurovsky, Anselm Fischer, Istvan Kolman, A. Chorwat, Isidor Edelstein, Imre Magy [?], Victor Grinfeld, Andreas Wergasi and S. Farkash. The article concludes: "All of this attests to the non-Russian origin of the murderers."

[8] According to Aleksandr Solzhenitsyn, the six directors were Semyon Firin, Matvei Berman, Naftali Frenkel, Lazar Kogan, Yakov Rappoport, Sergei Zhuk. The Head of the Military Guards was Brodsky, the Canal Curator of the Central Executive Committee was Solts, the GPU and NKVD heads were Yagoda, Pauker, Spiegelglas, Kaznelson, Sakovskiy, Sorensen, Messing and Arshakuni. As the names indicate, all were non-Russians. Stalin awarded most of these murderers the honorary title "Hero of Labor." See: Aleksandr Solzhenitsyn, *The Gulag Archipelago*, III-IV, Book Two (New York: Harper & Row, 1975), pp. 79, 81, 82, 84, 94, etc.

[9] This generalization is mostly valid for the first 20 years of Soviet rule. However, following the Great Purge (1937-1939), and except for several years after World War II in East Europe where Stalin used Jewish Communists to instal puppet regimes, the dictator until his death actively opposed elements he referred to as cosmopolitans, parasites, and so forth.

[10] Grigorenko originally submitted his article to the Soviet journal *Voprosy istorii KPSS*, which (of course) rejected it. It was published in 1969 by Possev, a Russian emigré publishing house in Frankfurt am Main.

[11] Suvorov's first three books on World War II have been reviewed in *The Journal of Historical Review*. The first two, Icebreaker and "M Day," were reviewed in Nov.-Dec. 1997 *Journal* (Vol. 16, No. 6), pp. 22-34. His third book, "The Last Republic," was reviewed in the July-August 1998 *Journal* (Vol.

17, No. 4), pp. 30-37.

[12] See the review of *Stalins Falle* (“Stalin’s Trap”), by Adolf von Thadden, in the May-June 1999 *Journal*, pp. 40-45.

Gotovil li Stalin nastupatel’nyuyu voynu protiv Gitlera (“Did Stalin Make Preparations for an Offensive War Against Hitler?,” by Grigoriy Bordyugov and Vladimir Nevezhin (Moscow: AIRO XX, 1995), and, *1 sentyabrya 1939-9 maya 1945: Pyatidesyatiletie razgroma fashistkoy Germanii v Kontekste Nachala Vtoroy Mirovoy Voyny* (“September 1, 1939-May 9, 1945: the 50th Anniversary of the Defeat of Fascist Germany in the Context of the Beginning of the War”), edited by I.V. Pavlova and V. L. Doroshenko (Novosibirsk Memorial, 1995). The latter work was briefly cited in the Nov.-Dec. 1997 *Journal*, pp. 32-34.

The German High Command greatly underestimated the number of Soviet divisions, as well as the quality and quantity of Soviet tanks. Hitler and the Wehrmacht were to find not 160 divisions on their doorstep, but more than 300. See: David [14] Irving, *Hitler’s War* (New York: Viking, 1977), pp. 205-206, 297. On the correlation of forces in June 1941, see also Joachim Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945* (Munich, 1995), Chapter 1, and esp. pp. 31, 66.

Ominously, however, the “oligarchs,” most of them Jewish, exercise considerable control over the Russian media. See: [15] Daniel W. Michaels, “Capitalism in the New Russia,” May-June 1997 *Journal*, pp. 21-27, and, “A Jewish Appeal to Russia’s Elite,” Nov.-Dec. 1998 *Journal*, pp. 13-18.

See: Alfred-Maurice de Zayas, *The German Expellees: Victims in War and Peace* (New York: St. Martin’s Press, 1993), Alfred-M. [16] de Zayas, *Nemesis at Potsdam: The Expulsion of the Germans From the East* (Lincoln: Univ. of Nebraska, 1989 [3rd rev. ed.]), James Bacque, *Other Losses* (Prima, 1991), J. Bacque, *Crimes and*

Mercies (Little, Brown, 1997), Ralph Keeling, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War Against the German People* (IHR, 1992).

Juan Goytisolo, *La Saga de los Marx* (Barcelona: Mondadori, 1993). Although Goytisolo was undoubtedly one of Spain's [17] foremost 20th century novelists, both his political views and private life were highly controversial. Expelled from Spain by Franco, he lived most of his life in France.

*****

The Jewish Hand in the World Wars, Part 1

Sources

Balakian, P. 2003. *The Burning Tigris*. Harper Collins.

Ben-Sasson, H. 1976. *A History of the Jewish People*. Harvard University Press.

Chalberg, J. (ed.) 1995. *Isolationism*. Greenhaven Press.

Churchill, W. 1920/2002. "Zionism versus Bolshevism." In L. Brenner (ed.), *51 Documents: Zionist Collaboration with the Nazis*. Barricade Books.

Cohen, N. 1963. "The abrogation of the Russo-American treaty of 1832." *Jewish Social Studies*, 25(1).

Cooper, J. 1983. *The Warrior and the Priest*. Belknap.

Cooper, J. 2009. *Woodrow Wilson*. Knopf.

Dalton, T. 2011a. "Eternal strangers: Anti-Jewish musings throughout history" (part 1). *The Occidental Quarterly*, 11(2) <http://toqonline.com/archives/v11n2/TOQv11n2Dalton.pdf>.

Dalton, T. 2011b. "Eternal strangers: Anti-Jewish musings throughout history" (part 2). *The Occidental Quarterly*, 11(3).

Dalton, T. 2011c. "Eternal strangers: Anti-Jewish musings throughout history" (part 3). *The Occidental Quarterly*, 11(4).

Dalton, T. 2012. "Anglo-American perspectives on anti-Semitism." *The Occidental Quarterly*, 12(3).

d'Holbach, P. 1770/1813. *Ecce Homo! or a Critical Inquiry in the History of Jesus Christ*. D. I. Eaton.

Gilbert, M. 2007. *Churchill and the Jews*. Holt.

Gordon, S. 1984. *Hitler, Jews, and the "Jewish Question"*. Princeton University Press.

Hegel, G. 1975. *Early Theological Writings*. (T. Knox, trans.). University of Pennsylvania Press.

Hertzberg, A. 1968. *The French Enlightenment and the Jews*. Columbia University Press.

Herzl, T. 1896/1967. *The Jewish State*. Pordes.

Hodgson, G. 2006. *Woodrow Wilson's Right Hand*. Yale University Press.

Ingrams, D. (ed.) 1972. *Palestine Papers: 1917-1922*. G. Braziller.

Irving, D. 2001. *Churchill's War* (vol. 2). Focal Point.

Kant, I. 1798/1979. *Conflict of the Faculties*. (M. Gregor, trans.). Abaris.

Landman, S. 1936. *Great Britain, the Jews, and Palestine*. New Zionist Press.

Levin, N. 1988. *The Jews in the Soviet Union since 1917*. NYU Press.

Levy, R. 1991. *Anti-Semitism in the Modern World*. D. C. Heath.

- Liebreich, F. 2005. Britain's Naval and Political Reaction to the Illegal Immigration of Jews to Palestine, 1945-1948. Routledge.
- Lloyd George, D. 1939. Memoirs of the Peace Conference (vol. 2). Yale University Press.
- MacMillan, M. 2003. Paris 1919. Random House.
- Makovsky, M. 2007. Churchill's Promised Land. Yale University Press.
- Mommsen, T. 1854/1957. History of Rome (vol. 4). Free Press.
- Rather, L. 1990. Reading Wagner. Louisiana State University Press.
- Schneer, J. 2010. The Balfour Declaration. Random House.
- Seligman, E. 1914. "Introduction." Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York, 4(4).
- Shogan, R. 2010. Prelude to Catastrophe. Ivan Dee.
- Slomovitz, P. 1981. Purely Commentary. Wayne State University Press.
- Sombart, W. 1911/1982. The Jews and Modern Capitalism. Transaction.
- Stein, L. 1961. The Balfour Declaration. Valentine, Mitchell.
- Stern, M. 1974. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism (vol. 1). Israel Academy of Sciences and Humanities.
- Temperley, H. 1924. History of the Peace Conference of Paris (vol. 6). Hodder and Stoughton.
- Ward, G. 1989. A First Class Temperament. Harper.

Weber, M. 1983. "President Roosevelt's campaign to incite war in Europe: The secret Polish documents." *Journal of Historical Review*, 4.

Ziff, W. 1938. *The Rape of Palestine*. Longmans, Green.

Notes:

[1](#) It is clear that Joseph was Jewish: His father, Jacob, was renamed by God as "Israel" (Gen 35:10), and Joseph himself is repeatedly referred to as a "Hebrew" (e.g. Gen 39:14, 41:12).

[2](#) *Roman History*, 69.13.

[3](#) For Seneca's and Quintilian's comments, see Stern (1974), pages 431 and 513. For Tacitus, see his *Annals* (XV, 44), and *Histories* (5.8).

[4](#) *History of Rome*, vol. 4, p. 643.

[5](#) *Ecce Homo!* (1770/1813: 26, 28)

[6](#) Cited in Hertzberg (1968: 300).

[7](#) For Kant, see his *Conflict of the Faculties* (1798/1979: 101). Hegel's quotation is from his *Early Theological Writings* (1975: 190).

[8](#) This is just a fraction of the negative observations of Jews over the centuries. For a more complete study, see my series Dalton (2011a, 2011b, 2011c, and 2012).

[9](#) A large area, comprising much of present-day Poland, Lithuania, Ukraine, and Belarus.

[10](#) In 1891 the *New York Times* ran the headline: "Russia's Fierce Assault: Europe amazed at her treatment of Jews." As the article explained, "Berlin...is overwhelmed by the advance wave of the

flying Jews, driven on a day's notice from their homes and swarming westward..." (May 31; p. 1).

[11](#) Cited in Rather (1990: 163).

[12](#) Cited in Levy (1991: 83-84).

[13](#) There are a few problems, however. First, the diary is dated some five months after the war actually started; it's easy to recall a prediction after the fact. Second, Rosenthal's book *My Siberian Diary* is nowhere to be found. The entry is recounted in an obscure periodical, *The Jewish Era*, dated January 1919 (p. 128); this was not only after the war was over, but after the Peace Conference had already begun.

[14](#) This was true of both Zionist and non-Zionist Jews. It's worth noting that Zionism was a minority view among American Jews, at least for the first two decades of its existence. Many Jews, being 'internationalists,' did not feel the need for a Jewish homeland. And many realized that, should this come to pass, they would be charged with dual loyalty. But with the Zionists' relentless pressure and record of success, they became the dominant view.

[15](#) For a contemporaneous account, see the *London Times*, 11 July 1911, p. 5.

[16](#) Cited in Slomovitz (1981: 6-7).

[17](#) Cited in *Dearborn Independent* (25 June 1921).

[18](#) April 11, p. 18. The same article goes on to decry "the systematic, relentless quiet grinding down of a people of more than 6,000,000 souls." This figure surely strikes a chord—but that's another story.

[19](#) Indeed—a "special effort" was made to get the support of Wilson, "whose influence was rising within the Democratic ranks" (p. 32).

[20](#) *The Jews and Modern Capitalism* (1911/1982), p. 44.

[21](#) Shogan (2010: xi).

[22](#) *Dearborn Independent*, 11 June 1921. The entire ‘international Jew’ series ran without a byline, and so for the sake of convenience I attribute them to Ford—even though it is virtually certain that he did not write the pieces himself.

[23](#) Cooper (1983: 194).

[24](#) *War Expenditures: Parts 1 to 13*. US Government Printing Office (1921: 1814, 1816).

[25](#) Cited in Chalberg (1995: 46-47).

[26](#) Other Americans died on foreign-flagged ships—most notoriously, 128 on the *Lusitania*. But this still pales in comparison to the thousands who would die in a war.

[27](#) Online at: www.historymatters.gmu.edu. I am not aware of any polling data supporting his claim that 90% of Americans were opposed to entering the war, but it seems to have been a reasonable estimate.

[28](#) Cited in Chalberg (1995: 71-73).

[29](#) Schneer (2010: 153) is typical: there was “no such thing” as a powerful Jewish force in world affairs. Any thoughts to the contrary are “based upon a misconception.” Hodgson (2006: 154-155) is another example: “the influence of Zionism [was] considerably exaggerated” by the British government, who believed the international Jews to be “more influential and more Zionist than in fact they were.”

[30](#) Jews had nearly a total monopoly on the film business. The only significant non-Jewish movie mogul was Darryl Zanuck, who was a studio head at 20th Century Fox for many years.

[31](#) Among the leading figures, Ben-Sasson (p. 944) mentions Julius Martov, Fyodor Dan, and Raphael Abramowitz.

[32](#) Churchill's close connection to British Jews dated back at least to 1904. Gilbert (2007: 9) explains that "this was the first but not the last time that Churchill was to be accused by his political opponents...of being in the pocket, and even in the pay, of wealthy Jews." Makovsky (2007) describes Churchill's father's longtime association with "Jewish financial titans," and notes that Churchill himself "came to count many of [his father's] wealthy Jewish friends as his own" (p. 46).

[33](#) Encyclopedias are usually good sources for conventional views. Quotations here come from the *World Book*, 2003 edition, entry on 'Balfour Declaration.'

[34](#) See Stein (1961: 28).

[35](#) See Lloyd George (1939: 725), Ziff (1938: 55), Stein (1961: 528), and Liebreich (2005: 12).

[36](#) Minutes of the War Cabinet for October 31; see Ingrams (1972: 16).

37 As I will explain in Part II, there is ample evidence that this was true. For a review of some of the relevant sources, see Weber (1983). In brief, it seems that Roosevelt wanted England and France to do the early 'dirty work' of the war, and then the US would intervene as needed to conclude the issue.

*****

The Jewish Hand in the World Wars, Part 2

Sources:

Ben-Sasson, H. 1976. *A History of the Jewish People*. Harvard University Press.

- Bermant, C. 1977. The Jews. Times Books.
- Beschloss, M. 2002. The Conquerors. Simon and Schuster.
- Brecher, F. 1988. "Charles R. Crane's crusade for the Arabs." Middle Eastern Studies, 24(1): 42-55.
- Breitman, R. and Lichtman, A. 2013. FDR and the Jews. Belknap.
- Bryant, A. 1940. Unfinished Victory. Macmillan.
- Buchanan, P. 2008. Hitler, Churchill, and the Unnecessary War. Crown.
- Cecil, L. 1996. Wilhelm II (vol. 2). University of North Carolina Press.
- Chalberg, J. (ed.) 1995. Isolationism. Greenhaven.
- Churchill, W. 1920/2002. "Zionism versus Bolshevism." In L. Brenner (ed.), 51 Documents, Barricade.
- Cohen, M. 1985/2003. Churchill and the Jews. F. Cass.
- Cole, W. 1983. Roosevelt and the Isolationists. University of Nebraska Press.
- Dall, C. 1968. FDR: My Exploited Father-in-Law. Action Associates.
- Dallek, R. 1979. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. Oxford University Press.
- Dalton, T. 2009. Debating the Holocaust. Theses and Dissertations Press.
- Dalton, T. 2010. "Goebbels on the Jews" (part 2). Inconvenient History, 2(2).
- Daniels, J. 1949. "Pearl Harbor Sunday: The end of an era." In Leighton (ed.), The Aspirin Age, Simon and Schuster.

Darkmoon, L. 2013. "The sexual decadence of Weimar Germany." www.darkmoon.me

Dillon, E. 1920. *The Inside Story of the Peace Conference*. Harper and Brothers.

Dodd, W. 1941. *Ambassador Dodd's Diary, 1933-1938*. Harcourt, Brace.

Doenecke, J. 2000. *Storm on the Horizon*. Rowman & Littlefield.

Dunn, S. 2013. *1940: FDR, Willkie, Lindbergh, Hitler*. Yale University Press.

Fay, S. 1928. *The Origins of the World War*. Macmillan.

Fink, C. 1998. "The minorities question." In Boemeke et al (eds), *The Treaty of Versailles*, Cambridge University Press.

Forrestal, J. 1951. *The Forrestal Diaries*. Viking.

Fuller, J. 1957. *The Decisive Battles of the Western World* (vol. 3). Eyre & Spottiswoode. Reprinted in the United States as *A Military History of the Western World* (vol. 3), Minerva.

Gilbert, M. 2007. *Churchill and the Jews*. Holt.

Grubach, P. 2011. "Churchill, international Jews, and the Holocaust: A revisionist analysis." *Inconvenient History*, 3(1).

Herzstein, R. 1989. *Roosevelt and Hitler*. J. Wiley.

Ickes, H. 1954. *The Secret Diary of Harold L. Ickes* (vol. 2). Simon and Schuster.

Irving, D. 2001. *Churchill's War* (vol. 2). Focal Point.

Jackson, R. 2003. *That Man: An Insider's Portrait of Franklin D. Roosevelt*. Oxford University Press.

- Katz, S. 1991. "1918 and after: The role of racial anti-Semitism in the Nazi analysis of the Weimar Republic." In Gilman and Katz (eds), *Anti-Semitism in Times of Crisis*, NYU Press.
- Laqueur, W. 1974. *Weimar: A Cultural History*. Putnam.
- Lavsky, H. 1996. *Before Catastrophe*. Wayne State University Press.
- Leutze, J. 1975. "The secret of the Churchill-Roosevelt correspondence." *Journal of Contemporary History*, 10(3).
- Loewenheim, F. et al (eds). 1975. *Roosevelt and Churchill*. Saturday Review Press.
- MacMillan, M. 2003. *Paris 1919*. Random House.
- Makovsky, M. 2007. *Churchill's Promised Land*. Yale University Press.
- Michael, R. 2005. *A Concise History of American Anti-Semitism*. Rowman & Littlefield.
- Morgenstern, G. 1947. *Pearl Harbor*. Devin-Adair.
- Morgenthau III, H. 1991. *Mostly Morgenthau*. Ticknor & Fields.
- Mowrer, E. 1933. *Germany Puts the Clock Back*. William Morrow.
- Muller, J. 2010. *Capitalism and the Jews*. Princeton University Press.
- Nasaw, D. 2012. *The Patriarch*. Penguin.
- Nave, E. 1991. *Betrayal at Pearl Harbor*. Summit.
- Rohl, J. 1987/1994. *The Kaiser and His Court*. Cambridge University Press.
- Scholnick, M. 1990. *The New Deal and Anti-Semitism in America*. Taylor and Francis.

Sherwood, R. 1948. White House Papers of Harry L. Hopkins (vol. 1). Eyre & Spottiswoode.

Shogan, R. 2010. Prelude to Catastrophe. Ivan Dee.

Slomovitz, P. 1981. Purely Commentary. Wayne State University Press.

Stinnett, R. 2001. Day of Deceit. Touchstone.

Szembek, C. 1952. Journal 1933-1939. Plon.

Taylor, A. 1961. Origins of the Second World War. Atheneum.

Townley, S. 1922. Indiscretions of Lady Susan. Appleton.

Ward, G. 1989. A First-Class Temperament. Harper & Row.

Weber, M. 1983. "President Roosevelt's campaign to incite war in Europe." *Journal of Historical Review*, 4(2).

Wentling, S. 2012. Herbert Hoover and the Jews. Wyman Institute.

Notes:

[1](#) As Baruch stated to Congress, "I probably had more power than perhaps any other man did in the war; doubtless that is true." See Part 1 for his full testimony.

[2](#) Cited in Chalberg (1995: 71-73).

[3](#) The *New York Times* carried periodic such reports. See, for example: 26 January 1891 ("Rabbi Gottheil says a word on the persecution of the Jews...about six millions persecuted and miserable wretches"), 21 September 1891 ("An indictment of Russia...a total of 6,000,000 is more nearly correct."), 11 June 1900 ("[In Russia and central Europe] there are 6,000,000 living,

bleeding, suffering arguments in favor of Zionism.”), 23 March 1905 (“We Jews in America [sympathize with] our 6,000,000 cringing brothers in Russia”), 25 March 1906 (“Startling reports of the condition and future of Russia’s 6,000,000 Jews...”). The situation led a former president of B’nai B’rith to a prophetic exclamation: “Simon Wolf asks how long the Russian Holocaust is to continue” (10 November 1905). History does indeed repeat itself.

4 It seems that he had good reason for this enmity. According to Cecil (1996: 57), Wilhelm “believed that Jews were perversely responsible...for encouraging opposition to his rule.” In a letter to a friend, the Kaiser wrote: “The Hebrew race are my most inveterate enemies at home and abroad; they remain what they are and always were: the forgers of lies and the masterminds governing unrest, revolution, upheaval by spreading infamy with the help of their poisoned, caustic, satyric spirit” (in Rohl 1994: 210). Townley (1922: 45) relates this comment of his: “The Jews are the curse of my country. They keep my people poor and in their clutches. In every small village in Germany sits a dirty Jew, like a spider drawing the people into the web of usury. He lends money to the small farmers on the security of their land, and so gradually acquires control of everything. The Jews are the parasites of my Empire.” He adds that the Jewish question is one of his “great problems,” but one in which “nothing can be done to cope with it.” In 1940, with Hitler moving to clean up Europe, he said this: “The Jews are being thrust out of the nefarious positions in all countries, whom they have driven to hostility for centuries” (in Rohl: 211).

5 Wentling (2012: 6).

6 A good, brief account is given in MacMillan (2003: 463-466).

7 Cited in MacMillan (2003: 414-415).

8 Muller adds, “The prominence of Jews in the Hungarian Soviet Republic is all the more striking when one considers that the Jews of

Hungary were richer than their coreligionists in Eastern Europe... Though only 5% of the population, on the eve of WWI, Jews made up almost half the doctors, lawyers, and journalists in Hungary.” But this is precisely as I have said: no amount of wealth or social status is sufficient, if Jews lack political power.

[9](#) Until his assassination in June 1922.

[10](#) For one account, see Darkmoon (2013). Also see Bryant (1940: 142-145).

[11](#) In my notation, (I.5) refers to Volume I, chapter 5. I use the Murphy translation.

[12](#) See Part I for an elaboration.

[13](#) Ford’s so-called “Peace Ship” sailed to Norway in December of 1915, in a failed attempt to negotiate an end to the war.

[14](#) Cited in Shogan (2010: 51).

[15](#) Cited in Ward (1989: 253). See also Morgenthau (1991: 169 facer).

[16](#) Various other extremist writings have also claimed that the Delano family (Franklin’s mother’s side) were Jews. They construct a parallel account to the Rossacampo story, and of dispersion from Spain or Italy. But I find no evidence to verify this claim.

[17](#) This recalls the similar characterization of Baruch during World WarI.

[18](#) See Leutze (1975: 469-470).

[19](#) The first Jewish cabinet member, as we recall, was Oscar Straus, selected by Franklin’s cousin Theodore back in 1906.

[20](#) See Makovsky (2007: 216).

[21](#) Bullitt's heritage is somewhat cryptic. His mother, Louisa Horowitz, was apparently at least half-Jewish. Her father, Orville Horowitz, descended from the Salomon family, who were distinctly Jewish. Her mother, Maria Gross, likely had a mixed Jewish heritage. But there is no doubt where his sympathies lay; "Bullitt [is] a friend of ours," wrote Weizmann in 1938 (cited in Nasaw 2012: 358).

[22](#) Though scandalous at the time, such level of Jewish influence is commonplace today—with three of nine Supreme Court Justices being Jewish (Kagan, Breyer, Ginsburg), numerous Cabinet-level appointments, and countless subordinate positions. Over just the past three presidential administrations, Jewish and part-Jewish Cabinet-level office holders include, at a minimum, the following: M. Albright, L. Aspin, C. Barshefsky, S. Bodman, J. Bolten, A. Card, M. Chertoff, W. Cohen, R. Emanuel, M. Froman, J. Furman, T. Geithner, D. Glickman, M. Kantor, J. Kerry, A. Krueger, J. Lew, M. Markowitz, M. Mukasey, P. Orszag, P. Pritzker, R. Portman, R. Reich, R. Rubin, S. Schwab, M. Spellings, J. Stiglitz, L. Summers, J. Yellen, and R. Zoellick. This list does not include others, such as Samantha Power, who have a Jewish spouse (Cass Sunstein). Nor does it include Chairmen of the Federal Reserve—a very powerful office, held by Ben Bernanke and Alan Greenspan during the past several years, and currently by Janet Yellen.

[23](#) Both citations from Chalberg (1995: 192-193).

[24](#) *Public Opinion Quarterly*, 4(4), December 1940: 714.

[25](#) *Public Opinion Quarterly*, 5(4), Winter 1941: 680.

[26](#) *Public Opinion Quarterly*, 2(3), July 1938: 388.

[27](#) By late 1936, the "600,000" had evolved into "6 million." In the *New York Times* (Nov. 26) we read this: "Dr. Weizmann dwelt first on the tragedy of at least 6,000,000 'superfluous' Jews in Poland, Germany, and Austria..." It was even more explicit by early 1938:

“Persecuted Jews Seen on Increase...6,000,000 Victims Noted” (Jan. 9)—this, a full four years before the alleged “death camps” even began operation.

[28](#) Cited in Herzstein (1989: 33).

[29](#) The *New York Times* had long been under Jewish control. The *Post* was purchased by Eugene Meyer in 1933.

[30](#) See Dalton (2010) for an elaboration of Goebbels’s views.

[31](#) Testimony of February 1941. Cited in Doenecke (2000: 440). See also Fuller (1957, vol. 3: 369).

[32](#) Cited in Weber (1983). This and other reports by Potocki were acquired by the Germans upon capture of Warsaw, and thus there is some skepticism about their authenticity. Weber makes a good case that they are genuine. David Irving reports that he saw copies of the original in the Hoover Library (<http://www.fpp.co.uk/History/General/Potocki/papers.html>).

[33](#) Cited in Cole (1983: 308).

[34](#) Cited in Fuller (1957: 370).

[35](#) Traditional references to *Kristallnacht* often overlook the fact that the event was triggered by a Jewish youth, Herschel Grynszpan, who murdered German Diplomat Ernst vom Rath in Paris on November 9. *Kristallnacht* followed the next day.

[36](#) See Weber (1983) and Fuller (1957: 372-374).

[37](#) Cited in Fuller (1957: 375).

[38](#) See Szembek (1952: 476), published in French. The first sentence reads as follows: “*En Occident, il y a toutes sortes d’elements qui poussent nettement a la guerre: les Juifs, les grands capitalistes, les marchands de canons.*”

[39](#) As recorded by Ickes in his personal diary, for July 2. See Ickes (1954: 676).

[40](#) Obviously there is more detail to the outbreak of war than I can provide here. In brief, once Poland received a guarantee of military support from England in March of 1939, they became increasingly belligerent toward German minorities on Polish soil, particularly in Danzig. It seems bizarre in hindsight, but many of the Poles (Potocki excepted), with the Brits at their back, were virtually spoiling for a fight with Germany. They believed that a victory would solidify their national standing, and help to ward off the Soviet threat to the east. Instead, they succumbed to the German assault in just four weeks.

[41](#) Cited in Nasaw (2012: 429).

[42](#) Cited in Cohen (2003: 195).

[43](#) Churchill himself was a Zionist—a fact that he openly admitted. In a letter of 1942 to Roosevelt, Churchill said, “I am strongly wedded to the Zionist policy [in the UK], of which I was one of the authors” (in Loewenheim 1975: 234). Speaking in 1950 on behalf of the creation of Israel, he said that it was “a great event in the history of mankind,” and that he was “proud of his own contribution towards it.” He added that “he had been a Zionist all his life” (in Cohen 2003: 322).

[44](#) Cited in Doenecke (2000: 198).

[45](#) Cited in *ibid.*

[46](#) Cited in Dunn (2013: 48).

*47 Including *Beasts of Berlin, Espionage Agent, Arise My Love, British Intelligence, Escape to Glory, Murder in the Air, Waterloo Bridge, All Through the Night, Confirm or Deny, International Squadron, Joan of Paris, Man at Large, Man Hunt, One Night in Lisbon, Paris Calling, So Ends Our Night, Sundown, Underground, and World Premiere.**

[48](#) Buchanan (2008: 334-340) gives a succinct argument that Hitler had a hard enough time taking even Great Britain, let alone America or “the world.”

[49](#) For a full account, see Stinnett’s book *Day of Deceit* (2001).

[50](#) *Chicago Tribune* (2 January 1972; p. A22). See also *New York Times* (1 January 1972; p. 7).

[51](#) Cited in Jackson (2003: 247). See also Morgenthorn (1947: 292).

[52](#) See *New York Times* (16 February 1946; p. 1).

[53](#) Cited in Shogan (2010: 33).

[54](#) In *ibid*: 96.

[55](#) In the words of Dallek (1979: 31).

[56](#) According to Breitman and Lichtman (2013: 6).

[57](#) Quoted in the *New York Times* (14 October 1944, p. 9)

